

А. И. ЮХТ

РУССКИЕ ДЕНЬГИ
ОТ ПЕТРА
ВЕЛИКОГО
ДО АЛЕКСАНДРА I

РУССКИЕ ДЕНЬГИ
ОТ ПЕТРА
ВЕЛИКОГО
ДО АЛЕКСАНДРА I

А.И. Юхт

РУССКИЕ ДЕНЬГИ
ОТ ПЕТРА
ВЕЛИКОГО
ДО АЛЕКСАНДРА I

МОСКВА
"ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА"
1994

ББК 65.9(2)262.8 – 03[65.9(2)262]
Ю94

Рецензент Н. Ф. Демидова

Юхт А.И.

Ю 94 Русские деньги от Петра Великого до Александра I. – М.: Финансы и статистика, 1994. – 336 с.: ил.
ISBN 5-279-00807-9.

Впервые рассматриваются реформы и изменения монетной системы России XVIII в. В центре внимания денежная реформа Петра I, работа монетных дворов, масштабы чеканки золотой, серебряной, медной монеты и выпуск бумажных ассигнаций. Используются новые архивные документы и нумизматические материалы.

Для широкого круга читателей.

Ю $\frac{0605010204 - 076}{010(01) - 94}$ 35 – 93

ББК 65.9(2)262.8 – 03[65.9(2)262]

ISBN 5-279-00807-9

© А.И.Юхт, 1994

ОТ АВТОРА

В истории денежного обращения России XVIII век является важнейшим рубежом. Созданная в процессе петровской реформы монетная система, отличавшаяся простотой денежного счета и национальными традициями, в последующий период совершенствовалась и сохранилась в основных своих чертах до наших дней. Именно это обстоятельство, а также отсутствие монографии, в которой были бы исследованы все проблемы, определили выбор темы и хронологические рамки книги.

Автор рассматривает несколько комплексов вопросов, имеющих первостепенное значение для понимания основных тенденций развития денежного обращения и монетного дела в России. Все они характеризуются в тесной связи с состоянием экономики, финансов и политикой самодержавия. Прежде всего исследуются политика правительства, различные точки зрения на формы и методы эксплуатации монетной регалии, все реформы и изменения в монетной системе на протяжении XVIII в. Анализируются причины расстройств денежного обращения в отдельные периоды его истории со всеми отрицательными последствиями для экономики страны и положения народа, меры правительства по его стабилизации. Автор полагает, что исследование этой проблемы представляет особый интерес для современного читателя.

История основания и деятельности монетных дворов в Москве и Петербурге, на Урале и в Сибири, производственный процесс, положение разных категорий мастеровых людей, их борьба за повышение размеров оплаты труда также находятся в центре настоящего исследования. Автор считал своей задачей

раскрыть динамику и общие итоги чеканки золотой, серебряной и медной монеты, определить доходы государства от эксплуатации монетной регалии. Проблема обеспечения монетных дворов сырьем всегда остро стояла в России. В книге показано, как решалась эта проблема в XVIII в. Наконец, освещается весь круг вопросов, связанный с введением в России бумажных денег – ассигнаций.

Многие из перечисленных вопросов фактически не рассматривались (более того, даже не были поставлены) в имеющейся небольшой литературе по истории денежного обращения и монетного дела в России XVIII в. К тому же в вышедших до 1917 г. работах (К.И.Арсеньева, П.А.Шторха, П.Винклера, И.И.Кауфмана и др.)¹ использован ограниченный круг источников; в них слабо показана связь истории денежного обращения с социально-экономическим развитием России и политикой абсолютизма.

В послеоктябрьский период проблемы денежного обращения мало привлекали внимание историков и этими вопросами главным образом занимались нумизматы, которых, как и ранее, большей частью, интересовали сами монеты: их чеканка, описание внешнего вида, датировка, составление каталогов и т.д. Общий научно-популярный очерк, выдержавший четыре издания, посвященный развитию денежного обращения и формированию монетной системы, ее особенностям на территории нашей страны принадлежит известному нумизмату И.Г.Спасскому². Сравнительно недавно опубликована фундаментальная монография А.С.Мельниковой, в которой глубоко и всесторонне исследуются основные этапы развития русской монетной системы XVI – XVII вв.³ История монетных дворов Москвы в первой четверти XVIII в. и Петербурга в XVIII в. рассматривается в работах В.А.Дурова, И.Г.Спасского и В.Т.Коцецкого⁴.

Каталог монет России, начиная с Петра I и до октября 1917 г., подготовил и издал В.В.Уздеников. В книге помещены изображения и описания монет, а также ценный разнообразный справочный материал, полезный как любителям – нумизматам, так и исследователям⁵.

Ценные материалы и важные наблюдения о введении и функционировании в России ассигнаций содержатся в работах П.А.Шторха, А.Н.Куломзина, Я.И.Печорина и П.А.Никольского⁶.

Публикуемая работа основана на новых, ранее неизвестных

архивных материалах и опубликованных документах. Имеется в виду прежде всего многотомное монументальное издание вел. кн. Георгия Михайловича [Романова], не имеющее общего названия. В литературе его принято называть Корпусом русских монет XVIII и XIX вв. Это прекрасно выполненное издание на замечательной бумаге большого формата с четким шрифтом и отличными фототипическими изображениями монет. Материал расположен по царствованиям и состоит из двух разделов: в первом помещены документы, извлеченные из архивов Петербурга, Москвы и Екатеринбурга по истории монетного дела и денежного обращения, во втором – таблицы с изображением всех монет России и их описание. По всеобщему признанию специалистов это издание, едва ли не лучшее в мире среди подобных публикаций. Издание выходило под именем Георгия Михайловича, но он являлся не более чем спонсором, как принято теперь говорить, т.е. материально обеспечивал и покровительствовал ему. Фактическими создателями Корпуса монет были Х.Х.Гиль, занимавшийся систематизацией, научным описанием, составлением таблиц, и М.Г.Деммени, осуществлявший археографическую часть работы, т.е. выявление, отбор и подготовку документов к печати. На последнем этапе работы после потери Гилем в значительной мере зрения и работоспособности всликий князь привлек к подготовке невышедших томов А.А.Ильина и И.И.Толстого.

Тома Корпуса монет выходили в обратной хронологической последовательности. Публикация началась с издания монет Александра II (СПб., 1888 г.) и дошла до Петра I. Началась первая мировая война и в 1914 г. был выпущен лишь II том, содержащий таблицы и описания монет 1682 – 1710 гг. Для третьего тома были напечатаны таблицы петровских монет до 1720 г. Деммени успел подготовить большую часть документов для I тома. В 1947 г. Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа приобрел рукописное наследие Деммени, считавшееся погибшим, которое состояло из правленных его рукой копий с архивных документов петровского времени (с начала правления Петра I до 1715 г., за последующие годы документальные материалы представлены отрывочно)⁷.

Кроме документов, опубликованных в Корпусе, автор прив-

лек также обширный комплекс материалов, извлеченных из разных фондов (Кабинета Петра I, Сената, Верховного тайного совета, Берг-коллегии, Финансов, Внутреннего управления, Монетной канцелярии и др.), Центрального государственного архива древних актов в Москве. Эти материалы имеют перво-степенное значение для освещения основных вопросов истории денежного обращения и монетного дела в России XVIII в.

Часть I
НОВЫЙ ЭТАП. Конец 90-х годов XVII в. – 1729 г.

Глава первая
ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I

НАКАНУНЕ

Преобразования Петра I охватили все стороны социально-экономической, политической, культурной жизни и быта России. Они затронули армию и флот, государственное устройство и структуру государственного аппарата, промышленность, внешнюю и внутреннюю торговлю. К числу крупных и значительных преобразований Петра принадлежит и реформа денежной системы. Начатая на рубеже XVII – XVIII вв., она являлась одним из необходимых условий для осуществления других реформ, создала финансовую базу, позволила государству получить немалые средства. Прежде чем перейти к изложению самого хода реформы, рассмотрим кратко состояние денежного хозяйства в стране в начальный период правления Петра I.

В апреле 1682 г. умер бездетный царь Федор Алексеевич и возник вопрос о преемнике. По традиции престол должен был занять старший сын царя Алексея Михайловича от первого брака с М.И.Милославской – Иван Алексеевич. Но он не отличался ни умом, ни здоровьем: был хил, подслеповат, косноязычен и недоразвит по сравнению со своими сверстниками. Не было никакого сомнения в том, что он не способен к управлению государством. Власть перешла к младшему сыну Петру, родившемуся от второго брака Алексея Михайловича с Н.К.Нарышкиной, молодой, привлекательной женщиной, родом из небогатых смоленских дворян.

Петр, родившийся в 1672 г., рос живым, смекалистым и любознательным ребенком. Так как ему было всего 10 лет, то до его совершеннолетия регентшей-правительницей стала его мать царица Наталья Кирилловна. Нарышкины, придя к власти, оттеснили от престола Милославских, чем вызвали их недовольство. Стремясь сохранить влияние, которым они пользовались при Федоре Алексеевиче, Милославские во главе со стар-

шей сестрой Ивана царевной Софьей организовали заговор против Нарышкиных.

Умная, энергичная и честолюбивая Софья, используя стрельцов, добилась того, что царями были провозглашены два брата – Иван и Петр, а она – правительницей вместо Натальи Кирилловны. Наступило семилетнее правление Софьи, которое при попытке ее в 1689 г. утвердить свое положение закончилось печально для нее. В этом году она была отстранена от власти и заточена в келью Новодевичьего монастыря, где и умерла спустя 15 лет. Формально страной (вплоть до смерти Ивана в 1696 г.) продолжали управлять оба брата и указы выходили от имени Ивана и Петра. Но Иван никакого участия в государственных делах не принимал, да и не проявлял к ним никакого интереса, так что власть полностью принадлежала Петру и его окружению.

Во время правления Софьи, а затем Петра и Ивана на Московском денежном дворе – единственном в стране – продолжали чеканиться проволочные серебряные копейки, денги (0,5 коп.) и полушки (0,25 коп.). В основном делались копейки, более мелкие номиналы почти не выпускались, потому что казна не желала нести двойные и четверные расходы. Поэтому в ходу были фактически только копейки. Они чеканились отдельно от имени каждого из царей Ивана и Петра. Делалось это, по-видимому, не случайно. Раздельная чеканка должна была подчеркнуть равноправное положение обоих государей.

В то время, как в Европе, начиная с XVI в. появляется крупная серебряная монета – талер и его части, в России по-прежнему основные денежные единицы – рубль, полтина (50 коп.), полуполтина (25 коп.), гривна (10 коп.), алтын (3 коп.) существовали только как счетные понятия. Государство сохраняло за собой монопольное право чеканить монету и распоряжаться готовой продукцией денежного двора. Монетная регалия являлась одним из важных источников пополнения государственного бюджета.

Начиная с 1649 г. право покупки иностранной монеты – ефимков (распространенное название в России иоакимсталеров) также принадлежало казне. Россия собственного серебра не имела и поэтому зависела от привоза его из Европы и ее заокеанских владений. Основным источником получения серебра являлись внешняя торговля и таможенные сборы с товаров, в том числе с самих талеров. Пошлины взимались талерами, им отдавалось предпочтение даже перед золотой монетой, потому что серебро шло в передел, от которого казна получала дополнительную прибыль. На ефимки в таможенных была установлена принудительная цена, значительно ниже торговой. Цена 50 коп. за талер оставалась неизменной на протяжении второй половины XVII и XVIII в. Разница между установленной и торговой стоимостью талера, с течением времени возраставшая, служила дополнительным источником пополнения доходов государственной казны.

Неуклонное понижение весовой нормы копейки в XVII в. было характерной особенностью денежного обращения России. В XVI – начале XVII в. она была неизменной и составляла 0,68 г. В 1681 г. произошло очередное понижение веса до 0,39 – 0,41 г.¹ Эта весовая норма сохранилась в 80 – 90-х годах вплоть до денежной реформы Петра I, когда вес копейки был вновь сильно уменьшен. В пересчете на деньги это выглядит так: в 1613 – 1663 гг. из фунта серебра делали 6 руб. 48 коп., в 1664 – 1680 гг. – 8 руб. 64 коп., в 1681 – 1698 гг. – 10 руб. 08 коп., с августа 1698 г. – 14 руб. 40 коп.

Широкое распространение в XVII в. получила подделка монет. Прimitивная ручная техника изготовления денег, вполне доступная для фальшивомонетчиков, открывала большие возможности для разных злоупотреблений. Фальшивые копейки были легче, чеканились из серебра низкой пробы, а часто из меди или олова и в этом случае покрывались тонким слоем серебра. Подделка денег превратилась в подлинную беду для денежного обращения России².

Каков объем чеканки в XVII в.? На этот вопрос можно ответить лишь относительно последней трети столетия.

Статистические данные о ежегодной сумме (в рублях) серебряных денег таковы³:

1681 г.	174 317	1687 г.	139 086	1693 г.	260 750
1682 г.	312 661	1688 г.	151 352	1694 г.	339 055
1683 г.	242 707	1689 г.	181 363	1695 г.	421 456
1684 г.	214 720	1690 г.	217 667	1696 г.	539 283
1685 г.	194 330	1691 г.	178 628	1697 г.	437 207
1686 г.	191 256	1692 г.	215 829		

За более ранний период сохранились лишь общие сведения. Так, за 17 лет (1664 – 1680) было начеканено денег на 991351 руб. или в среднем 58315 руб. в год. В 80-е годы общая сумма передела составила 1,8 млн. руб., а среднегодовая 180179 руб., в 90-е годы (1690 – 1697) соответственно: 2,6 млн. руб. и 326234 руб. Таким образом, в последние 20 лет XVII в. наблюдается значительный рост чеканки серебряных денег. По сравнению с 60 – 70-ми годами, в 80-е она увеличилась в 1,8 раза, а 90-е в 2,6 раза.

Достигнутые показатели стали возможны благодаря успехам экономического и политического развития, началу формирования всероссийского рынка, расширению торговли с западными и восточными странами. Определенную роль играла и протекционистская политика русского правительства, направленная на защиту интересов российского купечества, ограничение деятельности иностранных купцов на внутреннем рынке России, увеличение доходов государства за счет повышения таможенных

пошлин, более активного участия казны во внешней торговле. Эти успехи могли быть более результативными, если бы в России не существовала архаичная денежная система, не отвечавшая запросам времени, отсталая по сравнению с Европой. Страна нуждалась в новой развитой денежной системе, более приспособленной к обслуживанию развивающихся товарно-денежных отношений в городе и деревне, внутренней и внешней торговли. Копейка не отвечала запросам рынка, затрудняла расчеты при ведении крупной и мелкой торговли. Подсчет значительной суммы требовал огромной затраты времени. Так, чтобы уплатить несколько сот рублей, надо было отсчитать десятки тысяч маленьких невзрачных копеечек. Приходилось содержать большой штат счетчиков:

С другой стороны, серебряная копейка еще была дорога для оплаты мелких покупок или расходов, а денежек и полушек почти не было в обращении. Население находило выход в том, что разрезали копеечную монетку на две или три части. Такие деньги назывались "сечеными". Например, в указе 1700 г. отмечалось, что во многих городах "за скудостью денежек на размену в мелких торгах пересекают серебряные копейки на двое и на трое". Подобные явления наблюдались давно. В ряде городов появились и местные денежные суррогаты, так называемые "кожаные жеребья" – клейменные кусочки кожи⁴.

Все эти явления свидетельствовали о нехватке денег, несмотря на увеличение чеканки серебряной монеты. Для нормального функционирования денежного обращения государство нуждалось в новой системе с набором крупных и мелких номиналов, с употреблением разных видов монетного сырья. В частности, для международных расчетов требовалась в первую очередь золотая монета. Россия все более вовлекалась в мировую торговлю и ее денежная система не могла стоять особняком, она неизбежно должна была строиться на тех же основаниях, что и системы в других европейских государствах, сохраняя, однако, при этом свою самостоятельность и особенности (десятичный счет, названия номиналов).

Кроме своих основных функций (служить мерой стоимости, средством обращения, платежа и образования сокровищ), монеты выполняют и прокламативную роль: являются средством пропаганды определенных идей. В конце XVII – начале XVIII в. они должны были содействовать укреплению формирующейся абсолютной монархии в России, утверждать идею божественного происхождения царской власти и ее самодержавный, неограниченный характер. Маленькая, неправильной формы серебряная копеечка имела в этом отношении ограниченные возможности. Иное дело монеты рублевого достоинства, типа талера, с большим монетным полем, позволяющим поместить на обеих сторонах и портрет монарха, и государственный герб, и развернутую легенду.

Архаичная денежная система, вызывавшая критическое отношение иностранцев, не отвечала и возросшему международному престижу России.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Общий план денежной реформы начал обдумываться, по-видимому, еще с середины 90-х годов XVII в. Петр I во время пребывания Великого посольства в Европе с большим интересом знакомился с организацией денежного дела за границей и работой монетных дворов. Царь несколько раз посещал расположенный на берегу Темзы замок Тауэр, где помещались государственная тюрьма и монетный двор, смотрителем которого был известный английский ученый Исаак Ньютон. В конце XVII в. в Англии проводилась денежная реформа, во время которой вся прежняя монета, обращавшаяся в стране, была подвергнута перечеканке машинным способом. Реформа осуществлялась под руководством Ньютона, и царь вместе с Я.В. Брюсом в апреле 1698 г. внимательно наблюдал за работой машин монетного двора, слушал объяснения ученого и его рассказы о причинах, ходе и значении проводимой денежной реформы⁵. Опыт работы английского и других монетных дворов в Европе вновь убедил Петра I в необходимости постепенного отказа от ручной чеканки и использования новой технологии в монетном деле.

Денежная реформа Петра I решала несколько комплексов вопросов. Требовалось создать гибкую денежную систему с использованием в качестве монетного сырья не только серебра, но и других металлов. Надо было определить приемлемую весовую норму и пробу для серебряных, золотых и медных монет, обеспечить перевод всего денежного дела на новый технический уровень — машинное производство. Ставилась также задача установить единство денежного обращения на всей территории России, в том числе и на Украине, в Прибалтике и других регионах, где хождение имела иностранная монета. Реформа преследовала и фискальные цели: она должна была значительно увеличить доходы казны от чеканки монет для покрытия возросших расходов в связи с Северной войной против Швеции за завоевание выхода в Балтийское море.

К реформе готовились основательно. И подготовку к ней начали с создания материальной базы, т.е. постройки новых монетных дворов и технического оснащения их разными машинами. С 1695 г. начал строиться (в придачу к единственному Кремлевскому) "денежный двор, что в Китай-городе". Он находился между Казанским собором или "Казанской Богородицы", стоявшим на углу Никольской ул. по соседству с Кремлем и китайгородской стеной, часть которой сохранилась до нашего времени. На здании его, размещавшемся на месте дома № 3 по Историческому проезду, помещена плита с надписью, в ней сказано, что двор построен в 8-е лето от рождения царевича Алексея Петровича и в 15-е лето царствования Петра I, т.е. в 1697 г. Сначала на нем делались серебряные проволочные копейки. Затем стали чеканить также монеты крупного достоинства правильной круглой формы машинной выделки.

В 1699 г. был открыт Набережный медный денежный двор, расположенный на территории Кремля, недалеко от Боровицких ворот. На нем осуществлялась чеканка круглых медных монет – денежек и полушек, а с 1704 г. и копеек. На копейках 1704 и последующих годов появился его знак – буквы НД (Набережный двор) или НДЗ (Набережного двора завод). В последний раз он встречается на пятикопеечниках 1727 г. В конце 20-х – начале 30-х годов он прекратил свое существование. До открытия отделения для передела меди в конце 1704 г. на Кадашевском монетном дворе Набережный двор был единственным, выпускавшим медные деньги. С этого времени неканка медной монеты осуществлялась на двух дворах.

Третий монетный двор был основан в 1700 г. в здании Земского приказа на Красной площади, на месте здания Государственного исторического музея. В делах Приказа Большой казны есть упоминание о сумме расходов (6732 руб. 50 коп.) на его строительство. Монетный двор начал работать в 1700 г. и уже в январе 1701 г. в Приказ Большой казны поступило 30 тыс. руб. серебряных копеек, изготовленных на этом дворе с 1700 г. Но он функционировал недолго, так как спустя несколько лет, его здание было занято Главной аптекой.

Еще один денежный двор, который тоже должен был выпускать серебряные копейки, был создан по указу от 14 октября 1701 г. в палатах под Набережным садом по соседству с Набережным медным двором. Но он существовал недолго и либо был закрыт, либо слился с медным.

Пятый монетный двор был открыт на Хамовном (ткацком) дворе в Кадашевской слободе Замоскворечья. Средства ("заводные деньги") на его устройство выделил Адмиралтейский приказ. Этот двор оставался в ведении Морского ведомства до середины 1711 г., которое полностью отвечало за его работу. Доход от чеканки шел на нужды военного флота, постройку кораблей, жалование офицерам и матросам. На Кадашевском дворе с 1701 г. чеканились первые серии серебряных монет, а в 1704 г. были изготовлены и первые серебряные рубли. В конце 1701 г. здесь начали чеканку золотых монет и готовились к организации производства медных денег. В 1704 г. на Кадашевском дворе было открыто медное отделение, и с этого времени начался передел меди.

В первое время пока осваивалось машинное производство Замоскворецкий монетный двор изготавливал серебряные копейки ручным способом, а в монеты переделывалось всего несколько пудов серебра в год. Отсюда и название "монетный денежный двор", отражавший смешанный характер производства: двор выпускал и серебряные деньги – продукцию ручного производства и монеты – продукцию машинного производства.

На новых монетных дворах были установлены машины разного типа: плащильные (прокатные) станы, обрезные, на которых происходила вырубка монетных кружков, гуртильные, служившие для тиснения насечки или надписей на кромках монет и печатные, где производилась чеканка.

Для приведения в движение механизмов использовались вода, вращавшая мельничные колеса, конная тяга, иногда энергия ветра. На печатных станах работники на блоках подтягивали тяжелую "бабу" молотового снаряда с укрепленным под нее штемпелем, иначе говоря, эти станы действовали силой падающей тяжести. Спустя некоторое время молотовые снаряды при штамповке были заменены более совершенными винтовыми прессами⁶.

Реформа проводилась постепенно по заранее обдуманному плану. Делали определенный шаг, выжидали каковы будут последствия и только затем переходили к следующему этапу. Так, еще с 1696 г. стали чеканить датированные серебряные копейки, ранее даты ставились крайне редко. Эти даты – СД, СЕ, СС, СЗ, СИ (согласно буквенной транскрипции древнерусского летоисчисления – 204 – 208 гг., а точнее 7204 – 7208 – от сотворения мира или 1696 – 1700 гг.) должны были как бы подготовить население к грядущим переменам в денежном деле. Спустя несколько лет начали вводить в денежное обращение датированную разменную медную монету (денежки и полушки), а с 1704 г. и медную копейку. Параллельный выпуск одинаково датированных серебряных и медных денег приучал население к тому, что та и другая монета равноценна, что способствовало укреплению доверия к медной монете.

Постепенно создавалась серия серебряных монет – 50, 25, 10, 5 и 3 коп.; в 1704 г. она получила свое завершение в рубле, который по весу был равен талеру (28 г.). Таким образом все основные номиналы новой денежной системы вошли в обращение в 1700 – 1704 гг. В основу ее был положен десятичный принцип с присущим России денежным счетом, ведущим начало с XV – XVI вв.: рубль – гривенник – копейка. Производные же путем деления единиц пополам: рубль – полтина, гривенник – пятак, копейка – денга – полушка. Со старым счетом на денги и алтыны было покончено, денежные суммы исчислялись в рублях и копейках.

С 1701 г. на Кадашевском монетном дворе стали чеканиться и золотые червонные, равные по пробе и весу дукату – золотой международной монете. Выпуск червонных означал создание русской ходячей золотой монеты, которой ранее не было в денежном обращении страны.

Петр I отказался от общепринятых в Европе надписей на монетах на латыни. На всех деньгах в России легенды были на русском языке. Когда царю заметили, что монета с русской легендой не будет приниматься за границей, и поэтому надо надпись хотя бы с одной стороны сделать латинской, он ответил, что скорее скажет спасибо тому, кто предложит ему способ как сохранить монету в государстве, а не тому, кто укажет как скорее выпустить ее из страны⁷. В этом ответе не все сказано до конца – Петр считал, что русская монета должна сохранять свои особенности, а надписи быть доступными для русских людей.

Трудным и сложным был вопрос о весовой норме и пробе серебра и

золота, а также монетной стопе для меди. В серебре и золоте на первых порах решили придерживаться стандартов международной валюты – талера и дуката (затем от них отказались). Исходя из этого, еще в 1698 г. произошло снижение веса серебряной проволочной копейки до 0,28 г. Следовательно, 100 новых копеек по весу соответствовали талеру и рублю 1704 г. С 1698 до середины 1711 г. серебряная монета чеканилась согласно официальной терминологии по "неустановочной пробе", чаще всего талерной, а иногда более низкой.

Указом 16 октября 1711 г. для мелких серебряных денег была определена 70-я проба⁸, а в феврале 1718 г. подтвердили чеканку по такой же пробе и монет крупного номинала⁹. Это означало, что в фунте новой монеты содержалось на 12 золотников чистого серебра меньше, чем в чеканившейся до этого монете. Понижение пробы, увеличивая доходы казны от чеканки, вместе с тем вело к порче монеты со всеми вытекавшими отрицательными последствиями (падение стоимости денег, рост цен на иностранные и отечественные товары, сокращение доходной части бюджета от поступления налогов менее добротной монетой и т.д.). В том же 1718 г. отказались от стандартных норм дуката, проба золотых монет была понижена, а стопа изменена¹⁰.

Особенно тщательно пробовали, испытывали весовую норму чеканки меди, с тем чтобы она была достаточно прибыльной для казны и не столь "вредительной" для денежного обращения и народа. Однако и в отношении передела меди наблюдается та же тенденция, что и в отношении серебра и золота. Фискальные соображения взяли верх и в чеканке медной монеты: начавшись весовой нормой 12 руб. 80 коп. из пуда, она была завершена 40-рублевой монетной стопой, приведшей к обесценению медных денег.

Снабжение сырьем монетных дворов, особенно серебром, потому что серебряная монета была основной в денежном обращении, оставалось самой острой проблемой не только во время денежной реформы Петра I, но и спустя несколько десятилетий. Добыча серебра на Нерчинском руднике в первой половине XVIII в. была ничтожна. Выход был в развитии внешней торговли, увеличении экспорта товаров из России, участии самой казны во внешнеторговых операциях. Недостаток серебра вынуждал к экономии, использованию внутренних резервов – увеличению доли медной монеты в обращении, постепенному уменьшению его содержания в серебряных деньгах.

СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТА

Серебряная монета была ведущей в России, несмотря на то, что в первой четверти XVIII в. началось усиленное внедрение в денежное обращение медных денег. Передел серебра осуществлялся на монетных дворах – Красном или Китайском, Новом, устроенным в здании Земского

приказа, и Набережном серебряном, находившихся в ведении Приказа Большой казны, и Кадашевском, подчиненном в 1701 – 1711 гг. военно-морскому ведомству.

Руководство денежным делом на монетных дворах Приказа Большой казны обычно поручалось именитым купцам – представителям привилегированных купеческих корпораций в России – гостям или членам Гостиной сотни. В 1700 – 1701 гг., например, выпуском денег на всех серебряных дворах ведал гость К.Лабознов, которому помогали "товарищи" – купцы Гостиной сотни и московских слобод, руководившие одним из денежных дворов¹¹. На Кадашевском монетном дворе общий контроль за производством осуществлял приказной дьяк, в подчинении которого находились подьячие. Они вели делопроизводство – составляли ежемесячные отчеты о расходах и готовой продукции, вели переписку с другими учреждениями и т.д. Дьяком в 1701 – 1706 гг., присланным из Приказа Воинских Морских дел, был Я.Борин, его сменил дьяк Адмиралтейского приказа А.Беляев. В 1707 г. первый приказ слился со вторым и с этого времени Кадашевский двор полностью подчинялся Адмиралтейскому приказу¹².

В 1711 – 1727 гг. денежное хозяйство страны находилось в подчинении высшего правительственного органа – Сената (1711 – 1714), финансовых учреждений – Приказа Большой казны и Камер-коллегии (1714 – 1720), а затем руководившей горно-металлургической промышленностью Берг-коллегии (март 1720 – февраль 1727). По поручению Сената денежным делом ведали Н.О.Коковинский, сенатор В.А.Апухтин, Приказом Большой казны кн. П.И.Прозоровский (умер в 1718 г.), Ю.С.Нелединский – Мелецкий. Берг-коллегия для контроля за деятельностью денежных дворов создала особый орган – Контору монетного правления.

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, отметим, что в последующие десятилетия (до начала 60-х годов) денежное хозяйство находилось в ведении Московской монетной конторы (1727 – 1732 гг.), Канцелярии Монетного правления, переименованной затем в Монетную канцелярию, с ее отделением в Москве, подчинявшейся непосредственно Сенату. С приходом к власти Екатерины II монетные дворы вновь были переданы в ведение Берг-коллегии, при которой с 1764 г. существовали Петербургский монетный департамент и подчинявшийся ему Московский. Главная задача этих учреждений состояла в обеспечении монетных дворов сырьем, его быстрого передела с целью получения прибыли, контроля за их работой и насыщения денежного рынка страны монетой.

Существовало несколько основных источников поступления серебра на монетные дворы. Подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе. Здесь остановимся на организации снабжения дворов сырьем путем покупки его непосредственно у русских и иностранных купцов и заключения с ними подрядов на его поставку. Казна, пользуясь своей

монополией на покупку драгоценных металлов, приобретала все серебро, клеймившееся в Серебряном ряду. Так, например, было в 1708 – 1710 гг., когда 2026,5 пуда серебра из этого торгового ряда отправили на монетные дворы¹³.

Была учреждена Купецкая палата, которая, не ограничиваясь покупкой серебра (слитки, ефимки, старые деньги, чеканенные до 1698 г.) и золота у населения в Москве, рассылала для этой цели своих эмиссаров на крупные ярмарки России (Макарьевскую, Свенскую, Раненбургскую) и Украины. Правительство запретило иностранным купцам покупать в России талеры, которые были им нужны для уплаты пошлин. "И те ефимки, если им вывозить из-за моря, станут на российские деньги по рублю и больше, а на Москве купят они те ефимки по 90 коп." Эти меры дали определенные результаты. Так, в 1711 г. в Купецкой палате было куплено серебра и золота более чем на 185 тыс. руб. В следующем году на Макарьевской ярмарке было приобретено 16,5 пуда старых денег, а на Свенской – 15 пудов 13 фунтов¹⁴.

С иностранными и русскими купцами заключались подряды на поставки на монетные дворы талеров и серебра. Чтобы привлечь их к этому делу им часто давали аванс. В 1711 г., например, Г.Д.Строганов поставил на монетный двор 70 пудов ефимков, а английский купцы С.Мюкс и Я.Спелман – более 64 пудов; всего – на 51586 руб.¹⁵ Спустя два с лишним года, иностранный купец И.Люпс подрядился поставить 100 тыс. ефимков "на вешних и осенних кораблях" по 87 коп. каждый. В качестве аванса ему выплатили 37 тыс. руб.¹⁶

За первые 20 лет реформы (1698 – 1718) мы не располагаем сводными данными о количестве купленного и подрядного серебра. Но есть основание полагать, что оно, как и пошлинное серебро, было главным источником снабжения монетных дворов сырьем. Сведения за последующие годы (1719 – 1726) подтверждают это предположение. Так, за это время на монетные дворы поступило 4401,5 пуда пошлинного и 4108,5 пуда покупного и подрядного серебра¹⁷.

Весной 1720 г. денежное дело перешло в ведение Берг-коллегии, президентом которой был крупный деятель петровской эпохи Яков Вилимович Брюс (1670 – 1735 гг.). Шотландец по происхождению (его родители поселились в Москве в конце 40-х годов XVII в.) он родился и вырос в России, верно и честно служил ей. Брюс был одним из самых образованных людей своего времени и обладал обширными познаниями в математике, физике, астрономии и географии, владел несколькими европейскими языками. Современники характеризуют Брюса как человека "высокого ума, острого рассуждения", отмечают его бескорыстие и доброжелательность ("будучи... у государя в великой милости, никого ни малейшим чим преобидел, но всякому искал любовь и благоденствие изъясвить")¹⁸. Брюсу принадлежит крупная роль в организации и совершенствовании русской

артиллерии, начальником (генерал-фельдцейхмейстером) которой он был с 1704 г. За умелое руководство действиями артиллерии во время Полтавской битвы в 1709 г. Петр I лично вручил ему орден Андрея Первозванного – высшую награду России. Царь высоко ценил деловые качества своего сподвижника, его верность, приверженность реформам и брал его с собой во время своих поездок за границу, давал ответственные поручения. Брюс дважды возглавлял русскую делегацию на переговорах с шведами о заключении мира, был президентом Берг-коллегии и сенатором. В феврале 1721 г. ему было пожаловано графское достоинство. По просьбе Петра I им был переведен ряд нужных книг на русский язык. Спустя полтора года после смерти Петра он вышел в отставку с чином генерал-фельдмаршала, поселился в своей усадьбе Глинке в Подмоскowie (с конца 40-х годов XX в. на ее территории расположен санаторий "Монино"), где занимался наукой, в том числе астрономическими наблюдениями. Брюс передал в дар Академии наук "на пользу общественную" богатый свой кабинет, состоявший из физических и астрономических инструментов, который считался одним из лучших в ту эпоху, огромную библиотеку, коллекцию монет и медалей, образцы руд и пр.

Коллегия, руководимая Брюсом, выступила с рядом принципиальных общих положений, касающихся денежного обращения в России (о них речь пойдет далее), и наметила конкретные меры, которые должны были улучшить снабжение сырьем монетных дворов, повысить эффективность их работы, увеличить доходы казны от чеканки. В частности, в ноябре 1720 г. коллегия предложила не вывозить серебро и золото за границу, в том числе и мелкие серебряные деньги, и тем самым не допустить утечки старых тяжелых и высокопробных копеек, но и в Россию их не впускать, чтобы под видом российских копеек в страну не попадали фальшивые. С этой целью намечалось ужесточить контроль в пограничных местах и усилить наказание за нарушение этих требований, освободить от уплаты пошлин золото и серебро, предназначенное для монетных дворов; внутри страны под угрозой жестокого наказания – запретить переплавку монет из серебра высокой пробы и старых копеек, потребовать немедленной сдачи на монетные дворы пошлинных сборов и ефимков, вырученных от продажи казенных товаров.

Монетные дворы могут увеличить передел серебра, а следовательно, и прибыль, если их капитал будет не уменьшаться, а увеличиваться. Поэтому они должны высылать в установленные места только прибыльные деньги, а не капитальные. Нецелесообразно, по мнению Коллегии, устанавливать для монетных дворов постоянный "оклад" (т.е. размеры ежегодных выплат), "понеже равного оклада за оскудением в покупке золота и серебра положить не можно, ибо золото, серебро и медь в покупке, и в подряде, и в присылке во всяком году бывает неравно". Коллегия считала также, что все конфискованное и отписанное на казну золото и серебро

надо передавать денежным дворам, чтобы увеличить их капитал. Наконец, она предложила перевести монетные дворы в Петербург, а если это сразу сделать трудно, то хотя бы для начала чеканить в столице золотую монету.

С большинством этих предложений Петр I согласился, а некоторые рекомендовал обсудить совместно с купечеством и представить на рассмотрение в Сенат. Часть предложений коллегии была реализована в ряде сенатских указов¹⁹. Петр I поддержал мысль президента Берг-коллегии Я.В. Брюса о переводе монетного двора в Петербург, потому что это соответствовало его давнему намерению. Для столичного двора были закуплены монетные прессы в Нюрнберге, которые прибыли оттуда в Петербург в навигацию 1723 г. Брюс отказался устроить монетный двор в таком многолюдном месте, как Петропавловская крепость, заявив, что денежное дело требует изоляции. Тогда, чтобы не затягивать дело с чеканкой монеты, царь принял другое решение – разместить оборудование в здании Берг-коллегии. На части размещенных здесь прессов в апреле 1724 г. началась чеканка серебряных рублей, но сделано их было в этом помещении совсем немного – всего 264 монеты.

Тем не менее Петр намеревался разместить монетный двор в Нарышкинском бастионе Петропавловской крепости, однако его строительство началось лишь в июне 1725 г. уже после смерти царя. В начале июня 1724 г. последовал указ о немедленной посылке в Петербург "для работы к монетному делу" резчика штемпелей Медынцева, инструментального дела кузнеца Б.Константинова, минцмейстера Т.Левкина и одного пробирного ученика. Т.Левкин предложил отвести под монетный двор двухэтажное здание артиллерийского цейхгауза Трубецкого бастиона. Сенат согласился и вскоре началась подготовка его к размещению печатных станков, не вместившихся в здание Берг-коллегии. В Москве готовили к отправке в Петербург разные машины: медный обрезной и такой же печатный станки, отлитые в 1724 г. медного литья мастером Иваном Моториным, два плащильных стана со всем оборудованием и инструментами. Контора Монетного правления потребовала от казначея монетных дворов в Москве, чтобы "в деле и в отправлении ни малой остановки не было, понеже оные инструменты велено отправлять в самой скорости".

Одновременно велось сооружение плавильни и конной плащильной машины. Однако быстро их построить не удалось, поэтому чеканку рублей в 1724 – 1725 гг. вели на обжатых талерах (на них имеется знак СПб под обрезом бюста Петра). При отжигании талеры утончались и раздавались вширь, так что гуртить их было невозможно. С 1725 г. появились такие же полтинники; в этом году в течение еще 40 дней велась чеканка штемпелями Петра и лишь затем стали выделывать монету с портретом Екатерины I²⁰.

Динамика передела серебра на московских и петербургском монетных дворах представлена в табл. 1.

Таблица 1

Чеканка серебряной монеты и доходы казны в 1698 – 1724 гг.
(в рублях)*

Год	Сумма	Год	Сумма	Прибыль
1698	471610	20 июня 1711 –		1698 – июнь 1711 г.
1699	671861	4 ноября 1712	867838	6139096 руб.
1700	1992877	5 ноября 1712 –		июнь 1711 – июнь
1701	2559885	1714	1014194	1714 г. 456369 руб.
1702	4533194	1715	476317	июнь 1714 – 1719 г.
1703	2613223	1716	625259	934575 руб.
1704	1428374	1717	683258	
1705	700444	1718	658230	
1706	645492	1719	629200	
1707	507596	1720	659564	201706
1708	753958	1721	867812	255250
1709	1271424	1722	225095**	66871
1710	1482827	1723	756233	175711
1711	573648	1724	1066673	137210

до 20 июня

* ЦГАДА. Ф. Сенат. Кн. 3594. Л. 258 – 259 об. Доходы казны от передела и погодные данные начиная с 1720 г. приводятся по "экстракту", составленному в Берг-коллегии по ведомостям Монетной конторы и табелям Адмиралтейской коллегии, в ведении которой находился Кадашевский монетный двор с 1701 г. по 3 июня 1711 г. (ЦГАДА Ф. 16. Д. 31. Л. 46 – 46 об.).

** В 1722 г. почти вся имевшаяся иностранная валюта была отдана Швеции в счет уплаты 2 млн. ефимков согласно "сепаратному артикулу" Ништадского мирного договора 1721 г., что и обусловило столь небольшой объем чеканки.

Всего за 1698 – 1711 гг., т.е. в первый, самый напряженный, период Северной войны было выпущено серебряных денег на 20 849 тыс. руб., в том числе на монетных дворах Приказа Большой казны на 13 542 тыс. и Кадашевском, находившимся в ведении военно-морского ведомства, на 7 307 тыс. руб. Самых больших размеров чеканка достигла в первое пятилетие (1700 – 1704) Северной войны, когда она составила 13,1 млн. руб. Доходы казны от передела серебра в 1698 – 1711 гг. равнялись 6139 тыс. руб. Такая высокая прибыль (29,3% от общей суммы начеканенных денег) была получена за счет уменьшения веса монет (из фунта лигатурного серебра делалось не 10 руб. 08 коп., как ранее, а 14 руб. 40 коп.), перечеканки старых, более тяжеловесных денег и отчасти понижения пробы серебра в новых мелких монетах.

Но Северная война продолжалась, и государство по-прежнему испытывало острую нужду в средствах. Пойти на дальнейшее облегчение веса только что перечеканенной монеты Петр I не решился. Оставался другой путь – понижение пробы, иначе говоря, уменьшение в монете веса чистого серебра и замена его медью. В 1698 – 1711 гг. деньги чеканились без установленной пробы. Принято считать, что монеты этих лет выпускались примерно по 84-й пробе²¹. Но это не совсем так. По данным Монетной конторы крупные монеты (рублевники, полтины и полуполтины) чеканились примерно по 82-й пробе, а мелкие – по более низкой не выше 77-й пробы²². Однако данные письменных источников о пробе монет нуждаются в проверке и могут быть уточнены лишь в результате тщательного исследования самого нумизматического материала, т.е. монет петровского времени.

Указом 16 октября 1711 г. для мелких серебряных денег (копеек) была установлена 70-я проба ("чтобы в тех деньгах было чистого серебра в фунте 70 золотников")²³, а с февраля 1718 г. по такой же пробе было решено делать рубли, полтинники, гривенники. Серебряные алтыны (3 коп.) и копейки (не старые провололочные, а новые, круглые, машинной выделки) должны были чеканиться 38-й пробы, добавляя медь²⁴.

Во второй период Северной войны и правления Петра I темпы чеканки серебряных денег значительно снизились. Всего за 13,5 лет (июль 1711 – 1724) на монетных дворах было сделано серебряных монет разного номинала на 8,5 млн. руб. В первый период (1698 – июнь 1711 г.) чеканилось в среднем в год монет более чем на 1,5 млн. руб., во второй – на 630 тыс. руб., т.е. примерно в 2,4 раза меньше. Столь заметное сокращение объема чеканки было вызвано рядом причин. Во второй период доля старых денег в новой чеканке резко сократилась, поскольку большая часть их была перечеканена в 1698 – 1711 гг. Надо также учесть, что население с большой неохотой сдавало старые деньги на монетные дворы, так как считало низкими размеры (10%) лажа, т.е. наддачи, установленные казной. Старые деньги превратились в товар, их использовали для изготовления серебряной посуды, окладов для икон и других бытовых нужд. Значительные накопления утаивались. В 1704 г., например, у купцов Шустовых взяли из тайника 106 пудов старых денег²⁵. В то же время казна не располагала свободными средствами для больших закупок нового серебра, цена на которое значительно выросла.

Однако и в эти годы (1711 – 1724) абсолютная прибыль составила 2227 тыс. руб., а относительная продолжала быть довольно высокой (26,2%, т.е. всего на 3% ниже, чем в первый период). Такая высокая относительная прибыль была достигнута благодаря понижению пробы в серебряных монетах и крупного и мелкого достоинства, росту доходов от продажи казенных товаров на серебро, увеличению сбора пошлин от внешней торговли, которые взимались талерами (ефимками) и шли в денежный предел.

Среднегодовая абсолютная прибыль от чеканки серебряных монет в первой четверти XVIII в. характеризуется следующими данными: 1698 – июнь 1711 г. – 454,5 тыс. руб., июль 1711 – 1724 – 165,5 тыс. руб. Как видим, абсолютные доходы казны сократились во втором периоде более чем в 2,7 раза.

Каковы были расходы серебра на чеканку монет в первой четверти XVIII в.? В первый период (1698 г. – июнь 1711 г.) на монетных дворах Приказа Большой казны они составили 23510 пудов, а на Кадашевском, подчиненном военно-морскому ведомству (1701 г. – июнь 1711 г.) – 12685 пудов, а всего 36195 пудов, или в среднем в год 2681 пуд. Во второй период (1711 – 1724 гг.) в связи с уменьшением объема чеканки сократились и расходы серебра до 14854 пудов, т.е. более чем в 2,4 раза. Среднегодовой расход серебра в эти годы равнялся 1100 пудов.

В течение всего времени пока выпускались проволочные копейки, а именно до января 1718 г., они оставались основной продукцией денежных дворов. За три года данные по Кадашевскому денежному двору таковы: в 1701 г. копеек было сделано на 277 тыс. руб., а монет всего на 1303 руб., в 1702 г. соответственно – 2,1 млн. и 1347 руб., в 1703 г. – 962 тыс. и 1110 руб.²⁶ Конкретными цифрами за последующие годы мы не располагаем. В "Экстракте" таких сведений тоже не содержится ("а что монет и денег мелких зделано порознь не расписано"). В дальнейшем проволочные копейки продолжали сохранять свою ведущую роль, но доля крупных монет машинного производства в общей сумме передела серебра увеличилась.

Среди крупных монет в первое десятилетие наиболее регулярно, почти ежегодно, чеканились полтины и полуполтины. Рублевую монету на Кадашевском дворе в 1704 – 1705 гг. печатали без сплавки прямо на талерах, которые предварительно обжимались, чтобы снять прежнюю чеканку. Поэтому они становились больше в диаметре и тоньше талеров и на некоторых сохранялись следы прежней чеканки. В эти два года подобным образом было изготовлено рублевиков, по-видимому, на несколько десятков тысяч рублей. Так, указ от 12 июля 1704 г. рекомендовал переделать в монеты 120 пудов талеров и "буде возможно, не сплавливая... сделать вновь тысяч 20 или 30 рублевиков". После 1705 г. рублевики выпускались уже на Красном монетном дворе один раз в 2 – 3 года (1707, 1710, 1712, 1714), причем с 1712 г. 70-й пробы. Регулярная и обильная чеканка рублей и полтин установилась после прекращения в январе 1718 г. выделки проволочных копеек. Выпуск полуполтин прекратился после 1713 г.

Гривенники, гривны (10 коп.) выпускались регулярно на протяжении всей первой четверти XVIII в. Пять, три (алтын) и копейки круглые машинного производства изготавливались в небольшом количестве. С 1711 г. пятак и копейка, а с 1713 г. три копейки делались из серебра 38-й пробы с медью по $7 \frac{51}{96}$ копейки из золотника. Мелких круглых серебряных монет после 1711 г. было начеканено всего на 32,2 тыс. руб.²⁷

Новые русские монеты полностью отличались от прежних правильной круглой формой и в этом отношении походили на западные, но оформление у них было другим. На лицевой стороне крупных монет (1 рубль, 50 и 25 коп.) помещен портрет Петра I и надпись, содержащая титул царя ("Царь Петр самодержец и повелитель всероссийский", "царь Петр Алексеевич всея России повелитель" и др.), на оборотной – русский государственный герб – двуглавый орел, номинал и дата выпуска. Некоторые изменения во внешнем оформлении монет произошли в последние годы правления Петра. На рублевиках с 1722 г. на оборотной стороне вместо герба была помещена крестообразная монограмма, составленная из четырех П. Позднее такая же монограмма имела на рублях Петра II и на всех крупных серебряных монетах Павла I. Эти монеты получили в народе название "крестовиков". Серебряные монеты более мелких номиналов (10, 5, 3 коп.) чеканились без портрета царя. Вместо него на лицевой стороне помещался герб – орел, а на оборотной – номинал и дата славянскими буквенными обозначениями, более привычными для народа. На серебряных и медных монетах славянская нумерация сохранялась до начала 20-х годов, перемежаясь с цифрами. Но на гуртовых надписях даты с самого начала были только цифровые. На трехкопеечных серебряных монетах (алтынниках) с 1718 г. государственный герб отсутствует, вместо него стал фигурировать московский герб – Георгий Победоносец, поражающий копьём змея. На мелких серебряных монетах достоинство обозначалось и словами и соответствующим числом точек (для неграмотных). На некоторых монетах (15 и 20 коп.) эта традиция сохранялась и во второй половине XVIII в.²⁸

Уменьшение веса монеты и понижение пробы были экстраординарными мерами. Правительство Петра I опасалось еще раз ступить на этот путь, ибо он мог привести к полному расстройству финансов и банкротству. Огромная прибыль, полученная на первом этапе (1698 – 1711 гг.), была достигнута главным образом за счет перечеканки старых монет, ибо, приступая к реформе, казна не располагала запасами серебра. На следующем этапе (1711 – 1724 гг.) абсолютные доходы от передела серебра сократились, тем более что, начав выпуск серебряной монеты 70-й пробы, правительство не осуществило перечеканки находившейся в обращении монеты более высокой пробы, выпущенной в 1698 – 1711 гг.

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА

Первые червонные, или червонцы, были изготовлены в России в 1701 г. Это была новая для страны денежная единица. Прототипом для червонца послужил западноевропейский дукат, известный в Русском государстве еще с XV в. Но подобно талеру он не был монетой русского денежного обращения, а использовался как сырье, драгоценный металл для изготов-

ления разных изделий. Из дукатов делались и русские "золотые" — монетовидные государственные наградные знаки многих видов.

В первое время (1701 — 1711 гг.) чеканка червонцев велась только на одном Кадашевском монетном дворе, а с 1712 г. их производство осуществлялось на Красном (Китайском) дворе. Они были двух достоинств: одинарные ("одинакие") и двойные. Вес первых составлял 3,458 г, вторые были в два раза тяжелее и чеканились теми же штемпелями, что и одинарные. По именному указу 1 сентября 1702 г. за пометой думного дьяка Любима Домнина велено было делать "червонные золотые весом против золотых иных государств", т.е. без точного указания, какого образца придерживаться при чеканке: "цесарского" (имперского) или голландского дуката. И тех и других из фунта золота делалось 118 штук, а двойных 59, но первые были $94\frac{2}{3}$ пробы, а вторые 93-й. По-видимому, в первые годы русские червонцы чеканились по стандарту и голландских, и "цесарских". Но как отмечает И.Г.Спасский, в документах после 1712 г. обычно говорится о выпуске червонцев "на голландский манер"²⁹, хотя еще в январе 1712 г. Сенат приказал золотые делать "против цесарских"³⁰. Цена на червонных не ставилась, так как не была постоянной.

Червонцы (червонные) чеканились из китайского "коробчатого" золота — песка, поступавшего через Сибирский приказ, но иногда упоминаемого в приходе других приказов. Название его связано с упаковкой в небольшие коробочки, каждая из них содержала около $\frac{3}{4}$ фунта золотого песка. Реже привозились китайские слитки золота.

В каталоге монет России В.В.Узденикова упоминаются червонцы (одинарные и двойные) за 1701 — 1703, 1706, 1707, 1710 — 1714 гг.³¹ Но не за все эти годы имеются сведения о выпуске золотых. Насколько можно судить по известным нам источникам относительно крупная чеканка червонцев до 1718 г. производилась несколько раз: в 1701, 1704, в начале 1712 г., конце 1712 г. — середине 1714 г. В 1701 г. из двух с лишним пудов китайского золота было сделано 9735 червонцев. Все расходы (стоимость золота, плата мастерам, угар) составили 11141 рубль, или в среднем каждая монета обошлась казне в 1 руб. 14 коп.³² В 1704 г. из того же коробчатого золота было начеканено 8675 русских червонцев, расходы на каждый в среднем не превышали 1 руб. 30 коп.³³

В январе 1712 г. минципробиреру Красного двора Т.Левкину было дано китайского золота 1 пуд 7 фунтов $39\frac{3}{4}$ золотника. Во время продувки в сурьме "угорело" 7 фунтов $47\frac{1}{4}$ золотника. К оставшемуся золоту прибавлено меди $50\frac{1}{4}$ золотника, чтобы получить пробу "цесарских" дукатов. В процессе производства — "в разных сплавах, в ковке, в плащени, в обресе, в обжиге, в отбеле" угорело 23 золотника. Из этого золота было сделано 4442 червонцев, да осталось 2 фунта $62\frac{1}{4}$ золотника, из

которого могло выйти еще 290 золотых. Расходы на изготовление составили 236 руб. 60 коп., или по 5 коп. на каждый червонный (в том числе 2 коп. мастеровым за работу и 30 коп. на покупку угля, антимонии, буры, селитры "и иных припасов"). Общая сумма чеканки при цене 1 руб. 90 коп. за червонный равнялась 8990 руб. 80 коп., в том числе прибыль казны — 1017 руб. 50 коп.³⁴

В период управления монетными дворами сенатором В.А.Апухтиным (5 ноября 1712 — 20 июня 1714 г.) на Красном монетном дворе чеканились червонцы, но сколько их было сделано неизвестно. В "выписке о денежных дворах", обнаруженной нами в Кабинете Петра I, отмечается, что после передачи денежных дворов кн. П.И.Прозоровскому у Апухтина было "налицо червонных 25000"³⁵. Но идет ли речь о сделанных при нем, или вообще взятых им из запасов монетных дворов, сказать трудно. Петр I приказал сенатору срочно прибыть в Петербург и забрать с собой все золотые, изготовленные во время его правления денежными дворами³⁶. Общее количество червонных, сделанных в первой четверти XVIII в., исчислялось несколькими десятками тысяч. В ведомостях, составленных в более позднее время, указывается, что за 1701 — 1729 гг. было начеканено 35410 червонных, из них 18410 в петровское время и 17000 в 1729 г. Сведения за 1729 г. соответствуют фактической чеканке, а за петровское время, как показывают даже неполные данные, приведенные выше, явно занижены.

В обращении червонцы ходили по более высокой цене, чем они стоили казне. Она не была постоянной и изменялась в соответствии с ценами на золото в России, проявляя тенденцию к росту. Существуют разные мнения относительно цены, по которой они ходили. И.И.Кауфман полагал, что казна продавала их в 1700 — 1711 гг. по 2 руб. 25 коп. за штуку³⁷. В.А.Дуров справедливо считает, что эта цифра завышена. Первоначально на червонец была установлена цена в 40 алтын или 1 руб. 20 коп. По этой цене их предполагалось отпускать с денежного двора в разные приказы. Однако эта стоимость удерживалась недолго и продолжала быстро расти, достигнув 2-х рублей с копейками³⁸. Это мнение подтверждается источниками. Так, в 1713 и 1716 гг. червонцы ходили по 2 руб.³⁹ Позднее, в 50-х — начале 60-х годов Монетная канцелярия и Сенат пытались навести более точные справки о выпуске червонцев в России, но безуспешно. Ответ обычно был таков: "А сколько в котором году порознь было сделано и по какой цене в народ выпущены того в экстракте Берг-коллегии не показано"⁴⁰. То же самое встречаем в другом источнике: "По какому указу оные червонные сначала деланы и по какой цене оные хождение имели, не отыскано"⁴¹.

В феврале 1718 г. была изменена стопа и проба золотых монет. С этого времени по 1729 г. стали чеканить золотые двухрублевники 75-й пробы по 100 штук из фунта лигатурного золота. На одной стороне помещен царский

портрет с надписью, на другой – изображение апостола Андрея Первозванного, стоящего с косым крестом и круговой надписью с указанием цены – 2 рубля. Отсюда название – андреевские золотые. Апостол Андрей был "патроном" России и флота. Его именем назван был учрежденный Петром I в 1698 г. высший орден России.

По-видимому, Петр предпринял этот шаг с целью экономии золота, которого недоставало, и увеличения доходов казны, так как цены на "коробчатое" золото значительно выросли. Но золотые двухрублевки были отступлением от международного стандарта золотых монет. Поэтому они больше использовались для внутреннего обращения, для международных же расчетов требовались дукаты. Это обстоятельство, по всей вероятности, и послужило основной причиной отказа от выпуска андреевских золотых и перехода вновь с 1729 г. к чеканке червонцев, которые были по пробе и весу полностью тождественны голландскому дукату. Но не желая терять доходов от выпуска червонцев, казна повысила их номинал с 2 руб. до 2 руб. 20 коп.

Сырьем для двухрублевиков в отличие от червонцев служило не "китайское" золото, а иностранные дукаты и золото, которые шли в переплавку. Мы располагаем архивными данными за 1719 – 1726 гг., которые показывают источники притока золота в Россию:⁴²

Иностранные монеты	Количество червонцев	Вес	Сумма, руб.
Пошлинные и прочие сборы	107160	-	203604
Покупное	8807	-	16745
"Доимочное"* золото	15026	-	26201
Пошлинные и прочие сборы	-	6 пудов 4 фунта 58 золотников	44238
Покупное	-	13 пудов 2 фунта 49 золотников	100849
"Доимочное"	-	2 пуда 13 фунтов 40 золотников	16862

* Т.е. взысканное с должников.

Итак, всего за 8 лет поступило 130 993 иностранных дуката, из них было получено 27 пудов 30 фунтов золота и весового золота немногим более 21,5 пудов; всего на 408 497 руб. Главными источниками снабжения монетного двора золотом являлись пошлинные и другие сборы, а также его покупка; на долю первых приходилось 60,7%, а на долю второй – 28,8%.

За семь лет при Петре I было начеканено 316 846 золотых двухрублевиков на 633 962 руб., что составляет в среднем в год 90 527 руб. Самая крупная чеканка приходится на 1720 – 1721 гг., когда она почти в два раза превышала среднегодовую (табл. 2).

Таблица 2

Чеканка "андреевских" золотых и доходы казны
в 1718 – 1726 гг. (в рублях)*

Год	Количество золотых	Сумма	Доходы
1718	36653	73306	8141
1719	6391	12782	1651
1720	91128	182256	14749
1721	86738	173476	11507
1722	36739	73478	7699
1723	46124	92248	8788
1724	13073	26146	427
1725	15452	30904	2810
1726	9156	18312	1794

* ЦГАДА. Ф. 16. Д. 31. Л. 47 об.

Относительно небольшая чеканка золотой монеты в первой четверти XVIII в. объясняется постоянной нехваткой золота. Серебро в России стоило дорого, в то время как цены на золото были низкими. В европейских странах золото ценилось в 14 – 15 раз дороже серебра, а в России – примерно в 13 раз. Именно поэтому золото ввозить в Россию было невыгодно и оно не могло широко использоваться в качестве монетного металла. Напротив, иностранцы покупали не только российские червонные, но и золото в России и тайно вывозили его за рубеж. И Монетная канцелярия, и Сенат не раз обсуждали вопрос о повышении цены на золото в России, с тем чтобы оно стоило дороже серебра в 15 раз. Положительное решение этого вопроса устранило бы ряд негативных явлений для роста чеканки золотой монеты в России. Однако международный стандарт соотношения цен на золото и серебро в России был установлен лишь в начале царствования Екатерины II.

Собственная добыча золота в первой четверти XVIII в. была ничтожна. Положение изменилось только с конца 40-х годов XVIII в., когда на Алтае, на Кольвано-Воскресенских заводах стали получать золотистое серебро, из которого путем разделения научились получать золото. С этого времени зависимость России в драгоценном металле от Запада уменьшилась.

Небольшие размеры чеканки золотой монеты в первой четверти XVIII в. обусловили и незначительную прибыль казны. Так, в 1718 – 1726 гг. она составила 57,6 тыс. руб. или в среднем 6396,5 руб. в год.

МЕДНАЯ МОНЕТА

Чеканка медной монеты была важной составной частью общей программы денежной реформы. Она позволяла экономить серебро, которого не

хватало (да и стоило оно дорого), избавиться от постоянной нехватки мелкой разменной монеты – уязвимого места денежного обращения в течение всего XVII в. К тому же, когда серебряная копейка весила всего 0,28 г, невозможно было физически чеканить серебряные денежки и полушки.

Петр I вводил медную монету осторожно и постепенно. В первые несколько лет выпускались только монеты, составлявшие долю копейки – денежки, полушки, полуполушки. От чеканки последних вскоре (в том же 1700 г.) отказались. Копейки начали чеканить только с 1704 г. Вплоть до 1718 г., как бы в поддержку медной монете, продолжался выпуск серебряных проволочных копеек. В первые пять лет объем передела меди был незначителен и не шел ни в какое сравнение с переделом серебра. Память о восстании 1662 г. ("медном бунте"), вызванном чеканкой огромного количества медных денег с принудительным курсом, приравненным к серебряной монете, была жива среди старших представителей ближайшего окружения царя.

Выпуск медных денег начался с 1700 г. на Набережном медном дворе по именному указу от 20 октября 1699 г. "для всенародной пользы и для общей прибыли ко всякому торгу"⁴³. Но официально об их чеканке было объявлено в указе от 11 марта 1700 г., в котором говорилось, что "медные денежки, полушки и полуполушки... делают и впредь будут делать на Москве, на денежном дворе тисненые, а не литые и не кованы". Далее предлагалось прислать в Приказ Большой казны целые и "сеченые" серебряные деньги в обмен на новую медную монету, с тем чтобы постепенно изъять из обращения "сеченые" деньги⁴⁴.

Монетная стопа по 12 руб. 80 коп. из пуда меди, по которой начал осуществляться передел, на протяжении первой четверти XVIII в., не была постоянной. Желая увеличить доходы, казна ухудшила весовую норму, в результате чего росла разница между ценой металла в монете и торговой стоимостью. Монета становилась легче, обесценивалась. Так, в 1701 – 1703 гг. монету стали делать по 15 руб. 44 коп., а в 1704 – 1717 годах по 20 руб. из пуда меди. Между тем цена пуда меди в зависимости от качества составляла 6 – 8 и более рублей. Выше всего ценилась "кружковая", "платовая" или "досчатая" медь. Других сортов медь ценилась дешевле. Так, в 1712 г. в Москве при Набережном медном дворе она покупалась у населения по следующей цене (за пуд): красная – 8 руб. 25 коп., "платовая" – 7 руб. 25 коп., "в котлах" – 7 руб., "пенная" – 6 руб. 50 коп. и 6 руб.⁴⁵.

Медеплавильная промышленность в России в XVII – начале XVIII в. была развита слабо. Производственная мощность Кончезерского завода в Олонецком крае в начале XVIII была невелика. Крупным районом добычи меди с 20-х годов XVIII в. становится Урал. Здесь строятся сначала казенные, а затем и частновладельческие медеплавильные заводы. До этого времени казна в основном вынуждена была ориентироваться на привоз и

закупку зарубежной меди. С этой целью заключались контракты на поставку ее на монетные дворы с иностранными и российскими купцами. Медь закупалась у населения и внутри страны.

Постоянная нужда в деньгах, так как Северная война продолжалась, вынудила Петра I пойти на такой рискованный шаг, как введение новой весовой нормы – 40-рублевой стопы для чеканки медных монет. Сначала по этой стопе печатались полушки, а затем пятикопеечники. Отчетливо сознавая вредные последствия такого шага, царь решил выслушать на этот счет мнение верхушки купечества. 12 января 1718 г. во время посещения Красного монетного двора в Москве Петр объявил П.И.Прозоровскому о намерении начеканить полушек на 500 тыс. руб. Он приказал "призвать купецких знатных людей и с ними о том посоветоваться: не будет ли от тех новых медных денег в народе и в торгах какова помешательства"⁴⁶. Московские первостатейные купцы были созданы в Приказ Большой казны. Мнение купцов неизвестно, но вряд ли можно сомневаться, что оно было отрицательным. Уж слишком обесцененной стала эта монетка в результате очередного понижения веса. Теперь стоимость содержащейся в ней меди была в 6 – 8 раз меньше ее номинала.

По приказу царя от 27 февраля 1718 г. выпуск медных копеек, денежек и полушек по 20 руб. из пуда прекращался. Вместо них приказано было делать одни полушки по 40 руб. из пуда, по весу и размеру в два раза меньше прежних "против поданных образцовых полушек резного штемпельного дела мастера Федора Подуруя... А чтоб воровским людям отливать таких полушек было невозможно, по ребрам делать гуртики". Согласно указу все прежние медные монеты не изымались из обращения, т.е. по-прежнему оставались в ходу⁴⁷.

Полушки по 40 руб. из пуда, приносившие пяти-шестикратные доходы, представляли огромный соблазн для фальшивомонетчиков. Вследствие этого в годы чеканки этих монет (1718 – 1722) широкое распространение получили фальшивки. Подделка полушек облегчалась, во-первых, небольшим их размером, что позволяло изготавливать их ручным способом, и, во-вторых, простотою их внешнего оформления. Увеличение количества фальшивых и привозных из-за рубежа медных монет в денежном обращении подрывало экономику страны, причиняло большой ущерб и казне, и населению.

Все это вызывало тревогу у Петра I и правительства. В июле 1722 г. из Астрахани, где он находился в связи с Персидским походом, царь предложил Сенату обдумать меры по борьбе с этим пагубным для страны явлением, "дабы после не тужить о невозвратном убытке". Сенат обратился к ряду центральных учреждений и обязал их высказать свои соображения по этому вопросу. "Понеже медных денег в переделах умножилось между которыми являются вывозные из-за рубежа, также и воровские, а познать оных с российскими не мочно", поэтому царь указал медных денежек и

копеек не делать, а о сделанных "Сенату посовещивать" каким образом изъять их обращения. Сенаторы просили ответить на следующие вопросы. 1. Как без "великого убытка государственного и народного" обменять медные деньги? 2. Если их делать по прежней монетной стопе, то какой должна быть пропорция между медными и серебряными деньгами? 3. Что надо сделать, чтобы затруднить привоз медных денег из-за рубежа и подделку внутри страны?⁴⁸

Самый обстоятельный ответ, содержащий интересные и важные суждения, прислала Берг-коллегия. Общие соображения коллегии состояли в том, что государство должно разумно пользоваться монетной регалией и руководствоваться не только фискальными интересами. Коллегия считала, что медную монету надо чеканить в определенной пропорции к серебряной, не превышающей 1 к 10. Большое количество медной монеты в обращении отрицательно сказывается на торговле, требует много времени и людей для подсчетов, связано с большими расходами при пересылке денег в другие местности, а также ведет к падению вексельного курса (хотя это и не единственная причина) и росту цен на привозные товары. От этого несет убытки и казна, и население. Предложение коллегии сводилось к тому, что надо временно прекратить чеканку медной монеты, а имеющуюся в обращении (более 2 млн. руб.) выменять и переделать в другую монету.

Изъятие из обращения медной монеты с учетом того, что и фальшивых наделано много, принесет казне не менее 1 млн. руб. убытка. Его можно частично покрыть за счет введения некоторой подати, касающейся "более до богатых, чем же до бедных", причем следует разрешить выплату ее только медной монетой, которая после поступления ее на монетные дворы пойдет на переплавку. Предлагалось увеличить количество серебряной монеты в обращении. Берг-коллегия рекомендовала повысить цены на серебро, приносимое на монетные дворы. Доходы казны при этом сократятся, но такое уменьшение будет покрыто за счет большой чеканки серебра, и тем самым "государство иностранным серебром богаче станет и внутренняя государственная казна умножится будет"⁴⁹.

Предложения Берг-коллегии свидетельствовали о том, что среди части правительственных кругов, учитывавших опыт России и европейских стран, складывались правильные суждения о необходимости умеренной эксплуатации монетной регалии, ограниченной чеканки медных денег, строгого соблюдения определенной пропорции между медной и серебряной монетой. Эти представления получили дальнейшее развитие в практической деятельности той же коллегии, руководившей денежным хозяйством до февраля 1727 г., в трудах и записках крупного государственного деятеля и ученого В.Н.Татищева, в программе стабилизации денежного обращения в России, разработанной при его непосредственном участии Комиссией о монетном деле в 1730 – 1731 гг. Что касается конкретных

предложений Берг-коллегии, то они в основном (за исключением введения особой подати) были приняты.

Мнения Камер-коллегии, а также Главного магистрата не представляли интереса и не содержали новых идей и предложений. Суть их сводилась к тому, что чеканку медной монеты надо продолжать, чтобы казна не лишилась дохода ("а против прежних в весе или с убавкой" должен решить Сенат), так как серебра мало, а надежды на его "умножение" в ближайшее время нет. Во-первых, Россия в 1722 г. по "сепаратному артикулу" Ништадского мирного договора 1721 г. должна выплатить Швеции 2 млн. ефимков. Во-вторых, при низком вексельном курсе нельзя рассчитывать на закупку значительного количества серебра. Кроме того, от чеканки серебряной монеты казна не получит такого дохода, как от передела меди⁵⁰.

Сенат, заслушав 14 ноября 1722 г. все эти мнения, определил отложить решение вопросов о медных деньгах до приезда Петра I в Петербург⁵¹. Между тем 25 июня 1723 г. вице-президент Берг-коллегии А.К.Зыбин подал в Сенат "Мнение о медных деньгах, дабы во оных воровства не было". Зыбин предложил сделать на 1 млн. руб. пятикопеечников по 40 руб. из пуда и на них обменять прежнюю медную монету, чеканенную 20-рублевой стопе. Передел прежних медных денег в пятаки может принести казне прибыль около 15 руб. от пуда. Вице-президент признал, что старая монета — "зело плохой работы", а новую "надлежит делать самым чистым и добрым мастерством", поэтому придется мастерам заплатить больше, чем ранее⁵².

Спустя три дня, Сенат принял решение: хотя царь 23 июня в Сенате определил сделать пятаков столько, чтобы можно было выменить все прежние медные монеты 20-рублевой стопы, но меди имеется мало и требуемого количества начеканить нельзя. Поэтому надо изготовить пятаков на 500 тыс. руб., а если возможно, то и больше⁵³. Сенатским указом от 28 июня предписывалось начать выпуск медных пятаков по 40-рублевой весовой норме. При этом особое внимание обращалось на то, чтобы затруднить подделку этих монет, как способом чеканки, так и путем отливки металла в форму⁵⁴. На указанном номинале новой медной монеты остановились потому, что пятикопеечники можно было сделать быстрее и дешевле, чем копейки и полушки. С этого года в денежное обращение вошли пятаки, которые стали самой распространенной медной монетой в России. Пятаки же образца 1723 г. по 40 руб. из пуда продолжали чеканиться при Екатерине I и Петре II и стали ахиллесовой пятой денежного обращения почти до конца 50-х годов XVIII в.

Московская контора денежных дворов по указу Сената от 1 июля 1723 г. приказала минцмейстеру, посоветовавшись с мастерами, сделать штемпели пятикопеечникам как можно скорее "самой чистой работы, дабы во оных воровства (т.е. подделки) не было". А со сделанных штемпелей,

напечатав модели, послать в Берг-коллегию в Петербург. 9 августа 1723 г. из представленных образцов Сенат остановился на том, на котором с одной стороны в середине изображен государственный герб мелкой резьбой и вокруг того герба пять точек, а на другой стороне – крест и в нем год и пять точек, означающих пять копеек. Только вместо точек Сенат предложил написать "пять копеек", а на гуртике "учинить тисненные рубежки, дабы нельзя было вора́м оных пятикопеечников отливных делать"⁵⁵.

Контора монетного правления решила изготовление части пятаков сосредоточить на Набережном медном дворе и поручить это дело минц-мейстеру Тимофею Левкину, а другую отдать в подряд частному лицу. Подрядчики делали монету из своих припасов, сами нанимали мастеровых и работных людей, отвечали за починку оборудования и инструментов, за угар меди и т.д. Подряд на этих условиях был отдан Егору Маркову⁵⁶. Для выпуска пятаков на 500 тыс. руб. требовалось 14 тыс. пудов меди. Между тем готовой имелось всего около 4000 пудов. Чтобы обеспечить монетные дворы сырьем, Берг-коллегия (в ее ведении с 1720 г. находились монетные дворы и все денежное дело в целом) решила всю медь, которая имеется в торговых рядах в Москве, взять на монетные дворы, уплатив настоящую цену, и искать подрядчиков, которые бы согласились ставить медь в казну⁵⁷. Однако Сенат не поддержал это решение и приказал пятаки делать из наличной меди, копеек и денежек, чеканенных по 20 руб. из пуда, по мере их поступления на монетные дворы. Для того чтобы ускорить приток прежних медных денег (деланных по 20 руб. из пуда), Сенат решил объявить, что если их не станут приносить для обмена на новые пятаки, то "оны́е впредь будут откликаны", т.е. изъяты из обращения. Пятикопеечников предлагалось начеканить больше, чем на 500 тыс. руб., на такую сумму, которая потребуется для покрытия всех расходов, связанных с их выпуском⁵⁸.

При Петре I программа по переделу пятаков не была выполнена. В 1723 – 1724 гг. (царь умер 28 января 1725 г.) из намеченной суммы в 500 тыс. руб. начеканили примерно третью часть.

Динамика чеканки медной монеты в период правления Петра I представлена в табл. 3.

В первые три года чеканка медной монеты осуществлялась только на Набережном медном дворе, а с 1704 г. и на Кадашевском, точнее в его медном отделении. Как видно из табл. 3, в течение 5 лет (1700 – 1704) объем продукции был невелик, всего 39,5 тыс. руб. В крупных размерах передел меди стал осуществляться с 1705 г. Правительство встало на этот путь и на повышение монетной стопы до 20 руб. из пуда с целью увеличения доходов. В течение пяти лет (1705 – 1709) чеканка медной монеты выросла более чем в 12 раз и достигла в среднем почти 100 тыс. руб. в год.

Таблица 3

Передел меди на московских монетных дворах
(1700 – 1724 гг.)*

Год	Сумма, руб.	Год	Сумма, руб.	Год	Сумма, руб.	Годы	Прибыль, руб.
1700	8837	1708	71836	1717	65247	1700 –	
1701	3724	1709	93170	1718	53520	1703	15726
1702	7128	1710	112864	1719	101635	1704 –	
1703	10375	1711	402383	1720	138814	1717	1216083
1704	9401	1712 –		1721	163045	1718 –	
1705	94813	1714	660657	1722	96258	1722	367951
1706	100376	1715	323133	1723 –		1723 –	
1707	135789	1716	145066	1724	176656***	1724	116773**

* ЦГАДА. Ф. Сенат. Кн. 683. Л. 244 об. – 245. Кн. 747. Л. 866 – 867 об., 874. Кн. 3594. Л. 267 – 268.

** Прибыль от чеканки пятикопеечников в 1723 – 1724 гг. не указана в источниках. Она рассчитана нами по той же пропорции, что и прибыль от выпуска этого номинала в 1725 – 1726 гг., которая известна.

*** Сумма чеканки за 1723 – 1724 гг. в источнике не приводится, но ее легко рассчитать. В 1723 – 1726 гг. было сделано пятаков на 604956 руб., а в 1725 – 1726 гг. на 428300 руб. Следовательно, сумма чеканки в 1723 – 1724 гг. равна 176656 руб.

Убедившись, в том, что медная монета органично внедрилась в денежное обращение и ее чеканка не вызывала недовольство, казна пошла на новое значительное увеличение передела меди. В 1700-е годы медной монеты было начеканено на 535,5 тыс. руб., а в 1710-е – на 1864,5 тыс., т.е. почти в 3,5 раза больше. В последующие годы (1720 – 1724) выпуск сократился и составил 574,5 тыс. руб., или в среднем 115 тыс. руб. в год. Данными о доле каждого из монетных дворов мы располагаем только за 1700 – середину 1711 г., когда Набережный медный двор находился в подчинении Приказа Большой казны, а Кадашевский – военно-морского ведомства. Всего на обоих дворах за 1700 – 1710 гг. было переделано меди на 648,3 тыс. руб., в том числе на Набережном на 208,2 тыс. (32,1%), а на медном отделении Кадашевского двора на 440,1 тыс. руб. (67,9%)⁵⁹. Всего во время правления Петра I в 1700 – 1724 гг. было начеканено медной монеты на 2974,3 тыс. руб., что составляет в среднем в год 123,9 тыс. руб., но размеры передела были неравномерными и колебались (с 1705 г.) от 53 тыс. руб. до 400 с лишним тыс. руб. в год.

Расход меди на чеканку копеек, денег и полушек в 1700 – 1718 гг. на сумму 2273,6 тыс. руб. составил 11 5398 пудов, полушек в 1718 – 1722 гг. – соответственно 524741 рубль и 13059 пудов, пятикопеечников – 176656 руб. и 4416 пудов. Всего же в первой четверти XVIII в. на изготовление медной монеты на сумму 2975 тыс. руб. было израсходовано 132873 пуда меди.

Общая абсолютная прибыль казны от передела меди за этот период равнялась 1716 тыс. руб., а среднегодовая — 71,5 тыс. руб. Характерной чертой являлась также высокая относительная прибыль (т.е. соотношение суммы прибыли с общей суммой чеканки), составлявшая 57,7%. Чеканка серебряной и тем более золотой монеты в этом отношении значительно уступала медной. Объяснялось это тем, что передел меди осуществлялся по повышенной стопе — сначала 20, а затем 40 руб. из пуда.

ЗНАЧЕНИЕ РЕФОРМЫ

Прежде чем перейти к характеристике основных этапов денежной реформы и ее значения, рассмотрим вопрос об общих итогах чеканки и прибыли казны от эксплуатации монетной регалии в первой четверти XVIII в.

В 1698 — 1724 гг. серебряной монеты было начеканено на 28,6 млн. руб., а среднегодовой выпуск составил 1,1 млн. руб. Второе место по размерам занимала медная монета. Меди было переделано в 1700 — 1724 гг. почти на 3 млн. руб. (2974,3 тыс.), или в среднем в год почти на 124 тыс. руб. Несколько сложнее обстоит дело с определением общей суммы выпуска золотых монет. Двухрублевиков золотых ("андреевских") в 1718 — 1724 гг. было сделано на 634 тыс. руб. Точные данные о червонных неизвестны, но общая сумма их чеканки за весь период вряд ли превышала 100 тыс. руб.

Итак, в денежном обращении России в первой четверти XVIII в. серебряная монета являлась основной. На ее долю приходилось 88,5%, медной — 9,2% от общей суммы чеканки. Размеры чеканки золотой монеты были невелики (2,3%). Всего же за время правления Петра I (1689 — 1724 гг.) серебряная чеканка составила около 30,4 млн. руб. Общие доходы казны от чеканки монет в первой четверти XVIII в. превышали 10,1 млн. руб., или 423,1 тыс. руб. в среднем в год. Самую большую прибыль казна получила от передела серебра — 8366 тыс. руб. (при среднегодовой равной 321,8 тыс. руб.).

В истории денежной реформы Петра I можно наметить три этапа. Первый (1698 — 1704 гг.), наиболее важный, характеризуется внедрением в денежное обращение наряду с серебряной медной и золотой монеты, понижением веса серебряной копейки до 1/100 веса талера или будущего рубля, основанием новых денежных дворов и постепенным переходом от ручной чеканки к машинной, разработкой новой денежной системы, основанной на десятичном принципе. Сущность второго этапа (1711 — 1717 гг.) состоит в отказе от чеканки мелких серебряных денег талерной пробы и понижении ее до 70-й, т.е. в сокращении содержания в них чистого серебра и, следовательно, уменьшении их реальной ценности.

На третьем этапе реформы (1718 — 1724 гг.) происходят радикальные изменения в нескольких направлениях. Полностью прекращается выделка

серебряных проволочных копеечек и ведущее место в чеканке заняли монеты крупного достоинства (главным образом рублевая), для которых тоже была установлена 70-я проба. Казна, руководствуясь исключительно фискальными соображениями, перешла в чеканке медной монеты к новой 40-рублевой весовой норме, что привело к резкому обесценению медных денег. Выделка медной копейки прекратилась, ее заменила полушка, а с 1723 г. пятак. Подверглась изменениям и золотая монета. Выпуск червонных высокой пробы, соответствующей международной валюте – дукату, прекратился. Вместо них стали делать золотые двухрублевики – 75-й пробы.

Значение денежной реформы Петра I было велико, как в смысле ближайших последствий, так и в долгосрочном плане. В результате реформы была создана единая для всей территории страны монетная система, отвечавшая уровню экономического развития России, более того, стимулировавшая это развитие. Она в целом успешно обслуживала потребности денежного обращения. В процессе осуществления реформы были использованы технические достижения, метрологические нормы и стандарты монетного производства европейских стран. При этом сохранялись традиционные черты русской системы (денежный счет, название монет, надписи на русском языке).

Денежная реформа позволила сосредоточить в руках государства крупные средства, ставшие одним из главных источников финансирования громадных военных расходов и многих других преобразований первой четверти XVIII в. Можно сказать, что 10-миллионные доходы от эксплуатации монетной регалии помогли Петру I выиграть Северную войну, не прибегая к иностранным займам. Прибыль, полученная от чеканки монет, шла, в частности, и на развитие просвещения, а серии монет помогли обществу усвоить новое летоисчисление, гражданский алфавит и цифирь.

Реформа велась в условиях тяжелой, изнурительной войны и это наложило на нее отпечаток. Он сказывался прежде всего в усилении фискальных моментов, т.е. в стремлении извлечь как можно больше доходов от эксплуатации монетной регалии, порой не считаясь с отрицательными последствиями такой политики для состояния денежного обращения и экономического положения страны и народа.

Все современники, в том числе представители петровской администрации, которые могли судить об этом со знанием дела, отмечали, что одним из последствий уменьшения веса монеты, понижения пробы, массовой чеканки малоценной медной монеты было обесценение денег и падение вексельного курса. В результате цены на товары, отечественные и особенно зарубежные, выросли в два раза, в том числе на привозное серебро⁶⁰. На старые деньги (до 1698 г.) за талер в России платили 50 коп. или немногим больше, а в 20-х годах XVIII в. его курс поднялся в два раза с лишним. Естественно, что и доходы казны от монетного передела покупного серебра значительно сократились.

Подобно многим нововведениям Петра денежная система, созданная в процессе реформы и основанная на десятичном принципе, показала свою жизнеспособность. Она с некоторыми изменениями просуществовала почти до конца XIX в. и сохранила основные черты в наше время.

Глава вторая
ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ПЕТРА I
(1725 – 1729)

ВЕРХОВНИКИ О ФИНАНСОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СТРАНЫ

Северная война (1700 – 1721 гг.), в результате которой Россия присоединила большую часть Прибалтики и получила выход в Балтийское море, а также другие многочисленные расходы, связанные с преобразованиями Петра I, потребовали громадного напряжения всех ресурсов страны. Россия заплатила дорогую цену за то, чтобы стать великой европейской державой. Большие людские потери, разорение народа, расстройство финансов – вот плата за внешнеполитические успехи и продвижение по пути европеизации страны. Введение подушной подати в 1724 г. привело к росту прямого налога, взимаемого с населения. Подушную подать крестьяне и посадские люди должны были платить только деньгами, что делало этот налог более тяжелым, так как во многих районах страны крестьянские хозяйства были мало связаны с рынком и в них господствовало натуральное хозяйство. Так же обстояло дело и в других европейских странах. "Ужасная нищета сельского населения Франции при Людовике XIV, – отмечал К.Маркс, – была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги"¹. Неурожай 1723 – 1726 гг., охвативший значительную территорию России, еще более ухудшил положение народных масс. Недоимки по сбору подушной подати в 1724 – 1725 гг. составили треть от всей суммы налога². В этих условиях представители высшей администрации страны, хорошо осведомленные о тяжелом положении крестьянства, опасаясь обострения классовой борьбы и взрыва народных волнений, составили ряд записок, в которых подвергли критическому анализу состояние государства и выдвинули программу реформ.

Первым из высших сановников представил "Записку о состоянии России" генерал-прокурор Сената П.И.Ягужинский³. В последние годы правления Петра I он был одним из наиболее доверенных и деятельных его сотрудников и принимал активное участие в преобразовании центрального аппарата власти и создании коллегий. Ягужинский прежде всего указал на тяжесть нового налога. "От подушного сбора происходит великая тягость" народу. В подушный оклад включены нетрудоспособные члены общины (старики, дети, калеки), а также беглые, умершие, взятые в солдаты, и за

всех них должны платить оставшиеся члены общины. Налоговое бремя и неурожай привели к тому, что "крестьяне не токмо лошадей и скот, но и семенной хлеб распродавать принуждены, а сами терпят голод... и великое уже число является умерших ни от чего иного, токмо от голоду"⁴. Большую тревогу у автора записки вызвал рост бегства крестьян за рубеж, в Польшу и в Башкирию.

Ягужинский предложил: во-первых, уменьшить размеры подушной подати и "на подданных положить то, что понести могут" и, во-вторых, освободить часть дворян от военной службы, что позволит им заняться хозяйством и следить за регулярной выплатой крестьянами подушной подати.

Представляют интерес общие соображения генерал-прокурора Сената об источниках общественного богатства. Во всем свете признают, сообщал он Екатерине I, что "всякое государство на двух подпорах содержится, т.е. от земли и коммерции"⁵. Итак, сельское хозяйство и торговля служат основой экономического развития и преуспевания страны. Для увеличения таможенных доходов Ягужинский предложил отказаться от жестких норм протекционистского тарифа 1724 г. (одним из его последствий был рост контрабандной торговли с целью избежать уплаты слишком высоких пошлин) и тем самым создать более благоприятные условия для торговли иноземного купечества.

Таким образом, в записке не содержится каких-либо крупных конкретных мер по преодолению финансового расстройства и значение ее состоит прежде всего в том, что она отражала беспокойство правящих кругов положением в стране и подтолкнула правительство к рассмотрению насущных проблем внутренней, в частности, финансовой политики.

Екатерина I, ознакомившись с запиской Ягужинского, предложила обсудить членам Верховного тайного совета вопросы об облегчении положения крестьян, о мерах пополнения бюджета в случае уменьшения подушной подати, о сокращении расходов на государственное управление, об улучшении торговли, монетного дела, об исправлении юстиции⁶. Свои мнения в письменном виде представили все члены Совета: граф Г.И.Головкин, президент коллегии иностранных дел⁷, князь Д.М.Голицын, президент Камер-коллегии⁸, граф П.А.Толстой, президент Коммерц-коллегии⁹, граф Ф.М.Апраксин, генерал-адмирал, президент Адмиралтейской коллегии¹⁰, Карл-Фридрих, герцог голштинский, муж дочери Петра I Анны¹¹. Наиболее обстоятельную и аргументированную записку подали два других члена Совета — светлейший князь А.Д.Меншиков, президент Военной коллегии, самая влиятельная фигура среди тогдашней бюрократии, А.И.Остерман, вице-президент Коллегии иностранных дел. К ним присоединились А.В.Макаров, кабинет-секретарь императрицы и А.Я.Волков, генерал-майор, доверенное лицо Меншикова. По-видимому, Волков редактировал эту записку¹².

Разбор предложений членов Совета по финансовым вопросам начнем с записки Меншикова и его соавторов, так как она полнее других отразила суждения верховников.

Самую большую тревогу авторов записки вызывали "великая скудость" крестьян, их "крайнее всеконечное разорение". Так же, как и Ягужинский, основные причины этого явления авторы записки видели в непосильном для крестьян размере подушной подати и особенно в разорительном порядке ее взыскания с участием войск, размещенных на постой по селам и деревням. Многочисленные сборщики податей (военные и гражданские) "не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут", — пишут авторы записки. Не отличаются от них и приказчики в вотчинах, "которые за отлучением помещиков своих над бедными крестьянами чинят, что хотят". По достоверным и многочисленным сведениям доходов крестьян для выплаты податей явно не хватает и они для выполнения своих налоговых обязательств "не токмо последний скот и пожитки продают, но и детей своих закладывают"¹³. Правежи, экзекуции еще более ожесточают податное население. Крестьяне бегут на окраины и за рубеж. Все это создает угрозу для внутреннего спокойствия и внешней безопасности государства. Пока не поздно надо облегчить положение крестьян. "Нынешнее состояние государства, и особливо крестьянства, таковое есть, что без потери времени оному некоторое облегчение учинить надлежит, дабы между тем и пока те непорядки исправятся, вовсе не разорился"¹⁴.

Как справедливо заметил русский историк Н.П.Павлов—Сильванский, "благополучие крестьян само по себе очень мало" занимало верховников¹⁵. Они проявляли заботу о крестьянстве, исходя из интересов государства и дворянства. Крестьянин — основной плательщик налогов. Армия черпает резервы главным образом из крестьянской среды. "Солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата", — писал Меншиков¹⁶. Как душевладельцы верховники из собственного опыта знали, что чем беднее крестьянин, тем меньше доходы помещика. Страшила их и опасность народных волнений и восстаний.

Что предлагали осуществить авторы записки для облегчения положения крестьян? По распоряжению Петра I, армия в 1724 г. была размещена по уездам. От крестьян потребовали, чтобы они построили квартиры для офицеров и солдат в своих селлах, полковые штабы, а часть солдат содержали в своих избах. Полковое начальство принимало самое деятельное участие в сборе подушной подати, которая шла на содержание войска. Верховники рекомендовали отказаться от всего этого, т.е. вывести армию из уездов, местные финансовые органы, созданные при Петре, ликвидировать, а сбор налогов поручить воеводам. Кроме того, они считали необходимым сократить в 1727 г. на одну треть размер подушной подати,

разрешить вносить половину или две трети подати деньгами, а оставшуюся часть натурой – хлебом или фуражем, "понеже крестьяне ничем так не скудны, как деньгами"¹⁷. Авторы записки рекомендовали отпустить из армии домой две трети офицеров-дворян, что, по их мнению, должно было улучшить управление вотчинами и обеспечить исправное поступление налогов в казну.

Другой крупной мерой, считали верховники, которая могла бы укрепить финансовое положение государства и населения, является развитие торговли, состояние которой, по их мнению, оставляло желать лучшего. Они ссылались на пример Голландии и Англии в доказательство того "какое богатство и силу добрый порядок в купечестве государству приносит"¹⁸. Россия располагает всем необходимым, чтобы увеличить доходы от торговли и прежде всего потому, что вывозит больше, чем ввозит.

Верховники предложили учредить Комиссию о коммерции и поручить ей разработать программу значительного расширения торговли России как с западными, так и восточными странами. Они выступили за предоставление купечеству свободы торговли при любых портах, отмену всех ограничений, установленных для Архангельского порта, что значительно облегчит положение поморских крестьян ("понеже и в доброе время у них хлеб мало родится" и они кормились извозом и всякой работой "в тамошних местах"), за уничтожение запрета на ткачество крестьянами узких холстов и вывоза их за границу, учреждение купеческих компаний для торговли юфтью, салом и другими товарами. Возлагая большие надежды на торговлю, авторы писали: "Ежели купечество добрым порядком расположено будет, то будет от того не токмо государственной казне примножение, но и народу богатство, и крестьянам великое облегчение, и способы к лучшему прокормлению своему" и к оплате податей¹⁹.

Что касается российского купечества, то верховники предложили рассмотреть два вопроса: не легче ли оно обложено податями, чем крестьянство и нельзя ли на него "податей прибавить"? В стремлении пересмотреть вопрос о налоговом бремени купечества в сторону его увеличения отчетливо проявились классовые симпатии авторов записки – выразителей интересов дворянства и абсолютистского государства.

Исходя из традиционных представлений эпохи феодализма о том, что каждое сословие должно заниматься своим делом, авторы выступили, во-первых, против покупки деревень купцами, в результате чего они якобы, "оставя свои торги, стали больше за деревенскими делами ходить", что привело к сокращению торговли и таможенных доходов. В этом требовании четко выражено желание дворянства сохранить за собой исключительное право землевладения. Верховники возражали и против участия помещиков в торговле, полагая, что они должны всячески содействовать развитию крестьянских промыслов и торговли, что выгодно и для душевладельцев и для казны. В то же время они высказывались за расши-

рение связей вотчинного хозяйства с рынком, которые служили важным источником дохода помещиков, но считали, что им следует продавать пеньку, лен, хлеб и прочие товары купцам и купеческим компаниям, "а самим партикулярно от себя оные за море не отпускать"²⁰.

Помимо общих финансовых вопросов верховники уделили большое внимание "монетным делам". Отмечая "генеральную скудость" в деньгах, резкое сокращение капитала на монетных дворах, тайный вывоз серебряной монеты за границу, А. Д. Меншиков и другие высказались за усиленную чеканку медных денег, доходы от которой должны были заполнить брешь в государственном бюджете вследствие частичной отмены подушной подати. Верховники предложили выпустить медных пятикопеечников по 40 руб. из пуда меди на 2 млн. руб. Понимали ли верховники какими тяжкими могут быть последствия для экономики страны и населения, если на денежный рынок хлынет такой большой поток легковесной, малоценной медной монеты? Да, понимали. Они справедливо полагали, что эта операция может привести к увеличению фальшивых денег, падению вексельного курса и росту цен на товары²¹. Из дальнейшего изложения читатель увидит, что их прогнозы полностью оправдались. Что касается мер предосторожности*, которые они рекомендовали принять, то их нелегко было осуществить. Кроме того, они не могли оказать серьезного влияния на негативные процессы в денежном обращении.

В записке отмечалось, что чеканка неполноценной медной монеты — временная и вынужденная мера — вызвана чрезвычайными обстоятельствами и что впредь правительство должно изъять эту монету из обращения.

В конце декабря 1726 г. свои мнения представили и другие, уже упоминавшиеся нами, члены Верховного тайного совета. В основном они мало отличаются от подробно разобранных нами записки Меншикова и его коллег. Авторы этих мнений предлагали по существу те же меры для "поправления" финансов. Но некоторые их предложения заслуживают внимания. Так, Апраксин высказался за то, чтобы понизить подушную подать для крестьян на 20 коп. и возложить ответственность за регулярную уплату прямого налога на помещиков. Эта мера была направлена на увеличение власти помещиков над крестьянами. Толстой и Голицын предложили создать специальную комиссию и поручить ей разобраться с вопросом, что "излишнее на крестьян положено" с введением подушной подати.

Итак, программа верховников означала не что иное как отказ от административной реформы Петра I и пересмотр его экономической политики.

* Эти меры таковы: пятаки "так чисто делать", чтобы фальшивомонетчикам ("ворам") подделываться было невозможно; "доносителям обещать, немалое вознаграждение"; увеличить вывоз казенных товаров за границу, создать запас серебряных денег, иметь за рубежом "свой капитал", сократить привоз заморских товаров, добиваться активного баланса во внешней торговле²².

Областной реформе 1718 – 1722 гг. несомненно были присущи существенные недостатки. Главный из них состоял в том, что на местах был создан громоздкий, дорогостоящий аппарат. Однако в основу реформы был положен прогрессивный принцип разделения властей: судебная власть отделялась от исполнительной и принадлежала надворным судам, финансовое управление передавалось в руки камериров или "надзирателей сборов", подчиненных Камер-коллегии, в ведении которой находились доходы страны. Путем разделения властей, введения строгой отчетности, учреждения органов местного контроля, установления всем чиновникам штатного жалованья Петр I рассчитывал уничтожить такие отрицательные стороны администрации XVII в., как казнокрадство, взяточничество, волокита, притеснение населения. Однако верховники под флагом борьбы за сокращение расходов на государственный аппарат отвергли основной принцип петровской реформы и предлагали вернуться к старым порядкам, когда вся полнота власти принадлежала (в уезде) воеводам и губернаторам. Они идеализировали старую администрацию и словно забыли постоянные жалобы, нарекания и недовольство населения ее действиями. Верховный совет еще в июне 1726 г. до составления записок отмечал, когда были одни воеводы "и всякие дела, как государевы, так и челобитчиковы... отправляли одни и были без жалованья, и тогда лучшее от одного правления происходило и люди были довольны"²³. Это утверждение не соответствовало действительности, так как злоупотребления властей в XVII в. не единожды вызывали взрыв возмущения и служили поводом, а иногда и причиной волнений и выступлений народных масс.

Что касается экономической политики, то авторы записок в отличие от Петра I делали упор на развитие не промышленности, а торговли и сельского хозяйства. В поданных мнениях верховники почти не касались вопросов промышленного развития страны. Ставка на внешнюю и внутреннюю торговлю, как источник увеличения доходов казны (от сбора пошлин), а также крестьянства и посадских людей, что должно было облегчить им уплату налогов, в целом оправдала себя, хотя и не в такой степени, как представляли авторы записок. Во всяком случае, если говорить о крестьянах, то торговля не принесла им "великого облегчения", как декларировали верховники.

Многие предложения верховников были приняты правительством и реализованы в конце 20-х начале 30-х годов XVIII в. Правительство понизило подать, отменило запрет на ткачество и вывоз за границу узких холстов и хлеба, уменьшило некоторые ввозные пошлины. Было создано несколько комиссий. Одна, состоящая из высших военных и гражданских чинов, должна была рассмотреть вопрос о расходах на армию и флот, с тем чтобы "оныя без великой тягости народной содержаны были"²⁴. Задача Комиссии о подати, возглавляемой Д.М.Голицыным, состояла в том, чтобы "положить такую подать, чтобы всегда без доимки платить могли, не

отговариваясь пустотою и многими убылыми душами”²⁵. Учрежденная в 1727 г. Комиссия о коммерции добилась пересмотра протекционистского таможенного устава 1724 г. Утвержденный в 1731 г. новый таможенный тариф понизил высшую ставку с 75 до 20% для товаров, производимых в России в достаточном количестве, и до 10% для тех товаров, которых мало вырабатывалось. На товары, в которых Россия испытывала нужду, была установлена всего 5%-ная ввозная пошлина. Понижалась пошлина на сырье, требуемое для русской промышленности. Особенностью тарифа 1731 г. являлась и четко выраженная направленность на защиту продукции, вырабатываемой мелкими товаропроизводителями деревни и города. После введения тарифа 1731 г. объем торговли увеличился, а вместе с ним выросли и таможенные доходы казны²⁶.

Реакция правительства на высказанные предложения была быстрой. Указ 26 января 1727 г. в обобщенном виде отразил соображения верховников по вопросам денежного обращения. Екатерина I вынуждена была признать, что народ разорен и не в состоянии нести бремя налогов. “Подданные наши, а наипаче крестьяне, от великой подати и разных непорядков в великой нужде обретаются”, — говорилось в указе²⁷. Правительство заявило, что сократить государственные расходы, и прежде всего на армию и флот, не удастся, поэтому “для облегчения крестьян в податях и других нужд” оно решило выпустить на 2 млн. руб. медных пятикопеечников. Свое решение выпустить на такую большую сумму медные пятаки правительство мотивировало нехваткой серебра, невозможностью достать его в скором времени и невыполнением своих обязательств подрядчиками. В то же время меди своей и зарубежной было достаточно. В этом заявлении правда содержалась лишь отчасти. Главное заключалось не в нехватке серебра и денег на его приобретение, а в том, что чеканка меди была значительно выгодней, чем серебра и могла принести казне огромные доходы, так как рыночная цена (8 – 10 руб. за пуд) меди была в пять раз дешевле меди в монетах. Чтобы успокоить население, уверить его в надежности новых денег, в указе утверждалось, что “медная монета в народе ходит свободно без всякого подозрения”. Опасаясь, чтобы чеканка неполноценных медных денег не произвела за границей неблагоприятного впечатления, т.е. не была воспринята как свидетельство финансовых затруднений государства, правительство рекомендовало провести эту операцию “тайным образом” под предлогом изъятия из обращения медных копеек, выпущенных при Петре I. Было решено новые пятаки делать тем же штемпелем, как и ранее²⁸.

В этом указе были определены задачи по улучшению денежного обращения в стране. Казна намеревалась создать на монетных дворах запасы серебра путем покупки его, особенно на медные деньги, причем даже “с прибавкою цены”, умножить продажу на серебряные талеры иностранным купцам казенных товаров (поташ, смольчуг, икра и рыбий клей, железо

и др.) для вывоза за границу, увеличить производство меди, из которой делать платы²⁹.

В другом указе, опубликованном месяц спустя (24 февраля), правительство, отмечая "генеральную скудость в деньгах", а также что денежные дворы находятся "весьма в худом состоянии", решило собрать сведения о положении монетного дела в России за последние 35 лет. Эти материалы должны были послужить основой "для рассуждения каким образом монетные дворы исправить, и серебро, и капитал денежный умножить". Сенат потребовал от Берг-коллегии следующие данные: 1) сколько в каждом году, начиная с 1692 г., чеканилось серебряной и золотой монеты и какой пробы; 2) сколько было собрано при портах пошлин ефимками (талерами) и золотыми монетами; 3) какое количество серебра и золота было приобретено казной подрядным способом и свободной покупкой; 4) какой был капитал на денежных дворах; 5) почему "ныне как в переделе, так и в капитале серебра умалилось?"³⁰

Берг-коллегия из-за отсутствия материалов не могла полностью ответить на поставленные вопросы. Но и собранные ею сведения³¹, а также ее мнение о способах увеличения серебра и капитала на денежных дворах, представляют большой интерес. В последующем изложении эти материалы будут использованы нами.

Итак, правительство решило начеканить на сумму 2 млн. руб., а если потребуется, то и больше медных пятаков, хотя в принципе оно не было сторонником увеличения находящихся в обращении легковесных медных монет и отдавало себе отчет в том, что данная мера отрицательно скажется на общем экономическом положении страны. Однако другого выхода из финансового кризиса оно не видело. Чеканка серебряной монеты не давала такого дохода, как медной, потому что цены на серебро в России были высокие, а казна не располагала значительными оборотными средствами, чтобы получать большую прибыль от новых чеканок серебряных монет. К тому же серебра на монетных дворах не было, а на доставку его в короткие сроки из-за рубежа надеяться не приходилось. Собственная же добыча серебра в России, как отмечалось, была ничтожной. В то же время меди, как отечественного производства (на Урале на казенных заводах можно было получить до 10 тыс. пудов меди в год), так и привозной было достаточно.

И верховники в своих проектах, и правительство заявляли, что медные пятикопеечники будут выменены как только укрепится финансовое положение и монетные дворы будут располагать серебром. Однако, как показал опыт (и, разумеется, не только в данном случае), начеканить легковесную монету оказалось куда проще и легче, чем выменить ее.

Для выпуска по указу 1727 г. медных пятаков на такую большую сумму как 2 млн. руб., причем в короткий срок, требовались не менее 50 тыс. пудов меди и мощная производственная база. Заготовка меди не состав-

ляла большой трудности для казны, хотя и потребовала принятия энергичных мер. Военная коллегия договорилась с иноземными купцами-подрядчиками о поставке в навигацию 1727 г. в Петербург 15 – 18 тыс. пудов меди³². Руководителю горнозаводской промышленности на Урале В.И.Геннину еще 31 декабря 1726 г. был послан указ с требованием прекратить производство платов, делать "с великим поспешением" из 10 тыс. пудов меди кружки для пятикопеечных монет и отправлять их по мере готовности партиями в Москву на монетные дворы. Геннина просили ускорить разведку новых залежей медной руды и увеличить выплату меди³³. Наконец, казна располагала некоторыми запасами меди и вымененных медных копеек, которые было решено пустить в передел. Так, на 20 февраля 1727 г. на московских монетных дворах имелось 3898 пудов меди³⁴.

Несколько хуже обстояло дело с производственной базой. Изготовление пятаков предполагалось сосредоточить в Москве. Все три монетных двора, особенно Красный и Набережный медный, были в запущенном состоянии. Для приведения их в порядок и организации форсированного выпуска пятикопеечников в Москву был послан по указу 26 января 1727 г. генерал-майор А.Я.Волков – один из авторов коллективной записки, поданной Екатерине I осенью 1726 г. Волков был наделен большими полномочиями. По своему усмотрению он мог брать из воинских частей (полевых полков и гарнизона) нужное количество людей, в том числе и специалистов (плотников, кузнецов и др.), покупать или заказывать на заводах машины, инструменты и различные материалы. Первому члену Московской Сенатской конторы графу И.А.Мусину-Пушкину был послан указ об оказании полного содействия Волкову³⁵.

В Москву Волков приехал 8 февраля. Хотя он был осведомлен о плохом состоянии монетных дворов, но то, что он увидел, поразило его. "Непорядок и разорение сих монетных дворов изобразить никоим образом невозможно", – писал он в Кабинет А.В.Макарову. Набережный и Красный дворы находятся в таком состоянии, "как после неприятельского или пожарного разорения" и на них "жалостно смотреть"; многие инструменты и машины стоят под открытым небом и ржавеют, деревянные здания сгнили³⁶. Волков определил для разборки и очистки дворов от разного хлама и мусора 450 солдат и рекрутов, а для ремонта и постройки зданий 50 плотников, починки, изготовления инструментов и машин целую слободу артиллерийских кузнецов³⁷. Одновременно он заказал на подмосковных заводах Меллеров и Нарышкиных и Тульских оружейных заводах плащильных станков – 36, обрезных – 61 и печатных – 26. На эти заводы были посланы офицеры, которые должны были следить, чтобы машины изготовлялись качественно и в краткие сроки³⁸.

По именному указу Екатерины I от 14 февраля 1727 г. в Москву на монетные дворы был направлен также Василий Никитич Татищев. Ориги-

нальный мыслитель, ученый с широким диапазоном творческих интересов и занятий, он внес большой вклад в развитие материальной и духовной культуры России. Главный труд Татищева – многотомная "История Российская" – представляет собой первый опыт научного освещения отечественной истории с позиций рационалистической философии³⁹. Ему принадлежит одно из замечательных произведений русской общественно-политической и философской мысли XVIII в. – "Разговор двух приятелей о пользе наук и училищах". С его именем связан новый этап в развитии географии и картографии. Он составил первый энциклопедический словарь – "Российский исторический, географический и политический лексикон"⁴⁰. Татищев много сделал для развития экономической и философской мысли.

Татищев не являлся профессиональным ученым. Наука была его увлечением, страстью. Главной стороной его деятельности была военно-административная. Она продолжалась более 40 лет, из них 16 приходится на службу в армии в суровые годы Северной войны. Как боевой офицер он участвовал во многих крупных сражениях. С 1720 г. Татищев находился на административном поприще, в 1720 – 1722 гг. и 1734 – 1737 гг. ведал металлургической промышленностью Урала и Сибири, основывал новые города (Екатеринбург, Пермь) и крепости, организовывал школы и занимался подготовкой специалистов для горнозаводской промышленности и государственного управления, по поручению Петра I полтора года (декабрь 1724 – апрель 1726 г.) в Швеции изучал экономику, финансы, монетное дело. В 1727 – 1733 гг. Татищев был членом, а затем главой Монетной конторы. Как начальник Оренбургской и Калмыцкой комиссий (1737 – 1741) и астраханский губернатор (1741 – 1745) он руководил хозяйственным освоением и заселением обширных земель на востоке и юго-востоке страны.

Разработанная Татищевым экономическая программа предусматривала приоритетное развитие промышленности и ремесла, внутренней и внешней торговли. Считая их основой богатства, экономического и военного могущества государства, Татищев рассматривал само развитие этих отраслей хозяйства не изолированно, а в комплексе с другими. Он придавал большое значение сельскому хозяйству, росту народонаселения, исследованию природных богатств, освоению окраин, усовершенствованию сухопутных и водных путей сообщения, организации регулярной почтовой связи, подготовке отечественных кадров специалистов. Важное место он отводил финансам и денежному обращению, выступал против чрезмерной эксплуатации казной монетной регалии. Проекты и записки Татищева оказали влияние на законодательство и экономическую политику правительства во второй четверти XVIII в. Особенно велика его роль в разработке горного законодательства.

Жизненный путь Татищева был трудным, сопровождался такими пово-

ротами судьбы, которые ставили его иногда на край гибели. Передовые для своего времени социально-политические и философские взгляды Татищева, его независимый характер, свобода суждений вообще, и в церковных вопросах в особенности, пришлись не по нраву многим предшественникам правящей и церковной верхушки. В 1745 г. он был отстранен от должности астраханского губернатора и отправлен в ссылку в свое имение – село Болдино Дмитровского уезда (ныне Солнечногорский район Московской области), где фактически находился под домашним арестом до конца своей жизни (1750 г.)⁴¹.

Татищева послали в Москву в 1727 г. с поручением проверить исправность весов на монетных дворах, освидетельствовать все начеканенные монеты и в случае их неравного веса заставить переделать за счет виновных и впредь не допускать, чтобы монеты одного достоинства были разновесными⁴². О положении дел и своих соображениях по монетному делу Татищев должен был сообщать только в Кабинет императрицы. Из Берг-коллегии Татищеву были даны верные гири (чугунная пудовая и фунтовая). С целью проверки гирь на монетных дворах Татищев взял с собой пробирного мастера коллежской лаборатории Андреяна Шамшева, которого хорошо знал⁴³. Шамшев был одним из учеников, посланным в Швецию для обучения горнозаводскому делу во время пребывания там Татищева.

В Москву Татищев прибыл 20 февраля. "В надзирании и исправлении оных каждодневно с утра и до вечера, не съезжая, тружуся", – писал он кабинет-секретарю А.В.Макарову⁴⁴. Татищев совместно с Волковым и И.А. и П.И.Мусиными-Пушкиными принимал участие как в текущей работе по восстановлению монетных дворов и организации на них выпуска пятакопеечников, так и в выработке общих предложений по улучшению монетного дела в стране.

За февраль – май 1727 г. сохранились другие письма Татищева Макарову и две его записки⁴⁵. Татищев высказал ряд соображений о состоянии монетного дела в стране, которые получили дальнейшее развитие в упомянутых записках, направленных также в Кабинет, и отчасти вошли в предложения, представленные Екатерине I от имени Волкова, Татищева и других членов Монетной конторы.

Записка "Краткое изображение в чем монетное дело требует исправления" составлена Татищевым вскоре после его приезда в Москву, вероятнее всего, в начале марта 1727 г., потому что в ней высказаны в общем виде соображения, которые впоследствии были им конкретизированы и развиты (о введении десятичной системы в России, об изъятии из обращения серебряных копеек и т.д.). В этой записке наибольший интерес представляют мысли Татищева о высокой цене серебра в России по сравнению с золотом, "от чего золотых в государстве удержать невозможно"; о желательности повышения пробы в золотых и серебряных монетах с целью улучшения их качества; о тщательной подготовке операции по

изъятию из обращения мелких серебряных денег; о предпочтительности серебряных денег перед медными, от которых "великий государственный вред". Последнее замечание Татищева отнюдь не означало, что он вообще был против медных денег. Он считал, что они должны иметь обращение лишь в качестве мелкой разменной монеты (копейка, деньга, полушка). Вопросы, поставленные в записке, имели большое значение и впоследствии были предметом неоднократного обсуждения в правительстве и в созданной в 1730 г. Комиссии о монетном деле, в которую входил и Татищев.

Определенный интерес представляют и другие соображения Татищева, высказанные им в письмах к Макарову. Речь идет о чеканке разменной медной монеты (взамен вымениваемых медных копеек), так как серебряных копеек мало, а пятикопеечники для крестьян неудобны; о вымене медных полушек, которые "для бездельной их работы подают причины к воровству". После того как будет начеканена мелкая медная монета, следует немедленно приняться за вымен серебряных копеек, ибо, писал Татищев, "ежели оно не учиним, то весьма вижу оттого быть великому государственному вреду". Наконец, Татищев обдумывал способы "каким образом медные деньги с течением времени, в определенные сроки перевести, а серебряные умножить"⁴⁶ и составлял на сей счет записку, которую, к сожалению, обнаружить не удалось (вполне возможно, что она не была им завершена).

По указу 7 марта 1727 г. монетные дворы были изъяты из ведения Берг-коллегии и подчинены Монетной конторе в составе И.А. и П.И. Мусиных-Пушкиных, В.Н. Татищева и московского губернатора А.Л. Плещеева. В июне того же года Плещеев был утвержден первым членом Монетной конторы⁴⁷.

ПЯТИКОПЕЕЧНИКИ

В конце февраля – начале марта 1727 г. монетные дворы были расчищены и приведены в порядок. В отремонтированных и заново построенных зданиях началась установка оборудования и механизмов. Одновременно велась работа по изготовлению различных машин и инструментов. По просьбе Волкова и Татищева в Москву из Петербурга были посланы известный механик А.К. Нартов и несколько опытных слесарей. Волков вызвал 10 мастеров с тульских заводов. Все они приняли участие в создании по моделям Нартова гуртичных станов, печатных и ручных плащильных машин, а также штемпелей для чеканки пятикопеечных монет⁴⁸. К середине марта на трех монетных дворах имелось: плавильных печей – 9, кузнечных горнов – 42, плащильных станов – 14, обрезающих – 20, гуртичных – 7, печатных – 24⁴⁹.

По указанию Волкова в распоряжении Монетной конторы была предоставлена кузница на Конюшенном дворе, где имелось 12 горнов с

наковальнями. В ней артиллерийские кузнецы готовили по моделям инструменты и оборудование для монетных дворов. Всей работой по изготовлению новых машин, оборудования и инструментов и установке их на монетных дворах ведал Татищев, потому что он, как писал Волков, "в том деле немалое искусство имеет". Накануне своего отъезда из Москвы Волков рекомендовал членам Монетной конторы поддерживать "предложения и всякие ученые изобретения" Татищева, направленные на повышение производительности монетных дворов⁵⁰.

6 марта 1727 г. на всех трех дворах началась работа по выпуску пятикопеечников. Однако Волков предупреждал Макарова, что на деньги нового передела в большом количестве надеяться скоро не приходится, потому что пятикопеечники "из дела не скоро выходят, а именно: из плавилена медь идет в ковку, оттуда в плащильни, из плащилена – в обрез кружков, а потом в печать, после того гуртят, потом полируют и обжигают"⁵¹. Но дело было не столько в длительности процесса изготовления пятикопеечных монет, сколько в том, что монетные дворы не были еще готовы к чеканке их в значительных размерах. Во-первых, мало было меди. Во-вторых, в Москву не поступили еще машины и инструменты с тульских и подмосковных заводов. В-третьих, необходимо было построить "водяные машины" – плащильные, молотовые и другие. В связи с этим Волков просил Макарова добиться разрешения на постройку по предложению Татищева плащильной мельницы на реке Яузе.

Волков, Татищев и И.А. и П.И. Мусины-Пушкины "с общего совета" обратились в Кабинет с рядом предложений, которые, по их мнению, должны были улучшить состояние монетного дела в России. Суть этих предложений сводилась к тому, чтобы отстранить Берг-коллегию от руководства монетным делом, передать Монетную контору непосредственно в ведение Кабинета, изъять из обращения старую мелкую медную монету и серебряные копейки, переделав первую в пятикопеечники, а вторые в крупную монету (рубли и полтинники). Операция по обмену мелкой монеты необходима "как для умножения капитала, так и ради пресечения воровства", иначе говоря, преследовала две цели: увеличить доходы казны и затруднить деятельность фальшивомонетчиков. Эти предложения в основном были приняты.

Продолжая линию Петра, правительство Екатерины I издало ряд указов об изъятии старых медных копеек. Изъятие из обращения медных денег и полушек было решено временно отложить, пока не будет сделана новая мелкая монета⁵². В отношении серебряных копеек твердой линии не было. Указом от 16 июня 1727 г. мелкие серебряные деньги было определено переделать в гривенники. В указе отмечалось, что эти деньги, деланные с 1698 г. "ради их худобы... в народе не свободно ходят". При расчетах их принимали с большой неохотой, так как среди них много односторонних и фальшивых, которые "при приемах, а особливо при платежах в казенные

подати выметываются, отчего многим, а наипаче купечеству и бедным крестьянам, великия чинятся убытки и разорения"⁵³. Наконец, из-за малого размера (копейка 1698 г. весила 1/15 золотника или 0,28 г.) они легко теряются. Спустя три месяца от передела мелкой серебряной монеты в гривенники временно отказались⁵⁴.

Волков, Татищев и Мусины-Пушкины считали, что монетные дворы должны располагать капиталом не менее чем в 1 млн. руб. и наметили некоторые организационные меры, которые должны были способствовать накоплению этой суммы. В 1721 г., как уже отмечалось, Петр I по донесению Берг-коллегии установил для монетных дворов капитал в размере не менее 922 тыс. руб. В последующие годы, несмотря на финансовые затруднения, правительство не расходовало эту сумму и в 1725 г. она превысила 1 млн. руб. Наличие оборотного капитала в таких размерах обеспечивало нормальное функционирование монетных дворов, возможность закупки для денежного передела необходимого количества серебра, меди и золота. В апреле 1726 г. по указу Сената сумма капитала на монетных дворах была сокращена почти вдвое, до 550 тыс. руб., из них 50 тыс. предназначались для казенных сибирских заводов. Попытки Берг-коллегии добиться отмены этого решения успеха не имели. К началу 1727 г. на монетных дворах в Москве и Петербурге было золота и серебра (в слитках и монетах) и меди всего на 651 тыс. руб.⁵⁵ Особенно мало было капитала в Москве.

Следующие предложения Волкова, Татищева и Мусиных-Пушкиных сводились к тому, чтобы: установить строгий порядок в выдаче денег с монетных дворов; в 1727 г., пока не будет увеличен капитал до 1 млн. руб., никуда без именных указов денег не отпускать; все деньги, собираемые из доимок, передавать Монетной конторе; обязать коллегии и другие учреждения отсылать на монетные дворы все оставшиеся сверх окладных расходов средства и т.д. 20 февраля Волков писал Макарову: капитал на монетных дворах – "лучшее государственное сокровище и надобно крепко за него держатца"⁵⁶.

Указанные предложения, учитывая сложившиеся неблагоприятные условия, предполагалось осуществить чисто административным путем. Они не касались развития внешней торговли, роста экспорта русских товаров, в том числе казенных и т.д. В этой связи представляет интерес мнение Берг-коллегии от 1727 г. о способах увеличения серебра и капитала на денежных дворах. Во-первых, надо отказаться от предоставления монополии на поставку серебра и золота отдельным лицам и разрешить свободную покупку как у русских, так и у иностранных купцов. Во-вторых, следует повысить цену на серебро до 18,5 – 19 коп. за золотник и сохранять ее один-два года или более, чтобы купцы не опасались, что в течение этого срока она будет снижена. В-третьих, необходимо развивать горно-заводскую промышленность и другие отрасли, "от которых первый фунда-

мент богатства", увеличить экспорт железа, поташа, смольчуга и других казенных товаров "и тем торг распространить". В-четвертых, целесообразно содержать капитал в Амстердаме и Гамбурге для покупки серебра. И, наконец, следует всячески способствовать развитию внешней торговли, в результате чего увеличатся таможенные сборы.

В ряде стран Западной Европы, отмечала Берг-коллегия, серебро дешевле, чем в России, монеты чеканятся по более высокой пробе, но казна не стремится получить большую прибыль от денежного передела. Так, в Англии прибыль от чеканки составляет 7% (монеты 87-й пробы), в Австрийской империи – 9 (монеты 85-й пробы, так же, как в Пруссии и Дании), в Голландии около – 11% (монеты 82-й пробы). Чеканка монет в этих государствах служит в первую очередь целям обеспечения нормального функционирования денежного обращения и "распространению торгов", а не обогащению казны. Голландия, например, ведя оживленную торговлю с Испанией и Америкой, получает оттуда большое количество серебра, но только часть его расходуется на монетный передел, а остальная продается с прибылью в другие государства Европы, в том числе в Россию. Если бы казна в этой стране требовала от монетных дворов "великой прибыли", то запретила бы экспорт серебра, а все запасы его пустила бы в денежный передел.

В России для серебряных монет установлена 70-я проба, однако вследствие дороговизны серебра казна не может рассчитывать на большую прибыль от денежного передела. Так, при цене 18,5 коп. за золотник чистого серебра прибыль от передела (исключая все расходы) составит на монетных дворах в Москве около 9%, в Петербурге – около 7%, а при цене в 19 коп. соответственно ниже. Хотя повышение цены на серебро, заявляет Берг-коллегия, и понизит доходы казны, на это следует пойти, ибо в конечном счете такая мера обернется выгодой для страны. Во-первых, увеличится приток серебра, что позволит повысить удельный вес серебряных монет в денежном балансе России и будет способствовать укреплению монетной системы. Во-вторых, иностранные купцы, продав в России серебро, могут купить здесь товары для вывоза за рубеж, что приведет к росту таможенных доходов.

Итак, Берг-коллегия при обсуждении такой острой для России проблемы, как нехватка серебра, обнаружила широкий государственный подход. Основными источниками поступления серебра коллегия считала развитие промышленности, рост внешней торговли и особенно экспорта. В этих взглядах нельзя не усмотреть продолжения петровской экономической политики. Учитывая опыт развитых стран Европы, коллегия пришла к верному заключению, что основное назначение монетной реглации состоит в обеспечении стабильности денежного обращения, без чего невозможно успешное экономическое развитие страны. Увеличения государственных доходов следует добиваться путем развития промышленности и торговли, а не чрезмерной эксплуатацией монетной реглации.

За период с 18 марта по 29 апреля 1727 г. на московских монетных дворах было сделано медных пятак на 191 тыс. руб.⁵⁷ Так как этого было недостаточно Кабинет потребовал ускорить выпуск монет. После постройки на Яузе плотины, позволившей использовать силу воды, и установки различного оборудования дело пошло быстрее.

К концу августа 1727 г. на трех дворах было сделано медных пятак на 1220 600 руб., в том числе на Набережном на 568 600, Красном на 404 500 и Кадашевском на 247 500 руб. Прибыль от передела составила свыше 607 тыс. руб., т.е. примерно 50%. За месяц с небольшим (с 20 августа по 24 сентября) было начеканено пятак еще на 95 тыс. руб. До перехода монетных дворов в ведомство Монетной конторы, а именно с 1723 г. до 20 февраля 1727 г. было выпущено пятак на 605 тыс. руб. Следовательно, к концу сентября 1727 г. всего было сделано пятак на 1920 тыс. руб.⁵⁸ Таким образом, намеченная январским указом 1727 г. программа начеканить пятак на 2 млн. руб. (с учетом ранее сделанных) была в основном выполнена.

Большая прибыль, полученная от выпуска медных денег, потребность в мелкой разменной монете побудили правительство в сентябре 1727 г. принять решение о дополнительной чеканке старым штемпелем пятак на 500 тыс. руб. и новым штемпелем копеек на 1 млн. и полушек на 500 тыс. руб. по-прежнему по 40 руб. из пуда меди. Правительство, конечно, учитывало и достигнутую мощность московских монетных дворов, позволявшую в короткое время сделать еще на 2 млн. руб. медных денег. При этом вновь было подтверждено требование об обмене старых медных копеек. Это было вызвано тем, что они медленно поступали на монетные дворы. Монетная контора позднее в донесении Верховному тайному совету от 12 декабря 1727 г. сообщала: "Ныне в присылке медных копеек бывает самое малое число и за тем в деле пятикопеечников чинится остановка"⁵⁹.

Между тем, как было сказано выше, казна прежде всего из фискальных соображений была заинтересована в их быстрейшем изъятии из обращения. В указе объявлялось, что после обмена всех старых копеек, сделанных на монетных дворах, хождение их будет запрещено, а оставшиеся в обращении будут рассматриваться как фальшивые⁶⁰.

Осенью 1727 г. Монетная контора вновь поставила перед Верховным тайным советом вопрос о создании на монетных дворах капитала в размере 1 млн. руб., т.е. вернулась к предложению, выдвинутому еще ранее. Для накопления этой суммы она предложила: во-первых, отдавать на монетные дворы третью часть прибыли, которую получит казна от передела старых медных копеек в пятикопеечники, во-вторых, всю прибыль от чеканки серебряной и золотой монеты не употреблять ни в какие расходы до тех пор, пока капитал не достигнет желаемого размера, в-третьих, "отложить в капитал" 100 тыс. руб. из наличной монеты,

сделанной из серебра, купленного у подрядчиков на деньги, взятые из казначейства⁶¹. Таким образом, члены Монетной конторы еще раз подчеркнули, что основным источником для создания капитала на монетных дворах является прибыль от чеканки монет. Если правительство по-прежнему будет расходовать всю прибыль, не оставляя хотя бы часть ее на пополнение капитала, то таковой в размере 1 млн. руб. не может быть создан. Именно подобного рода предложение выдвигала еще ранее Берг-коллегия и оно, как уже отмечалось, было поддержано Петром I.

Как был решен этот вопрос Верховным тайным советом неизвестно, но Монетная контора настойчиво добивалась накопления оборотного капитала, без которого нельзя было обеспечить бесперебойную работу монетных дворов.

К 10 октября 1727 г. на монетных дворах было сделано пятикопеечных монет еще на 80 тыс. руб., т.е. на сумму, недостающую до 2 млн. руб. С этого времени приступили к выполнению нового задания — чеканке этих монет еще на 500 тыс. руб., с которым монетные дворы справились к февралю 1728 г.⁶² В течение года (февраль 1727 — январь 1728) было вновь сделано пятикопеечников на 1 904 тыс. руб., а с учетом ранее начеканенных (на 605 тыс. руб.) в денежном обращении страны находилось медных пятаков более чем на 2,5 млн. руб. Операция по чеканке только новых пятикопеечников доставила казне огромную прибыль в размере немногим менее 1 млн., а точнее 975 тыс. руб. Эта прибыль, плюс доходы от чеканки серебряной монеты позволили правительству покрыть дефицит в бюджете и выйти из крайне затруднительного финансового положения. В последующие годы чеканка медных денег по 40 руб. из пуда продолжалась, но уже в более скромных размерах. За три года (1728 — 1730) было сделано пятикопеечников и копеек на 1,5 млн. руб., хотя и в 1728 и в 1730 г. правительство вынуждено было вновь сократить на 1/3 размеры подушной подати.

Тяжелые последствия чеканки легковесной монеты сказались через несколько лет, но наиболее дальновидные члены правительства понимали, что это самым отрицательным образом скажется на экономическом состоянии страны, положении народных масс и вызовет с их стороны недовольство. Правительство не могло не учитывать и опыта предшествующего правления Петра I. Верховникам и сенаторам было хорошо известно, что царь в условиях острейшей нехватки денег во время Северной войны и финансовых затруднений, возникших вскоре после заключения мира, не решался чеканить медную монету в большом количестве. За 25 лет (1700 — 1724) было сделано медных денег почти на 3 млн. руб., причем только с 1718 г. стали делать деньги по 40 руб. из пуда, а до этого чеканили по 20 руб.

Во второй половине 1727 г. Верховный тайный совет осуществил ряд организационных мер в монетном деле. По указу 16 декабря 1727 г. Монетная контора была подчинена непосредственно Сенату, которому

поручалось о "всем денежном деле и исправлении оногo иметь попечение"⁶³. Начиная с 1728 г. все монетное дело сосредоточивалось в Москве, где находилась большая часть специалистов и производство обходилось значительно дешевле. Чеканка монет на Петербургском монетном дворе была прекращена и в Москву отправлены мастерские и работные люди, оборудование и припасы⁶⁴.

В 1728 г. на московские монетные дворы поступило подрядной меди 23,3 тыс. пудов и старых медных копеек на 506,6 тыс. руб., в которых было свыше 25 тыс. пудов. Выпуск в указанном году медных денег по сравнению с предыдущим годом сократился в несколько раз. Чеканили главным образом копейки; их было сделано на 314 тыс. руб. К внешнему оформлению копеек подошли с теми же критериями, что и пятикопеечников: важно было затруднить подделку этой монеты, чеканившейся так же по 40-рублевой стопе. Монетная контора представила на рассмотрение Верховного тайного совета семь пробных копеек. Совет утвердил вариант, где на лицевой стороне был изображен всадник с копьём, поражающий дракона. Под ним отделенная двумя чертами надпись: Москва. А на оборотной – крест с надписью копейка и датой. Прибыль от передела меди в 1728 г. составила 174,1 тыс. руб.⁶⁵

В начале 1729 г. все запасы новых медных денег были израсходованы. Между тем нужда в них была огромная: и для обмена старых медных копеек, и главным образом на содержание армии. Именным указом от 16 мая 1729 г. в сентябрьский указ 1728 г. были внесены коррективы. Правительство решило полушек не делать, ибо в них нет нужды, копеек выпустить не на 1 млн. руб., а на 500 тыс., зато начеканить дополнительно еще на 1 млн. руб. пятикопеечников, так как их можно сделать быстрее. К тому же затрат на их выпуск потребуется меньше на 51 тыс. руб., чем полушек⁶⁶. В 1729 – 1730 гг. московские монетные дворы это задание выполнили. К сентябрю 1730 г. были в основном выменены все медные монеты, выпущенные при Петре I в 1700 – 1718 гг. по 20 руб. из пуда на сумму 1,7 млн. руб. Таким образом, осенью 1730 г. в обращении находилось (не считая фальшивых денег, о которых точных сведений нет) медных монет, сделанных по 40 руб. из пуда на сумму 4,5 млн. руб., в том числе полушек (петровского времени) на 524,7 тыс. руб., копеек на 496,5 тыс. руб. и пятикопеечников на 3,5 млн. руб., всего в них было меди 112 480 пудов⁶⁷.

Кроме медных пятикопеечников и копеек, в 1726 – 1727 гг. имела хождение и медная квадратная монета – платы. Согласно сенатскому указу от 28 июня 1725 г. платы решено было делать из чистой красной меди, выплавляемой на уральских заводах, по 10 руб. из пуда, что соответствовало цене чистой меди, без учета расходов на приготовление монеты. Они должны были иметь свободное хождение, наравне с другими монетами. Намечалось изготовлять платы достоинством в 1 рубль, 50, 25, 10, 5

и 1 коп. Вследствие тяжести этой монеты (в рублевой — 4 фунта меди, в полтинной — 2, полуполтинной — 1 фунт и т.д.) ее разрешалось переводить по векселям, "дабы в провозе убытку не иметь"⁶⁸.

Платы стали изготавливать по примеру Швеции, где они были в ходу с середины XVII в. и служили для шведов одним из средств поддержания выгодных для страны экспортных цен на медь. Когда цена была низкой, невыгодной для страны, излишняя медь переделывалась в квадратные деньги, которые имели свободное хождение и в качестве товара, и в качестве денег.

Производство квадратных монет было организовано в Екатеринбурге, где для этого специально был построен "платовый двор"⁶⁹. Чеканка плат велась с 1725 до начала 1727 г.; они представляли собой квадратные плиты, в каждом углу которой помещались клейма с двухглавым орлом, увенчанным тремя императорскими коронами, и держащим в лапах скипетр и державу; на груди орла — овалный щит с вензелем императрицы Екатерины I из двух J и двух E. В середине плиты расположено клеймо с указанием цены, года и места чеканки ("Цена. Рубль. Екатеринбургъ. 1725"). Таково оформление лицевой стороны монет от 1 руб. до гривен. Пятаки и копейки оформлялись по другому⁷⁰. Так, на пятикопеечной монете 1726 г. в центре помещен орел, слева и справа от него — части даты 17—26, вверху — надпись "пять копеекъ", внизу — "Екатеринбургъ". В другом варианте на груди орла — щит с буквой "E". В коллекции Свердловского областного краеведческого музея имеется 4 варианта оформления копеек⁷¹. Обратная сторона квадратных монет гладкая.

Основная работа по изготовлению платов развернулась в 1726 г., когда их было выпущено на 38730 руб. Какое-то число, видимо, незначительное, было сделано в январе 1727 г., пока в Екатеринбурге не был получен указ от 31 декабря 1726 г. о прекращении их чеканки. Самой распространенной монетой являлась гривна, на ее долю приходилось 83% (32168 руб.) от общей суммы чеканки, затем шли полуполтинники (25 коп.) — 3745 руб., рубли — 1678 руб. и полтины — 1096 руб. Пятикопеечников и копеек было сделано всего на 43 руб. 51 коп.⁷²

Как видим, от неудобной в обращении тяжеловесной квадратной монеты скоро отказались. Шведский опыт в России не привился, потому что целевое назначение платов в Швеции и в России было не одинаковым. Но платы как бы проложили дорогу чеканке мелкой разменной монеты — по 10-рублевой стопе — медным денежкам и полушкам, начатой спустя несколько лет после прекращения выпуска квадратной монеты.

В середине 30-х годов ввиду нехватки мелких монет платы были на короткое время использованы для выплаты жалованья заводским рабочим на Урале. Затем их выменяли и переделали в денежки и полушки⁷³. Этим объясняется тот факт, что их сохранилось совсем немного.

СЕРЕБРЯНАЯ И ЗОЛОТАЯ МОНЕТА

До сих пор речь шла о выпуске медных денег. Как же обстояло дело с чеканкой серебряных и золотых монет? Каково их место в монетном балансе страны? С какими трудностями сталкивалась Монетная контора при изготовлении серебряных и золотых монет?

За пять лет было переделано серебра на 5215218 руб., в том числе в 1725 г. на 1340929 руб., в 1726 г. на 719301 руб., в 1727 г. на 1207800 руб., в 1728 г. на 1145728 руб., в 1729 г. на 801460 руб.⁷⁴. Итак, в среднем в год чеканилось монет разных номиналов примерно на 1 млн. руб., т.е. больше на треть по сравнению со вторым периодом (1711 – 1724 гг.) правления Петра I. Увеличение объема чеканки привело и к росту прибыли. За 5 лет она составила 921,4 тыс. руб.⁷⁵, или в среднем 184,3 тыс. руб., что больше среднегодовой прибыли в 1711 – 1724 гг. на 18,8 тыс. руб. Такую же тенденцию небольшого роста среднегодовой абсолютной прибыли мы наблюдаем и в следующем десятилетии. Что касается относительной прибыли (т.е. доли прибыли от общей суммы чеканки), то она не превышала 17,7% и уменьшилась по сравнению с первой четвертью XVIII в. Объясняется это ростом цен на серебро, а главное тем, что монетная стопа и проба в первые годы после Петра I не изменялись, иначе говоря, правительство не уменьшало ни веса, ни пробы монет.

В 1725 – 1729 гг. чеканились серебряные монеты достоинством в 1 рубль, полтину и гривну. На рублях и полтинах на лицевой стороне помещен погрудный портрет Екатерины I или Петра II, на оборотной – на монетах Екатерины I – государственный герб и круговая надпись с указанием номинала и года, на рублевых монетах Петра II – крестовик, вензель императора из четырех узорчатых букв П, соединенных крестообразно верхней частью, в углах креста, образуемого буквами по римской цифре два (II) с точкой над каждой единицей, на полтинах – государственный герб. Знак монетного двора – СПб помещен под орлом. На гривне изображены наверху в два ряда по пять крупных точек (для неграмотных), затем – обозначение номинала ("гривна"), дата и знак монетного двора.

За исключением гривенной монеты, чеканенной в 1726 – 1727 гг. из сплава "новой инвенции", и по монетной стопе 15 руб. 84 коп. из фунта, рублевики и полтинники выпускались в 1725 – 1729 гг. 70-й пробы и по 14 руб. 40 коп. из фунта серебра, т.е. так же, как при Петре. Гривенники "новой инвенции" связаны с именем А.Д.Меншикова, всесильного временщика ("полудержавного властелина", по образному выражению А.С.Пушкина), фактически первого лица в государстве в период правления Екатерины I. Для увеличения доходов казны, от которых он надеялся и ему перепадет немалая толика (светлейший князь, как известно, не был щепетильным человеком и когда представлялась возможность, охотно запускал руку в карман казны, за что не раз был бит собственноручно

Петром I и штрафован). Меншиков решил осуществить "реформу" в монетном деле, а именно: понизить пробу серебряных монет и перевести 25-копеечную монету из разряда высшей в разменную. Действуя через свою креатуру — обер-коменданта Санкт-Петербургской крепости Фаминцына, которому было подчинено монетное дело, — князь отдал распоряжение о чеканке полуполтин из сплава 55-й, а гривен 42-й пробы⁷⁶. Затем от выпуска полуполтин отказались и остановились на изготовлении гривенников, поскольку это сулило большую прибыль.

Сплав "новой инвенции", из которого намечалось делать гривенники, назывался так, потому что "лигатура была составлена с арсеником (с мышьяком. — А.Ю.), дабы посредством оной довести то низкопробное серебро до такого вида, каковые есть настоящие 70 пробы серебряные монеты"⁷⁷. Однако придать добротный вид низкопробному сплаву серебра путем добавки мышьяка не вполне удавалось. И тогда комиссар Монетной конторы в Москве П.Н.Крекшин разработал новый состав лигатуры, в которую входили селитра, мышьяк и сулема. Эта "весьма сумнительная" лигатура была забракована монетными мастерами, так как пролежав несколько дней буквально на глазах разлагалась: на слитках возникали пузыри и "от стирания их тряпичами из под пузырей осыпался якобы песок, а иные мелкия слиточки и сами рассыпались"⁷⁸.

Поряд на изготовление гривенников новой инвенции был отдан московскому монетному мастеру Тимофею Левкину. Позднее, во время следствия, он показал, что "словесно и письменно" протестовал против чеканки этой монеты, считая, что ее выпуск приведет ни к чему иному, как к "великому бесславию государства". Можно сомневаться в правдивости этого свидетельства. Слишком велико было могущество временщика. Скорее всего Левкин придумал все это в свое оправдание. Но бесспорно остается фактом, что Берг-коллегия, отвечавшая тогда за монетное дело, всячески тянула с чеканкой низкопробных гривенников, "дабы оных монет не умножить"⁷⁹.

Всего меншиковских гривенников было выпущено на 40 тыс. руб. По указу от 18 сентября 1727 г. чеканка их прекращалась⁸⁰. Затем последовал ряд указов (17 октября, 19 ноября, 13 декабря того же года) об изъятии их из обращения. В апреле 1728 г. был установлен трехмесячный срок обмена этих монет. В течение этого времени они принимались во всякие казенные платежи и на монетных дворах, где за них платили равную сумму⁸¹. Казна долго не могла избавиться от этих гривенников. Несмотря на неоднократные указы, они не все были выменены. Население, напуганное всякими угрозами, перестало принимать даже гривенники петровского времени. Горький опыт с гривенниками еще раз подтвердил истину, что низкопробную монету легче начеканить, чем изъять из обращения. Чтобы покончить с гривенниками, в июле 1729 г. было решено не принимать их ни в какие платежи, установить трехмесячный срок обмена,

причем платить лишь половину нарицательной стоимости. После этого гривенники подлежали конфискации⁸².

Основной монетой в России в первой трети XVIII в. была серебряная. По данным Монетной конторы в 1730 г. в обращении имелось серебряной монеты на 29 млн. руб. с лишним, золотой – на 800 тыс. и медной – примерно на 4,5 млн. руб. Как обстояло дело с обеспечением монетных дворов сырьем для денежного передела? Что касается меди, то казна примерно с конца 20-х годов не испытывала трудностей. Строительство медеплавильных заводов, казенных и частновладельческих, сначала на Урале, а затем и в Сибири, увеличение производства меди на них покрывало потребности казны. Лишь в период усиленной чеканки медной монеты (1727 – 1728 гг.) казне пришлось отчасти прибегнуть к закупке меди за рубежом. Но уже в конце 1730 г., как отмечалось, обсуждался вопрос об экспорте уральской меди.

Иное положение сложилось с драгоценными металлами. Собственная добыча золота и серебра в первой половине XVIII в. была ничтожна. Нерчинский серебряный завод давал ежегодно всего несколько пудов серебра⁸³. Поэтому проблема обеспечения сырьем чеканки серебряной монеты стояла особенно остро. Чтобы представить себе как решался этот вопрос на протяжении периода, когда монетные дворы работали исключительно на привозном сырье, выйдем несколько за хронологические рамки данной главы. Лишь в 40-х годах началась добыча серебра, исчислявшаяся уже сотнями пудов. Данные, приводимые ниже, показывают, какое количество серебра шло на денежный передел в 1698 – 1737 гг.⁸⁴:

	Всего, пудов	В среднем за год, пудов
1698 – 1711 г. (до 3 июня)	36 915	2681
1711 (с 4 июня) – 1719 г.	8 626	1015
1720 – 1726, 1728 гг.	11 641	1455
1731 – 1737 гг.	22 385	3198

Прежде всего бросаются в глаза большие среднегодовые расходы серебра в первый и четвертый периоды. Объясняется это главным образом тем, что в 1698 – 1711 и в 1731 – 1737 гг. велся в значительных размерах передел старой серебряной монеты. Мы не располагаем сведениями, какое место в чеканке 1698 – 1711 гг. занимала старая монета. Но такие данные имеются за 30-е годы XVIII в. Из общей суммы серебра, израсходованного в эти годы, 13 187 пудов приходилось на долю мелкой серебряной монеты, подвергшейся переделу, и 9 198 пудов на новое серебро. Если исключить в эти годы перечеканку старой монеты, то среднегодовой расход нового серебра – 1314 пудов – окажется близким к среднегодовому расходу в 20-е годы – 1455 пудов, когда передела серебряной монеты.

не было. Можно полагать, что в первый период (1698 – 1711 гг.) наряду с переделом старых денег чеканка серебряной монеты из нового серебра тоже была значительной вследствие огромных финансовых затрат, вызванных первым, самым тяжелым периодом Северной войны. Во всяком случае, она была не меньше, чеканки монет из нового серебра (в среднем немногим более 1000 пудов в год) во второй период (1711 – 1719 гг.), когда напряжение войны несколько спало.

Итак, среднегодовой расход нового серебра, используемого для выпуска монеты, составлял в первые сорок лет XVIII в. 1000 – 1500 пудов. В отдельные годы он был больше 1,5 тыс. пудов и, по-видимому, крайне редко меньше 1 тыс. пудов в год. Этот вывод подтверждается данными о ежегодном расходе нового серебра (в пудах) в 20 – 30-е годы XVIII в. (подобными сведениями за 1698 – 1719 гг. мы не располагаем)⁸⁵.

1720 г.	1145	1728 г.	1875
1721	1504	1731	1615
1722	390 ⁸⁶	1732	1081
1723	1311	1733	933
1724	1879	1734	1378
1725	2225	1735	1339
1726	1312	1736	1131
		1737	1721

Каковы основные источники получения серебра? Их несколько: пошлины, торговля казенными товарами, поставка подрядчиками, покупка серебра. Удельный вес этих источников в общем поступлении серебра в разные годы был неодинаков, как неодинаковой была и прибыль, получаемая казной от передела каждого из указанных видов серебра.

За 12 лет (1720 – 1731) от пошлины, взимаемых в портовых таможенных талерами (ефимками), поступило 7491,5 пуда серебра или в среднем около 625 пудов в год. В связи с тем, что по "сепаратному артикулу" Ништадского мирного договора 1721 г. Россия должна была выплатить Швеции в четыре срока (в 1722 – 1724 гг.) 2 млн. ефимков, в эти годы на монетные дворы было передано мало серебра (в 1722 г. – 247 пудов, в 1723 г. – 387, в 1724 г. – 433 пуда). В другие годы это число колебалось от 535 до 850 пудов. Рекордным был 1730 г., когда сборы пошлин дали 1048 пудов серебра⁸⁷. В первой половине 30-х годов вследствие роста внешнеторговых оборотов и активного баланса в торговле поступление серебра от сбора пошлин увеличилось и составляло в среднем 900 пудов в год⁸⁸.

В нашем распоряжении нет сводных данных о количестве серебра и прибыли, получаемой от продажи казенных товаров (поташ, смольчуг, ремень, рыбий клей, икра, железо и др.). Данные, имеющиеся в литературе и архивных материалах, показывают, что продажа казенных товаров давала значительно меньше монетного сырья, чем сборы пошлин и, как будет показано ниже, меньше, чем покупка серебра. При Петре I (до

1719 г.), когда существовала монополия казны на продажу большего числа товаров, иначе говоря, она принимала более активное участие во внешней торговле, от этого источника поступало больше серебра, чем в 20 – 30-х годах XVIII в.

Поставлять на монетные дворы серебро на определенных условиях подряжались иноземные и русские купцы. Казна заключала с ними контракты, которые, однако, не всегда выполнялись подрядчиками. Примером могут служить контракты с голландским купцом Е. Меером и компанией русских купцов. Меер вел обширную торговлю товарами, которые были объявлены казенной монополией, ставил сукно для русской армии и сырье на монетные дворы. Действовал он, вероятно, не один, а при поддержке компании голландских купцов, в которую входили Люпс, А. Тиммерман, Я. Бройн. В 1725 г. он обязался поставить 1000 пудов серебра, а в 1726 г. 2000 (затем сократил размеры до 1250 пудов). По контракту он должен был сдавать на монетные дворы серебро не российское, а исключительно иностранное, привезенное "из чужих краев" в ефимках, других монетах, в деле, а не в слитках. Меер в 1726 г. доставил всего 251,5 пуда⁸⁹. Компания московских купцов во главе с купцом Гостиной сотни Денисом Култыгиным заключили договор в феврале 1727 г. на поставку ежегодно 2 тыс. пудов чистого серебра по 18,5 коп. за золотник. Своего обязательства они также не выполнили и в 1727 – 1728 гг. передали казне всего лишь 1117 пудов серебра⁹⁰.

Трудности, возникшие при заготовке серебра, в значительной мере объяснялись отсутствием собственной добычи, недостаточным привозом его из-за рубежа, относительно невысокими ценами, установленными казной. В 1720 – 1723 гг., когда цена на серебро в России составляла 15 – 16 коп. за золотник, его было куплено всего около 135 пудов⁹¹. Острая нужда в монетном сырье заставила Петра I в июле 1723 г. повысить цену до 20 коп. за золотник чистого серебра⁹². Результаты не замедлили сказаться. С июля 1723 по апрель 1724 г. казна приобрела у купцов 1094 пуда серебра. Но при такой цене прибыль казны от передела серебра была ничтожной – примерно около 2% от общей суммы чеканки. Так, в 1723 – 1724 гг. было куплено серебра 1702 пуда на 970,8 тыс. руб. После передела этого серебра прибыль казны составила всего 18 тыс. руб. Разумеется, казна, не желая лишаться прибыли от передела покупного серебра, не могла долго сохранять на него цену, установленную в 1723 г. Спустя некоторое время, цена была снижена до 18 коп. за золотник чистого серебра, что вновь повлекло за собой сокращение объема закупок. Хотя официально эта цена существовала до июля 1741 г., но в связи с острой нехваткой серебра казна в отдельных случаях тайно платила за золотник и 19 – 20 коп. Так, по контракту компанейщикам во главе с Култыгиным казна должна была платить за золотник серебра 18,5 коп., но фактически они поставляли серебро по 20 коп., так как им доплачивали 1,5 коп. за золотник.

В 1720 – 1731 гг., т.е. за 12 лет на денежные дворы поступило покупного и подрядного серебра 4123,5 пуда или в среднем в год 343,6 пуда⁹³. Сбор пошлин, покупка и подряд были главными источниками притока серебра на монетные дворы. В этот период эти источники давали ежегодно в среднем 969 пудов серебра. Продажа казенных товаров играла, несомненно, меньшую роль в поступлении серебра. Кроме того, в денежный передел шло серебро, взыскиваемое с должников, отписанное на казну, взимаемое в качестве штрафа и т.д. Так, в 1721 – 1726 гг. было "взято из доимки" ефимков и серебра 952,5 пуда на 430 тыс. руб.⁹⁴

Самые большие доходы казна получала от передела серебра, собранного в виде пошлин. Так, в 1720 – 1731 гг. они составили 1643 тыс. или в среднем 137 тыс. руб. в год. Такая высокая прибыль объяснялась тем, что в таможенных талер оценивался по курсу 50 коп., т.е. значительно ниже действительного. В конце 20-х годов, например, курс талера был равен 102 – 103 коп. Доходы от передела покупного и подрядного серебра были во много раз ниже, чем от пошлинного. Главная причина тому, как уже отмечалось, высокие цены на серебро. За этот же период (1720 – 1731 гг.) эти доходы были равны 94,4 тыс., или в среднем 7,9 тыс. руб. в год. В целом за 12 лет на денежные дворы поступило пошлинного, покупного и подрядного серебра 11615 пудов на 5,6 млн. руб. От передела этого количества серебра казна получила прибыли 1735,5 тыс. руб.

В 20 – 30-е годы XVIII в. прибыль от передела серебра, полученного от продажи казенных товаров, в среднем превышала доходы от передела подрядного и покупного серебра. Так, прибыль от поташа и смольчуга в 1732 г. составляла 64,3 тыс. руб., в 1733 г. – 25,7 тыс., в 1734 г. – 72,9 тыс. руб. В 1721 – 1743 гг. среднегодовая прибыль от передела серебра, поступившего от продажи поташа равнялась 37,6 тыс. руб. Еще более значительными были эти доходы при Петре I (до 1719 г.). В 1715 г., например, прибыль от передела ефимков, полученных от продажи казенных товаров (смола, смольчуг, поташ, икра, клей, щетина и мачтовые деревья), составила около 100 тыс. руб.⁹⁵

Золотые монеты и в первой четверти XVIII в., и в последующие 25 – 30 лет, когда добыча собственного золота была ничтожна, чеканились в небольшом количестве. Серебро в России стоило дорого, а цены на золото были низкими. В европейских странах золото ценилось в 14 – 15 раз дороже серебра, а в России примерно – в 13 раз. Так, цена на золото в это время была 245 коп., а на серебро – 18 коп. за золотник. Золотник чистого золота в петровских двухрублевиках стоил 2 руб. 66 $\frac{2}{3}$ коп., а в серебряной монете – 20 $\frac{4}{7}$ коп., т.е. соотношение золота к серебру составляло примерно 13 к 1 ($266 \frac{2}{3} : 20 \frac{4}{7} = 12 \frac{26}{27}$), следовательно, было неблагоприятным для золота.

К. Маркс в "Капитале" отмечал, что нарушение соотношения стоимости золота и серебра 1:15 влечет за собой изъятие из обращения или вывоз за границу того металла, который оценивается слишком низко⁹⁶. Именно такое положение сложилось в денежном обращении России, где стоимость серебра была высокой, а золота низкой. Вследствие этого российскую золотую монету было выгодно вывозить за границу, что тайно и делали иноземные купцы (вывоз драгоценных металлов и монет из России был запрещен). По этой же причине было мало желающих ввозить золото в Россию, и оно не могло широко использоваться в качестве монетного сырья.

Представители администрации отчетливо сознавали, что соотношение цен на золото и серебро в России невыгодно для государства и прежде всего для казны. Но изменить его было непросто. Монетная контора в донесении Сенату 28 декабря 1728 г. сообщала: чтобы золото в монетах ценилось дороже серебра хотя бы в 14 раз, как в ряде европейских государств, надо из золотника золота чеканить 293 коп., а не $266\frac{2}{3}$, т.е. на $26\frac{1}{3}$ коп. больше, или из золотника чистого серебра делать 19 коп., а не $20\frac{4}{7}$ коп. Для этого следует или понизить пробу золотых монет или уменьшить их вес на указанную сумму. Однако на такой шаг пойти опасно, ибо иностранные купцы, определив, сколько в новой монете чистого золота, соответственно этому установят цену товарам и векселям, и кроме того вывезут за рубеж более добротную старую монету. В качестве примера Монетная контора ссылалась на опыт петровского времени. В 1702 – 1717 гг. русские червонные полностью (и по весу и по пробе) соответствовали золотым дукатам и ходили с ними наравне. Когда в 1718 г. стали делать золотые двухрублевники 75-й пробы, тогда "прежние добрые золотые из России все вывезли вон, и ныне оных не видно ничего". Уменьшение же веса и понижение пробы серебряной монеты привели к резкому вздорожанию серебра, золота и зарубежных товаров, что отрицательно сказалось на доходах казны и экономике страны в целом.

Уравнять серебряную монету с золотой тоже небезопасно. "Ежели прибавить доброты в серебряных деньгах, то таковых по отдании с денежного двора никогда более не увидим", – писала Монетная контора. Новые серебряные деньги будут вывозить, а от старых отказываться. Более правильное соотношение цен на золото и серебро (т.е. такое же, какое существовало в большинстве европейских стран) могло сложиться в России в результате притока серебра и понижения цены на него. Достигнуть этого можно было лишь путем увеличения объема внешней торговли и главным образом экспорта русских товаров. Монетная контора справедливо отмечала: чтобы "удержать вывоз доброй монеты из России", необходимо прежде всего "исправить торг", добиться того, чтобы "русские

товары превосходили пред чужестранными". Одновременно в донесении подчеркивалось, что наличие в денежном обращении монет разной пробы наносит ущерб экономическому развитию и в первую очередь торговле страны⁹⁷. Резолюция Сената на донесение Монетной конторы последовала лишь спустя полтора года.

В течение 1725 – 1729 гг. выпускались андреевские двухрублевики, которые по своему типу, весу и пробе ничем не отличались от золотых, чеканившихся с 1718 г. при Петре I. На лицевой стороне (аверсе) в 1726 – 1727 гг. был изображен нагрудный портрет Екатерины I, а в 1727 – 1729 гг. – Петра II, на оборотной – Андрей Первозванный. За 5 лет было выбито 69531 золотой (в 1725 г. – 15452, в 1726 г. – 9156, в 1727 г. – 11728, в 1728 г. – 9397, в 1729 г. – 23798) на 139 062 руб. Причина чеканки в таких малых размерах золота крылась в его нехватке. Купцы отказывались продавать и поставлять по подряду золото на монетные дворы по 2 руб. 45 коп. за золотник (227 руб. 85 коп. за фунт), считая эту цену, установленную правительством, низкой и требовали прибавки в 15 коп. на золотник. Казна отказывалась платить такую цену, не желая терять, хоть и небольшую, прибыль от передела золота (14 руб. 80 коп. от лигатурного фунта золота 75-й пробы). Кроме того, по мнению Монетной конторы, если платить такую высокую цену, то впредь золота по 2 руб. 45 коп. за золотник "купить будет невозможно"⁹⁸.

Монетные дворы постоянно испытывали нужду в золоте. Данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о незначительных размерах золота, приобретенного казной в 20-х – начале 30-х годов. Так, за 12 лет (1720 – 1731) было куплено всего 28 пудов 5 фунтов 34 золотника на 223715 руб. Передел этого золота принес 11 187 руб. прибыли⁹⁹. Другие источники поступления золота тоже были незначительны.

О том, насколько остро стоял вопрос о сырье для чеканки золотой монеты, можно видеть на примере изготовления червонных в 1729 г. Осенью этого года Коллегии иностранных дел понадобилось 17 тысяч червонцев. Для выделки такого числа червонцев надобно было 3 пуда 25 фунтов чистого золота. На Московском монетном дворе наличного золота оказалось самая малость – 2 фунта 62 золотника. Куплено же было в этом году до сентября всего 9 фунтов. В Монетную контору поступило около 15 фунтов золота из московского казначейства и Оружейной палаты. Выполнить задание можно было только купив золото по дорогой цене – 2 руб. 60 коп. за золотник или иностранные червонные по 2 руб. 25 коп. штука. Но при такой цене чеканка российских червонцев была убыточной для казны. Кроме того, требуемое количество золота невозможно было быстро купить. Монетная контора предложила пустить в передел 15773 золотых двухрублевики с андреевским крестом, что и было сделано¹⁰⁰.

Золотые двухрублевики были отступлением от международного стандарта золотых монет. Поэтому они чаще использовались для внутреннего обращения; в международных расчетах применялись дукаты. Это обстоятельство и послужило, по всей вероятности, основной причиной отказа от выпуска андреевских золотых двухрублевиков и перехода вновь с 1729 г. к чеканке червонцев, которые были по пробе и весу полностью тождественны голландскому дукату.

При цене 2 руб. 45 коп. за золотник передел пуда золота в андреевские двухрублевики со всеми расходами приносил казне прибыли 522 руб., а в российские червонные 93-й пробы по 118 штук из фунта – в 4 с лишним раза меньше (144 руб. от пуда). Не желая терять доходы от чеканки червонцев, казна повысила их номинал сначала до 2 руб. 20 коп., а затем до 2 руб. 30 коп.

В феврале 1729 г. Монетная контора вновь обратила внимание Сената на вывоз из России золота и золотых монет. В качестве одной из мер борьбы с этим явлением Монетная контора предложила разрешить желающим переделывать на монетных дворах золото в монеты с уплатой всех расходов плюс 5 коп. в казну от каждого червонного. Казна получала бы 200 руб. прибыли от пуда золота. Но Сенат это предложение не поддержал¹⁰¹. В июле 1730 г. Сенат определил передать вопрос о чеканке золотой монеты на обсуждение вновь созданной (в июне 1730 г.) Комиссии о монетном деле.

Часть II

НА ПУТЯХ СТАБИЛИЗАЦИИ. 1730 – начало 1760-х годов

Глава третья

МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО СТАБИЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

КОМИССИЯ О МОНЕТНОМ ДЕЛЕ 1730 – 1731 гг.

Расстройство денежного обращения в стране, вызванное усиленной чеканкой неполноценной медной монеты по 40 руб. из пуда, появлением множества фальшивых денег, наличием в обращении серебряных монет разных проб, пагубно отражалось на экономике страны, уменьшало в целом доходы казны и вело к ухудшению положения народных масс. Правительство, учитывая создавшееся положение, решило создать Комиссию о монетном деле, которая должна была наметить практические меры по улучшению денежного хозяйства в стране.

Инициатива создания Комиссии принадлежала Татищеву. Об этом можно судить на основании записки, обнаруженной нами в бумагах А.И.Остермана, и составленной, очевидно, для него. Записка "На память о чем нужно разсуждать ко исправлению принадлежащего денег" не датирована и не имеет подписи¹. Но автором ее вне всякого сомнения является Татищев. Во-первых, в ней ставятся в основном те же вопросы, что и в других его записках и письмах, упомянутых ранее. Во-вторых, имеются фразы очень близкие по смыслу и манере изложения². В-третьих, даются ссылки на многие представления и мнения Татищева в Берг-коллегию, Монетную контору, Кабинет и Сенат, а также на "поденный" журнал ("дневную записку"), который он вел в Швеции в 1724 – 1726 гг. Разумеется, никто, кроме самого Татищева, не мог знать и помнить всех упоминаемых в записке донесений, составленных им в разные годы и тем более записей в "поденном" журнале.

Записка составлена, очевидно, незадолго до учреждения Комиссии, в мае – июне 1730 г. В ней Татищев остановился на крупных недостатках денежного обращения и монетного дела в России: низкая проба серебря-

ной монеты, наличие в обращении монет одинакового достоинства, но разных проб, неполноценность медных денег, большое количество фальшивых монет, неправильное соотношение цен между серебром и золотом и т.д. Он предложил обсудить различные аспекты такого сложного дела как изъятие из обращения "худой" монеты и повышение достоинства золотой, серебряной и медной монеты, иначе говоря, принять необходимые меры для стабилизации денежного обращения в России. В Комиссии следует обсудить главный вопрос, а именно, где взять деньги на осуществление этих мер. "Понеже как золотые, так серебряные, а наипаче медные деньги нужно переделать в лучшие, и худую монету из государства вывести, на которое несколько миллионов потребно, и ежели готовых не имеется, откуда потребное число достать без помешательства других потреб и тягости народа", — писал Татищев³. По существу в памятной записке намечена программа работы Комиссии. Татищев подчеркнул необходимость представительного характера Комиссии, т.е. включения в ее состав помимо деятелей администрации компетентных лиц от разных сословий, исключая крестьян.

Предложение Татищева было принято. Указом от 22 июня 1730 г. Сенат объявил о создании Комиссии. "Понеже оное дело важное, и требует разсуждения довольного и чрез многое число голосов, дабы могли быть все того дела обстоятельства исследованы и истолкованы", Сенат рекомендовал выбрать в Комиссию "искусных и знающих людей" от дворянства, купечества, а также представителей от центральных учреждений. В Комиссию вошли от Монетной конторы В.Н.Татищев, А.Л.Плещеев, П.И.Мусин-Пушкин, ассессор В.Неронов, обер-минцмейстер И.Мокеев; от Комерц-коллегии — ее вице-президент К.Принцестерн, А.К.Зыбин — бывший президент Берг-коллегии, а после ее слияния с Коммерц-коллегией — руководитель горной экспедиции последней, О.Д.Соловьев — ассессор; от дворянства — Б.Аладьин, Ю.Кологривов, И.Талызин, М.Корсаков; от крупного московского купечества И.Семенников, Яков и Аврам Евреиновы и В.Щеголин.

Перед Комиссией были поставлены следующие задачи: рассмотреть, каким образом "без дальнего казенного убытка и народной тягости" выменять медные деньги и мелкую серебряную монету, определить какого номинала и пробы впредь должны быть медные и серебряные монеты, как покончить с фальшивыми деньгами ("воровские пресечь")⁴. Комиссия начала свою деятельность в Москве в июне 1730 г. с обсуждения вопроса о обмене медных денег, деланных по 40 руб. из пуда, и в первую очередь полушек и ког.зек, так как они, особенно полушки, были сделаны хуже, чем другие медные монеты ("суть весьма худого дела"). Среди полушек имелось множество фальшивых, которые почти невозможно было отличить от настоящих, т.е. казенного чекана. Наиболее трудной задачей для Комиссии было решить вопрос, за счет кого произвести

операцию по обмену обесцененной медной монеты, т.е. кто будет нести убытки – казна, народ или тяготы должны быть поделены, и если поделены, то в какой пропорции? Из сенатского указа 22 июня 1730 г. вытекало, что казна, по-видимому, готова взять на себя определенную долю расходов.

Прежде чем перейти к изложению конкретных предложений Комиссии по изъятию из обращения медной монеты, рассмотрим ее суждения общего характера о состоянии денежного хозяйства в стране. Исходя из опыта России и зарубежных стран, Комиссия считала полезным использование меди в качестве монетного сырья, тем более в условиях нехватки серебра в стране. Чеканка медных монет – один из элементов, обеспечивающих нормальное функционирование денежного обращения. Однако эта чеканка не ведет к расстройству денежного обращения при выполнении определенных условий. Во-первых, стоимость меди в монетах не должна намного превышать рыночной цены на нее; во-вторых, медь следует использовать лишь для чеканки мелкой разменной монеты, а не как заменитель серебра, в-третьих, соотношение медных монет к серебряным должно составлять примерно 1 к 10. В России все эти условия, по мнению Комиссии, нарушены. Золотых и серебряных монет начеканено, примерно, на 30 млн. руб., а медных – на 4,5 млн. Кроме того, имелось много фальшивых медных денег, сделанных внутри страны и привезенных из-за рубежа, возможно, на такую же сумму. В итоге в России сложилось ненормальное соотношение между серебряной и медной монетой, т.е. удельный вес медных денег в денежном балансе страны слишком велик. К тому же медные деньги обесценены, потому что в них содержится меди в 4,5 – 5 раза меньше их нарицательной стоимости. Вследствие этого медные деньги причиняют "великое помешательство" в торговле, требуют много времени для счета. Они являются одной из причин падения вексельного курса, роста цен на иностранные товары, в том числе на серебро, "понеже чужестранные купцы всегда против доброты денег смотря поступают, того ради берут на вексель великую наддачу и накладывают на товары свои дорогую цену". Вывоз за границу российской золотой и серебряной монеты, особенно высокой пробы, тоже в значительной мере является следствием "недостойства и худобы" медных денег.

Низкое качество чеканки, а главное высокая стоимость металла в медных деньгах (по сравнению с подлинным количеством содержащейся в них меди) вели к увеличению числа фальшивомонетчиков в России. "В деле оных медных денег, а наипаче в полушках, воровства умножилось, что уже и женские персоны оное ремесло употребляют," – отмечала Комиссия. Вместе с тем, увеличился привоз фальшивых денег в Россию из-за рубежа, что было особенно плохо, так как иноземцы "за воровской пуд меди" стоимостью в 8 руб. покупали русских товаров на 40 – 50 руб., и тем самым получая "великую прибыль", причиняли "Российскому госу-

дарству напрасный великой убыток". Хотя и учреждены многие заставы, но не допустить тайного привоза фальшивых монет из-за границы трудно, "понеже и кроме застав... от границ дороги есть". Все самые строгие меры против фальшивомонетчиков, как показывает опыт России и других стран, бессильны. На месте казенных появляются другие. Единственный способ покончить с фальшивомонетничеством — это повысить качество чеканки, а главное установить такую стоимость металла в монете, чтобы она не намного превышала рыночную цену на него. В частности, одни члены Комиссии предлагали чеканить монету по 8 руб., другие по 10 руб. из пуда меди.

Общий вывод Комиссии таков: чеканить медные деньги номинала выше копейки "весьма сумнительно", ибо от них "государству вред, а купцам и протчим обида". Таким образом, Комиссия высказалась за то, чтобы медная монета обращалась лишь в качестве мелкой разменной. Что касается объема чеканки, то он должен определяться потребностями в подобного рода монете. Однако Монетная контора не располагает капиталом для вымена всех медных денег, чеканенных по 40 руб. из пуда меди, поэтому Комиссия в донесении Сенату от 11 сентября 1730 г. предложила изъять из обращения прежде всего полушки, так как от них более всего "воровство и обман, и народная тягость"⁵.

По главному вопросу — какова должна быть доля казны и народа в возмещении расходов, связанных с обменом медных полушек, — в Комиссии не было единства.

Представители дворянства, купечества, П.И.Мусин-Пушкин, О.А.Соловьев и А.Л.Плещеев предложили недоплачивать населению за вымениваемые полушки 25%, т.е. за рубль платить 75 коп. Всего, по их мнению, в обращении находится полушек, примерно, на 1 млн. руб., из них на 524 тыс. казенного чекана, остальные на 476 тыс. руб. — фальшивые. Нельзя согласиться с мнением, заявили они, что от обмена настоящих полушек (524 тыс. руб.) казна якобы понесет убыток 420 тыс. руб. ибо в них меди содержится на 104 тыс. руб. (13 тыс. пудов по 8 руб.). В свое время казна от чеканки полушек на 524 тыс. руб. получила огромную прибыль и поэтому расходы по изъятию их из обращения она должна взять полностью на себя. Что касается расходов по обмену фальшивых монет на сумму 476 тыс. руб., то из них 250 тыс. руб. (т.е. 25% от общей суммы в 1 млн. руб.) приходится на народ и 226 тыс. руб. на казну минус 40 тыс. руб. за медь (5 тыс. пуд. по 8 руб.), которая содержится в них. Иначе говоря, убыток казны составит 186 тыс. руб. Из этого следует, что народ понесет больший убыток, чем казна⁶.

Представители Монетной конторы и Коммерц-коллегии — Татищев, Зыбин и др. исходили из того, что в обращении имеется полушек на 924 тыс. руб. и предлагали выплатить за казенные полушки 524 тыс. руб. (т.е. копейка в копейку), а за фальшивые 64 тыс. руб. по стоимости содер-

жащейся в них меди (около 8 тыс. пудов по 8 руб. за пуд). Всего, следовательно, казне для осуществления вымена полушек требовалось 588 тыс. руб. По этому расчету ее "убытки" исчислялись в 420 тыс. руб. (588 тыс. руб. минус 168 тыс. руб. за 21 тыс. пудов меди, содержащейся в полушках), а убытки народа — в 336 тыс. руб.⁷

Как видим, между этими двумя предложениями нет принципиальной разницы. Первая группа членов Комиссии выступала за то, чтобы казна взяла на себя большую часть расходов (свыше $\frac{2}{3}$). Убыток от вымена полушек на 1 млн. руб. составлял 856 тыс. руб., в том числе 606 тыс. руб. приходилось на долю казны и 250 тыс. на долю народа. Вторая группа предлагала, чтобы казна взяла на себя немногим более половины расходов. Убыток от обмена полушек на 924 тыс. руб. составлял 756 тыс. руб., из них казна должна была заплатить 420 тыс. руб., а народ — 336 тыс. руб.

Что касается купцов — членов Комиссии, то их позиция не требует особого разъяснения. У купчества имелись мелкие медные деньги и оно, разумеется, было заинтересовано в том, чтобы при их обмене потери составили как можно меньшую сумму. Представители дворянства в Комиссии заботились не столько о народе, сколько о собственных интересах, ибо чем меньше были поборы с крестьян в пользу государства, тем больше доходов помещики могли извлекать от эксплуатации крепостных.

Представителям бюрократии, каковыми являлась меньшая часть членов Комиссии (Татищев, Зыбин и др.), интересы абсолютистского государства были ближе, чем, например, купцам. Но вполне возможно, что они более трезво, реалистично подходили к делу, полагая, что правительство все равно не утвердит предложения, перекладывающие на казну большую часть расходов. Если это так, то они, как видно будет из последующего изложения, оказались правы.

При обсуждении вопроса об обмене копеек, в числе которых, как считала Монетная контора, фальшивых было немного, члены Комиссии были единодушны в том, что все расходы по осуществлению этой операции казна должна взять на себя.

Комиссия предложила в качестве разменной мелкой монеты сделать из меди полушек, денежек и копеек на 1,5 — 2 млн. руб., причем предусматривалось использование для этого также копеек старого и нового дела: первые, чеканившиеся при Петре по 20 руб. из пуда меди, — без переплавки перепечатать "в денежки чистым и добрым мастерством", вторые, выпущенные в 1728 — 1729 гг. по 40 руб. из пуда, — выменять и перепечатать в полушки. Перепечатка старых копеек без переплавки позволит выиграть время, а главное обойдется значительно дешевле. Так, по мнению Комиссии, денежек на 500 тыс. руб. путем перепечатки старых монет можно сделать в 4 — 5 месяцев, а если их переплавлять, то потребуются год или более. При перепечатке расходы составят 30 коп., а при переплавке 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 30 коп. с пуда меди. Петровские копейки в основном

были выменены еще ранее. Часть из них пошла на дело пятикопеечников, другая, примерно на 857 тыс. руб., хранилась на московских монетных дворах. Их-то и предполагалось перепечатывать в денежки и использовать для обмена полушек, чеканенных по 40 руб. из пуда.

Следовательно, новые полушки и денежки намечалось делать по 10 руб. из пуда вымененных монет, тем самым они стали бы в 4 раза тяжелее и полноценнее находившихся в обращении медных денег.

По мнению Комиссии, полушки, сделанные из красной меди, следует принимать без разбора, в противном случае потребуются время, люди, а значит, лишние расходы. Фальшивые полушки – оловянные, из тазовой меди, из польских шелегов, гладкие кружки – запрещалось принимать. Предполагалось установить двухмесячный срок обмена и объявлялось, что после этого за полушки на монетных дворах будут платить по рыночной цене за медь.

Комиссия высказалась за неуклонное проведение протекционистской политики в отношении металлургической промышленности страны. Сообщая Сенату, что на монетных дворах в Москве и в Берг-коллегии имеется "немалое число меди" и что такого количества в ближайшее время не потребуется для монетного передела, Комиссия предложила "излишнюю медь для пробы" продать за границу на ефимки по 7 – 8 руб. пуд беспошлинно. А импорт меди и железа "в деле и не в деле обложить высокой пошлиной или вовсе привоз запретить". Спустя год, в донесении Сенату от 15 декабря 1731 г. Комиссия повторила свое предложение: излишки меди следует разрешить продавать на внутреннем рынке и вывозить в Польшу и другие страны. Чтобы поощрить вывоз уральской меди за рубеж, Комиссия рекомендовала при продаже крупных партий на ефимки понизить цену на 50 коп. с пуда. Казна в этом случае не будет в убытке, "понеже от ефимков при переделе будет прибыль"⁸.

Разногласия между членами Комиссии обнаружались при обсуждении вопроса, на какую сумму чеканить впредь денег из пуда меди и по некоторым другим, более частным вопросам. Большинство членов Комиссии во главе с П.И.Мусиным-Пушкиным высказалось за чеканку монет по 8 руб. из пуда меди, так как казне медь с доставкой с уральских казенных заводов обходилась около 4 руб. за пуд. Примерно такая себестоимость пуда меди была на частных заводах. Они рекомендовали правительству обязать заводчиков сдавать всю медь государству по установленным ценам, т.е. по существу предлагали вернуться к практике, введенной Берг-привилегией 1719 г. и отмененной в 1727 г. Казне следует продавать пуд меди по 7 руб., т.е. на рубль ниже стоимости обмонеченной меди – тогда не будет никакой выгоды делать фальшивую монету⁹.

Другая группа членов Комиссии во главе с Татищевым высказалась против этого предложения, как убыточного для казны. Она предложила чеканить мелкую монету по 10 руб. из пуда меди. По ее мнению, в этом

случае охотников подделывать монету не будет: риск большой, а прибыли мало. Татищев ссылался на опыт Швеции и Англии. В Швеции, например, меди производят больше, чем в России, и продается она дешевле, по 7 руб. с небольшим за пуд. Однако мелкую медную монету делают по 10 руб. из пуда и в том чрез много лет они (шведы – А.Ю.) еще никакого вреда их государству не обретают¹⁰. Татищев решительно высказался и против обязательной продажи частными владельцами меди государству по низким ценам. Более того, если даже заводчикам платить "достойную цену", т.е. не ниже рыночной, то и тогда им будет невыгодно отдавать государству всю медь, производимую на их предприятиях. Казна вряд ли сможет сразу выплатить всю сумму, а предприниматели, лишённые оборотного капитала, не сумеют развивать производство¹¹. Таким образом, Татищев выступил против принудительных поставок меди в казну, которые сдерживали приток частного капитала в медеплавильную промышленность, а следовательно, рост этой отрасли металлургии. Между тем медь была нужна не только для денежного передела. Вслед за уральским железом она могла стать одним из важных товаров русского экспорта. Именно на это обстоятельство Татищев пытался обратить внимание правительства.

Сенат рассмотрел все материалы обсуждения вопроса об обмене медных денег в Комиссии о монетном деле и представил 30 сентября 1730 г. императрице доклад. Сенаторы согласились с мнением Комиссии об изъятии в первую очередь полушек и копеек и о перепечатке старых копеек в денежки и новых в полушки. Анна Иоанновна утвердила доклад и поручила Сенату подготовить соответствующие указы. Такие указы были опубликованы 5, 20 октября и 22 декабря 1730 г.¹² Из них следует, что Сенат поддержал те предложения, которые больше всего отвечали интересам казны. Правительство пошло еще дальше в своем стремлении переложить тяготы по обмену медной монеты на плечи народа. Группа Татищева предложила платить за полушки (и казенные, и фальшивые) из расчета вначале 27 руб. 80 коп., затем 25 руб. за пуд. Сенат же понизил эту цену до 20 руб. По данным Комиссии казне за обмен всех (казенного дела и фальшивых) полушек следовало уплатить 420 тыс. руб., а населению – 336 тыс. руб. Разумеется, расходы казны можно только условно назвать убытками, потому что от чеканки полушек она в свое время получила значительную прибыль.

Однако все эти расчеты оказались условными, поскольку в процессе реализации указов об обмене мелкой медной монеты правительство предприняло новые шаги с целью уменьшить расходы казны. Был установлен двухмесячный срок обмена полушек и копеек, затем он был продлен еще на месяц. Но в такой короткий срок население не успело обменять все мелкие медные деньги, и они продолжали поступать на монетные дворы в Москву в 1731 и даже 1732 гг. В связи с запросом Монетной кон-

торы Сенат принял следующее решение. За медные деньги, изъятые из обращения и не сданные в срок (т.е. до 1 января 1731 г.), платить за полушки и фальшивые копейки по 5 руб. 50 коп. пуд, за копейки и денжки казенного дела соответственно — по 6 руб. 75 коп. и 6 руб. за пуд¹³. Таким образом, выплата с ранее установленной ценой (20 руб.) была уменьшена в 3 — 4 раза.

Мы не располагаем данными о финансовых итогах операции по обмену полушек, т.е. не можем сказать, какие расходы при этом понесла казна. Известно только, что полушки и незначительная часть копеек весом в 6350 пудов оказались непригодными для денежного передела и были использованы для литья пушек и колоколов¹⁴. Но такого рода сведения имеются по копейкам старого и нового дела. В результате их обмена доходы казны составили 67,8 тыс. руб.¹⁵

После принятия правительством решения об обмене полушек и копеек Комиссия о монетном деле поставила перед Сенатом вопрос об изъятии из денежного обращения пятикопеечников. В донесении от 1 декабря 1730 г. указывалось, что существование в России монет, изготовленных по 10 руб. (полушки и денжки) и по 40 руб. из пуда меди (пятикопеечников), представляет большую опасность. Во-первых, может умножиться приток фальшивых пятикопеечников из-за рубежа, во-вторых, и в самой России фальшивомонетки увеличат их выпуск. Комиссия предложила немедленно начать обмен пятикопеечников и перепечатку их в копейки, отметив, что на осуществление этой операции потребуется более 2,5 млн. руб.¹⁶ Одновременно она рекомендовала из меди, имеющейся в распоряжении казны, начеканить дополнительно полушек на 200 тыс. руб., а оставшуюся медь продать.

Сенат, видимо, не сразу прореагировал на это донесение и вопрос об обмене пятикопеечников был доложен императрице от имени Комиссии скорее всего Татищевым, который в это время был близок ко двору. 31 декабря 1730 г. последовал именной указ Анны Сенату, в котором вновь подчеркивалось, какой "государственный вред и народный убыток" происходит от обращения в стране обесцененной медной монеты. Полушки, и копейки, уже вымениваются, а о пятикопеечниках, которых выпущено более чем на 3 млн. руб. и которые также надлежит обменять, из Сената "никакого представления не сделано". Указом Сенату поручалось "без упущения времени" представить свои соображения об этом "великом и нужном государственном деле", и изыскать в государственном бюджете необходимые средства для проведения этой операции¹⁷.

Спустя почти месяц (25 января 1731 г.) Сенат издал указ об обмене пятикопеечников до 1 мая 1731 г.¹⁸ По указу должны были приниматься пятикопеечники только казенного чекана, фальшивые монеты не выменивались. За первые казна была намерена платить полностью серебряными монетами или новыми медными деньгами, чеканенными по 10 руб. из

пуда. Вымененные пятикопеечники предполагалось перепечатать в копейки, иначе говоря, превратить в монету, чеканенную по 8 руб. из пуда меди, и тем самым уничтожить возможность появления фальшивых денег ("чтоб ворам подделываться было не из чего"). К этому времени было выпущено пятикопеечников на 3173 тыс. руб. В результате их перепечатки в копейки казна получила бы 648,3 тыс. руб., остальную сумму, свыше 2,5 млн. руб., требующуюся для вымена, надо было изыскать. Эту сумму намечено было покрыть за счет сокращения расходов Военной, Адмиралтейской коллегий и других ведомств и главным образом путем чеканки серебряных монет из имеющегося у казны серебра (1890 пудов) и меди (56,1 тыс. пудов).⁶

Однако этот указ не был реализован. И дело, конечно, не в том, что трехмесячный срок, установленный для обмена пятаков на такую большую сумму, был явно недостаточен. Главная причина заключалась в отсутствии денег у казны и ее нежелании брать на себя все расходы по осуществлению этой операции.

Большое внимание Комиссия о монетном деле уделила вопросу о чеканке серебряных денег в России. Все члены Комиссии пришли к единодушному мнению, что надо повысить пробу серебряных монет, переделать мелкую серебряную монету в крупную (рублевую и полтинную) и ежегодно чеканить 300 пудов серебра в гривенники, пятаки и грошевики (2 коп.)¹⁹. Комиссия высказала два мнения – одно принадлежало Татищеву, другое – остальным членам. Точка зрения Татищева отражена в его записке от 13 ноября 1730 г. "Разсуждение есть ли польза манету российскую удобрить, а нискую истребить"²⁰. В ней затронут широкий круг вопросов, относящихся к состоянию денежного хозяйства России: значение полноценной монеты для торговли и экономики в целом, цены на золото и серебро и установление между ними пропорции, соответствующей мировому стандарту, передел серебряной монеты с целью повышения пробы и веса, разделение монетного фунта на 100 частей для удобства расчетов и др.

Татищев исходит из общего положения, что от "доброй монеты" государству польза, а от "худой" – вред. В первой четверти XVIII в. была осуществлена порча монеты. Но Россия в этом отношении не является исключением. Во время войн многие государства, нуждаясь в средствах, чеканили монету низкого качества. Однако, подчеркивает Татищев, после войн в ряде европейских государств правительства, "не взирая на великий труд и настоящей убыток", учитывая потребности экономического развития, изыали из обращения "худую монету" и перешли к чеканке полноценных денег. Россия должна последовать этому примеру. Основная мысль "Разсуждения" состоит в том, "что никакова вреда и убытка от повышения монеты быть не может, а пользы и нужды к пременению настоящих порядков показуется довольно". Доказательству этого тезиса и посвящена большая часть записки Татищева.

Сущность предложения Татищева сводилась к тому, что нельзя ограничиться только повышением пробы монет, а надо увеличить и их вес. Для удобства расчетов и избежания сложных дробей при переделе серебра Татищев, как и ранее в своем "Представлении о неисправлении весов" от 20 апреля 1727 г., предложил монетный фунт разделить на 100 частей (золотников) и на основе его чеканить монету, в которой будет 80 золотников чистого серебра и 20 меди. Таким образом, из золотника чистого серебра будет выходить 20 коп., а из лигатурного – 16 коп. Благодаря этому, писал Татищев, "дробь во всех положениях отняты будут", деньги станут чище и лучше, мелкую серебряную монету можно будет переделать в крупную без прибавки меди и серебра, наконец, в новой монете пропорция цен на золото и серебро составит 14 к 1, а рубль против прежнего будет содержать чистого серебра на 2,5 коп. больше.

Интересно замечание Татищева, которое он высказывал неоднократно и ранее, о намерении Петра I "манету делать лучше, а худую истребить". По его мнению, царь предполагал изъять из обращения неполноценную монету, потому что видел в ней одну из главных причин упадка ("великого помешательства") торговли. Это свидетельство Татищева подтверждается показаниями других государственных деятелей петровского времени, в частности, А.Д.Меншикова, А.К.Зыбина (вице-президента, а затем президента Берг-коллегии)²¹.

Большое внимание в "Рассуждении" уделено вопросу о соотношении цен на золото и серебро в России. В европейских государствах, замечает Татищев, эта пропорция определяется состоянием торговли и наличием в них золота. В разных странах она неодинакова. Выше всего цены на золото в Голландии, где оно в 15 раз дороже серебра, голландцы установили такое соотношение цен на золото и серебро, так как убедились, что "никоим смотрением вывоз золотой манеты удержать не могут". Между тем в России, где золота меньше, чем в других странах, оно ценится дешево по сравнению с серебром. Чтобы "пресечь" вывоз из России золотых монет, следовало бы установить такую же пропорцию цен на золото и серебро, как в Голландии или даже выше. Однако пойти на такую меру сразу нельзя, ибо это может повлечь за собой определенные осложнения.

По мнению большинства членов Комиссии, в России в обращении находились серебряные монеты, в основном двух проб: рублевые и полтинные 70-й пробы, в них веса около 15 600 пудов и мелкая в среднем 77-й пробы примерно на 20 млн. руб., в ней веса до 35 тыс. пудов. Если выпускать монету по образцу голландских талеров, т.е. примерно 83-й пробы, то для перечеканки всех прежних монет в эту пробу потребуется более 25 тыс. пудов чистого серебра. Но такого количества серебра не достанешь и в несколько лет, и на покупку его понадобится большая сумма денег. Можно, конечно, перечистить (т.е. уменьшить количество меди) всю прежнюю монету, но это тоже потребует времени и повлечет убыток в 1 млн. руб.

Исходя из этого все члены Комиссии, за исключением Татищева, предложили чеканить серебряную монету 77-й пробы и делать из лигатурного фунта серебра не 14 руб. 40 коп., как ранее, а 15 руб. 84 коп. В этом случае лигатурный вес рубля уменьшался на $\frac{1}{11}$ из-за убавки меди в монете. Ранее он составлял $96:14,4 = 6\frac{2}{3}$ золотника, теперь $96:15,84 = 6\frac{2}{33}$, но содержание чистого серебра в рубле не менялось: $77:15,84 = 4\frac{31}{36}$ золотника, т.е. оставалось такое же, как прежде $70:14,4 = 4\frac{31}{36}$ золотника. Следовательно, в новом рубле 77-й пробы золотник чистого серебра стоил $15,84:77 = 20\frac{4}{7}$ коп., или столько же, сколько в петровском рубле: $14,4:70 = 20\frac{4}{7}$ коп. Поэтому, отмечали члены Комиссии, не потребуется перечеканки крупной монеты (рублей и полтинников) 70-й пробы, выпущенной ранее, и новые деньги смогут находиться в обращении наравне со старыми²².

К обсуждению вопроса о перечеканке серебряной монеты Сенат привлек и Комиссию о коммерции. Комиссия высказалась против чеканки серебряной монеты 77-й пробы по 15 руб. 84 коп. из лигатурного фунта серебра, находя эту пробу низкой, а вес монет легким. Серебряную монету надо "в доброту и в весе возвысить" и привести в такое состояние, как в других европейских государствах. Комиссия предложила впредь чеканить монету 82-й пробы ("сходственно с ефимками") и по 14 монет из лигатурного фунта серебра. Новая монета по указу должна ходить по 1 руб. 20 коп. штука, но без обозначения нарицательной цены. Предусматривалось, что все старые серебряные деньги специально не будут отзываться, а по мере их поступления в казначейство должны переделываться по новой пробе и новой стопе. После перечеканки всех старых серебряных денег номинал новых монет следует понизить на 20 коп. и объявить, что они будут ходить как рублевые монеты.

Призванные в Комиссию о коммерции представители купечества отклонили ее предложение на том основании, что чеканка монет без обозначения цены может вызвать замешательство и споры. Комиссия о коммерции признала эти опасения купцов неосновательными, сославшись на то, что золотые червонные, на которых цена не указана, ходят без всякого недоразумения по 2 руб. 20 коп. Продолжая настаивать на своем мнении, Комиссия подчеркивала, что полноценная монета послужит развитию внешней торговли²³. Мнение Комиссии о коммерции нельзя не признать справедливым. Но в условиях того времени казна не могла пойти на реализацию этого предложения. Повышение пробы и веса серебряных монет требовало значительных затрат, наличия оборотного капитала и больших запасов серебра. Но именно их-то и не было у казны. По этой причине Комиссия о монетном деле, обсуждавшая по указанию

Сената в январе 1731 г. предложение Комиссии о коммерции, и отклонила его.

Сенат, ознакомившись с материалами обсуждения вопроса о чеканке серебряных денег в Комиссии о монетном деле, поддержал мнение большинства членов. Указом от 23 января 1731 г.²⁴ предусматривалась чеканка серебряной монеты достоинством в 1 руб. и 50 коп. 77-й пробы по 15 руб. 84 коп. из лигатурного фунта серебра. Вся старая мелкая серебряная монета подлежала перечеканке по той же пробе. Намечалось также выпустить "для мелкого размена" гривенников на 1 млн. руб., а если будет потребность, то и некоторое количество серебряных пятаков.

Правительство Анны, как видим, продолжало курс, начатый еще при Петре I, курс на чеканку из серебра в основном монет крупного достоинства. Проба и стопа серебряных денег, установленные указом 1731 г., сохранились до 60-х годов XVIII в.

Как было сказано ранее, Сенат поручил Комиссии о монетном деле рассмотреть также вопрос о чеканке золотой монеты. Сенат интересовался, не понесет ли казна убытков, если делать червонные по образцу голландских, т.е. пробую выше двухрублевиков, и какой номинал установить для новых монет? Получив необходимые сведения от Монетной конторы (вес, проба, цена на голландские червонные и т.д.), Комиссия сообщила их Сенату. Если делать червонные "против голландских" (93-й пробы по 118 штук из лигатурного фунта) из купленного золота по цене 2 руб. 45 коп. за золотник, то каждая монета обойдется со всеми расходами в 1 руб. 97 коп. В 1729 г. курс на голландские дукаты колебался от 210 до 220 коп., в 1730 г. — от 210 до 214 коп. Перечеканка иноземных золотых монет "за тонкостью", т.е. небольшой толщиной кружка, без переплавки невозможна²⁵.

Сенат остановился на высшей цене. По именному указу от 23 декабря 1730 г. на червонцы была установлена нарицательная цена в 2 руб. 20 коп.²⁶ Золотник чистого золота в новой монете стоил 2 руб. 79 $\frac{13}{93}$ коп., т.е. повышался по сравнению с двухрублевиками почти на 13 коп., но все же отношение цен золота и серебра в ней $(279 \frac{13}{93} : 20 \frac{4}{7} = 13 \frac{55}{93} : 1)$ продолжало оставаться неблагоприятным для золота и тем самым сохранялась опасность утечки золотых монет за границу²⁷. Это отношение сохранялось и в 40-х годах, хотя цена на золото в январе 1731 г. была повышена на 7 коп. на золотник²⁸, в результате чего пропорция цен на золото и серебро составила 14 к 1 (252:18)²⁹.

На основании сказанного можно сделать ряд заключений. Прежде всего следует отметить представительный характер состава Комиссии о монетном деле. В ее работе наряду с деятелями государственного аппарата принимали участие дворяне и купцы, включенные в состав Комиссии по указу Сената. Правительство Анны Иоанновны по существу продолжало

практику абсолютистского государства, практику привлечения представителей дворянства и купечества к обсуждению вопросов экономической политики. Крестьяне не были представлены в Комиссии. Конечно, от Комиссии такого состава нельзя было ожидать предложений, отвечающих интересам народных масс. И все же характерно, что представители дворянства и купечества исходя из собственной выгоды отстаивали такой вариант решения вопроса о вымене обесцененной медной монеты, который предусматривал определенные расходы со стороны не только населения, но и казны. Предложения Комиссии с этой точки зрения не вполне отвечали намерениям казны. Правительство внесло коррективы в эти предложения, особенно в процессе непосредственной реализации программы по обмену мелкой медной монеты с целью большей защиты интересов абсолютистского государства.

Комиссия о монетном деле, действовавшая в 1730 – 1731 гг., проделала большую работу и наметила конкретную программу улучшения денежного обращения в стране. Она была совещательным органом, и ее рекомендации не были обязательными для правительства. Но ее предложения об обмене медной обесцененной монеты, о чеканке впредь лишь разменной монеты по 10 руб. из пуда меди, о повышении пробы серебряной монеты и переделе мелких серебряных денег в крупные, о выпуске золотой монеты высокой пробы были в основном (за исключением условий вымена полшук) приняты правительством. Как отмечалось, казна затем отказалась от намерения выменять пятикопеечники, так как не имела средств, а главным образом потому, что не желала нести большие расходы. По этой же причине в основном не были приняты и предложения Татищева об улучшении качества серебряной монеты.

Однако, несмотря на ограниченный характер осуществленных правительством мер, они являлись шагом вперед в преодолении расстройств денежного обращения, в его стабилизации, что несомненно положительно сказалось на экономическом положении России в целом.

ПЕРЕДЕЛ МЕЛКОЙ СЕРЕБРЯНОЙ МОНЕТЫ В КРУПНУЮ

Вопрос о переделе мелкой серебряной монеты, подавляющую массу которой составляли проволочные копейки ручного производства, возник вскоре после прекращения их выпуска в начале 1718 г. Он не являлся частным вопросом состояния денежного хозяйства страны, а имел важное экономическое значение. Необходимость изъятия из обращения серебряных копеек диктовалась рядом соображений.

Во-первых, среди них было много плохих – гладких, односторонних, ломаных, обрезных и т.д. В обращении появилось множество фальшивых копеек, которые изготовлялись из меди, олова, стали и искусно покрывались серебром. Надо иметь в виду, что регулярная чеканка в больших

размерах рублевой монеты началась только в 1718 г. после прекращения выделки копеечек, которые до этого были основной серебряной монетой. Вследствие своих небольших размеров и веса (в 1698 – 1718 гг. вес копейки составлял 0,28 г) они легко терялись. Один из современников отмечал, что "серебряные деньги для малости их не токмо в пожарах и потопах, но из рук падал, невозвратно погибают" и, таким образом, ежегодно теряется "немалая сумма". К тому же "в результате многих счетов они обтираются, а особливо от счетов на песке"³⁰. Подсчет мелких серебряных денег отнимал массу времени и требовал расходов на содержание счетчиков в казенных учреждениях, куда поступали разного рода налоги.

Во-вторых, из года в год росла утечка за границу тяжеловесных и высокой пробы мелких денег. Внутри страны происходил тот же процесс – из обращения "выбирались хорошие деньги", а количество "воровских" (фальшивых) умножалось. В результате и казна, и население терпели убытки, а мелкий торг был затруднен. Казенные учреждения, особенно во время сборов подушной подати, по свидетельству Берг-коллегии, "выметывали", браковали треть поступивших серебряных копеек, а на Украине чуть ли не половину. Все это вызывало недовольство населения.

Как только население обнаружило, по свидетельству современника, что новые копейки (после реформы 1698 г.) стали легче старых, то в торговых рядах и лавках "почали деньги разбирать и старые от новых отделять сделанными деревянными нарочно для того маленькими машинами"³¹. Впрочем опытный человек и без "машинки" ощущал разницу в весе, а также видел различия в деталях изображения коня и одежды всадника на старых и новых копейках. Старые деньги (т.е. чеканившиеся до 1698 г.) по существу превратились в товар, которым торговали в рядах, особенно в серебряных, продавая с повышением цены. Тяжеловесные копейки сплавляли и употребляли "во всякие серебряные работы"³².

Правительство Петра I пыталось задержать старые деньги в казне и выменять их у населения. В мае 1701 г. был издан указ, требовавший от приказов не пускать в расход старые деньги, а отсылать их на денежные дворы, где их будут обменивать с наддачей по 10 коп. на рубль³³. Выполнение этого указа, бесспорно, дало определенные результаты в изъятии из обращения старых копеек. Передел старого серебра увеличил доходы казны от чеканки монет. Что касается населения, то оно с большой неохотой сдавало старые деньги, так как считало низким размер лажа (т.е. наддачи), установленный казной. После 1711 г., когда для мелких серебряных монет была введена 70-я проба, а величина лажа не изменилась, сдача старого серебра населением и вовсе стала незначительной. Казна, несомненно, допустила промах, не запретив с самого начала денежной реформы переплавку старых серебряных денег. Такое решение было впервые принято только в феврале 1721 г., т.е. спустя 20 с лишним лет³⁴.

Позднее этот запрет неоднократно повторяли с угрозой жестокого

наказания за его нарушение. Так, в решении Сената от 14 февраля 1724 г. говорилось, что лица, занимающиеся "для своей прибыли" переплавкой старых денег и монет, "по жестоком наказании будут сосланы на каторгу"³⁵. Указ 1729 г. требовал во всех губерниях и провинциях от цехмастеров, рядовых старост и мастеровых людей серебряного и медного дела брать подписки в том, что они не будут сплавливать мелкие серебряные деньги. За нарушение им грозили конфискацией движимого и недвижимого имущества и ссылкой на галеры³⁶. В 1734 г. вновь отмечалось, что позументные фабриканты и серебряного дела мастера выменивают серебряную монету и старые деньги на медные деньги с придачей и употребляют в позументы и разные изделия. Властям было приказано "нарушителей ловить и чинить им смертную казнь, а доносителям достойное награждение из оставшихся их имений"³⁷.

Однако эти угрозы, неоднократно повторявшиеся, были малоэффективны, и правительство с раздражением отмечало это обстоятельство. Причина крылась в том, что населению было невыгодно сдавать мелкие серебряные деньги на монетные дворы, где платили 18 коп. за золотник чистого серебра минус расходы на угар и сплавку. На рынке же серебро ценилось дороже и в нем постоянно испытывался недостаток.

Путем передела мелкой серебряной монеты в крупную казна стремилась улучшить структуру денежного обращения, создать более благоприятные условия для крупной оптовой торговли. В условиях постоянной нехватки серебра, роста цен на него, отсутствия у казны средств для закупки металла в большом количестве передел мелкой серебряной монеты оставался единственным резервом для увеличения чеканки серебряных денег крупного достоинства, главным образом рублевиков и полтинников. При этом казна тешила себя надеждой, что ей удастся изъять из обращения чуть ли не все мелкие серебряные деньги, выпущенные во второй половине XVII – начале XVIII в. Однако этим иллюзиям, как будет показано ниже, не суждено было сбыться.

Прежде чем приступить к переделу мелкой серебряной монеты, надо было решить, каким образом осуществить эту операцию – поручить ее государственным учреждениям или передать на откуп компании купечества? Вопрос этот подробно обсуждался в сентябре 1724 г. и в мае 1726 г. в Берг-коллегии, которая, как уже отмечалось, до февраля 1727 г. ведала монетным делом в стране. Члены Берг-коллегии пришли к единодушному мнению, что вымен серебряных копеек и передел их в рубли и полтинники не следует производить "казенным коштом". Во-первых, хлопотно, во-вторых, – и это главное – есть опасность, что казна при этом потерпит убытки. Всего в обращении имеется мелких серебряных денег примерно на 26 млн. руб. Потребуется большое число людей, чтобы сосчитать и разобрать копейки, выявить фальшивые, которых много. Между тем определить их совсем не просто, а специалистов мало. Часть фальшивых

копеек сделана умело ("властно так, как государева чекана"), но в фунте этих копеек содержится 30 или даже меньше золотников чистого серебра, т.е. проба у них низкая. Не следует также забывать, что в 1711 – 1718 гг. мелкие деньги чеканились 70-й пробы; передел их приносил казне только убыток. Берг-коллегия сделала пробу 3 пудов мелких монет, взятых в разных местах; убыток составил 126 руб. 13 коп.

Изложив в донесении Сенату от 11 мая 1726 г. все эти соображения, Берг-коллегия высказалась за то, чтобы передел монеты осуществлялся подрядным способом. Если компания купцов согласится переделывать ежегодно 2200 пудов мелких монет и платить в казну по 10 руб. с пуда, то казна "без всякого утруждения и опасности" будет ежегодно иметь прибыли 22 тыс. руб. При переделе всех мелких серебряных денег доход составит свыше 400 тыс. руб.³⁸ Прежде чем окончательно решить вопрос, Сенат поручил коллегии взять из разных мест 150 – 200 пудов мелких серебряных денег, в том числе часть "худых" копеек, которые нигде не принимаются, и переделать их в рубли и полтинники, с тем чтобы установить прибыль или убыток принесет казне эта операция.

Рекомендованная Сенатом большая проба не была произведена коллегией. Ее в 1728 – 1729 гг. осуществила Монетная контора, переделав в несколько приемов около 190 пудов мелких серебряных монет на 107 449 руб. В результате этой операции убыток казны составил 13 руб. 20 коп., т.е. 7 коп. на пуд. Исходя из этого Монетная контора в августе, сентябре 1729 г. и марте 1730 г. трижды объявляла: желающие выменивать мелкие серебряные деньги и переделывать их "на своем коште в указную пробу в рублевые и полтинные монеты" на определенных условиях должны явиться для публичного торга в Монетную контору³⁹. Торги состоялись в ночь с 15 на 16 апреля 1730 г. в присутствии Татищева, который в это время возглавлял Монетную контору, ее члена В.Неронова и казначея И.Алмазова. В них участвовали крупные московские купцы и петербургский житель И.В.Корыхалов. Передел был отдан компании купцов во главе с Корыхаловым, которая согласилась платить в казну более высокую прибыль по сравнению с другими участниками торга, а именно по 9 руб. 50 коп., от передела пуда мелких серебряных монет в рубли и полтинники 70-й пробы⁴⁰.

Монетная контора обратилась в Сенат 12 мая 1730 г. и просила утвердить условия передачи вымена и передела мелкой серебряной монеты компании купцов во главе с Корыхаловым. Основные условия были таковы. Компанейщики обязывались принимать от казны и частных лиц в Москве мелкие серебряные деньги "государева чекана" независимо от их качества (односторонние, гладкие и т.д.) и платить по нарицательной стоимости ходячей серебряной монетой. Явно фальшивые следовало перерубать на части при владельцах и им их не возвращать. В случае спора монеты складывались в мешок и в запечатанном виде отправлялись

для проверки в Монетную контору. Компания должна была принимать в сутки на 7 и более тыс. руб., иметь собственного капитала не менее 50 тыс. руб., добавлять по 4 фунта своего серебра к пуду мелких монет для повышения низкопробных до указной, 77-й, пробы, платить казне по 9 руб. 50 коп. от пуда переделанной монеты, покупать старые тяжеловесные и высокопробные деньги "по вольной цене", т.е. такой, которая устраивала владельцев. Если последние не были согласны, то могли сдавать старые деньги на монетных дворах по указной цене (18 коп. за золотник чистого серебра).

Монетная контора еще раз заявила, что взять на себя "передел монеты казенным коштом опасна, чтоб вместо мнимой большой прибыли не учинилось убытку". Донесение было подписано всеми членами Монетной конторы: Татищевым, Плещеевым, Мусиным-Пушкиным и Нероновым⁴¹.

Сенат поручил Комиссии о монетном деле рассмотреть проект контракта о переделе мелкой серебряной монеты и представить свои соображения. По требованию Комиссии в присутствии ее членов была совершена еще одна сплавка мелкой серебряной монеты на 1000 руб., собранной в 10 различных торговых рядах Москвы. Убыток, исключая все расходы и угар, составил 13 руб. 64,5 коп.⁴²

Комиссия в ноябре 1730 г. в целом одобрила проект контракта, но внесла ряд поправок. Так как ранее решено было повысить пробу с 70-й до 77-й и чеканить из фунта не 14 руб. 40 коп., а 15 руб. 84 коп., то компанейщикам предложили при переделе не добавлять 4 фунтов своего серебра к пуду мелких денег. Расторгнуть контракт они могли только с согласия Монетной конторы. Из 1000 руб. они должны были делать 800 рубликов, а из остальных 200 — поровну полтинников и полуполтинников (25 коп.)⁴³. Сенат в мае 1731 г. при обсуждении проекта контракта предложил внести следующие дополнения: мелкие деньги высокой пробы приводить в 77-ю пробу не лигатурой (медью), а деньгами низкой пробы; пока все мелкие деньги не будут переделаны, компанейщики не имеют права отказаться от этого дела; следует указать, какое количество денег (в пудах) они должны ежегодно переделывать⁴⁴. Поскольку компанейщики освобождались от добавки серебра, Сенат приказал Монетной конторе произвести расчет и установить, какую сумму они должны вносить в казну. Эта сумма была определена в 1 руб. 83 коп. от передела пуда мелких монет, т.е. в 5 раз меньше ранее принятой (9 руб. 50 коп.). Впоследствии Комиссия, расследовавшая злоупотребления компанейщиков, подвергла сомнению правильность расчета и считала, что компанейщики должны были вносить в несколько раз большую сумму. Компанейщики со всеми дополнениями и поправками, внесенными в контракт, согласились.

Анна Иоанновна 14 августа 1731 г. утвердила контракт⁴⁵. Окончательно определился и состав компании. В нее кроме Корыхалова вошли 6 московских купцов 1-й гильдии⁴⁶ и 10 купцов 2-й гильдии⁴⁷. Как видим, условия

контракта тщательно обсуждались почти в течение полутора лет в Монетной конторе, Комиссии о монетном деле и в высшей правительственной инстанции – Сенате. Однако, вопреки всем ожиданиям и представителей администрации и самих компанейщиков, контракт по переделу мелкой серебряной монеты в крупную оказался очень выгодным.

Компания Корыхалова действовала около двух лет, с августа 1731 г. до 25 августа 1733 г. Первая сплавка вымененных денег была осуществлена ею 5 октября 1731 г. Всего за это время было переделано мелких серебряных денег на сумму около 4,7 млн. руб. Она и далее продолжала бы действовать, если бы не донос в январе 1733 г. одного из ее членов – Д. Дудорова, не поладившего с товарищами. Дудоров, воспользовавшись отъездом Татищева (покровительствовавшего компании) в Петербург, сообщил в Монетной конторе, что компанейщики нарушают условия контракта, обманывают казну и получают большую прибыль. Он заявил, что в случае передачи ему подряда на прежних условиях, готов платить в казну вместо 1 руб. 83 коп. от пуда 7 руб. Доносу Дудорова сразу же был дан ход⁴⁸.

Дело дошло до императрицы, которая поручила 3 апреля 1733 г. комиссии в составе директора Канцелярии монетного правления гр. М.Г. Головкина и обер-прокурора Сената А.С. Маслова произвести расследование. Прежде всего они затребовали материалы о деятельности компании, из которых выяснилось, что компанейщики за период с 5 октября 1731 г. по 7 марта 1733 г. получили прибыль (без учета разных расходов) в размере 97 215 руб.⁴⁹ Головкин и Маслов стремились установить: каким образом компании удалось получить такую большую прибыль, в чем конкретно выразилось нарушение контракта и не было ли "послабления" компанейщикам со стороны членов Монетной конторы в Москве, возглавляемой Татищевым.

Как показало расследование, компанейщикам удалось получить столь большую прибыль за счет разности в весе между выпускаемой новой крупной монетой и мелкими серебряными деньгами, высокой пробы последних и использования в переделе тяжеловесных и высокопробных старых денег (т.е. чеканенных по 1698 г.). Вес 1000 рублевиков новой указной 77-й пробы был равен 1 пуду 23 фунтам, а 1000 руб. мелких денег – 1 пуду 25 фунтам, иногда чуть больше. Эти 2 фунта серебра составляли прямую прибыль компанейщиков. Все вымененные мелкие серебряные деньги оказались в среднем немногим (на золотник и 1/8 долю) выше 77-й пробы, и, таким образом, при переделе их компанейщики получали чистую прибыль (при заключении контракта предполагалось, что часть мелких денег будет ниже 77-й пробы). Компанейщики во время сплавки мелких денег добавляли не деньги низкой пробы, как полагалось по контракту, чтобы понизить пробу до указной, а старые деньги и тем самым еще больше повышали пробу. А потом понижали ее медью до

77-й пробы, "и сколько пудов в которую сплавку меди клали, за то толикое ж число весом серебряною монетою получали"⁵⁰.

Подобные действия означали нарушение контракта и причиняли казне убыток. По расчетам обер-минцмейстера Т.Левкина, компанейщики получали от передела каждой тысячи рублей мелких монет прибыли около 15 руб., а от старых денег до 62 руб. от пуда⁵¹. Компанейщики должны были принимать у частных лиц все мелкие монеты на счет, а не на вес. Между тем они выкладывали легковесные (обрезные и обломанные) копейки и денежки и платили за них не по нарицательной стоимости, а соответственно их весу. Тем самым они причиняли убыток населению и получали незаконную прибыль⁵². Правда, на вес деньги "принимали только у тех приносителей, от которых спору не было, а от которых спор был, тех отсылали в Монетную контору"⁵³.

Компанейщики во время допросов полностью признали себя виновными. Более того, надеясь на милость императрицы, они сообщили "последнюю свою вину". "Когда усмотрели мы, что от переделу тех мелких и старых денег явилась прибыль, о которой мы и не чаяли, того ради, убегая от зависти и от народной молвы", стали делать приписки в ведомостях. Например, сплавляли 100 тыс. руб., а писали 101 тыс. и таким путем получили прибыль 8356 руб., но государство от этих приписок убытка не несло, потому что платили они в казну положенную сумму не от количества денег, а от веса (1 руб. 83 коп. от пуда мелких монет). Купцы твердо заявили, что ни во время отдачи им передела мелкой монеты, ни позже никакой предварительной договоренности с членами Комиссии о монетном деле и Монетной конторы у них не было. И на такую большую прибыль они не рассчитывали, а полагали, что она не превысит 4 руб. с расходами от пуда мелких денег⁵⁴.

Убедившись в выгодности контракта, компанейщики решили "отблагодарить" начальство и прежде всего членов Монетной конторы. Всего на "подарки" различным представителям администрации они израсходовали 14,6 тыс. руб., т.е. примерно 1/7 часть своей прибыли. Чистая же прибыль компанейщиков, исключая все расходы и угар, с 5 октября 1731 по 3 апреля 1733 г. исчислялась в 55,8 тыс. руб.⁵⁵ Такую "щедрость" можно объяснить лишь стремлением компанейщиков сохранить за собой контракт и неизменными его условия, надеждами на поблажку в его выполнении.

Самую большую сумму от компанейщиков получил Татищев. Ему в несколько приемов было дано денег 6 тыс. руб. и различных подарков (сукна, штофы, дюжину стульев немецкой работы, серебро на посуду дочери в качестве приданого, да различных напитков, хлебных припасов и закусок) на 1200 руб., всего 7,2 тыс. руб. Не обошли компанейщики и других членов конторы и администрацию монетных дворов: ассессору В.Неронову дали в общей сложности 1100 руб., обер-минцмейстеру И.Мокееву – 500 руб., ассессору И.Дурново – 600, советнику Т.Торбееву –

350, минцмейстеру Т.Левкину – 240 руб. и т.д. Крупные суммы были "даны в презент" и представителям высшей администрации: обер-секретарю Сената И.Кирилову в разное время 2000 руб., обер-прокурору Сената А.Маслову (которому совместно с М.Г.Головкиным было поручено, как указывалось, расследовать дело) – 700 руб., другим секретарям – от 100 до 200 руб. Во время расследования дела купцы намерены были дать большую взятку А.Маслову. Вот что показал на допросе Корыхалов. В 1733 г. в день именин Маслова он отнес ему на дом 200 руб., сказав при этом: "челом бью тебе на нынешний день на расходы". Купец передал Маслову "цыдулку", в которой написал, что деньги 3 тыс. руб. готовы. Маслов спросил: "За что обещаете мне такие деньги?" Корыхалов ответил, чтоб "в правде их по делу Дудорова показал милость". Сделка не состоялась. По-видимому, обер-прокурор Сената отказал компанейщикам. Не остались без вознаграждения и другие, в том числе мелкие чиновники ("приказные служители"), короче говоря все, в ком компанейщики в какой-то степени нуждались. Соответственно их положению они получили 3 – 5, 10 – 25, 60 – 80 руб.

Такого рода "презенты" были в то время в порядке вещей. Они являлись одним из источников доходов бюрократического аппарата абсолютистского государства.

Компанейщики, желая прекратить дело и сохранить за собой контракт, обратились к Анне Иоанновне в апреле 1733 г. с челобитной, в которой заявили, что согласны платить в казну от передела мелких монет 10 руб., а от передела старых денег – 50 руб. от пуда⁵⁶. Однако их просьба была отклонена.

Головкин и Маслов выдвинули против членов Монетной конторы и Комиссии о монетном деле ряд обвинений. Компанейщики должны были иметь 50 тыс., а вложили в дело всего 32 тыс. руб. Члены Монетной конторы в сентябре 1731 г. дали купцам 54 тыс. руб. казенных денег, с которыми они и могли только приступить к вымену казенных и частных мелких серебряных денег. Компанейщики вернули эту сумму в марте 1732 г. без выплаты каких-либо процентов. За это купцы Татищеву и Неронову "великия дачи давали". Члены конторы смотрели сквозь пальцы на нарушения условий контракта, в результате чего казне наносился ущерб, а компанейщики получали "великую прибыль". После того как в январе 1731 г. было решено чеканить серебряную монету 77-й пробы по 15 руб. 84 коп. из фунта лигатурного серебра, условия контракта на передел мелких монет изменились. Следовало вновь объявить торги на этот подряд, так как компанейщики не добавляли теперь 4 фунта своего серебра к каждому пуду мелких монет и обязывались платить в казну только 183 коп. вместо 9 руб. 50 коп., как ранее. Этого не было сделано. Головкин и Маслов считали, что нет оснований доверять результатам проб мелкой монеты, осуществленным Берг-коллегией и Монетной конторой до заключения

контракта (результаты эти "весьма сумнительны"). Они так же полагали, что члены Монетной конторы — опытные и сведущие люди — вполне могли заметить, что компанейщики получают чересчур большую прибыль⁵⁷.

Были допрошены члены Монетной конторы и большая часть членов Комиссии о монетном деле. Особенно обстоятельно допрашивались Татищев и Неронов, поскольку они получили от компанейщиков наибольшие взятки и именно они, по мнению следственной комиссии, должны были в первую очередь следить за строгим соблюдением компанейщиками условий контракта. Нам уже известны обвинения, предъявленные следственной комиссией членам Монетной конторы. Татищев пытался прежде всего отвести те из них, которые касались выработки условий контракта, так как был уверен, что в этом плане его показания будут подтверждены другими.

Так, он заявил, что расчеты, связанные с уменьшением прибыли, вносимой компанейщиками в казну, были сделаны минцмейстерами Мокеевым и Рыбаковым и проверялись им и другими членами Комиссии о монетном деле, "и коварства и ущерба казенного" в этих расчетах не видели. К тому же об "убавке" прибыли было донесено в Сенат, где условия контракта тщательно обсуждались с участием самих компанейщиков. Вновь торгов не объявили, и других купцов не призывали, потому что ни Комиссия, ни Сенат не видели в этом смысла. "И хотя некоторые обстоятельства из торгу, по рассуждению Комиссии и определению Сената, переменены, но оные более для пользы казенной и народной, а не для компанейщиков", — писал Татищев⁵⁸. Примерно так же на этот вопрос отвечали и другие члены Монетной комиссии. Так, О. Соловьев сказал, что "по чистой совести оного в разум не пришло, чтоб то было нужно". К тому же при первом торге другие купцы не давали той цены, какую согласился платить Корыхалов с компанией. От Сената тоже не было распоряжения о новой публикации. "А хотя прибавка серебра 4 фунта и отставлена, токмо и прибыль от оного вычтена, а прочие условия остались, и сомнения в том никакого не было", — заключал Соловьев⁵⁹.

Никто не думал, показал Татищев, что компанейщики получают такую большую прибыль. Основываясь на результатах, полученных от проб, сделанных Берг-коллегией и Монетной конторой, полагали, что от поступивших из казны мелких денег компанейщики получают прибыль, а от "собранных из народа" — убыток. "И разумели, что к ним более из народа, нежели чрез казенные сборы приходиться будет". Тем более, что к концу операции по вымену мелкой монеты к компанейщикам станут поступать легковесные и низкопробные монеты, от которых они будут терпеть убыток. На прибыль же купцы могли рассчитывать только от старых денег. А их в лучшем случае они смогут собрать 100 или немного больше пудов, что даст им прибыль до 50 тыс. руб., что в общем-то немного, учитывая "их труд и харчи". В этом плане, сообщал Татищев, он и выступал в Сенате

при обсуждении контракта. Но потом "нечаянное учинилось, что из народа к ним весьма мало в приносе было, а приходили более чрез казенные сборы полновесные, чего было нам наперед угадать невозможно было"⁶⁰.

Однако выдачу компании казенных денег на вымен монеты, нарушение ею условий контракта и получение взяток отрицать было невозможно. Первые ответы Татищева и Неронова не удовлетворили следственную комиссию, которая признала их "неясными" и расценила как попытку путем недомолвок и отговорок скрыть истину. Татищев и Неронов, узнав мнение Комиссии, просили "дать им время, в которое б могли опаматоваться". Второй ответ Неронова Комиссия приняла, а Татищева по тем же мотивам отвергла. И только третий ответ от 16 мая 1733 г., который сам Татищев признал наиболее достоверным из всех, был принят и сохранился в деле⁶¹. Неронов отказался признать в чем-либо свою вину. Никакого ущерба интересам казны в действиях компанейщиков не видел, не знал также, что они получали "такую великую прибыль". Отвергая обвинения в потакании интересам компании, Неронов писал: "Компанейщикам похлебства от меня никакого не было". Подарки брал "от всеконечной моей скудости", так как жалованье получал в 1728 – 1732 гг. всего 197 руб. в год. А на эти деньги невозможно содержать себя с домашними и шестью детьми. "Деревень же за мной никаких и ничего нет"⁶². Мы привели подробно ответ Неронова потому, что он характерен для многих.

Компанейщики давали свои, а не казенные деньги и делали это "по своему купеческому обыкновению", не по принуждению или просьбе. Брали эти "подарки" не для того, чтобы покрыть действия компанейщиков против интересов казны, а от нужды и бедности. А раз так, то и эти подношения компании нельзя рассматривать как взятки. Примерно так рассуждали многие, из получивших "презенты". Татищев не мог использовать подобные рассуждения в качестве аргумента для оправдания. Слишком велика была полученная им сумма. Было вполне очевидно, что компанейщики дали ему такую крупную взятку за определенные услуги и покровительство. Он пытался оправдаться тем, что не знал о крупных прибылях, полученных компанией в 1731 – 1732 гг. Свое неведение Татищев объяснял тем, что чаще всего оставался "один для нуждных дел в Монетной конторе, а наиболее за всегдашнюю болезнь при сплавах, почитай, не бывал". Признаваясь в своем "погрешении", Татищев взывал "к милосердию и милости" Анны Иоанновны и просил учесть его труды в монетном деле и на уральских заводах, принесшие немалую прибыль государству. Он обещал "впредь с крайнею возможностью и радением всеми мерами прилежать, чтоб такое мое погрешение е.и.в. заслужить, колико бог разума и силы уделить изволит"⁶³.

В начале мая 1733 г. следственная комиссия вынесла следующее решение по делу компанейщиков: контракт с компанией Корыхалова расторгался, прибыль и собственный капитал купцов, вложенный в дело,

отбирался в казну, передел мелкой монеты передавался компании во главе с Дмитрием Дудоровым. Императрица утвердила это решение и 28 мая 1733 г. был опубликован соответствующий указ⁶⁴.

Контракт с Дудоровым в основном повторял предыдущий, но в него были внесены две существенные поправки. Во-первых, компании не было дела до прибыли от передела мелкой монеты – она вся поступала в казну; во-вторых, компании в составе 5 человек (трех братьев Дудоровых – Дмитрия, Василия, Ивана и двух других купцов) устанавливалось ежегодное жалованье в размере 10 тыс. руб. на содержание счетчиков монет и другие расходы, связанные с обменом⁶⁵. Компания Дудорова действовала с сентября 1733 до июля 1744 г. После этого обмен мелкой серебряной монеты стал осуществляться непосредственно казной, специально выделенными минцмейстерами на монетных дворах Москвы и Петербурга. Ход, объем и темпы передела в 30-х – начале 40-х годов XVIII в. представлены в табл. 4.

Таблица 4

Обмен мелких серебряных денег
в 30-х – начале 40-х годов XVIII в.*

Год	Сумма, руб.	Вес		Доходы казны, руб.	Год	Сумма, руб.	Вес		Доходы казны, руб.
		пуд	фунт				пуд	фунт	
25 августа 31 декабря 1731	638 725	1031	38	10 491	1738	297 286	484	19	3547
1732	2 719 129	3577	4	56 440	1739	304 361	495	26	5104
1733	2 550 996	4232	28	72 086	1740	269 866	438	33	нет св.
1734	1 333 831	2381	23	37 904	1741	207 167	336	30	–"–
1735	534 500	875	32	14 476	1742	194 758	315	5	–"–
1736	331 349	541	13	9 855	1743	153 816	239	29	–"–
1737	382 701	623	39	12 868					

* Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Елизаветы и Петра III (далее Монеты Елизаветы). СПб., 1896. № 73.

Как видим, с середины 30-х годов обнаружился спад в осуществлении операции по обмену мелкой серебряной монеты. Примерно с этого же времени Монетная контора стала получать известия о том, что к компанейщикам поступает "очень мало" мелких и старых серебряных денег от казенных учреждений, и особенно от частных лиц⁶⁶. Компания Корыхалова выменяла серебряных денег на 4680 тыс. руб. общим весом 7608 пуд.

серебра, Дудоровы за 11 лет соответственно на 4792,5 тыс. руб. и 7810 пудов, т.е. лишь немногим более чем Корыхалов за 2 года⁶⁷.

Удельный вес старых серебряных денег, чеканенных в 30 – 90-е годы XVII в. до начала петровской денежной реформы 1698 г., в общей массе вымененных денег был невелик и составлял всего несколько процентов. Компания Корыхалова выменяла 232 пуда 4 фунта старых денег, а Дудорова (данные за сентябрь 1733 – 1738 гг.) – около 412 пудов⁶⁸.

От передела мелких денег за 7,5 лет (август 1731 – 1738 гг.) казна получила более 222 тыс. руб. дохода. Компания Корыхалова за два года выплатила казне 118,4 тыс. руб., а при Дудорове за сентябрь 1733 – 1738 гг. (данными за весь период деятельности этой компании мы не располагаем) доходы составили 104,4 тыс. руб.⁶⁹

Каково было соотношение мелких серебряных денег, поступивших к компании Дудорова от казенных учреждений и частных лиц? Вопрос этот представляет несомненный интерес, так как характеризует отношение населения к намерениям казны изъять из обращения мелкие серебряные деньги и переделать их в крупную монету. За 9,5 лет (август 1733 – 1742 гг.) жители разных городов и провинций России добровольно обменяли мелких денег на 280 тыс. руб., что составляет всего лишь 6% от общей суммы вымененных денег. Остальные 94% поступили к компанейщикам от учреждений, ведавших различными казенными сборами. Так же обстояло дело и в период деятельности компании Корыхалова. От частных лиц поступило не более 5% всех мелких серебряных денег, вымененных в 1731 – 1733 гг.⁷⁰

Эти данные очень показательны. Крестьяне и посадские люди платили подушную подать, различные налоги и пошлины серебряными и медными деньгами. Однако зажиточные слои, располагавшие определенными накоплениями, не спешили расставаться с серебряными деньгами, поскольку условия их обмена, установленные казной, были невыгодными. Именно это обстоятельство, а также наличие в обращении более чем на 4,5млн. руб. обесцененной медной монеты, чеканившейся по 40 руб. из пуда меди, в то время как ее рыночная цена не превышала 8 – 10 руб., привели к тому, что казне не удалось выменять полностью всю мелкую серебряную монету, которой, по сведениям Монетной канцелярии, за период с 1664 до 1718 г. было начеканено на сумму 26,3 млн. руб.

Правительство во второй половине 30-х и в 40-х годах пыталось осуществить меры, которые, по его мнению, должны были поправить дело, т.е. ускорить обмен мелкой серебряной монеты, завершить эту операцию в краткие сроки, а также увеличить доходы казны.

В ноябре 1736 г. Сенат, чтобы ускорить изъятие из обращения мелких серебряных денег, по рекомендации Монетной канцелярии, установил 5-летний срок их приема на монетные дворы. По прошествии этих лет их хождение запрещалось и они не должны были приниматься ни в какие

сборы. С конца 1741 г. все оставшиеся у населения мелкие деньги можно было сдавать только на денежные дворы, где их должны были принимать не по счету, а на вес, с уплатой по 18 коп. за золотник чистого серебра⁷¹. В связи со снижением темпов вымена компании Дудорова в 1736 г. жалование было уменьшено наполовину с 10 до 5 тыс. руб. в год⁷². Однако надежды казны на то, что ограничение срока хождения мелких серебряных денег приведет к ускорению их вымена, не оправдались. В конце 1741 г. этот срок был продлен еще на два года.

В начале 1744 г. вопрос об обмене мелких серебряных денег вновь стал предметом обсуждения в Монетной канцелярии и в Сенате. Канцелярия рекомендовала продолжить обмен и в 1744 – 1745 гг., потому что в "партикулярных руках" осталось еще большое количество этих денег. Если запретить их хождение, то это приведет также к недостатку мелкой разменной монеты. К тому же "за не приемом этих денег копейка за копейку могут партикулярные люди, а паче крестьянство, понести убыток и разорение, и опасно, чтоб оных денег не могли, сливая воровски, употреблять в серебряные мастерства", или вывозить за рубеж. Канцелярия предлагала вымененные деньги передельывать в гривенники, а не в крупную монету. Когда же количество гривенников для размена увеличится, тогда хождение мелких серебряных денег следует запретить, а разрешить их принимать в течение года в подушную подать и различные сборы. В связи с тем, что доходы казны от передела уменьшились, так как стало поступать больше "легковесных" денег, Канцелярия считала необходимым значительно сократить жалование Дудорову. Предусматривалось, что если он откажется, то обмен следовало бы осуществлять на тех же условиях представителями казны – минцмейстерами монетных дворов*. Для ускорения обмена предлагалось увеличить капитал монетных дворов на 200 тыс. руб. По расчетам асессора И. Мокеева, в 1742 – 1743 гг. золотник чистого серебра от принятых легковесных серебряных копеек обходился без малого 20 коп., а с учетом вознаграждения Дудорова еще дороже. При такой цене доходы казны были ничтожны. Более того, при значительной доле легковесных денег операция по обмену приносила убыток. Так, тот же Мокеев в июне 1743 г. сообщал в Монетную канцелярию, что из 22 тыс. руб. вымененных серебряных копеек насчитывалось 5 тыс. легковесных, от передела которых убыток составлял на каждую 1000 по 6 и более рублей⁷³.

Сенат поддержал мнение Монетной канцелярии, за исключением последнего пункта, "понеже той прибавки за многими и чрезвычайными расходами учинить не из чего". Он рекомендовал рублевую монету делать из ефимков, собранных в качестве пошлин, а также из покупного серебра⁷⁴. С докладом Сената императрице Елизавете Петровне был ознаком-

* В августе 1744 г. Дудоров по личной просьбе от обмена серебряных копеек был освобожден.

лен статский советник Кабинета В.И.Демидов, который подверг критике политику правительства в вопросах денежного обращения. В частности, он считал, что в осуществлении операции по переделу мелких серебряных денег казна допустила ряд ошибок.

Во-первых, не было никакого смысла отдавать это дело на откуп купцам. Значительно выгоднее было поручить обмен монетным дворам. Контракты с компаниями Корыхалова и Дудорова разорительны, невыгодны для казны. Компанейщики в общей сложности выменяли у частных лиц только 1/20 от всей суммы вымененных денег, а 19/20 было собрано государственными чиновниками и на средства казны "из самых дальних мест привезена в Москву". Между тем Дудоровы "за оное, якобы за свои собственные труды, жалование получали". За 9 лет Дудоровым выдали почти 40 тыс. руб., что составляло более 1/4 прибыли казны от передела. К тому же нельзя дать гарантию, что Дудоровы "при сем деле будущи", действовали честно и не обманывали казну.

Во-вторых, Сенат допустил ошибку, продлив в 1741 г. срок обмена еще на два года, вопреки указу 1736 г. Этот шаг "не в пользу, но во вред государству, ибо паки чрез то отворены... двери злодеям", которые делают воровские копейки, а "истинные деньги" вывозят из государства и сплавливая, переделывают в разные изделия. "Да когда в России на сие злодейство многие явились, то как не привозить из-за границы для такого великого барыша", — отмечал в своей записке Демидов, — тем более, что делать фальшивые копейки "легче и дешевле" медных пятикопеечников. Демидов был против дальнейшего продления срока обмена мелких серебряных денег и считал, что Дудорова следует отстранить от этого дела, а передать его монетным дворам.

Записка Демидова содержала много здравых мыслей. Он бесспорно был прав, когда доказывал, что передел с самого начала должен был осуществляться казной, а не откупщиками, потому что мелкие серебряные деньги поступали главным образом от казенных сборов, а не от населения, которое придерживало их, считая невыгодными условия обмена, установленные государством. Прав был Демидов и в оценке перспектив операции по обмену. Это в конечном счете признал и Сенат, который заявил, что речь может идти о сумме сделанных и вымененных денег, "а того, сколько оных другими разными способами из народа выбыло, прежде как уже при окончании вымена и приема в казну тех денег, познать никто не может".

Позитивная программа Демидова не содержала ничего нового и исходила из необходимости выполнения ранее изданных указов 29 июля и 20 сентября 1723 г. о разрешении всем переделывать на монетных дворах собственное золото и серебро в ходячую монету с уплатой лишь расходов за работу, и 8 января 1733 г. о разрешении приносить в передел и в заклад золото и серебро в посуде и во всяких вещах, кроме слитков. Говоря о

пользе указов Петра I, Демидов отмечал, что только за один год было переделано более 1000 пудов серебра в монету "с прибылью партикулярной, но честным и дозволенным способом полученною", государству же та польза, что "монеты доброй умножилось". Он рекомендовал Монетной канцелярии опубликовать результаты выполнения этих указов и тем самым подать пример другим. Демидов предлагал все конфискованные в казну драгоценные металлы не продавать, а согласно указу Петра I от 10 февраля 1721 г. отсылать без возмещения на монетные дворы для увеличения их капитала, что позволит им покупать больше золота и серебра в других странах. Передел мелкой серебряной монеты в крупную может создать трудности для денежного обращения в стране. Чтобы избежать этого, Демидов считал необходимым увеличить чеканку медной разменной монеты: копеек по 8 руб., а денежек и полушек по 10 руб. из пуда⁷⁵.

Сенат не согласился с мнением Демидова об увеличении чеканки медных денег, так как большое их количество в обращении затрудняет торговлю. К тому же медные деньги вследствие их тяжести трудно перевозить. Для казны выгоднее продавать медь за границу, а вырученные ефимки переделывать в крупную серебряную монету. Что касается остальных предложений, то Сенат отвел их на том основании, что перечисленные советником указы никто не отменял, и они продолжают действовать⁷⁶.

Императрица Елизавета Петровна одобрила доклад Сената. 23 мая 1744 г. был издан указ, запрещающий хождение мелких серебряных денег с 1 июня 1744 г. В течение последующих двух лет их разрешалось принимать в счет уплаты податей и пошлин, а также на монетных дворах с уплатой копейка за копейку, а обрезные и пленки на вес по 15 коп. за золотник. В указе отмечалось, что после 1 июня 1746 г. за мелкие деньги казна будет платить соответственно их весу по 18 коп. за золотник чистого серебра. Еще раз подтверждалось, что за сплавку этих денег виновные будут подвергнуты смертной казни⁷⁷.

Через два года Сенат, убедившись в том, что выменена лишь часть мелких серебряных денег, просил императрицу продлить вымен на тот же срок. Однако указа на сенатские доклады от 7 марта и 17 сентября 1746 г. не последовало⁷⁸.

Новое решение по этому вопросу было принято спустя 8 лет, в мае 1754 г. Каковы же итоги этого десятилетия? К сожалению, мы не располагаем сведениями, которые позволили бы показать передел за каждый год. Общая сумма передела за 10 лет составляла 5,2 млн. руб. Эта цифра подсчитана нами следующим образом. Всего, как отмечалось ранее, было начеканено мелких серебряных денег на 26,3 млн. руб. По данным Монетной канцелярии, к 1754 г. осталось невымененными денег на 11,6 млн. руб.⁷⁹ Следовательно, передел почти за 23 года (август 1731 – май 1754 г.) составил 14,7 млн. руб. Из этой суммы на долю компаний Корыхалова и Дудорова приходится 9,5 млн. руб., а казны – 5,2 млн. руб.

К этому времени приток мелких серебряных денег на монетные дворы резко сократился. "Ныне в продажу почти уже ничего не приносят", — говорилось в сенатском указе.

В этих условиях, желая подстегнуть ход обмена и завершить операцию по переделу, Сенат пошел на крайнюю меру. Майским указом 1754 г. был установлен двухгодичный срок приема казной мелких серебряных денег, после чего они в случае обнаружения подлежали конфискации, причем доносителям обещалось определенное вознаграждение. Лицам, которые будут сдавать в казну денег не менее чем на 100 руб., указ с целью поощрения объявлял прибавку в размере 0,5 коп. за золотник чистого серебра против установленной цены. Однако эта крутая мера не оправдала возлагавшихся на нее надежд и действовала недолго. Монетная канцелярия отмечала, что в течение двух лет население сдало мелких серебряных денег на "небольшую сумму и против выпущенной в народ суммы многого числа в казну не вступило". Короче говоря, поступление мелких денег на монетные дворы было незначительно. Правительство снова (в который уже раз!) убедилось, что угрозы — не самый лучший метод воздействия на население и что крутые меры далеко не всегда приносят ожидаемые результаты. Спустя 3 года, Сенат отменил прежний указ и вновь разрешил без какого-либо временного ограничения обмен мелких серебряных денег⁸⁰.

Как видим, политика правительства в вопросе передела мелких серебряных денег не была последовательной. В поисках более эффективных мер с целью изъятия их из обращения оно то разрешало, то запрещало их хождение и обмен.

В заключение отметим, что цель, которую поставила перед собой казна, а именно, выменять всю сумму чеканки, чуть ли не с шестидесятых годов XVII в., была с самого начала утопией и это обстоятельство в значительной мере определило окончательные итоги операции. Помимо естественных утрат (стихийные бедствия и просто потери), утечки тяжеловесных и высокопробных денег за границу, особенно во время войн, была еще одна, вероятнее всего, главная причина, которая делала нереальными планы казны. И это, как было сказано, понимали некоторые современники. Несмотря на неоднократные указы, требовавшие от населения обмена мелких серебряных денег, оно с большой неохотой расставалось с ними.

Мелкие серебряные деньги были припрятаны главным образом у богатых слоев общества. По свидетельству члена Монетной канцелярии Неронова, "немалое число" серебряных копеек "у заживных людей, особливо же в городах... заключены яко невольники в сундуках и кубышках". По его мнению, задержка с обменом этих денег объяснялась, во-первых, тем, что по указу их перестали принимать в различные платежи, и, во-вторых, серебряные копейки из Сибири и других дальних городов никто не повезет в Москву для сдачи на монетные дворы "да и нужды в том нет".

К тому же многие "боятся со оными и показаться"⁸¹. Но не только поэтому. В 20-е годы на денежный рынок хлынул поток неполноценной медной монеты. И хотя полушки и копейки были изъяты, но в обращении еще длительное время оставались пятикопеечники. Рынок был заполнен и фальшивой монетой. Все это наряду с другими причинами вело к расстройству денежного обращения и отрицательно сказывалось на экономическом положении государства и народа. К тому же в 20 – 40-е годы XVIII в. мелкой серебряной монеты чеканили очень мало. Серебряные копейки, и не только старые, т.е. выпущенные до начала денежной реформы Петра I, но и новой чеканки, сплавляли ("сливали"), сбывали ремесленникам и владельцам позументных фабрик, использовали для бытовых нужд. В частности, серебро шло на изготовление посуды и иконных окладов, которые, как следует из описей имущества, в большом количестве хранились в сокровищницах сановной знати, богатого дворянства, отчасти и верхушки купечества. Надо иметь в виду, что женщины народов Поволжья и Сибири использовали серебряные копеечки наряду с другими монетами в качестве различного рода украшений. Из многих донесений местных властей видно, что обмен мелких серебряных денег в Сибири тормозился из-за недостатка, а иногда и просто отсутствия мелкой медной монеты (денежек и полушек)⁸². Часть серебряных копеек уходила в клады.

Таковы, на наш взгляд, основные причины, которые приводили к тому, что казне удалось переделать не всю массу мелких серебряных денег, а только немногим более половины (56%).

Заключая контракты с Корыхаловым и Дудоровым, казна рассчитывала, что ежегодно будет вымениваться не менее 2000 пудов мелкой серебряной монеты на 1,2 – 1,3 млн. руб., а если дело пойдет хорошо, то и значительно больше, и что вся операция по обмену займет максимум 15 – 20 лет. Так, глава Монетной конторы Татищев в отношении сроков проведения передела мелкой монеты был настроен весьма оптимистично. В августе 1731 г. он писал управляющему канцелярией Академии наук И. Д. Шумахеру: "Вскоре опубликован чаю будет указ о переделе серебряных копеек в крупную монету, понеже во оных было много воровства и растери, в чем государственный вред есть. И надеемся вскоре всю оную нехорошую монету в пользу государства неумедля в лучшую переделать"⁸³. Такого же мнения придерживались, видимо, и другие представители администрации.

В период действия компании Корыхалова эти наметки были намного превышены. В среднем в год выменивалось серебряных копеек на 2,25 млн. руб. общим весом 3,7 тыс. пудов. При сохранении таких темпов потребовалось бы менее 15 лет на передел всех мелких серебряных денег. Однако компания Дудорова только в 1734 г. выменяла 2,4 тыс. пудов на 1,3 млн. руб., в последующее же время (1735 – 1743) обмен резко упал и в среднем составлял 297 тыс. руб., или 480 пудов серебра в год.

В 1744 – 1754 гг., когда дело перешло в руки казны, в среднем выменивалось денег на 520 тыс. руб., или 841 пуд в год. Например, в Москве с 1 июня до 31 декабря 1746 г., а в Петербурге с 1 июля до 23 ноября того же года на монетные дворы поступило от учреждений и частных лиц 873 пудов 25 фунтов мелких серебряных денег на общую сумму 544080 руб.⁸⁴ Но это была последняя вспышка.

Хотя мы не располагаем конкретными данными, но есть все основания полагать, что в последующие годы поступление на монетные дворы серебряных копеек было незначительным и не могло существенно изменить общие итоговые данные операции по обмену, которая к концу 50-х годов XVIII в. в основном была завершена. Главный итог ее таков: всего за три десятилетия было переделано мелких серебряных денег на сумму 15 млн. руб. общим весом около 24 тыс. пудов. Таким образом, казне не удалось полностью осуществить свои намерения, а именно выменить все серебряные копейки, начеканенные в период с 1664 по 1718 г., что было с самого начала абсолютно нереальным. Однако достигнутые результаты следует признать довольно значительными, что позволяет, на наш взгляд, вопреки общепринятому мнению, рассматривать операцию казны по переделу в целом как удавшуюся.

Мелкие серебряные деньги разной пробы, составлявшие основную массу, в результате обмена в 30-х – 50-х годах XVIII в. были переделаны в монету одной, 77-й, пробы, что ограничивало возможность всякого рода спекуляций, утечки высокопробных и тяжеловесных копеек за границу, резко сократило количество фальшивых монет, и в целом содействовало стабилизации денежного обращения в стране. Передел мелких серебряных денег позволил без дополнительных затрат на приобретение серебра в других странах значительно увеличить чеканку монет крупного номинала (рублей и полтинников) и тем самым обеспечить более благоприятные условия для ведения оптовой торговли и улучшить структуру денежного обращения. Все это, несомненно, положительно сказалось на экономическом развитии страны.

Вместе с тем надо отметить и социальные последствия этого мероприятия. Курс на чеканку из серебра в основном монет крупного номинала, начатый в последние годы правления Петра I, был продолжен его преемниками. Так, в 1730 – 1762 гг. 85% всех серебряных монет приходилось на рубли, 11 – на полтинники и четвертаки и только 4% – на гривенники и пятаки⁸⁵. В итоге к середине XVIII в. серебряные монеты стали деньгами исключительно для имущих слоев общества – дворян и купечества, а трудящиеся массы вынуждены были довольствоваться медными.

КОНЕЦ ПЯТИКОПЕЕЧНИКАМ

Медные пятикопеечники были ахиллесовой пятой, самым уязвимым местом денежного обращения России 30 – 50-х годов XVIII в. И правитель-

ственные учреждения, и население рассматривали их "яко самую вредительную государству монету"⁸⁶. Нарицательная цена пятакров примерно в 5 – 6 раз превышала стоимость меди на рынке. Это обстоятельство было крайне привлекательным для фальшивомонетчиков (по официальной терминологии "воров") и в самой России и за ее пределами, особенно в соседних странах. Причем главную опасность представляли не доморощенные изготовители поддельных пятакров, а зарубежные фальшивомонетчики. Первые, не располагавшие такими возможностями, как вторые, не имели печатных станков. Если мелкую медную монету, например, полушки, можно было производить ручным способом, то для производства такой крупной монеты, как пятикопеечники, требовалось сложное оборудование достаточно определенной мощности. Местные "воры" таковым не располагали. В документах XVIII в. мы не находим ни одного свидетельства о существовании в России подпольного, нелегального монетного двора. Они обычно пользовались более простым и дешевым способом – отливали металл в форму. Но полученные таким путем пятикопеечники были "несходственны", отличались заметно от выделанных "на обыкновенных печатных станах" монетных дворов, а "чем печатать такого большого инструмента иметь им (российским фальшивомонетчикам) было невозможно", утверждала Монетная канцелярия. Сенат, в свою очередь, считал, что пятаки, "которые литы в опоки, те легко и узнать можно, понеже чистотою против настоящих чеканенных не будут"⁸⁷. Другое дело – зарубежные фальшивомонетчики. В магнатских хозяйствах Польши и Литвы, пограничных с Россией, существовали монетные дворы, чеканившие пятикопеечники в больших количествах, которые по весу и внешнему виду были полностью тождественны русским монетам.

Правительство вело борьбу как против внутренних, так и зарубежных фальшивомонетчиков. При разработке образцов пятакров были приняты меры, затруднявшие подделку этой монеты. Имеется в виду сложный рисунок – трудный для воспроизведения на самодельных штемпелях и при изготовлении литых фальшивок, сохранение на монетах больших участков гладкой поверхности, на которых легко наблюдались незначительные раковины и неровности, оставшиеся после литья, сетчатая насечка на гурте, узор ("рубешки") по краям лицевой и оборотной стороны, помещение на аверсе креста из двух линий, внутри которого помещались обозначения номинала и дата чеканки⁸⁸. Поддельщики монет подлежали смертной казни, а доносители получали большое вознаграждение. При Петре I продолжала действовать мера наказания, принятая Соборным Уложением 1649 г.: "ворам" вливали расплавленный металл в горло, а если преступник не умирал, ему отсекали голову⁸⁹.

На западных рубежах России были усилены пограничные и таможенные службы. Для того, чтобы не допускать привоза пятакров (поддельных и настоящих, т.е. российского изготовления) и вывоза золота и серебра, за

всеми приезжающими и отъезжающими был установлен строжайший надзор. Все виновные подвергались смертной казни (повешению) на месте с конфискацией всего имущества в казну. Та же участь ожидала таможенников и служителей пограничных застав, допустивших нарушение закона по оплошности или корыстным соображениям. Иностранцы, занимавшиеся обменом пятаков на золотую или серебряную монету, выдворялись за рубеж, а их имущество конфисковывалось. Правительство ограничило поступление пятаков в приграничные районы, запретив расходование этой монеты на выдачу жалованья солдатам и офицерам и на казенные нужды.

Принимаемые меры приносили определенные результаты, но не могли остановить притока в Россию поддельных пятикопеечников. Опасения Комиссии о монетном деле, что денежный рынок будет наводнен фальшивыми пятаками полностью подтвердились. Об этом свидетельствуют показания официальных документов и современников.

Наличие на денежном рынке множества легковесной, неполноценной медной монеты вело к девальвации этих денег, росту цен на отечественные и особенно иностранные товары, падению вексельного курса – короче к расстройству денежного обращения, что самым отрицательным образом отражалось на состоянии финансов, торговли, всей экономики в целом и положении народа. Иноземные купцы в пограничных городах на фальшивые пятаки скупали с надбавкой золотые и серебряные монеты, а также товары и тайно вывозили их за рубеж. По свидетельству современника на Украине золотые червонные (официальный курс которых был равен 2 руб. 25 коп. – 2 руб. 30 коп.) скупали по три рубля "и такая высокая цена не от чего иного, как от привозных фальшивых пятикопеечников"⁹⁰. В 1744 г. правительство с тревогой констатировало, что "государство излишнею медною монетою наполняется, напротив же того серебряные деньги в слитки сливают и за границу вывозят"⁹¹. Медные деньги, чеканенные по 40 руб. из пуда, падали в цене и их отказывались принимать на рынке. Так, мастеровые люди корабельной верфи в Казани, получавшие жалованье медной монетой, объявили: "Купецкие люди медная деньги ни за что не берут, а отговариваются тем, что у них в подушный платеж тех медных денег не принимают, а требуют все серебряных, и затем в покупке всяких припасов и материалов чинится остановка и продолжение"⁹².

Казна, купечество и другие богатые слои общества, приберегая серебро, старались расплачиваться медными пятаками. В ряде районов страны основная масса денег, находившихся в обращении, состояла из одних пятикопеечников. Сенат сообщал Кабинету министров осенью 1736 г.: "А в Ревеле де в народе большей частью обращаются медные пятикопеечники, и пошлины от купечества в таможеню платятся за неимением серебряных рублевиков медными же пятикопеечниками, чего ради ревельские

купцы принуждены те деньги за неимением серебряных рублевиков к корреспондентам своим, с которыми торг имеют, посылать и переводить в Нарву и Санкт-Петербург с немалым иждивением"⁹³.

Негативные процессы, происходившие в денежном обращении страны, вели к понижению вексельного курса. Неизвестный автор записки, поданной в Сенат в начале 40-х годов XVIII в., характеризуя катастрофические последствия падения вексельного курса, отмечал: "Вексель пришел в такое худое состояние, что никогда в 44,5 штивера не убывал, итакo здешний рубль в переводе 89 копеек учинит, чрез что такое великое опасение и гибель зделатца может, что со временем всей золотой и серебряной монеты лишиться можем, а на иностранные товары цены в три или более раза могут возрасти"⁹⁴. Правительству с самого начала были ясны отрицательные последствия массовой чеканки легковесных, неполноценных пятакoв, хотя оно, видимо, не представляло себе масштабов этих последствий. Еще в январском указе 1727 г. о чеканке медных пятакoв на 2 млн. руб. говорилось, что эта монета вводится временно и как только финансовое положение страны улучшится, она будет изъята из обращения. В 30–50-х годах вопрос об изъятии из обращения пятикопеечников был одним из самых злободневных, привлекавших к себе внимание и правительственных учреждений и общества.

В подготовке реформы по изъятию из денежного обращения пятикопеечников надо различать два этапа. Первый (30-е – начало 40-х годов) характеризуется разработкой многочисленных проектов и предложений; второй (1743 – 1755 гг.) – обсуждением их в Сенате, принятием решения о проведении реформы и его практическом осуществлении.

Кроме Комиссии о монетном деле 1730 – 1731 гг., в первый период были организованы еще две: одна в 1732 г. при Кабинете министров⁹⁵, другая в 1740 г. при Сенате⁹⁶. О работе комиссии (она называлась советом) 1732 г. имеются только отрывочные сведения в журналах Кабинета министров. Так, в журнале от 1 марта 1732 г. сообщается, что совет "имел рассуждение" о представлениях М.Г.Головкина, содержащих сведения о количестве пятакoв, находившихся в обращении, и мнение автора об изыскании средств, необходимых для их обмена. Рассматривалось так же предложение Б.Х.Миниха, рекомендовавшего не выменивать пятаки, а понизить их нарицательную цену до 1 копейки, и чтобы не вызвать недовольство народа, одновременно уменьшить размеры подушной подати на треть. Вторично проект Головкина обсуждался 21 марта того же года. Решение было таково: "отложить до другого времени"⁹⁷. На этом работа совета, видимо, и завершилась. Во всяком случае, никаких следов ее дальнейшей деятельности в архивных материалах ЦГАДА обнаружить не удалось. Что же касается комиссии 1740 г., то ее создание было только провозглашено. Бурные политические события 1740 – 1741 гг. (борьба различных группировок за власть, падение Э.Бирона, затем Миниха,

А.И.Остермана, дворцовый переворот 25 ноября 1741 г., приведший к власти младшую дочь Петра I – Елизавету) не способствовали функционированию комиссии.

Основная масса проектов, составленных в 30-х – начале 40-х годов XVIII в., была посвящена главным образом изысканию средств, необходимых для осуществления операции по изъятию пятаков, так как казна не собиралась брать на себя все расходы, а переложить их целиком на плечи народа не решалась, опасаясь социального взрыва. Лишь два предложения – личного секретаря Анны Иоанновны А.Полубояринова и члена, а затем главы Монетной канцелярии кн. С.А.Голицына предусматривали выкуп пятаков полностью за счет казны.

Полубояринов в 1735 г. подал Кабинету министров "Черновое представление о медных деньгах и вымене пятикопеечников", в котором предлагал выкупить у населения пятаки, заплатив за них по пять копеек. Обосновывая свое предложение, он писал, что хотя казна и понесет при этом убытки примерно в 2,5 млн. руб., но она получит большую прибыль, так как медные пятаки при стоимости в 800 тыс. руб. "по 3 миллиона с лишком в каждом году обращались". Что касается народа, главным образом крестьян и посадских людей, то он понес значительный ущерб от чеканки пятаков и их длительного хождения. В результате проведения реформы упрочится денежное обращение в России, установится правильное соотношение между медными и серебряными деньгами, прекратится подделка, поскольку, кроме пятаков другие медные деньги чеканятся по 10-рублевой стопе и "вечно монета останется безопасной", торговые люди не будут считать, что "медная монета пред серебряною втрое хуже, но все равно, что серебряной монете доброты, то и медной"⁹⁸.

Голицын предложил в 1743 г. принимать у населения пятаки и платить за них копейка за копейку, т.е. без ущерба для народа. Речь шла о не более 3,5 млн. руб., т.е. о той сумме, на которую они были сделаны в России, а затем, не переливая, перепечатать в копейки. Убытки казны предполагалось покрыть за счет прибыли от чеканки медных копеек по 10 руб. из пуда. Для начала он считал необходимым выпустить таких копеек на 2 млн. руб.⁹⁹

В проектах и Полубояринова и Голицына, впрочем, как и во многих других, подчеркивалась мысль о необходимости скорейшего обмена пятаков, потому что чем дольше они будут находиться в обращении, тем больше причинят вреда и государству и народу. И тот и другой полагали, что именно казна должна была взять на себя бремя расходов по изъятию пятаков из обращения. Правительству следует пойти на такой шаг, в противном случае реформа приведет к дальнейшему подрыву платежеспособности податного населения (крестьян и посадских людей), росту недоимок, что в конечном счете невыгодно государству.

Рассмотренные проекты были отклонены правительством, не разделяя-

шим основной принцип, которым руководствовались Полубояринов и Голицын при разработке реформы. Правительство считало, что бремя расходов должны нести и население и государство, причем отнюдь не в равной степени из-за нехватки средств в казне, дефицита государственного бюджета. Некоторые проекты предлагали такие методы выкупа медных пятаков, которые были совершенно непривычны для населения и поэтому неприемлемы для России. Так, комиссар Монетной канцелярии М.Шпеерман (1738 г.) советовал организовать в России денежную лотерею и доходы от нее использовать для выкупа пятаков. Советник той же канцелярии И.А.Шлаттер предложил выпустить бумажные билеты как крупного, так и мелкого достоинства (от 1000 руб. до 5 коп.) на 3,2 млн. руб. и начеканить серебряных пятаков на 4 млн. руб. по облегченной стопе 17 руб. 32 коп. из фунта серебра 77-й пробы, что должно было принести казне дополнительную прибыль (серебряная монета чеканилась по 15 руб. 84 коп. из лигатурного фунта серебра). В течение 5 лет бумажные деньги (билеты) должны были ходить наравне с монетами, а затем их надлежало обменять по обозначенной цене. Владельцы медных пятаков при обмене их получали 80% стоимости бумажными деньгами, а 20% – серебряной монетой или медными копейками, чеканенными по 10-рублевой стопе¹⁰⁰.

Аналогичный проект был представлен и вице-президентом Коммерц-коллегии И.И.Мелиссино.

Проекты Шпеермана, Шлаттера и Мелиссино были отвергнуты Сенатом. Члены его вообще резко критически отнеслись к самой идее внедрения в обращение бумажных денег или лотерейных билетов. В России "билеты" "не токмо не заобыкновенное и незнаемое дело, но и самое вредительное, и весьма хуже нынешних пятикопеешников", ибо они "внутреннюю доброту меди имеют около 8 рублей за пуд, а билеты никакой уже внутренней доброты иметь не будут". Выменять их будет еще сложнее и убыточнее, чем медные пятаки. "К тому же сие весьма предосудительно будет, что вместо денег будут ходить бумажки, да и опасно, чтоб не подать причины впредь худым разсуждениям"¹⁰¹.

Не получили одобрения и проекты асессора Монетной канцелярии И.Мокеева (1737 г.) и комиссара той же канцелярии П.Крекшина (1739 г.). Первый предусматривал чеканку из уральской меди пятаков по 20-рублевой стопе на 3 млн. руб., второй – платов по 10 руб. из пуда, а полученную прибыль использовать для выкупа медных пятикопеечников. Подвергнув критике эти проекты, Сенат указал на их нереальность. В частности, касаясь предложения Мокеева, отмечалось, что на изготовление новых пятаков на 3 млн. руб. потребуется 150 тыс. пудов меди стоимостью по меньшей мере 900 тыс. руб. Для производства такого количества меди на казенных и всех частновладельческих заводах потребуется несколько лет. Кроме того, казна не располагает свободными деньгами в размере почти

1 млн. руб. для покупки меди. Новые пятаки, чеканенные по 20 рублевой стопе, по-прежнему будут представлять соблазн для фальшивомонетчиков, так как цена меди в них превысит в три раза рыночную. Поэтому новые пятаки тоже придется выменивать и переделывать.

Комиссия не одобрила и второй проект Шлаттера, предусматривавший чеканку двухрублевой золотой монеты 77-й пробы по 117 штук из лигатурного фунта, прибыль от которой пошла бы на обмен пятаков. Мотивы были таковы: такого большого количества золота нельзя будет купить в течение многих лет, да и у казны нет денег. К тому же проект убыточен.

Неизвестный автор предложил использовать прибыль от передела мелких серебряных денег в гривенники для выкупа медных пятаков, которые затем следовало перепечатать в грошевики (2 коп.) по 16-рублевой стопе. И это предложение не получило поддержки, потому что, по мнению Комиссии, прибыль от передела мелких серебряных денег велика, чтобы выкупить у населения медные пятаки.

Особняком стоят проекты 1740 г. Х.В.Миниха и Б.Х.Миниха, поскольку в них предлагались меры, отличные от всех остальных. Первый предложил подвергнуть клеймению все пятаки малыми клеймами в определенный срок, по истечении которого хождение неклеяемых монет запрещалось, а затем их перепечатать в копейки. За клеймение брать в казну один из 25 пятаков, что должно составить 200 тыс. руб. Комиссия сочла этот проект технически сложным, требующим больших расходов, и отклонила его.

Б.Х.Миних выступил с идеей создания купеческой компании для торговли с Хивой, Бухарой, Китаем и Камчаткой, доходы которой пошли бы на выкуп пятаков. Комиссия считала учреждение такой компании делом маловероятным. Но даже, если бы она и была создана, то потребовались бы многие годы для реализации обмена пятаков. Между тем тянуть далее с проведением в жизнь реформы по изъятию из денежного обращения пятаков нельзя, так как они наносили большой ущерб экономике страны, интересам казны и населения.

Давая общую отрицательную оценку всем проектам, Сенат в своем определении от 14 ноября 1743 г. отмечал, что все они неприемлемы, так как издержки по изъятию пятаков возлагались на казну. На проведение реформы требовалось несколько миллионов рублей. А такую большую сумму "не токмо вскоре, но и весьма во многие годы накопить никак нельзя"¹⁰². Вряд ли можно согласиться с такой оценкой. Из рассмотренных проектов лишь предложения Полубояринова и Голицына предусматривали возмещение казной всех расходов по обмену пятикопеечников, а остальные исходили из участия в расходах и казны, и населения. Итак, из определения Сената со всей очевидностью следует, что правительство не намерено было прислушаться к справедливым требованиям и как всегда

стремилось выйти из кризиса денежного обращения главным образом за счет податного населения.

Сенаторы остановились на проекте бывшего генерал-прокурора Сената, а затем кабинет-министра П.И. Ягужинского, по которому следовало в течение 4 лет, начиная с 1744 г., ежегодно проводить снижение пятакон на одну копейку и таким образом довести их нарицательную цену до копейки, что соответствовало бы рыночной цене меди, содержащейся в них и тем самым выбило бы почву у фальшивомонетчиков. К тому же, по мнению сенаторов, проект равномерно распределяет расходы по выкупу пятакон на казну и на население.

Для того чтобы казна не понесла излишние убытки, Сенат рекомендовал всю операцию по выкупу пятакон "содержать в наивысшем секрете" от народа, что позволит избежать наплыва пятакон в казенные учреждения и на монетные дворы. Было решено рабочих Сенатской типографии, дабы они не разгласили о снижении цены пятакон, "держать под караулом" до тех пор, пока не будет опубликован указ¹⁰³.

Проект Ягужинского и поддержку его Сенатом подверг критике В. Демидов. Вопрос об изъятии из обращения пятакон, считал он, надо решать одновременно, т.е. сразу понизить их цену до копейки, а не растягивать на четыре года. За это время всю золотую и серебряную монету могут вывезти за границу на те же поддельные медные пятаки. Опыт показывает, что нельзя возлагать большие надежды на пограничные заставы¹⁰⁴. Мнение Демидова не учитывало многих аспектов такой сложной проблемы, как обмен пятакон, поэтому оно было уязвимо для критики.

Сенат отверг замечания Демидова и выступил с развернутым обоснованием принятого им решения. Прежде всего нельзя пойти на одновременную убавку пятакон до копейки, потому что в стране мало мелких медных денег, а от реформы их число сразу уменьшится на 3,2 млн. руб. Между тем известно, что главные статьи государственного бюджета – подушный и кабацкий сборы – поступают медными пятикопеечниками. Реформа, проведенная таким образом (т.е. убавка цены каждого рубля пятакон сразу на 80%), а не постепенно, по мнению Сената, резко ухудшит положение подавляющего большинства населения: крестьян, купцов и других слоев посадского и малоимущего населения, а также чиновников, офицеров (многие из которых "деревень за собой не имеют"), солдат, живущих на одно жалованье. Сенаторы правильно полагали, что это может привести к таким отрицательным явлениям, как повышение цен и прежде всего на хлеб и другие съестные припасы. Многие неимущие люди, которые "кормятся малым рукоделием и работой", от дороговизны могут "помереть от голода", а другие займутся "воровством и разбоем".

Однако больше всего Сенат страшили социальные последствия – взрыв недовольства, волнения и выступления народа против политики правительства. "В каком... худом состоянии российское купечество и крестьянство

ныне находится, — сказано в сенатском определении, — того пространно описывать не для чего, ибо и без того довольно всем о их состоянии известно, а к тому ж, ежели вдруг такая великая в цене пятикопеечников убавка учинится, то и влещее купечеству и крестьянству разорение будет, отчего ни что иное последовать может, токмо стенание и вопль”¹⁰⁵.

Елизавета Петровна утвердила предложения Сената с небольшой поправкой. 11 мая 1744 г. был издан именной указ о снижении нарицательной цены пятаков ежегодно на 1 копейку, но не с 1 января 1745 г., как предлагал Сенат, а с 1 августа 1744 г.¹⁰⁶ Через год, 5 июля 1745 г., было принято решение о хождении с 1 октября четырехкопеечников по три копейки¹⁰⁷, а с 28 августа 1746 г. трехкопеечники стали ходить по 2 коп. (по указу 20 июня 1746 г.)¹⁰⁸. Приведенные даты показывают, что снижение цены пятаков проводилось не ровно через год, а немного позже или раньше. Это делалось для того, чтобы сбить с толку население, которое, полагая, что очередное снижение произойдет точно, спустя год, стало бы бывать пятаки ”паче других денег во всякие сборы и подати” в казну отдавать, отчего она ”наибольший убыток понести может”¹⁰⁹. Печатные указы об очередном снижении готовились заранее и заблаговременно рассылались на места со строжайшим указанием не распечатывать до указанного срока и никому не объявлять ”под опасением за неисполнением того жесточайшего истязания”¹¹⁰. Короче говоря, казна шла на всякие ухищрения, чтобы за счет населения уменьшить собственные расходы, связанные с проведением реформы.

Сенат, принимая решение о понижении цены пятаков ежегодно на 1 копейку, утверждал, что казна и население от этой меры понесут равные убытки. Однако это заявление было декларативным, так как не подкреплялось расчетами. Поэтому его нельзя расценить иначе, как попытку успокоить народ. В делах Сената по Монетной канцелярии автором обнаружены данные о количестве пятаков, находившихся в казенных учреждениях на каждую дату убавки пятаков на одну копейку, а также о ежегодных расходах казны в связи с реформой. Эти сведения позволяют подсчитать и размеры убытков населения.

Как отмечалось, на российских монетных дворах было начеканено пятаков на 3,5 млн. руб. Сколько находилось в обращении фальшивых, поддельных пятаков никто не знал. Монетная канцелярия считала, что всего в ходу пятаков было на сумму около 4 млн. руб. В своих расчетах мы и будем исходить из этой суммы (см. табл. 5).

Итак, расходы (убытки) населения за три года составили 1 514 тыс. руб., а казны 885,7 тыс. руб. Следовательно, ни о каком равном распределении бремени реформы, о котором провозгласило правительство, не может идти речи. Убытки народа почти в два раза (85%) превышали ущерб, понесенный казной. В то же время в табл. 5 отчетливо выражена определенная тенденция: расходы казны ежегодно увеличивались, а населения —

Таблица 5*

**Убытки населения и казны от понижения цены пятаков
в 1744 – 1746 гг. (в рублях)**

Дата	Всего	Казна	Население	Убытки	
				казны	населения
До 1 августа 1744 г.	4 000 000	1 057 074	2 942 926	–	–
После 1 августа 1744 г.	3 200 000	845 660	2 354 340	211 414	588 586
До 1 октября 1745 г.	3 200 000	1 090 594	2 109 406	–	–
После 1 октября 1745 г.	2 400 000	817 946	1 582 054	272 649	527 351
До 28 августа 1746 г.	2 400 000	1 204 843	1 195 157	–	–
После 28 августа 1746 г.	1 600 000	803 199	796 801	401 614	398 386

* ЦГАДА. Ф. Сенат. Кн. 1425. Л. 186. Подсчеты наши.

уменьшались, причем на третьем году понижения нарицательной цены пятаков они (расходы) на несколько тысяч рублей были даже меньше, чем у казны. Населению России, предугадывавшему возможную новую убавку цены пятаков, раз от разу удавалось все больше избавляться от монеты, которую лихорадило, переправив ее в различного рода коллегии и канцелярии. Эта тенденция никоим образом не устраивала правительство, и поэтому, видимо, неслучайно вопрос об изъятии из обращения грошевиков (бывших пятаков) еще не один раз был предметом тщательного обсуждения в высшем правительственном учреждении.

В 1746 г. с новым предложением выступил Х.В.Миних, суть которого сводилась к тому, чтобы не убавлять цену на старые пятаки до копейки, а чеканить новые медные копейки по 16 руб. из пуда и на них обменивать бывшие пятаки, затем перепечатывать в грошевики "самого доброго мастерства штемпелем". По мнению Миниха, чеканка новых медных копеек по 16-рублевой стопе на 2 млн. руб. должна принести казне такую прибыль, которая позволит покрыть убытки по обмену грошевиков (бывших пятаков). Сенат отклонил этот проект по двум мотивам. Во-первых, чеканить медные копейки по 16-рублевой стопе, в то время как денежки и полушки делаются по 10 руб. из пуда, нельзя, потому что "в коммерции такое же помешательство или конфузия происходить будет, как и от бывших пятикопеечников", и впоследствии придется их опять выменивать и перепечатывать по 10-рублевой стопе. Во-вторых, передел меди по

16-рублевой стопе при рыночной цене 7 – 8 руб. пуд по-прежнему останется соблазнительным для фальшивомонетчиков, так как они будут иметь 100%-ную прибыль. Новые копейки, как и ранее пятаки, будут тайно поступать из-за рубежа из Польши через Украину и из Швеции, где меди достаточно. Наконец, в течение 1747 г., как предлагает Миних, выменять все бывшие пятаки не удастся, а платить за них с 1748 г. по копейке значит увеличить "народную тягость". Несмотря на то, что этот проект Миниха был отвергнут Сенатом, позднее основные его предложения (передел меди по 16-рублевой стопе и перепечатка бывших пятаков в грошевики), отвечавшие интересам казны, были подхвачены П.И.Шуваловым и реализованы им.

Сенаторы предложили императрице понизить грошевики (бывшие пятаки) на 3/4 копейки и чтобы с июня 1747 г. они ходили по 1 1/4 коп., тогда они по цене ("доброте") будут равны денешкам и полушкам, которые печатаются по 10 руб. из пуда. А чтобы избежать лишних расходов, грошевики новым штемпелем не перепечатывать. Доклад Сената, представленный Елизавете Петровне 27 ноября 1746 г., не получил одобрения, а в 1753 г. был возвращен на дополнительное рассмотрение¹¹¹.

В 1754 – 1755 гг. наступил завершающий этап операции по снижению нарицательной цены грошевиков. В марте 1754 г. Монетная канцелярия представила в Сенат свои соображения на этот счет. Она полагала, что последняя убавка грошевиков на одну копейку неоправданно затянулась, и это по-прежнему чревато ростом тайного привоза из-за рубежа поддельных пятаков. Опасно, "дабы время от времени сия язва втрое или вчетверо убытка России не принесла"¹¹². Канцелярия рекомендовала немедленно приступить к осуществлению этой операции. В случае отказа правительства нести расходы, предлагалось тогда объявить о хождении грошевиков по одной копейке в течение двух лет с момента публикации указа. Предусматривалось, что все грошевики, которые имелись в казне, или поступят туда, не расходовать, а передавать на монетные дворы, где они должны быть перечеканены в новые двухкопеечники. При этом перепечатать не более 3,5 млн. руб., т.е. на сумму, выпущенную казной, а сверх этой суммы не принимать. По истечении двух лет хождение оставшихся старых грошевиков запретить и принимать их монетными дворами и в уплату разных налогов как медь по 7 руб. за пуд с последующей их перечеканкой в грошевики.

Заслуживают внимания соображения Монетной канцелярии о чеканке на 1 млн. руб. медных копеек по 10 руб. из пуда с целью увеличения в денежном обращении мелкой медной монеты, а также меры по повышению экспортных цен на медь. В случае низкой цены на медь при портах заводчикам предлагалось продавать ее только внутри страны, а излишнюю покупать в казну с платежом "истинной цены" (т.е. себестоимости) плюс 20% в качестве прибыли и переделывать в копейки или платы по 10 руб. из пуда. А когда цена меди при портах повысится до 8 руб. за пуд, тогда

разрешать экспорт, а если понизится, то опять переделывать¹¹³. Одним словом, Монетная канцелярия рекомендовала перенять шведский опыт борьбы с искусственным занижением цен на русскую медь в случае, если оно будет предпринято иностранными купцами.

Сенат не поддержал Монетную канцелярию, и в вопросе о грошевиках остался на прежних (1746 г.) позициях. Но с этим определением не согласился П.И.Шувалов – новая звезда на русском государственном небосклоне – по той причине, что по сравнению с 1746 г. цена меди в России в 1754 г. понизилась. Он предложил обсудить в Сенате вопрос заново. С конца 40-х и до начала 60-х годов Шувалов и возглавляемая им группировка при дворе (соперничавшая с группировкой Разумовских) играли первостепенную роль в определении и проведении внутренней политики России. Граф Шувалов был, бесспорно, даровитым, образованным, энергичным и очень деятельным представителем центральной администрации. Но своим положением в правительстве Елизаветы Петровны он был обязан не столько личным качествам и высоким постам (сенатор, генерал-фельдцейхмстер, а затем генерал-фельдмаршал, член Конференции при высочайшем дворе), сколько своим родственным связям.

Шувалов входил в окружение Елизаветы еще в годы ее юности, способствовал ее приходу к власти. Его двоюродный брат Иван Иванович Шувалов с конца 40-х годов был фаворитом императрицы, а родной брат Александр – главой Тайной канцелярии. Современники неслестно отзывались о П.И.Шувалове, подчеркивая его непомерное честолюбие, резкий и грубый характер, надменность, а главное корыстолюбие. Враги и недоброжелатели графа, а их у него было предостаточно, завидовали его положению. Шувалов являлся одним из богатейших помещиков России, владел металлургическими и винокуренными заводами, был откупщиком разных промыслов, приносивших ему огромные доходы. Французский дипломат Ж.Фавье писал, что граф "возбуждал зависть азиатской роскошью в дому и в своем образе жизни: он всегда покрыт бриллиантами, как Могол и окружен свитой из конюхов, адъютантов и ординарцев"¹¹⁴.

С именем Шувалова связаны многие проекты, касающиеся торгово-промышленной политики, финансов, денежного обращения, отчасти военного дела. Некоторые из них объективно имели прогрессивное значение, поскольку отвечали интересам экономического развития страны. Достаточно упомянуть отмену внутренних таможен, стремление повысить долю косвенных налогов в доходной части бюджета и т.д. Все проекты Шувалова были направлены на увеличение доходов страны. Но при этом граф не забывал и себя. На это обращали внимание и М.М.Щербатов в своей книге "О повреждении нравов в России", и генерал-прокурор Сената Я.П.Шаховской, и Екатерина II, считавшая деятельность П.И.Шувалова не столь полезной для государства, сколь прибыльной для него самого. И такая оценка справедлива¹¹⁵.

В декабре 1754 г. Сенат принял новое решение. Рекомендовалось: снизить нарицательную цену грошевиков до 1 коп., начеканить на 1 млн. руб. новых медных копеек по 8 руб. из пуда, на них выкупить грошевики, затем их перепечатать в копейки тем же штемпелем, что и новые копейки. Когда эта операция будет завершена, впредь до указа более медной монеты не следует делать. Свое прежнее решение от 1746 г. Сенат отменил¹¹⁶. Под влиянием Шувалова это решение Сената не было осуществлено. Он представил свой проект завершения реформы. Подробно остановившись на причинах введения и изъятия из обращения пятак, Шувалов указал на вынужденный характер чеканки медной монеты по 40-рублевой стопе. Причиной тому была "тягостная и продолжительная" Северная война. Не будь ее, Петр не решился бы ввести в обращение такую "худую" монету. Шувалов подчеркивал, что на протяжении всего существования легко-весных медных пятак "довольные рассуждения и советы были держаны, мнения и проекты подаваны, каким бы образом оное бедство государственное отвратить в рассуждении разорения народного и государственного убытка". В проекте оправдываются отказ казны взять на себя все расходы по выкупу пятикопеечников и метод постепенного снижения их нарицательной цены. Шувалов признает, что реформа, начатая в 40-х годах, могла бы быть осуществлена иначе, "ежели б состояние государства в доходах не в таком обстоятельстве было, как тогда находилось, ибо и на установленные расходы, которые ежегодно потребны, суммы не доставало". Он вынужден был признать, что хотя казна и понесла убытки от убавки у рубля медных пятак по 60 коп., но эти расходы с лихвой, перекрыты "великой прибылью", полученной от чеканки данной монеты, "а, напротив того, народ, совсем от того не пользуясь, равному (как было показано ранее, далеко не равному. — А.Ю.) убытку подвергнут"¹¹⁷.

Таким образом, ничего принципиально нового в рассуждениях Шувалова не было: он повторял то, что неоднократно было выказано до него в проектах и записках 30 – 40-х годов XVIII в. Новыми были только его соображения о последнем этапе реформы. Сенатор предложил начеканить новых медных копеек по 8 руб. из пуда на 3 млн. руб.; этими копейками выменять у населения грошевики (бывшие пятаки), заплатив за них по 2 коп., и перепечатать их в копейки. Почему на 3 млн. руб.? Чеканка копеек на такую сумму по 8-рублевой стопе даст прибыль в 750 тыс. руб. Ее будет достаточно, чтобы покрыть убытки от последней операции по снижению наполовину нарицательной цены грошевиков. По расчетам Шувалова, к 1755 г. в обращении имелось грошевиков на 1 396,9 тыс. руб., после их выкупа и перепечатки в копейки расход составит примерно 700 тыс. руб. Остальные 50 с лишним тысяч рублей прибыли будут употреблены на перепечатку грошевиков и передел новой меди.

Сенат поддержал рассмотренный проект и представил Елизавете Петровне доклад (с приложением текста проекта), который был утвержден

7 марта 1755 г.¹¹⁸ Предложения Шувалова могут быть оценены положительно, поскольку на сей раз все расходы по выкупу бывших пятаков казна брала на себя, освободив от них народ. Однако, как показали дальнейшие события, Шувалов осуществил последний этап реформы с дальним прицелом, готовя перчеканку всей медной монеты, находившейся в обращении, по 16-рублевой стопе с целью значительного увеличения доходов казны. Было принято несколько сенатских указов, конкретизировавших ход и порядок проведения реформы. По указу 9 марта Монетной канцелярии повелевалось делать из новой меди копейки на 3,5 млн. руб. "со всевозможным поспешением", из них 3 млн. предназначалось на выкуп грошевиков и 500 тыс. руб. на очистку р. Фонтанки в Петербурге. Оформление новых копеек не было сложным, причем предусматривалось понижение рельефа на лицевой и оборотной сторонах (против утвержденного образца). Это позволяло при перепечатке бывших пятаков в копейки добиться уничтожения следов изображений и надписей на старой монете, а также меньшей нагрузки на штемпеля, т.е. обеспечить более высокое качество монеты; на что специально обращал внимание Сенат. Монетным дворам "грошевики... перепечатывать с подпущенным темным колером, дабы не столь грошевые знаки видны были". На гурт копеек образца 1755 г. наносились надписи: "С. петербургского монетного двора", или "Московского монетного двора", или "Екатеринбургского двора", или насечка в виде сетки¹¹⁹.

Указы 17 апреля и 2 мая 1755 г. предусматривали условия приема грошевиков. Предписывалось принимать на монетных дворах и в счет уплаты всяких податей и платежей только настоящие монеты (т.е. чеканенные на российских монетных дворах), а поддельные и легковесные иностранные не брать¹²⁰. Для обеспечения такой обширной массовой чеканки медных копеек еще ранее (13 февраля 1755 г.) был принят указ, запрещавший на время вывоз меди за границу. Заводчики должны были продавать в казну медь по 5 руб. за пуд, оставляя для внутренней продажи лишь четвертую часть производимой меди¹²¹.

Указом 18 августа 1755 г., повторявшим указ 9 марта того же года, разрешалось новые медные копейки, чеканенные по 8-рублевой стопе, вывозить за границу с уплатой пошлины, переливать, использовать для изготовления посуды. Фальшивые и негодные в перепечатку грошевики не подлежали обмену, их следовало принимать "без всякого платежа". Все казенные медеплавильные заводы должны были готовую продукцию отправлять лишь на монетные дворы. Берг-коллегии поручалось увеличить производство меди до таких размеров, до каких позволяют природные условия (руда, лес, воды и т.д.) построить, если необходимо, новые медеплавильные печи и увеличить число рабочих¹²².

Согласно указу 19 июня 1756 г. грошевики могли находиться в обращении до 1 сентября 1756 г., после чего их надо было принимать так, как прочую медь по 5 руб. за пуд¹²³.

Итак, изъятие из обращения грошевиков намечалось завершить к 1 сентября 1756 г. Поскольку считалось, что в стране имеются фальшивые и тайно привезенные из-за рубежа грошевики (бывшие пятаки) у властей существовало серьезное опасение, что их может поступить в казну на большую сумму, чем было начеканено на российских монетных дворах. В результате трехкратного понижения цены пятаков до грошевиков их по официальным данным осталось в обращении примерно на 1,4 млн. (1 396 920) руб. Поэтому, как и прежде, было дано строжайшее указание свыше этой суммы грошевиков не обменивать. Вопреки опасениям к 1 сентября 1756 г. в казну было принято монет на 205,7 тыс. руб. меньше (по данным, приведенным в сенатском указе от 8 апреля 1757 г.)¹²⁴. Однако при оценке итогов последней операции по выкупу грошевиков исходить только из этих данных нельзя. Во всяком случае они нуждаются в комментариях и коррективах.

Надо иметь в виду, что, по предложению Шувалова, правительство сделало все, чтобы в казну поступило как можно меньше грошевиков, и таким образом сократить казенные расходы. Как верно отметил В.В. Уздеников, во-первых, в указе от 18 августа 1755 г. об обмене грошевиков не была указана дата завершения этого вымена, и население не спешило, полагая, что эта операция будет продолжаться до тех пор, пока этой монеты не останется в обращении¹²⁵. Во-вторых, указом от 19 июня 1756 г. был установлен крайне ограниченный срок выкупа грошевиков (до 1 сентября того же года). Завершить такую сложную и трудную операцию за 2,5 месяца было просто невозможно. Между тем после 1 сентября 1756 г., чтобы не последовал "невозвратный казенный убыток", был запрещен не только обмен грошевиков, но и уплата ими всяких казенных сборов и податей. Государственные приемщики, нарушившие этот указ, должны были возмещать убытки казны. Из сказанного можно сделать вывод, что на руках населения осталось значительное количество невымененных грошевиков. Неслучайно пятаки 1723 – 1730 гг. в последующее время перепечатывались и в двух- и четырехкопеечники. Часть населения не выменивала грошевики, а оставила их у себя, и затем использовала в качестве сырья для изготовления домашней посуды и других изделий. Множество пятаков хранится в музеях, личных коллекциях, их обнаруживают в кладах монет. Наконец, за 30 с лишним лет часть пятаков погибла от пожаров (достаточно вспомнить грандиозный московский пожар 1737 г.), наводнений и других стихийных бедствий, была потеряна во время переездов и т.д.

Таким образом, нельзя принимать на веру утверждения указа от 8 апреля 1757 г. о том, что "сомнение о подвозной (т.е. поступившей из-за рубежа. — А.Ю.) и подделанной медной монете было напрасное"¹²⁶, основанное лишь на том, что при последнем обмене пятаков (грошевиков) в 1756 г. их поступило меньше, чем было начеканено. Как будто не было показаний

официальных документов и свидетельств современников о тайном привозе из-за границы и выделке в самой России поддельных пятаков, и многих указов, характеризующих постоянную и жестокую борьбу правительства с зарубежными и отечественными фальшивомонетчиками.

Следует также учитывать, что в основу именного указа от 8 апреля 1757 г. положен доклад П.И.Шувалова, основной пафос которого был направлен на то, чтобы убедить членов Конференции при высочайшем дворе, а затем и императрицу, что от перехода к чеканке медной монеты по 16-рублевой стопе (а именно это он и предлагал) никакой опасности нет. Шувалов пытался доказать, что все страхи и опасения будто хождение пятаков, печатанных по 40 руб. из пуда меди, повлечет приток в Россию огромного количества фальшивых монет, оказались преувеличенными и не подтвердились. Однако подобные утверждения не соответствовали действительности.

Итак, после более 30-летнего хождения пятаки образца 1723 г. были в 1756 г. изъяты из денежного обращения. Наконец, Россия была избавлена от "самой вредительной монеты". Эта реформа была крупным шагом по пути оздоровления финансов, стабилизации денежного обращения и роста торговли. По свидетельству современника, "коммерция и кредит знатно умножились".

Однако стабилизация была кратковременной. Приближалась пора массовой чеканки легковеснейшей медной монеты и засилья в денежном обращении неполноценных бумажных ассигнаций. Но об этом в следующих главах.

Глава четвертая МЕДНАЯ МОНЕТА

ПЕРЕДЕЛ МЕДНОЙ МОНЕТЫ В 1730 – 1757 гг.
МОСКОВСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР

В чеканке медной монеты в 30-х – начале 60-х годов XVIII в. четко прослеживаются два этапа. Первый (1730 – 1755 гг.), когда мелкая разменная монета (денежки и полушки) печаталась по 10- и короткий период даже по 8-рублевой стопе, что ненамного превышало торговую цену пуда меди и практически исключало появление фальшивых монет. Второй (1755 – 1762 гг.), когда медная монета (полушки, денежки, грошевики, а затем и пятикопеечники) выпускалась сначала по 16, а потом по 32 руб. из пуда меди.

Изъятие из обращения всех ранее напечатанных медных монет (кроме пятикопеечников), а также передел мелких серебряных денег (в основном проволочных копеек и выпущенных при Петре I круглых серебряных копеек, алтынов и гривенников) в крупную монету привели к тому, что в стране возникла острая нужда в мелкой разменной монете. Эта нужда постоянно ощущалась в 30 – 40-х годах, несмотря на значительную чеканку мелкой медной монеты, которая осуществлялась в это время на московских и Екатеринбургском монетных дворах. Так, руководитель горнозаводской промышленности Урала и Сибири В.Н.Татищев сообщал в 1734 г. в Кабинет министров, что в Казани купцы ему говорили, "что в народе в мелких деньгах великая скудость и в мелочных торгах на размены и паче для покупки крестьянских товаров не достает". Медные же пятикопеечники вследствие их тяжести для этой цели не годятся, ибо купцы для закупки у крестьян холста, шкур зверей и прочих товаров посылают своих приказчиков "верхами" за несколько сот верст. К тому же на пятаки, как неполноценную монету, продают свои товары дороже, или вообще отказываются их брать. "А в Кунгуре и Соли Камской от воевод и посадских людей слышал, что рублевики крестьяне променивают на денежки и полушки (чеканенные по 10 рублей из пуда – А.Ю.), теряя по 10 копеек у рубля"¹.

Для удовлетворения этой потребности правительство Анны Иоанновны 22 декабря 1730 г. приняло решение о чеканке денежек и полушек по 10 руб. из пуда меди на 1 млн. руб.² Одновременно велась перепечатка

старых копеек, чеканенных по 20- и 40-рублевой стопе в монеты того же номинала (т.е. денежки и полушки).

Недостатка в меди казна не испытывала. К маю 1733 г. на монетных дворах Москвы и Петербурга скопилось более 20 тыс. пудов меди и разных старых медных монет примерно на 135 тыс. руб. Кроме того, в Коммерц-коллегии хранилось уральской меди свыше 10 тыс. пудов, да на казенных заводах имелось более 23 тыс. пудов. Всего в Монетной канцелярии и Коммерц-коллегии было свыше 60 тыс. пудов меди. Такие запасы позволяли не только полностью обеспечить монетные дворы сырьем на несколько лет, но и вывозить медь за границу. Поэтому Монетная канцелярия предложила Сенату 14,5 тыс. пудов хорошей красной меди переделать в денежки и полушки, а остальную продать русским и иностранным купцам для удовлетворения внутренних нужд и на экспорт. Сенат поддержал Канцелярию, и это предложение было одобрено императрицей³.

Перепечатку старых копеек намечалось сосредоточить на Красном (Китайском) монетном дворе, так как Кадашевский был в ветхом состоянии. (В 1736 г. Кадашевский двор со всеми строениями был передан правительством крупной компанейской суконной мануфактуре Андрея Еремеева с товарищами). Однако и на Красном дворе потребовались большие предварительные работы, чтобы подготовить его к выполнению поставленной перед ним задачи. Монетная контора в Москве поручила минцмейстеру Ивану Мокееву и казначею И.Д. Алмазову отремонтировать имеющиеся на дворе палаты и подготовить их для установки печатных и гуртильных станов. Число первых решено было довести до 40, построить "пожигальные печи" для разогрева монет ("сколько по пропорции тех станов надлежит") и печи для отопления, короче говоря, привести двор в порядок, чтобы можно было работать⁴.

По плану реконструкции все старые неудобные "строения" подлежали сносу. Монетная контора просила разрешить ей с целью расширения территории монетного двора разобрать часть городской стены, а также ветхие палаты и продвинуться на 5 сажень к Заиконоспасскому училищу (Славяно-греко-латинской академии). Такое разрешение было дано⁵. Ремонт Красного монетного двора шел медленно, но все же с ноября 1731 г. началось печатание денежек и полушек на 8 станах⁶. В других палатах печатать было нельзя, потому что в них не топились печи, "понеже трубы засорились, также от великих морозов в тех палатах после топки великий бывает чад, и от того чаду многие работные люди угорают и едва живых вытаскивают, и за тем угаром работные люди и в работу не идут. Да и в плавильной палате, где поставлены большие четыре стана денежных, труба упала и пока ее не починят, работать нельзя"⁷. Несмотря на имеющиеся трудности, в первые два года за счет использования запасов старых монет (копеек, чеканенных по 40- и 20-рублевой стопе) было перепечатано и сделано из меди денежек и полушек на 540 657 руб. В последующие два года, когда этот запас был исчерпан, объем чеканки резко сократился (табл. 6).

Передел меди на Московском монетном дворе
в 1731 – 1754 гг. (в рублях)*

Год	Денежки	Полушки	Всего	Год	Денежки	Полушки	Всего
1731			395 865	1743	68 422	759	69 181
1732			144 792	1744	102 677	1 049	103 726
1733			46 251	1745	63 440	1 340	64 780
1734			67 763	1746	225 338	3 360	228 698
1735	236 900	52 600	289 500	1747	226 778	5 740	232 518
1736	51 099	200 334	251 443	1748	24 000	2 –	24 000
1737	36 988	3 261	40 250	1749	139 700	–	139 700
1738	–	–	–	1750	79 126	4 900	84 026
1739	4 685	–	4 685	1751	–	–	–
1740	нет сведений			1752	20 024	–	20 024
1741	"			1753	21 000	–	21 000
1742	"			1754	191 600	–	191 600

* ЦГАДА. Ф. Сенат. Кн. 1104. Л. 363 – 378; Монеты Анны. С. 216; Монеты Елизаветы. С. 275.

Монетная канцелярия, опасаясь появления фальшивых монет, как это было при переделе меди по 40 руб. из пуда, потребовала, чтобы "медные денежки, полушки, деланы были самою чистою и хорошею работою, и штемпели делать самым добрым мастерством, дабы вора́м подделываться было невозможно". Однако ситуация коренным образом изменилась. При 10-рублевой монетной стопе и цене меди 6 – 8 руб. пуд нечего было опасаться подделки в широких масштабах. Именно на эти обстоятельства указали специалисты – минцмейстер И.Мокеев, вардейн И.Шлаттер и пробирный мастер А.Зайцев. Они не согласились с мнением Монетной канцелярии, чтобы в случае необходимости пригласить резчиков штемпелей из-за границы. Мастера заявили, что, поскольку возможность подделки почти исключена, совсем необязательно, чтобы новые денежки и полушки "против нынешних чище тиснены были". Поэтому не помогут самые искусные европейские мастера. Выписывать их – значит нести ненужные расходы. К резанию штемпелей для чеканки медной монеты можно привлечь резчиков, работающих на серебряном дворе, "которые в том довольное искусство имеют". Монетная канцелярия признала эти рассуждения правильными⁸.

В связи с подготовкой к войне с Османской империей (1735 – 1739 гг.) и нехваткой денег на содержание армии и выплату жалованья солдатам именным указом Анны Иоанновны от 4 декабря 1734 г. предусматривалось допечатать 400 тыс. руб. – сумму, недостающую до 1 млн. руб. (согласно указу 22 декабря 1730 г.) и начеканить денежек и полушек еще на 2 млн. руб.

Для ускорения выпуска денежек и полушек на 2 млн. руб. по указу 1734 г. намечалось организовать приготовление гладких медных кружков в Екатеринбурге из наливной меди и той, которая впредь будет в выплавке. Татищеву поручалось увеличить выплавку меди на казенных заводах, а в случае нехватки купить медь у владельцев медеплавильных заводов по договорной с ними цене⁹. Так как Красный (Китайский) монетный двор в Москве не в силах был один справиться с задачей выделки медной монеты на 2 млн. руб., то Монетная контора решила восстановить Яузскую плащильную мельницу, использовавшуюся в 1727 – 1730 гг. для выделки медных пятикопеечников.

В марте 1735 г. Сенат принял указ о приготовлении к середине года денежек и полушек на 400 тыс. руб., а если не удастся, то хотя бы на 300 тыс., а 300 тыс. руб. серебряной монетой, "дабы за не скорым переделом в содержании армии не учинилось какой остановки". Сенат потребовал поспешить с переделом меди, и с этой целью приказал увеличить число плавильных печей и разных станов¹⁰. Как ускорить чеканку медной монеты и выполнить сенатский указ? Делать ли ее "казенным коштом" или отдать в подряд? Этот и другие вопросы обсуждались в Монетной конторе. Была сделана проба из 30 пудов меди. "Задельных денег" на пуд пришлось по 1 руб. 17,5 коп. Минцмейстер Мокеев заявил: если ему будет поручена выделка денежек и полушек на 400 тыс. руб., то он более рубля за пуд не возьмет при условии, что медь без сплавки будет годна в дело. Передать ему подряд просил фабрикант Родион Воронин и заявил, что более 95 коп. за передел пуда меди в денежки и полушки не возьмет.

Монетная контора решила отказаться от подряда, поручить передел Мокееву и требовать от него, чтобы задельные деньги не превышали 95 коп. Мотивировка была такая: если подрядчик рассчитывает на прибыль при 95 коп., то Мокееву как человеку "присяжному и жалованному" (т.е. находящемуся на государственной службе и принявшему присягу) надлежит показать раденье, чтобы прибыль оставалась в казне, а не у подрядчика¹¹. Мокеев заявил, что с имеющимися на Яузе двумя плавильными печами и 150 кузнецами дляковки меди и подготовки ее к плащению 400 тыс. руб. в 4 месяца сделать "никак невозможно". Он предложил построить на Яузской мельнице "амбар" (15x5 сажений), покрыть его тесом, поставить для плащения меди три машины и шесть плащилен и плащить медь лошадьми. Кроме того, потребуются 24 денежных и полушечных обрезных станов, 12 печатных (которые можно взять с Кадашевского монетного двора) и 12 гуртильных машин. При наличии всего этого можно будет переделать меди на 400 тыс. руб. в течение 8 месяцев.

Мокееву было поручено это дело. Во второй половине апреля 1735 г. он сообщал, что все постройки сооружены, машины и станы поставлены и работа идет полным ходом. Однако из-за недостатка воды на Яузе можно будет сделать к маю денежек и полушек только на 180 тыс. руб. Минцмей-

стер обещал, используя силу воды и лошадей, ежедневно плащить (прокатывать) до 400 пудов меди при условии, что воды будет достаточно. Но для этого надо спустить воду с мельницы на Яузе купца И. Полуярославцева. Такое решение было принято Сенатом¹².

Яузская плащильная мельница была полностью обеспечена сырьем. В 1735 г. Коммерц-коллегия отправила в Москву 36 872 пуда меди, выплавленной на уральских казенных заводах. Она обошлась казне с провозом до Москвы по 4 руб. пуд¹³. Медный монетный двор на Яузе работал недолго. В ночь на 7 июля 1735 г. здесь произошел сильный пожар, во время которого сгорели все строения (плащильни, амбары, кузницы, обрезные и гуртильные "светлицы" и пр.). Удалось спасти только печатный амбар, две плащильные машины, приводимые в движение лошадьми, "счетную светлицу с наличной денежной казной" и приходо-расходные книги денежной казны¹⁴. Вскоре после пожара (23 июля 1735 г.) Сенат принял решение о постройке плащильной мельницы и при ней каменной и земляной плотин со шлюзами на р. Неглинной при Красном монетном дворе "для скорого произведения монетного дела и уменьшения задельных денег". На строительство было выделено 8 тыс. руб.¹⁵

В 1735 – 1736 гг. в Москве было переделано свыше 51,5 тыс. пудов меди (из имевшейся на Монетном дворе и присланной с Урала) на сумму 515,3 тыс. руб., в том числе по неполным данным – денежек на 262 200 руб. и полушек на 246 490 руб., т.е. примерно поровну¹⁶. Кроме того, из гладких медных кружков, поступивших из Екатеринбурга, было напечатано этих монет на 27 850 руб.¹⁷ В последующие годы (1737 – 1742) объем чеканки денежек и полушек на московских монетных дворах был невелик (табл. 6), так как первенство в переделе медной монеты перешло к Екатеринбургскому монетному двору. Весной 1744 г. правительство вновь решило увеличить в денежном обращении количество медной разменной монеты. В мае был опубликован указ о выпуске денежек и полушек на 1 млн. руб. по той же 10-рублевой стопе, по которой чеканились эти монеты с 1730 г. Сенат установил запрет на вывоз казенной меди за рубеж и продажу ее внутри страны. Монетным дворам поручалось, не теряя времени, немедленно приступить к переделу имеющейся у них в наличии меди¹⁸.

Казна располагала значительными запасами меди, которые позволяли приступить к выполнению этой задачи. По данным Берг-коллегии и Монетной канцелярии, на казенных заводах в Карелии и на Урале, в Петербурге и Москве, в отправленном весеннем караване из Екатеринбурга в Москву имелось более 36 тыс. пудов меди и гладких медных кружков 6349 пудов. Главному заводскому правлению поручалось из всей меди, выплавляемой на казенных заводах, приготавливать гладкие денежные и полушечные кружки, так как производство их в Екатеринбурге обходится дешевле, чем в Москве. По сенатскому указу 21 июня 1744 г. Екатеринбургский монет-

ный двор должен был сделать 50 тыс. пудов гладких денежных и полушечных кружков и отправлять их по мере готовности на московские монетные дворы¹⁹.

Монетная канцелярия полагала, что передел меди в кружки производить на Яузской мельнице, как в 1735 – 1736 гг., нецелесообразно, потому что "за недостатком воды в том переделе завсегда чинились помешательство и остановка". К тому же мельница находится далеко от Красного (Китайского) монетного двора. Она предложила передел осуществлять в построенных каменных палатах против Монетного двора на Неглинной, так как "при довольной воде медь коваться и плащиться и в кружки обрывать будет водою". А это сделает ненужным использование лошадиной силы при плащении и ковке меди кузнецами, что даст и выигрыш во времени, и экономию, ибо "за ковку водою кузнецам будет плачено меньше"²⁰. Готовые же кружки гуртить и печатать на Красном дворе, где эти процессы осуществляются и теперь с гладкими кружками, присланными с Екатеринбургского монетного двора. Сенат согласился с мнением канцелярии.

На медном дворе на Неглинной развернулись работы по подготовке его к переделу меди в кружки. К концу мая 1745 г. были построены кузницы, пожигальные печи и "прочее, принадлежащее к тому переделу"²¹. Передел же меди в кружки тормозился нехваткой людей и прежде всего кузнецов. К ковке меди привлекались посторонние кузнецы. Ранее работавшие кузнецы в связи со второй переписью мужского пола душ, "сошли на свои жилища" или вернулись в деревни для участия в летних сельскохозяйственных работах. Новых же посторонних работников привлечь трудно. А имеющимися на пяти горнах выковывается меди в полосы всего 170 пудов в неделю. "А более де, как... денежные и полушечные кружки перепечатывать, так и для переделу медь ковать, некем", – сообщила Монетная контора. Что касается до 86 годных монетчиков, определенных к переделу, то они заняты на других работах, а именно: гурчении и печатании, плащении полос, при обресе кружков, обжигании, сплавке меди и ковке железных инструментов. Контора просила контору главной артиллерии и фортификации, в ведении которой находились все кузнецы в Москве, направить часть из них на Монетный двор²². Полагая, что со временем удастся нанять требуемое число работников, Монетная контора решила дополнительно построить на медном дворе амбар и в нем поставить 5 кузнечных горнов, 4 плащильных машины, избу для работников и сарай для лошадей, силой которых будет производиться плащение меди²³.

К осени 1746 г. в счет 1 млн. руб. было напечатано денежек и полушек на 258 тыс. руб. Правительство не было удовлетворено темпами передела, считая их медленными. Монетная канцелярия объясняла задержки тем, что из Екатеринбурга было прислано мало гладких кружков (в 1745 г. всего на 76,2 тыс. руб.) и их пришлось делать в Москве²⁴. Сенат пригрозил Монет-

нои канцелярии, что если за переделом денежек и полушек будет осуществляться слабый контроль и чеканка затянется, то членам присутствия "жалованья давано не будет"²⁵.

Монетная контора в Москве по отношению к непосредственным исполнителям не ограничилась подобно Сенату только угрозами, а приняла более жесткие меры. Так, в феврале 1747 г., когда требовалось переделать до 4 тыс. пудов меди, которая была в остатке, пробирного ученика Ф. Григорьева и старост монетчиков Д. Жилку, Н. Никитина, отвечавших за передел, а также всех монетчиков и рабочих людей, "кои обретаются у дела денежек и полушек, было велено держать на монетном дворе под караулом; без выпуска"²⁶.

Прежде чем перейти к анализу данных табл. 6, содержащей сведения о выпуске денежек и полушек на Московском монетном дворе в 40 – 50-е годы, рассмотрим другие архивные данные, обнаруженные нами, так же характеризующие ход выполнения программы чеканки медной разменной монеты. Так, к началу марта 1747 г. сумма денежек и полушек, начеканенных в Москве, достигла 337 408 руб. (т.е. увеличилась по сравнению с началом ноября 1746 г. на 79 408 руб.), причем из гладких кружков, присланных из Екатеринбурга, было напечатано монет на 261 168 руб., а из меди переделано на 76 240 руб.²⁷ За последующие годы данные таковы: к 18 января 1748 г. сделано медных монет на 510 938 руб.²⁸, к 20 апреля 1749 г. – на 561 578 руб.²⁹, к 20 февраля 1750 г. – на 707 678 руб.³⁰ и к концу ноября 1751 г. – на 767 021 руб.³¹

Как показывают данные табл. 6, программа передела медной разменной монеты на 1 млн. руб. на Московском денежном дворе и его отделениях была выполнена за 11 лет, причем более 60% монет сделано в первые четыре года, когда Екатеринбургский монетный двор не выделял денежки и полушки, а присылал готовые кружки для тиснения в Москву. После того как денежки и полушки стали чеканиться на Екатеринбургском дворе, передел меди в Москве значительно сократился и в некоторые годы не превышал 20 – 25 тыс. руб.

На Екатеринбургском монетном дворе такая сумма денежек и полушек была сделана почти в три раза быстрее; не надо забывать, что в это же время он приготавливал гладкие медные кружки для Московского двора. Чеканка в Москве достигала больших размеров только тогда, когда Московский двор получал медные кружки с Урала. Объяснялось это тем, что Екатеринбургский монетный двор обеспечивался полностью сырьем (медью) местными заводами, а главное располагал значительно большими производственными мощностями и трудовыми ресурсами, чем Московский монетный двор.

Екатеринбургский монетный двор

Со второй половины 30-х годов центр тяжести выделки денежек и полушек переместился в Екатеринбург. Рассмотрим, как было организо-

вано изготовление гладких кружков, а затем с 1736 г. и печатание разменной медной монеты на Екатеринбургском денежном дворе. Общее руководство всеми работами было поручено Татищеву, назначенному в марте 1734 г. начальником Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов³². Правительство потребовало от него "иметь неусыпное старание и поспешать в деле медных кружков".

В январе 1735 г. Канцелярия Главного правления сибирских и казанских заводов сообщала в Сенат о больших расходах. Деньги – и не малые – требуются на строительство шести заводов (двух медеплавильных и четырех железоделательных), содержание томских заводов, на выдачу заводчикам за взятую у них в казну медь, на изготовление медных кружков, на выплату крестьянам за убавленную половину подушной подати и т.д. Всего, по подсчетам Канцелярии, чрезвычайные расходы в 1735 г. составили около 63 тыс. руб. Она отмечала, что в медной разменной монете "здесь крайняя нужда", ибо серебряные копейки (30 тыс. руб.) отправлены в Москву на передел в крупную монету, а взамен ничего не прислано³³.

В связи с этим Татищев поставил перед правительством вопрос о том, чтобы на Екатеринбургском денежном дворе делать не только гладкие кружки для московского монетного двора, но и чеканить денежки и полushки. Это позволит избежать лишних расходов, связанных с перевозкой кружков в Москву и медной монеты на Урал. Он просил отправить на Урал несколько печатных станков с необходимым числом мастеровых людей и одного члена Московской монетной конторы, который следил бы за выпуском денежек и полushек и не допускал бы "никакого подлога и воровства". Желательно отправить из Москвы мастеровых людей и станы зимой, тогда им легче и быстрее будет санным путем добраться до Урала. После того как требуемое число денежек и полushек будет напечатано, Главное заводское правление вернет мастеровых людей вместе с печатными станами обратно в Москву³⁴.

Кабинет министров не сразу согласился с предложением Татищева. Против печатания разменной монеты на Урале возражал главный директор Монетной канцелярии граф М.Г. Головкин. В донесении Кабинету министров в сентябре 1735 г. он выдвинул следующие мотивы: на казенные уральские заводы в разное время было сослано несколько сот монетчиков. Разрешение печатать там деньги "подаст тем вора́м повод больше воровать", т.е. откроет возможности для подделки, роста фальшивомонетничества. Кроме того, в Монетной конторе нет лишних членов для посылки на Урал. Однако дело было не в существовании вопроса, так как аргументы Головкина нельзя признать серьезными: граф считал, что Татищев нарушил субординацию, обратившись со своим предложением непосредственно в Сенат, минуя Монетную канцелярию³⁵. Тот факт, что Татищев проявил инициативу, не согласовав ее, обидело Головкина, задело честь его

мундира, и он встал в позу. Надо иметь в виду, что отношения Головкина и Татищева не сложились и оба питали друг к другу взаимную неприязнь. Руководитель металлургической промышленности полагал, что Головкин будучи председателем Следственной комиссии 1733 – 1734 гг., был не объективен, вел дело в пользу купцов Дудоровых и был слишком суров в отношении его. К тому же он считал Головкина некомпетентным человеком в вопросах монетного дела и денежного обращения, что впрочем соответствовало действительности. Головкин, видимо, догадываясь об отношении к нему Татищева, не любил его, а независимость и самостоятельность суждений и поведения бывшего главы Монетной конторы раздражали его.

Кабинет министров не согласился с мнением Головкина и в сентябре 1735 г. принял решение отправить на Урал печатные станы и специалистов. В Москве пересмотрели всех монетчиков серебряного и медного передела, оставили "потребное число, дабы в переделах остановки не учинилось", а всех остальных и 4 печатных стана отправили к Татищеву на Урал³⁶.

Не дожидаясь решения правительства, Татищев принял меры к заготовке меди и подготовке Екатеринбургского монетного двора к выделке кружков и печатанию денежек и полушек. Он приказал: 1) собрать всех мастеров Екатеринбургского завода и изготовить плащильные, обрезные и другие станы и инструменты; 2) всю штыковую медь ковать в доски такой толщины, какие надобны для выделки денежек и полушек; 3) медь пермских медеплавильных заводов не возить в Екатеринбург, а ковать на Ягошихинском заводе в такие же доски, а все плащильные и обрезные станы изготовить в Екатеринбурге; 4) предупредить владельцев медеплавильных заводов, чтобы они полностью сдавали в казну свою продукцию и медь "была бы чистой и мягкой", поскольку она идет на денежный передел. Что касается платы за эту медь, то правительство отвергло предложение Татищева платить заводчикам по 6 руб. за пуд, считая такую цену слишком высокой и разорительной для казны. Ему было приказано установить на медь умеренную цену, которая должна складываться из себестоимости плюс 15 – 20% прибыли. Главное заводское правление одновременно уделяло большое внимание ускоренному строительству казенных медеплавильных заводов (Висимского и Юговского) и поиску новых месторождений медной руды³⁷.

В первой половине 1735 г. приготовление кружков на Екатеринбургском монетном дворе шло медленно. Работа тормозилась из-за отсутствия квалифицированных мастеров. Много кружков было сделано не в указанной вес и их пришлось переделывать. Так, с 9 марта по 7 июня в Москву было отправлено всего 703,5 пуда денежных и полушечных кружков. Темпы работы должны были возрасти во второй половине года. В середине мая 1735 г. была поставлена вторая машина для вырезывания кружков и

увеличена задельная плата обрезным мастерам. Главное заводское правление потребовало с выделкой кружков "как возможно поспешать" и пока будут построены новые станы до этого на имеющихся работать "денно и ночью". Одновременно были приняты меры для быстрой доставки кружков в Москву³⁸.

Спустя месяц, Татищев сообщил в Сенат, что в Екатеринбурге в готовности имеется 13,8 тыс. пудов меди, которая переделывается в кружки на 9 станах, но затем будет пущено в ход еще 12 станов и он надеется, что это количество меди удастся переработать в течение 10 месяцев³⁹. Прогнозы Татищева подтвердились. К концу ноября 1735 г. в Екатеринбурге было переделано в кружки около 7 тыс. пудов меди на 68,4 тыс. руб. Весьма оптимистично он был настроен и в отношении перспектив на будущий год. По его расчетам Екатеринбургский двор в 1736 г. мог бы изготовить денежных и полушечных кружков на 165,2 тыс. руб. В действительности эту цифру, как будет показано далее, удалось даже несколько перекрыть⁴⁰. Получив согласие правительства на печатание денег и полушек, в Екатеринбурге приступили к строительству четырех пятиэтажных изб для размещения печатных станов. Таможня, находившаяся на этом дворе, была перенесена в другое место. Еще ранее был построен главный двор (1735 г.), а два года спустя – две деревянные светлицы. В апреле 1736 г. в Екатеринбург из Москвы прибыли 10 специалистов – два резчика (Иван Баскаков, Никифор Федоров) и восемь разных мастеров (Алексей Фомин, Гаврила Елисейев, Андрей Богданов, Михаил Журавлев, Филипп Маслов, Василий Сапожников, Петр Мансуров и Петр Хлебников). Вместе с мастерами поступили и 4 печатных стана. Вскоре после этого началось печатание денег и полушек.

В ответ на запрос Главного заводского правления об оплате труда этих мастеровых людей в Москве Монетная контора сообщила следующие сведения. Резчики получали: один 4, другой 3 руб. в месяц, плащильщикам платили с пуда денег и полушек по 1 коп., обрезному мастеру за установку и резку кружков с денег – по 2,5 коп. с пуда, с полушек – по 4, установщику и подкладчику с работниками на печатных станах – "с денег и полушек пополам по 13 коп. с пуда"⁴¹. В Екатеринбурге были приняты те же расценки. На монетном дворе работали не только взрослые, но и дети. Так, в марте 1737 г. Екатеринбургская контора денежного дела просила Главное заводское правление прислать к работающим на монетном дворе 22 малолетним еще 26 человек для подкладывания и тиснения на 24 станах денежных и полушечных кружков⁴².

В 1736 – до мая 1741 г. Екатеринбургский монетный двор печатал денюжки и полушки по 10-рублевой стопе и одновременно приготавливал кружки для московских монетных дворов. Ремедиум для медных кружков был установлен в 1%, т.е. плюс или минус 4 фунта от 10 пудов. Но он не всегда выдерживался и часть кружков не укладывалась в норму, иначе

говоря, была тяжелее или легче указанного веса. Но, как правило, отклонения от установленного ремедиума были невелики и кружки не переделывались, так как переплавка их увеличила бы расходы на изготовление денег и полушек⁴³.

В 1736 – 1740 гг. на Екатеринбургском дворе было сделано кружков, денег и полушек на 778996 руб. (табл. 7). В основном выделялись денюжки и денюжные кружки, доля полушек и в этом, и в последующие годы была мизерной и не превышала 4% общей суммы чеканки, что объяснялось прежде всего тем, что изготовление денег обходилось дешевле, чем полушек. Наиболее интенсивным был передел в первые четыре года, что, несомненно, было связано с ростом государственных расходов во время русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг.

Таблица 7

Передел меди на Екатеринбургском монетном дворе
в 1736 – 1752 гг. (в рублях)*

Год	Денюжки	Полушки	Всего	Год	Денюжки	Полушки	Всего
1736	167180	7889	175069	1745	213600	2780	216380
1737	185077	9810	194887	1746	192750	2240	194990
1738	182712	7141	189853	1747	192330	1400	193730
1739	127332	4499	131831	1748	374040	3720	377760**
1740	85329	2027	87356	1749	239600	4700	244300
1742	868601	814	87674	1750	242220	2860	245080
1743	86120	1148	87561	1751	138120	1440	139560
1744	103820	1580	105400				

* Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Анны Иоанновны и имп. Ивана Антоновича. СПб., 1901. С. 216; Монеты царствований имп. Елизаветы I и имп. Петра III. СПб., 1896. Т.1. С. 275.

** Кроме того, в этом году сделано и отослано в Москву 29593 пуда денюжных и полушечных кружков, в 1749 г. соответственно 25272 и 454 пуда, в 1750 г. – 23649 пудов только полушечных и в 1751 г. – 14420 пудов денюжных и 340 пудов полушечных кружков.

В Екатеринбурге использовались те же машины, что и на московских монетных дворах. Печатные, гуртильные, прорезные станы, привозимые из Москвы, обычно служили моделями, образцами, по которым на екатеринбургских заводах изготовлялось требуемое количество машин. На Екатеринбургском дворе машины приводились в действие сначала лошадиной силой и ручным трудом, а затем, с 1737 г., стали использовать энергию воды реки Исети, при которой был расположен монетный двор. Ручная работа применялась главным образом во время маловодья и при чеканке в небольшом количестве полушек⁴⁴. Денюжки и полушки, выпускавшиеся в 1735 – 1751 гг., по внешнему виду ничем не отличались от подобных

монет, чеканенных на московских дворах. На лицевой стороне был помещен герб, на оборотной указаны стоимость и дата, окруженные растительным орнаментом.

Продукция Екатеринбургского двора не имела своего клейма. Главное заводское правление видело в этом непорядок. В случае, если в монетах московской чеканки "явится какая неисправность", то ее вполне могут отнести к екатеринбургским, что повлечет наказание невинных людей. Правление предложило ставить на монетах буквы Ек:бу, т.е. Екатеринбург. Монетная канцелярия отвергла эту инициативу, поскольку не видело в ней нужды, а также потому, что на сей счет не было принято никаких указов. Только на копейках 8-рублевой стопы, выпускавшихся в 1755 – 1757 гг., появилась гуртовая надпись "Екатеринбургского двора"⁴⁵.

Указ о прекращении печатания денежек и полушек на Екатеринбургском монетном дворе последовал 1 мая 1741 г. С этого времени и до 1748 г. здесь готовились только денежные и полущечные кружки, которые затем посылались для тиснения в Москву. В последующие четыре года (1740 – 1744) передел уменьшился вдвое и оставался почти на одном уровне. Новый подъем наблюдается с середины 40-х годов, но об этом позднее. После прекращения печатания денежек и полушек все московские мастера с печатными станками, чеканками и инструментами были отправлены в Москву⁴⁶. В связи с майским указом 1744 г. о чеканке на 1 млн. руб. денежек и полушек интенсивность работы Екатеринбургского монетного двора, обеспечивавшего денежными и полущечными гладкими кружками московский двор, значительно возросла. В 1745 – 1747 гг. кружков делалось в среднем на 200 тыс. руб. в год.

В марте 1746 г. вновь был повторен указ о том, чтобы на Екатеринбургском монетном дворе делать только гладкие кружки, а денежки и полушки из имеющейся там меди не печатать, "дабы по отдаленности места в указном весе и в деле какой фальши происходить не могло"⁴⁷. Несмотря на этот указ, местные власти Сибири, испытывавшие большие неудобства от недостатка мелкой монеты, неоднократно обращались к правительству с просьбой о чеканке медной разменной монеты на Екатеринбургском монетном дворе, так как это ускорит доставку денег в Сибирь и позволит избежать ненужных расходов, связанных с доставкой кружков для печатания в Москву, а денежек и полушек в Сибирь. Так, Иркутская провинциальная канцелярия в 1745 г. сообщала, что во всей Восточной Сибири "находящихся для разных казенных сборов и расходов и прочих в народ употреблений медных денежек и полушек... имеется самое малое число". Медной монеты из-за дальности расстояний и тяжести из Москвы и других городов Европейской России в Восточную Сибирь поступает мало, что затрудняет сборы разных налогов и препятствует торговле. И далее канцелярия писала: "А в Якутске де, и в Охотске, и на Камчатке... из-за великой дальности тех медных денежек и полушек и ничего не имеется, которых де за непривозом туда многие тамошние народы и не знают"⁴⁸.

Спустя год, Сибирский приказ и Сибирская губернская канцелярия вновь поставили перед Сенатом вопрос о чеканке в Екатеринбурге медных денежек и полушек. Поскольку установленный майским указом 1744 г. двухлетний срок обмена проволочных серебряных копеечек прошел, а других мелких денег у местных жителей нет, то им нечем платить разные подати и ясак "и за то содержатся под караулом, отчего может учиниться многая доимка, а в питейном и таможенном сборах недобор". Сибирские власти просили срочно прислать 100 тыс. руб. медной разменной монеты и приступить к чеканке ее, хотя бы на 500 тыс. руб. в Екатеринбурге.

Сенат распорядился срочно выслать в Сибирскую губернию 60 тыс. руб. мелких медных денег, но просьбу о чеканке их в Екатеринбурге не принял во внимание. Свой отказ удовлетворить просьбу сибирских властей Сенат мотивировал тем, что "в Сибири противу московской покупки медь дешевле и ежели оное клеймение тамо позволить, то легко может от того в деле и в весе податься повод к деланию воровских медных монет"⁴⁹. Но этот аргумент не выдерживает критики. При чеканке денежек и полушек по 10 руб. из пуда меди фальшивомонетчикам не имело смысла рисковать: слишком мала была прибыль от подделки. Короче – игра не стоила свеч.

Однако через год положение в Сибири с медной разменной монетой еще более ухудшилось и Сенат под давлением самой жизни и настоятельных просьб сибирских властей отменил свой непродуманный указ от 1 мая 1741 г. Он отклонил компромиссное предложение Монетной канцелярии о том, чтобы из половины уральской казенной меди печатать на Екатеринбургском монетном дворе денежки и полушки, а из другой половины гладкие кружки. Новое решение высший правительственный орган принял в марте 1747 г. Согласно ему на Екатеринбургском монетном дворе разрешалось сделать по 10-рублевой стопе до 1 млн. руб. медных денежек и полушек для обмена серебряных копеек и размена крупной серебряной и золотой монеты и по мере приготовления их отсылать в Сибирь. Если казенной меди не хватит, то предлагалось купить по тамошней цене 10 тыс. пудов меди у владельцев медеплавильных заводов. Монетной канцелярии поручалось отправить "в самой скорости" из Москвы на Екатеринбургский монетный двор необходимое оборудование и специалистов⁵⁰.

Из Москвы в Екатеринбург в августе 1747 г. были отправлены два печатных и два гуртильных стана, 19 специалистов во главе с мицпробирером Ильей Шагиным, в том числе два резчика штемпелей – подмастерье Иван Федоров и ученик Дмитрий Баскаков и 17 монетчиков. В числе их были: старосты Иван Иванов и Афанасий Яковлев, монетчики по установке гуртильных станков – Никифор Прокопьев, Иван Крашенинников, И.К.Ширенин, Гаврила Елисеев; по установке печатных станков – Андрей Леонтьев, Алексей Дементьев, Илья Кузнецов, Андрей Богданов; по подкладке на чеканы кружков – Козьма Рыбников, И.В.Ширенин, Петр Пантелеев, Петр

Гаврилов и к печатным станам в бойцы – Василий Галактионов, Андрей Гусев и Василий Трофимов. Все они, за исключением Федорова (солдатского сына), были потомственными мастеровыми. Окладное жалованье Федорова составляло 80 руб., а всех остальных по 20 руб. в год. Впрочем, монетки получали не окладное жалованье, а задельные деньги по усмотрению Главного заводского правления⁵¹.

“Главная дирекция” над переделом меди в Екатеринбурге была вручена полковнику Венду, служившему на Екатеринбургских казенных заводах. Монетная канцелярия снабдила его и минцпробирера И.Шагина инструкциями⁵². Венду вменялось в обязанность следить за тем, чтобы “денежки и полушки деланы были в указной вес и самую доброю и чистою работою и притом деле ни от кого никакого воровства не было”. Для того чтобы ускорить выпуск денежек и полушек, Венд и Шагин должны были сверх посылаемых 4 станов (“за малоимением на Московском монетном дворе годных станов”) требовать от Главного заводского правления изготовления (отливки) на екатеринбургских заводах еще столько гуртильных и печатных станов, сколько потребуетя. В июне мастеровые люди и станы были отправлены из Москвы через Казань в Екатеринбург и прибыли на Урал 8 октября 1747 г.⁵³ Шагину, Федорову и Баскакову было выдано жалованье за вторую, майскую, треть года, согласно их окладам, а монетчикам кормовых денег по 5 руб. человеку⁵⁴.

По данным Главного заводского правления, на 20 августа 1747 г. в Екатеринбурге имелось готовой меди 30,8 тыс. пудов и гладких полушечных и денежных кружков 6794 пуда, кроме того на Уткинской и Чусовской пристанях хранилось в амбарах почти свыше 20 тыс. пудов меди, которая по установлению санного пути могла быть привезена в Екатеринбург. Таким образом, большие запасы меди и гладких кружков позволяли приступить к чеканке денежек и полушек вскоре же после прибытия мастеров и установки гуртильных и печатных станов.

Шагин, оставшийся за старшего (Венде скоропостижно скончался 12 октября), обратился к Главному заводскому правлению с предложением об отливке на Екатеринбургских заводах 20 денежных и 2 полушечных чугунных станов с требуемым набором инструментов. Он просил также выковать 300 заготовок чеканов, чтобы московские резчики штемпелей, а также местные – мастера и ученики – если таковые имеются – могли бы заблаговременно начать вырезывать чеканы, и передать ему все имеющиеся к денежному делу инструменты⁵⁵.

После окончания всех подготовительных работ в конце января 1748 г. на Екатеринбургском монетном дворе начали печатать денежки и полушки. В действие были введены 10 гуртильных и 6 печатных станов, еще на 4-х можно было работать “токмо за великой в светлице сыростью печатать на тех станах нельзя”. Как полагало Главное заводское правление, остальные 14 гуртильных и 14 печатных станов включатся в работу через 9 –

10 дней⁵⁶. Максимальная производительность Екатеринбургского двора во второй половине 30-х годов достигала 180 – 185 тыс. руб. Отвечая на требование Сената ускорить чеканку, правление в начале июля отмечало, что опыт работы за пять месяцев вселяет уверенность, что в год можно сделать денежек и полушек на 320 тыс. руб. Исходя из этого Главное заводское правление и подполковник Л. Угримов, назначенный (7 марта 1748 г.) управителем Екатеринбургского монетного двора вместо Венда, считали, что завершить чеканку 1 млн. руб. денежек и полушек можно за 3 – 3,5 года⁵⁷.

Имелись ли необходимые ресурсы и технические возможности для выполнения этого обязательства? Главное заводское правление и руководство Екатеринбургского денежного двора, обсуждавшее эти вопросы в конце июня 1748 г., пришли к выводу, что для этого есть все необходимые условия. Правда, потребуется ряд дополнительных мер и сохранение напряженного ритма работы. Во-первых, имеются запасы меди и кружков для работы монетного двора на целый год. Во-вторых, требующееся количество меди (45,5 тыс. пудов) для завершения чеканки денежек и полушек на 1 млн. руб. можно получить за два года работы казенных заводов, а также за счет десятины (т.е. десятой части продукции), взимаемой в качестве налога в казну с владельцев медеплавильных заводов.

Уязвимым местом являлась вырезка кружков из медных полос, предварительно подвергшихся ковке и плащению. На 12 работавших станах, отмечалось в протоколе, можно прорезать кружков на 216380 руб. в год, но этого явно недостаточно. Пока круглосуточная работа 24 гуртильных и 24 печатных станков обеспечивается имеющимися запасами медных кружков. Но они будут исчерпаны к февралю 1749 г. и потом кружков станет хватать только на односменную работу. Было решено изготовить еще 9 разрезных, а также несколько плащильных станков и установить молот для расковки меди в полосы и определить к ним 75 человек. О принятом решении Главное заводское правление сообщило в Сенат, Берг-коллегию и Монетную канцелярию. Но Берг-коллегия не поддержала его и в своем представлении Сенату высказалась против постройки новых станков, поскольку для работы на них пришлось бы отвлекать мастеровых людей от других дел, а работников и так не хватает. Коллегия считала, что надо по-прежнему производить разрезку меди на кружки на 12 станах "и сколько оных прорезать успеется, то против того числа печатание производить"⁵⁸. Но на эти представления сенатского определения не последовало.

Позднее, в мае 1749 г., Угримов поставил вопрос об установке еще одного плавильного горна для сплавки обрезков меди, оставшихся после вырезки кружков, молота для расковки меди и выделения к ним 17 человек подмастерьев и работных людей, "понеже от недовольства раскованной меди завсегда в прорезной фабрике и на денежном дворе бывает не

малая остановка”, — писал он в Сенат⁵⁹. Управитель монетного двора просил также прислать в Екатеринбург 5 резчиков штемпелей. Предложение Угримова было реализовано Главным заводским правлением. В присылке же резчиков Сенат отказал, так как мастера и подмастерья в Москве и Петербурге были заняты резанием штемпелей для монет и медалей, а ученики, хотя их было 10 человек, не имели достаточного опыта. В Екатеринбург были высланы 2 ученика штемпельного дела — Иван Меньшой Прокофьев и Сергей Косолапов, которые отправились туда вместе с отцом одного из них Иваном Прокофьевым, назначенным в апреле 1749 г. на Екатеринбургский монетный двор минцмейстером вместо Шагина, отозванного в Москву⁶⁰.

Каков был штат Екатеринбургского монетного двора? По данным таблицы, составленной конторой денежного дела, там в 1748 г. работало 467 чел. Одна — меньшая часть работников, не занятая непосредственно изготовлением монет, включала 2 кузнецов и 4 работников, 5 токарей (занятых “точкой валков”), слесаря, 4 плотников, резчика штемпелей и 5 его учеников, всего 22 человека. Другая — основная часть производственного персонала — распределялась по видам работ следующим образом. Расковкой меди в листы, разрезкой в полосы и подготовкой их к плащению были заняты 29 человек, в том числе: 6 расковочных мастеров, 6 подмастерьев, 8 работников и 9 резчиков. Плащением полос меди занимались 11 человек; из них 1 мастер, 2 подмастерья и 8 работников. Над прорезыванием монетных кружков трудились 37 человек, в том числе: 1 мастер, 29 работников и 7 разборщиков. Плавку меди осуществляли 18 человек; из них 2 плавильных подмастерья, 1 отделитель и 15 работников. Кузнечную работу вели 20 человек, из них 1 кузнец и 19 работников. Основная масса работников трудилась на печатных — 182 человека и гуртильных станах (гуртильщики и подкладчики) — 111 человек. На монетном дворе работали также 2 старосты и 15 монетчиков, присланные из Москвы. Технический персонал состоял из минцпробирера и 2 шихтмейстеров. Кроме того, при дворе находились 10 канцелярских служителей и сторожей⁶¹.

Работа Екатеринбургского монетного двора шла успешно и в соответствии с намеченными сроками. С начала печатания (конец января 1748 г.) и до апреля 1750 г. было сделано денежек и полушек на 662730 руб., из них Сибирской губернии отпущено 410 тыс. руб. и на содержание заводов оставлено 252730 руб.⁶² Особенно значительных размеров его продукция достигла в 1748 г. (см. табл. 7), так как для печатания использовались не только кружки, приготовлявшиеся в ходе передела, но и имевшиеся в запасе. Когда же он был исчерпан, чеканка денежек и полушек сократилась в следующем году более чем на 130 тыс. руб., но оставалась стабильной в течение 1749 и 1750 гг. К середине 1751 г. была доделана недостающая до 1 млн. руб. сумма денежек и полушек.

Таким образом, печатание медной разменной монеты на 1 млн. руб. на

Екатеринбургском медном дворе заняло 3,5 года (27 января 1748 г. – 27 июля 1751 г.). В 1752 – 1754 гг. двор монеты не чеканил, а выделывал только кружки для Московского монетного двора. Итак, у правительства не было определенного намерения превратить Екатеринбургский монетный двор в постоянно действующее предприятие, которое бы чеканило без перерыва медную монету. Оно поручало ему изготовление то только гладких кружков, то печатание медной разменной монеты и одновременно выделку гладких кружков для московского монетного двора. В целом же Екатеринбургский монетный двор уже в это время играл крупную роль в чеканке медной монеты в стране.

Чеканка копеек в 1755 – 1757 гг.

Выпуск медных копеек по 8-рублевой стопе на 3,5 млн. руб., предложенный Шуваловым в 1755 г., начал осуществляться в том же году на Московском, Екатеринбургском и Сестрорецком (под Петербургом) монетных дворах. На новой монете изображение было таким же, как и на серебряном пятакке. На каждой из сторон помещен парящий над облаком орел, поддерживающий увенчанный короной картуш, в нем на лицевой стороне находится вензель императрицы Елизаветы, на оборотной – обозначение номинала.

Копейки чеканились из грошевиков (бывших пятаков) и из меди. Так, в Москве к 11 июля 1755 г. было переделано из меди копеек на 19,1 тыс. руб., из грошевиков перепечатано на 30,8 тыс. руб.⁶³ И грошевиками и медью монетные дворы были обеспечены. В Москве грошевиков имелось на 184,5 тыс. руб., в Петербурге – на 163,4 тыс. руб.; Монетная канцелярия выражала надежду, что грошевиков и впредь на монетные дворы будет поступать "немалое число". Что касается меди, то запасы ее в Москве составляли 40 тыс. пудов; этого количества было достаточно для работы монетного двора по меньшей мере в течение года. Контракт на приготовление гладких кружков из этой меди был заключен с родным братом Шувалова, генерал-аншефом, камергером Александром Ивановичем Шуваловым, на выгодных для него условиях, владевшим вододействующими железоделательными заводами в Малоярославецком, Боровском и Медыньском уездах. За передел пуда меди в кружки Шувалову платили 75 коп., но расходы, связанные с угаром (при плавке меди) и провозом в оба конца, заводчик брал на себя. По просьбе А.И.Шувалова ему был выдан аванс в размере 10 тыс. руб. серебром.

Для обеспечения монетных дворов медью Сенат в январе 1756 г. издал указ о том, чтобы вся выплавляемая на казенных заводах медь передавалась на монетные дворы, а с частновладельческих заводов – половина. Другую половину промышленникам разрешалось продавать только на внутреннем рынке⁶⁴.

Москва снабжала кадрами специалистов все остальные монетные дворы страны: и Екатеринбургский, и Петербургский, и Сестрорецкий. Так, в ноябре 1756 г. к денежному делу на Сестрорецкий завод к находящимся там мастеровым и работным людям в дополнение были посланы 51 человек, "добрых и знающих каждый свою работу", в том числе пять из Петербургского монетного двора, а 46 – из Московского. Петербургский монетный двор отправил Дмитрия Григорьева, искусного кузнеца на время "для показания, как валы для плащения меди и чеканы для печатания монет сталью обваривать и закаливать должно" с четырьмя печатными станами, а также плащильщика, обрезчика, гуртильщика и установщика для печатания кружков, а Московский – одного человека к разрезной машине, одного плащильщика, 5 обрезчиков, одного гуртильщика и 12 работников в гуртильную, 24 подкладчика из малолетних в печатную, одного установщика "из настоящих монетчиков", мастера или подмастерья "к точению валов"⁶⁵.

В течение трех лет на трех монетных дворах было перепечатано и вновь сделано копеек более, чем на 1 млн. руб. (табл. 8).

Как видим, Московский и Екатеринбургский монетные дворы за указанные годы начеканили копеек примерно на одинаковую сумму, вдвое большую, чем Сестрорецкий. Но если на Московском 80% копеек были перепечатаны из грошевиков и лишь 20% вновь сделаны, то на Екатеринбургском и Сестрорецком вся чеканка состояла из копеек, переделанных из меди.

Таблица 8

**Чеканка копеек на Московском, Екатеринбургском
и Сестрорецком монетных дворах (1755 – 1757 гг.)***
(в рублях)

Год	Московский			Екатеринбургский	Сестрорецкий
	перепечатано из грошевиков	вновь сделано	всего	вновь сделано	вновь сделано
1755	60500	28000	88500	28868	97620
1756	204660	57274	261934	237643**	112475
1757	68970	–	68970	170380	6280
Итого	334130	85274	419404	436891	216375

* Монеты Елизаветы. С. 276.

** Из этой суммы на 1681 руб. было перепечатано копеек из грошевиков.

ПЕРЕДЕЛ МЕДНОЙ МОНЕТЫ В 1757 – 1762 гг.

Участие России в Семилетней войне (1756 – 1763 гг.) повлекло за собой значительный рост государственных расходов, что привело к дефициту бюджета. Правительство, опасаясь взрыва народного недовольства, не решилось пойти на дальнейшее повышение прямых и косвенных налогов (на вино и соль). Как и ранее в подобных случаях, было признано более безопасным умножить доходы казны за счет усиленной эксплуатации монетной 'регалии. Хотя чеканка копеек по 8-рублевой стопе продолжалась и контрольная цифра в 3,5 млн. руб., установленная в 1755 г., далеко не была выполнена, П.И.Шувалов в марте 1757 г. выступил с новым планом денежной реформы, осуществление которой, по его расчетам, должно было принести казне 6 млн. руб. прибыли. Суть ее заключалась в увеличении объема чеканки меди и ухудшении качества медной монеты. Он предложил дополнительно начеканить медной монеты на 7 млн. руб. по 16-рублевой стопе и перепечатать всю прежнюю монету по этой же стопе.

Прибыль в 6 млн. руб. Шувалов рассчитывал получить: во-первых, от передела по 16-рублевой стопе 437,5 тыс. пудов меди, определенной для копеечной монеты по 8 руб. из пуда (из нее должно было получиться 7 млн. руб.; из этой суммы расходы на медь (5 руб. пуд) составляли 2187500 руб., а прибыль – 4812500 руб.; во-вторых, от перепечатки всех имевшихся в казне медных копеек, грошевиков и монетных кружков (785328 руб.); в-третьих, от передела 36560 пудов меди, из которой выйдет 584960 руб., за вычетом стоимости меди получится прибыль 402172 руб. На чеканку 584960 руб. можно использовать медь "негодную к литью пушек"⁶⁶.

Сенатор отверг идею выпуска лотерейных билетов и бумажных денег, как средство увеличения доходов казны. Собрать быстро такую большую сумму денег, как 6 млн. руб., путем распространения билетов невозможно. Что касается бумажных денег, то существует опасность их подделки. Но главное даже не в этом. Народ в России не привык к лотереям и бумажным деньгам. Введение их покажется "диким" и "совсем кредит повредит, ибо при употреблении банковых билетов в торгах всякие помешательства и обманы происходить могут". Однако Шувалов ошибался. Спустя всего 12 лет в России появились бумажные деньги (ассигнации) и с этого времени прочно утвердились в денежном обращении.

П.И.Шувалов считал, что после того как будет получена прибыль в 6 млн. руб. и нужда в деньгах ослабнет, станет возможным в течение 15 лет изъять из обращения монету, чеканенную по 16-рублевой стопе. Для осуществления этого, по его мнению, имелись два способа. Во-первых, менять в течение этих лет часть медных денег и продать их как медь за границу; во-вторых, поступающие в казну монеты перепечатать в меньшие

номиналы, например, грошевики в копейки, копейки в денежки и т.д. Здорово оценивая негативные последствия от засилья медной монеты в денежном обращении, автор проекта предлагал с течением времени часть ее заменить серебряной монетой не крупных номиналов. Согласно расчетам Шувалова, полученная от нового передела меди, прибыль распределяется так: на содержание вновь создаваемого армейского корпуса в течение трех лет – 2 млн. руб., на ведение войны – 3 млн. и 1 млн. руб. на покрытие недобора от подушной подати в связи с ее сокращением в 1757 и 1758 гг.

Правительство поддержало проект Шувалова, и 8 апреля 1757 г. был издан указ о новом переделе медных денег⁶⁷. Необходимость его мотивировалась тем, что в результате изъятия из обращения грошевиков (бывших пятикопеечников) в стране значительно убавилось количество мелкой медной монеты. Крупной серебряной монеты имелось в обращении до 50 млн. руб., а разменной медной – немногим более 4,1 млн. руб., что явно было недостаточно, учитывая огромную территорию России. В некоторых отдаленных местах серебряные рубли "с не малым убытком разменивать стали". Кроме того, денежки и полушки, чеканенные по 8- и 10-рублевой стопе, слишком тяжелы и перевоз их на дальние расстояния затруднителен и убыточен. К тому же напечатать монеты по 16-рублевой стопе можно значительно быстрее, чем по 8- и 10-рублевой. Предвидя возможные возражения, что передел меди по 16 руб. из пуда может повлечь изготовление фальшивых монет внутри страны и привоз из-за рубежа, правительство отмечало, что, как показал обмен пятикопеечников, подобные страхи оказались преувеличенными, поскольку "не достало оных при вымене противу выпущенного в народ числа 205723 рубля".

Указ предусматривал чеканку грошевиков, копеек, денежек и полушек новыми штемпелями. Позднее, в январе 1758 г., к этим номиналам "для скорого передела меди в деньги" был добавлен пятикопеечник. На всех монетах достоинством в 5, 2, 1, 1/2, 1/4 копейки, чеканившихся по 16 руб. из пуда, закрепился устойчивый тип изображения, сохранявшийся до конца правления Екатерины II. Общим для них были на лицевой стороне вензель императрицы (Елизаветы и Екатерины II) в венке. Лишь у пятикопеечника на оборотной стороне помещен государственный герб (под которым на бандероли указано достоинство), на остальных монетах – змеборец-всадник, причем номинал также указан на бандероли, расположенной под изображением, и только на одной разновидности гроша Елизаветы он дан над изображением⁶⁸.

Рассчитывая на большую прибыль от передела, правительство обещало прибавить по 1 руб. на пуд меди, забираемой в казну у частных предпринимателей (вместо 5 платить 6 руб.), разрешить им ставить по этой цене из производимой меди три части, а четвертую продавать по свободной цене, в том числе и зарубежным купцам для вывоза за границу, но лишь на иностранные

ранное серебро и ефимки, а не на русские деньги и иностранные товары. Вырученные от продажи меди серебро и ефимки купцы обязаны были сдавать на монетные дворы. В то же время было заявлено о сокращении на 8 коп. подушной подати на вторую половину 1757 г. и будущего года.

Всей операцией по переделу меди по 16 руб. из пуда, рассчитанной на три года, было поручено руководить П.И.Шувалову, который распределил чеканку медной монеты на сумму 5 с лишним миллионов рублей следующим образом: на долю Екатеринбургского двора приходилось 2582806 руб., заводов А.И.Шувалова – 1,5 млн. и Сестрорецкого двора – 1 млн. руб. Грошевики, копейки, денежки и полушки, т.е. весь набор медных монет, решили печатать чеканом одного изображения. С готовых чеканов поручалось снять маточники и контрапунсоны, и их, а также по экземпляру с каждого номинала монеты послать в Екатеринбург, Москву, Сестрорецк, по которым рекомендовалось сделать штемпели для печатания монет. Копейки, имевшиеся на монетных дворах (сделанные из новой меди, а также из перепечатанных грошевиков), копеечные кружки, и оставшиеся не перепечатанными грошевики, надлежало перепечатать новым грошевым штемпелем. Устанавливался полуторагодичный срок обмена копеек, чеканившихся по 8 руб. из пуда. Московскому монетному двору поручалось изготовить, если нет в наличии, и выслать на Сестрорецкий монетный двор 12 обрешных и печатных станков. Предполагалось, что как только станы поступят, необходимо было сразу приступить к денежному и полустечному переделу. Что же касается Екатеринбургского монетного двора, то он должен был заказать необходимые станы и инструменты на местных заводах⁶⁹.

А.И.Шувалов согласился взять подряд на изготовление монет (кроме полушек) на 1,5 млн. руб. Он обязался выполнить его в течение двух лет, если казна обеспечит необходимым количеством меди (93750 пудов), заплатит в среднем по 104 коп. за передел пуда меди в монеты и выдаст аванс в 20 тыс. руб. По настоянию П.И.Шувалова подряд был передан вельможному заводчику на выгодных условиях (ну, как не порадовать за родного братца, тем более за казенный счет), потому что по сравнению с казенным переделом А.И.Шувалов брал с пуда меди дороже на 9 коп. Сенаторы, не отважившиеся выступить против всесильного временщика, послушно утвердили условия подряда⁷⁰.

В связи с продолжающейся Семилетней войной расходы быстро росли, а доходные статьи бюджета не покрывали их. Надо было срочно искать другие источники доходов. Осенью 1760 г. П.И.Шувалов выдвинул новый план умножения доходов казны. Так же, как и в 1757 г., он отказался от увеличения подушной подати и косвенных налогов, поскольку эти меры как он полагал, не дадут требуемого количества денег. Если повесить цену на соль и вино, то народ "отяготится" так, что и обыкновенных налогов не вынесет. Сенатор ссылался на 1745 г., когда из-за посылки воин-

ского корпуса в цесарскую империю была повышена подушная подать на 10 коп. с ревизской души, что должно было дать 500 тыс. руб. Но эта сумма не была собрана, более того "умножилась" недоимка, потому что и положенная сумма подушной подати не поступила.

Предложения Шувалова сводились к тому, чтобы сумму медных монет, выделяемых по 16 руб. из пуда, довести до 16 млн. руб., затем их перепечатать в 32-рублевую монету с удвоением номиналов, т.е. выделять помимо других монет и четырехкопеечники (из грошевиков) и гривны из пятикопеечников. Новую медь намечалось чеканить по этой же норме. Вся эта операция, по расчетам Шувалова, должна была занять 3 – 4 года и дать казне прибыль в 20,5 млн. руб., в том числе 4,5 млн. – от недоделанного числа медной монеты по 16-рублевой стопе и 16 млн. руб. от перепечатки монет на такую же сумму по 32-рублевой стопе.

Из полученной прибыли сенатор планировал израсходовать 6 млн. руб. на ведение продолжавшейся Семилетней войны, такую же сумму – на учреждение государственного банка для истребления легковесной медной монеты. Примерно 500 тыс. руб. ассигновалось на хозяйственные нужды, а именно, сооружение "новой и весьма нужной водяной коммуникации" от Рыбной слободы до Петербурга, которая должна была сократить путь до столицы на несколько сот верст и сделать его более безопасным от порогов и мелководья. Столько же выделялось на благоустройство берегов Фонтанки и Глухой речки в Петербурге. С целью облегчения положения податного населения в проекте предусматривалось понижение подушной подати на 30 коп. в течение 1761 и 1762 гг., что должно было составить около 2,5 млн. руб. Эту сумму, которая шла на содержание армии, предусматривалось покрыть также за счет прибыли от передела меди. Кроме того, планировалось израсходовать 1 млн. руб. на создание государственных хлебных магазинов (складов).

П.И.Шувалов понимал, что предложение о выпуске огромного множества легковесной медной монеты будет встречено в обществе и среди некоторой части правительственных кругов критически, так как все помнили какое отрицательное влияние на экономику страны оказали малоценные пятикопеечники образца 1723 г. и сколько усилий, средств и времени потребовалось для изъятия их из обращения. Поэтому в своем проекте он стремился подчеркнуть, что является безусловным сторонником полного преобладания в денежном обращении серебряной монеты, медная же должна функционировать лишь как разменная.

Шувалов предложил учредить государственный банк для выдачи ссуд медными деньгами дворянам, промышленникам, русским и иностранным купцам из расчета 6% годовых. Половину ссуды и проценты с нее заемщики должны были выплачивать серебряными деньгами. Таким путем сенатор рассчитывал изъять из обращения легковесную медную монету. Автор проекта, выражая интересы господствующего класса – дворян, стремился

использовать государственные средства для того, чтобы укрепить их финансовое, экономическое положение, помочь приспособиться к развивающимся товарно-денежным отношениям в стране, вернуть утраченные родовые имения. Одновременно предусматривалась выдача банком кредитов купечеству, что должно было способствовать развитию торговли и предпринимательства.

Предлагаемая реформа включала также понижение пробы серебряной монеты с 77-й до 72-й, что должно было увеличить доходы казны и сократить утечку серебряной монеты за границу. Шувалов, находившийся в это время в зените своего могущества, пользовавшийся огромным влиянием в государстве, не отличался скромностью. Ему казалось, что он изобрел такой "верный и скорый способ" увеличения доходов государства, который позволит создать резервы денег "на нечаянные случаи". Высоко оценивая свой проект, временщик отмечал, что в результате его осуществления в России увеличится запас серебра, улучшится денежное обращение и кредит. В итоге дальнейшее развитие получит торговля, "особливо когда купцы и компании их из банка получают суммы, то в состоянии будут сильною рукою торговать и знатные предприятия в действо производить, а народ равномерно тем воспользуется ж"⁷¹.

Оценка Шуваловым своего проекта субъективна. Положительные результаты, на которые он был рассчитан, не имели под собой почвы. Надеяться на приток серебра в Россию в условиях резкого понижения вексельного курса, а оно стало бы неизбежным вследствие преобладания в денежном обращении неполноценной, легковесной медной монеты, было нереально. Ссуды, предоставлявшиеся банком, как показала жизнь, попали в первую очередь в руки сановной верхушки, которая использовала их для покрытия огромных долгов и удовлетворения своих личных потребностей, а отнюдь не на развитие своих поместий и промышленное предпринимательство. К тому же не было никакой уверенности в возвращении казне этих ссуд и процентов с них.

Плану временщика присущи все черты прожектерства: на первое место поставлены фискальные интересы, а не интересы населения и преуспевания страны в целом. В плане отсутствует конкретная программа по изъятию из обращения огромного количества неполноценной, легковесной медной монеты. А вот негативные последствия его осуществления вполне очевидны и могли привести лишь к расстройству денежного обращения, которое удалось в известной мере с таким трудом стабилизировать к середине 50-х годов, а значит, к подрыву всей экономики.

Отношение к проекту Шувалова в правительственных кругах не было однозначным. Проект прошел несколько стадий обсуждения, в ходе которых были высказаны различные замечания и пожелания. Реагируя на них автор вносил поправки и изменения. Поэтому последний вариант проекта отличался от первого, хотя основные положения больших изменений не

претерпели. При первом рассмотрении замечания сводились к тому, чтобы сократить срок ссуды до 10 лет (вместо 16 – 18 в проекте), отменить уплату процентов для дворян, но с возвратом этой ссуды в банк серебром. Были и другие, более мелкие поправки. Но Сенат отложил принятие решения о проекте до выяснения общей суммы расходов на 1761 г. С учетом этих замечаний Шувалов переработал проект и вновь представил его в Сенат 21 декабря 1760 г.⁷²

Первым среди крупных сановников на шуваловский план проведения денежной реформы в России откликнулся большой запиской канцлер, президент Коллегии иностранных дел, граф М.И.Воронцов. Прежде всего он высказался против того, чтобы денежные реформы проводились часто, так как это ведет к экономической неустойчивости, вредно для народа и каждого человека. Они должны быть тщательно продуманы и подготовлены, причем надо предвидеть возможные отрицательные последствия. В принципе, не возражая против использования монетной регалии как одного из важных источников пополнения доходов казны, канцлер в то же время выступил против чеканки такого огромного количества легковесной медной монеты. От этого, по его мнению, произойдет обесценение денег, падение курса рубля, рост цен на хлеб и другие товары, что резко ухудшит положение той части населения, которая не имеет других источников дохода, кроме жалованья, и особенно бедных слоев. С другой стороны, преобладание в обращении малоценной медной монеты, номинальная стоимость которой в несколько раз выше рыночной цены на медь, приведет к утечке серебра и золота за границу. Воронцов предложил сократить размеры передела меди, а поскольку это повлечет за собой уменьшение доходов казны, то отказаться от создания хлебных магазинов и "збавки" подушной подати в 1761 и 1762 гг.

Признавая необходимость и пользу от учреждения государственного банка, канцлер в то же время справедливо подчеркивал, что не надо строить больших иллюзий будто раздача ссуд дворянам и купцам принесет казне прибыль, которая поможет ей изъять из обращения легковесную медную монету. Дворянство разорено, около 100 тыс. имений заложено и, получив ссуды, помещики не станут их вкладывать в развитие сельского хозяйства и промышленности, а используют для покрытия долгов и удовлетворения своих потребностей. Что касается "фабрикантов", то от предоставления им ссуд не следует ожидать скорых результатов, так как мануфактур в России мало, а заведение новых требует времени и больших капиталов. Как видим, Воронцов метко определил уязвимое место проекта Шувалова, а именно – ненадежность способов, предлагаемых Шуваловым для выкупа легковесной медной монеты.

Воронцов внес конкретные поправки в условия предоставления банковских ссуд, которые должны были в какой-то мере гарантировать интересы казны и в то же время облегчить положение получателей ссуд. Он предло-

жил сократить сроки ссуд, обязать должников ежегодно выплачивать проценты банку, а также уменьшить процент при выдаче ссуд с 6 до 4, "дабы Россия не разорила дворянства своего, части городов и купечества"⁷³. Критические замечания Воронцова касались частных вопросов и не затрагивали существа проекта. Поэтому Шувалов в основном принял их и, переработав свой план, 20 марта 1761 г. представил новый вариант. В нем не предусматривались расходы на восстановление хлебных магазинов для помощи крестьянам во время неурожая (1 млн. руб.), уменьшение подушной подати в 1761 и 1762 гг. (около 2,5 млн. руб.), сокращалась на 1 млн. руб. сумма, отпускаемая на армию. Значительно был уменьшен общий объем чеканки медной монеты с 32 до 24 млн. руб.

Общий вес всей легковесной медной монеты на сумму 24 млн. руб., по расчетам Шувалова, составит 900 тыс. пудов. Эту монету через 20 лет, т.е. после завершения денежной реформы, предполагалось перепечатать в денежки и полушки по 10-рублевой стопе и таким образом получить медной разменной монеты на 9 млн. руб. До реформы по 10 руб. из пуда было сделано денежек и полушек на 3,3 млн. руб. с лишним. Но, как полагал Шувалов, большая часть их "за долговременным хождением... разными случаи погибла". Такое количество медной разменной монеты (9 млн. руб. плюс оставшаяся часть от прежней чеканки) не будет чрезмерным, учитывая обширную территорию России.

Размер капитала государственного банка уменьшался с 6 до 5 млн. руб. (из них 1 млн. оставался в резерве), а процент при выдаче ссуды с 6 до 4. Сокращался срок ссуды с 10 до трех лет, проценты за первый год уплачивались медной монетой и вычитались при выдаче ссуды. Шувалов полностью учел также пожелания Сената от 16 января 1761 г. Во-первых, о переделе всей серебряной монеты 77-й пробы, чеканенной после 1731 г., в 72-ю пробу, и сохранении в обращении без изменений серебряных денег 70-й пробы, поскольку передел их не принес бы прибыль. Во-вторых, о чеканке монет из серебра, приносимого русскими и иностранцами на монетные дворы, причем прибыль (за вычетом задельных денег и угара) делилась пополам, одна часть шла в казну, другая — владельцу серебра⁷⁴.

Сенат обсудил новый вариант проекта Шувалова на своих собраниях 20 марта и 6 апреля 1761 г. и согласился на проведение денежной реформы "по причине крайнего в деньгах недостатка" и нехватки средств "на необходимые указные расходы". В принятом решении высший правительственный орган сосредоточил свое внимание на определении всех статей прибыли, которые использовались бы для "истребления" легковесной монеты, чеканенной по 32-рублевой стопе. В интересах казны Сенат ужесточил условия выдачи банком ссуд дворянам и купцам. Для осуществления реформы при Сенате создавалась особая экспедиция во главе с сенатором А.Г.Жеребцовым.

Опасаясь недовольства населения чеканкой легковесной медной монеты, Сенат счел необходимым подчеркнуть два момента. Реформа является делом вынужденным, правительство встало на этот путь для удовлетворения "государственных нужд". Медная монета 32-рублевой стопы вводится временно, "к хождению в вечность не полагается" и по истечении установленного срока будет "истреблена". Наконец, правительство твердо заявляет, что при уничтожении этой монеты население не понесет "ни малейшего убытка, какой только вообразить возможно", а все расходы казна возьмет на себя⁷⁵.

В осуществление своего первого плана Шувалов в 1758 г. основал "Банковую контору для обращения внутри России медных денег" (так называемый Медный банк). Основная задача банка, по идее его учредителя, состояла в том, чтобы способствовать привлечению в казну серебряной монеты. Банк выдавал ссуды под переводные векселя медной монетой из 6% годовых и требовал от заемщика возвращения ссуд на 75% серебряной монетой. Вместе с тем банк должен был облегчить циркулирование медной монеты в стране. Вместо перевозки тяжелой громоздкой монеты, сопряженной с расходами и риском, каждый мог в Москве сдать определенную сумму медных денег в банк и по векселю получить их в Петербурге и наоборот. Медный банк получил от казны 2 млн. руб.⁷⁶

Как уже отмечалось, по мартовскому проекту 1761 г. Шувалов намечал передать в ведение Медного банка 5 млн. руб. Ссуды из 4% годовых предполагалось выдавать "под заклад стоящих вещей и деревень, счисляя ревизскую мужского пола душу по 20 рублей", а также без залога "с надежными поручками"⁷⁷. Указом Петра III от 7 января 1762 г. Медному банку вместо 2 млн. был предоставлен капитал (медными деньгами) в 6 млн. руб. Ссуды из банка получили многие представители сановно-бюрократической верхушки и придворной знати. Самые большие суммы достались П.И.Шувалову (свыше 473 тыс. руб.), М.И.Воронцову (164,5 тыс.), генерал-прокурору А.И.Глебову (200 тыс.), камергеру С.П.Ягужинскому (150 тыс.), камергеру А.Строганову (110 тыс.), по 100 тыс. руб. получили генерал-поручик, кн. П.И.Репнин, генерал-аншеф С.К.Нарышкин и т.д. Одним словом, не было сколько-нибудь важной персоны, которая бы не погрела руки на операциях с Медным банком.

Не были обижены и промышленники, особенно екатеринбургские заводовладельцы, и купцы, которым тоже достались значительные суммы из Медного банка. В числе последних английский купец Гомм (300 тыс. руб.), директора Персидской компании (102 тыс.), откупщик таможенных сборов Н.Т.Шемякин (314 тыс. руб.) и др.⁷⁸ По свидетельству М.М.Щербатова, все перечисленные люди были подставными лицами П.И.Шувалова⁷⁹. Екатерина II вскоре после прихода к власти издала указ о взыскании ссуд, "розданных из Медного банка взаимно на размножение заводов и фабрик". Но был ли этот указ полностью выполнен, неизвестно. Одновременно она

потребовала составить ведомости: "кто, сколько, за что и по каким указам казне должен, и когда сроки к платежам"⁸⁰.

Медный и Артиллерийский (он был основан по инициативе Шувалова в 1760 г. за счет средств, образовавшихся от передела старых, негодных медных пушек в монету) банки, учрежденные для улучшения денежного обращения и накопления в государственной казне серебра, не выполнили своих задач. Банковские операции по выдаче ссуд превратились фактически в ничем не прикрытое расхищение государственной казны. В 1763 г. Медный и Артиллерийский банки были ликвидированы. Созданная специальная сенатская комиссия полагала, что медных денег было роздано 3,2 млн. руб., хотя эту цифру, по-видимому, следует считать заниженной⁸¹.

Как отмечалось, Сенат 6 апреля 1761 г. одобрил план денежной реформы, разработанный Шуваловым, и решил представить его в виде всеподданнейшего доклада на одобрение императрицы. Однако против этого решения выступил новый генерал-прокурор Сената Я.П.Шаховской, сменивший на этом посту в 1760 г. князя Н.Ю.Трубецкого, сторонника Шуваловых и их группировки, занимавшего эту должность 20 лет. Шаховской, по своим взглядам был умеренным консерватором. Будучи прямым и честным человеком, обладая твердым, упрямым характером, он не боялся вступать в конфликт с сильными мира сего, когда видел, что их деятельность не отвечает интересам государства, как он их понимал. Новый генерал-прокурор был привержен закону, отрицательно относился к взяточничеству и боролся против попыток многих представителей сановной бюрократии погреть руки на доходах казны. Так действовал он, когда был обер-прокурором Синода и обнаружил там "громадные упущения и беззакония". Назначенный в 1753 г. генерал-кригс-комиссаром (главным интендантом армии), Шаховской столкнулся с злоупотреблениями, мздоимством и стремлением откупщиков нажиться на поставках армии обмундирования и амуниции. Он добился отказа от поставок английского сукна русской армии и передал все заказы российским суконным фабрикам.

Шаховской задержал подачу всеподданнейшего доклада и представил в Сенат свои письменные возражения. Шаховской высказался за отклонение шуваловского плана денежной реформы, поддержанного Сенатом. По его мнению, выпуск легковеснейшей медной монеты по 32-рублевой стопе приведет к тому, что из-за рубежа, через Польшу и Украину, в Россию хлынет поток поддельных медных денег, на которые иноземные купцы будут покупать товары, а также серебро и золото, и никакие запретительные указы и пограничные заставы не помогут в борьбе с этим злом. В самой России тоже начнется изготовление фальшивой монеты. Шувалов ссылался на то, что при обмене пятикопеечников образца 1723 г. в обращении не оказалось монет сверх выпущенной суммы. Но из этого еще ничего

не следует, справедливо отмечает Шаховской, потому что впредь такое может не повториться ("на будущее за ненарушимое правило утверждать не должно"). Подобно Воронцову, генерал-прокурор выражал большие сомнения в реализации плана выкупа легковесной монеты в течение 21 года за счет процентов от 5 млн. руб., предоставляемых в виде ссуд Медным банком. Дворяне и многие купцы, следуя их примеру, предаются роскоши и привыкли "доходы свои не в сундуки прятать и не к капиталам прибавлять, но с излишним против приходу расходом на великолепные долги и уборы, на платье и на прочие наряды и экипажи... употреблять". Предоставление денег займы со взиманием всего 4% годовых еще более подаст способ к роскоши, увеличит число желающих "по модам жить и щеголять" и приведет к дальнейшему разорению дворянства, которые и так уже приняло угрожающие размеры. К тому же, продолжал Шаховской, нет никаких гарантий, что ссуды, взятые из банка вместе с процентами, будут возвращены в казну.

Учитывая опасные последствия денежной реформы, предлагаемой Шуваловым, генерал-прокурор рекомендовал Сенату поискать другие способы к увеличению доходов, нужных для продолжения войны, и обойтись "без делания легковесной монеты". Сам же он предложил временно ввести для внутреннего обращения бумажные деньги ("банковые цидулы или билеты"), причем правительство должно выступить "с крепким обнадеживанием, что они никогда цены своей не потеряют и долго без выкупа оставлены не будут". Важным источником увеличения доходов Шаховской считал продажу казенных земель, "где прежде бывали лесные засеки, а ныне луга и пашни", отдаваемые в оброк помещикам ежегодно "за малую цену". Эта мера "дворянам в лучшую пользу к размножению земледелия будет". Наконец, следует тщательно рассмотреть доходную и расходную часть государственного бюджета, ввести жесткий режим экономии, сократить штаты гражданских и военных чиновников, реорганизовать работу Дворянского и Купеческого банков с тем, чтобы они приносили больший доход казне, создать специальную комиссию по борьбе с роскошью. Шаховской оставил за собой право (согласно инструкции) непосредственно обратиться к императрице, если Сенат не примет его предложения⁸².

Итак, Шаховской, подвергнув справедливой критике план Шувалова, выступил с новыми идеями введения бумажных денег в России (правда, это предложение не было конкретно разработано, а сформулировано лишь в общих чертах), распродажи казенных имуществ с целью пополнения доходов государства. К этому следует добавить, что он активно выступал за секуляризацию монастырских владений, что должно было значительно увеличить государственные доходы.

Шувалов в пространной записке, представленной в Сенат 22 мая 1761 г., ответил на каждый пункт замечаний генерал-прокурора, отверг его пред-

ложения о способах пополнения казны доходами и доказывал целесообразность проведения денежной реформы по намеченной им программе⁸³. Ничего принципиально нового по сравнению с его предшествующими проектами от 30 октября, 21 декабря 1760 г. и 20 марта 1761 г. последняя записка не содержала, поэтому мы не останавливаемся подробно на ней. Но чтобы читатель имел представление о характере и форме ответов Шувалова приведем два примера.

Один содержит его возражения против введения бумажных денег в России. "Наполнение казны способом банкцетелей или цидул вредно и разорительно для государства... для дела воровской монеты потребны фабрики и машины великою силою действующие и довольное число людей, привозит их (монеты) много подвод, а на дело воровских банкцетелей только надобна одного бездельника голова, бумага, чернила, перо, или доска, а к провозу их на миллион рублей карман", — писал сенатор⁸⁴. Другой касается вопроса о сокращении штатов и уменьшения чрезвычайных расходов. Шувалов пишет, что об этом он ставил вопрос еще в 1757 г. и требуется только его предложение провести в жизнь, "а не вновь представлять". Однако в условиях войны "реформировать неудобно", да и без "чрезвычайных расходов обойтись невозможно". И хотя определенная экономия от этого предложения будет, но она "ни так скоро, как надобность доходов требует, ни толикого числа, сколько оных надлежит, доставить не может, потому и тщетно в том надежду полагать"⁸⁵.

После того, как сенаторы ознакомились с возражениями генерал-прокурора и ответом Шувалова, был проведен поименный опрос: поддерживают ли они по-прежнему сенатское решение от 6 апреля 1761 г.? М.И.Воронцов, Н.Ю.Трубецкой, П.И.Шувалов и другие сенаторы заявили в 20-х числах мая, что "в сем деле остаются на прежде учиненном и подписанном сенатском определении"⁸⁶. Убедившись еще раз в единодушной поддержке сенаторами плана Шувалова, Шаховской решил обратиться непосредственно к Елизавете Петровне.

Свои "сумнительства" в отношении принятого Сенатом решения по вопросу о денежной реформе генерал-прокурор представил императрице 18 июля 1761 г. в виде небольшой записки. К ней были приложены "Краткий экстракт из производства о делании вновь легковеснейших медных монет 12 млн. руб." и все материалы (в копиях) этого дела. Шаховской писал, что не может "признать за полезное оное медных денег умножение" и не согласен с решением Сената. Основные его возражения таковы: реформа в 21 год дает казне 6 млн. руб. прибыли, остальные 6 будут истрачены на истребление легковесной монеты; указами Петра I и его преемников умножение в обращении медных денег признано вредным делом; "медных денег не токмо вновь умножать домогаться не надлежало", но и на передел меди по 16 руб. из пуда вместо 10, идти не следовало⁸⁷.

Таким образом, среди сановной, правительственной верхушки один Шаховской твердо и последовательно выступал против чеканки легковесной медной монеты в таком огромном количестве, доказывая к каким пагубным последствиям для экономики страны в целом, и денежного обращения в частности, приведет осуществление шуваловского проекта. Он боролся не только с всемогущим временщиком П.И.Шуваловым, но и с Сенатом, поддержавшим планы денежной реформы.

Между тем драматизм событий нарастал. Генерал-прокурор 5 августа 1761 г. пишет статс-секретарю Елизаветы Петровны А.В.Олсуфьеву, что не получил ответа на свое доношение от 18 июля и просит его доложить императрице о существовании дела, которое "необходимо скорого решения требует", так как чрезвычайные расходы во время войны давно уже превосходят государственные доходы. Шаховской заявил, что готов отстаивать свою точку зрения открыто в Сенате в присутствии императрицы⁸⁸. Через неделю Олсуфьев сообщил Шаховскому, что передал все материалы, а затем и сам получил возможность напомнить об этом деле императрице. В Кабинет были затребованы все бумаги, связанные с обсуждением проекта Шувалова в Сенате. Шувалов, недовольный приостановкой в реализации его плана, одобренного Сенатом, по-видимому, через свою жену Мавру Егоровну (урожденную Шепелеву, которая в течение всего царствования Елизаветы Петровны являлась ее ближайшей и любимой подругой) сумел настроить императрицу против генерал-прокурора, как он об этом пишет в своих воспоминаниях⁸⁹.

5 октября 1761 г. императрица, выражая свое недовольство, потребовала от Сената объяснить причину задержки с перечеканкой медной монеты ("зачем остановилось дело о медных деньгах"?). Сенат кратко ответил, что за исключением А.И.Шувалова, отказавшегося участвовать в обсуждении плана своего родного брата, все остальные сенаторы его одобрили. Но представление доклада Сената задержал генерал-прокурор Шаховской⁹⁰. Какова была дальнейшая реакция Елизаветы Петровны, сказать трудно. Здоровье ее ухудшилось и она совершенно перестала заниматься делами. А 25 декабря императрица скончалась.

Вскоре после смерти Елизаветы Шаховской вышел в отставку и поселился в своей подмосковной деревне. Екатерина II назначила его сенатором. В этой должности он пробыл несколько лет. В связи с плохим состоянием здоровья по собственной просьбе в 1766 г. был уволен в отставку с сохранением полного жалования. В указе императрицы отмечалось, что эту милость он заслужил "за долговременную, верную и усердную нам и отечеству службу".

Шаховской оставил мемуары, в которых живо описал свою службу, жизнь и время от смерти Петра I до первых годов царствования Екатерины II. В "Записках" содержатся много конкретных деталей, бытовых зарисовок, передающих особенности эпохи, деятельность правительствен-

ного механизма, интриги придворной жизни. Читатель встретит в них много действующих лиц, живых портретов представителей сановной верхушки. Несмотря на трудный и сложный язык, во многом отражающий стиль официальных документов и бумаг бюрократических учреждений того времени, они читаются с интересом. Впервые "Записки" Я.П.Шаховского были опубликованы в начале XIX в. Затем они несколько раз переиздавались. Наиболее полное их издание подготовлено М.И.Семевским в приложении к "Русской старине" (СПб., 1863).

7 января 1762 г. Сенат рассмотрел возражения Шаховского и снова отверг их. Было решено представить новому императору Петру III доклад, в котором выразить полную поддержку предложениям П.И.Шувалова от 31 октября и 21 декабря 1760 г. "по причине крайней в деньгах надобности ко исправлению государственных расходов и к*сохранению государства от чрезмерного отягощения". Предлагалось к делаемой с 1757 г. и находящейся в обращении медной монете (чеканенной по 16 руб. из пуда) прежде определенной сумме 14 640,9 тыс. руб. прибавить еще 1 359,1 тыс. руб: с тем, чтобы всего было 16 млн. руб. Все выпущенные по 16-рублевой стопе медные монеты перепечатать и вновь делать по 32 руб. из пуда с таким расчетом, чтобы по перепечатке получилось 32 млн. руб., что должно было принести казне 16 млн. руб. прибыли. Сенат поддержал также предложение П.И.Шувалова о переделе всей имеющейся серебряной монеты в 72-ю пробу и о чеканке впредь серебра по этой пробе. Для руководства всей этой операцией при Сенате была создана Главная экспедиция передела медной монеты во главе с бригадиром М.А.Яковлевым. Петр III утвердил доклад Сената от 17 января 1762 г.⁹¹

Для обеспечения широкого фронта работ по перепечатке медных монет 16-рублевой стопы в 32-рублевую был осуществлен ряд мер. Чтобы не возить со всех концов страны в Москву и Петербург 16-рублевую монету и тем самым избежать лишних расходов и неудобств для населения, решили перепечатку и чеканку вновь производить не только в этих городах, но и в Сестрорецке, Ярославле, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге. В Москве, Петербурге и в других перечисленных городах были созданы комиссарства, отвечавшие за ход перепечатки, подчиненные Главной экспедиции.

Для ускорения работ было решено отправить из Петербурга в Ярославль, а из Москвы в Нижний Новгород по одному пробирному мастеру, 4 монетчика и 2 резчика вместе со станами, образцами штемпелей и разными инструментами. Одновременно с ассессором Степановым посылались в эти города, а также в Екатеринбург по одной паре контрпунсонов, изготовленных в Петербурге, на 10, 5, 4, 2 и 1-копеечную монету. Монетным дворам в Петербурге и Москве в случае нехватки резчиков штемпелей рекомендовалось привлечь к этому делу специалистов, находящихся в ведении Академии наук⁹².

К концу апреля 1762 г. медных монет, изготовленных по 16 руб. из пуда,

имелось на 10,9 млн. руб. Было решено форсировать чеканку монет на недостающую до 16 млн. руб. сумму (5,1 млн.) путем выделки не полушек, денежек, копеек и грошевиков, а пятикопеечников, тем более, что по свидетельству Монетной канцелярии, мелкой медной монеты в обращении было достаточно ("нужды не обстоит")⁹³. Спустя месяц, Сенат определил сосредоточить всю перепечатку в Москве и не тратить время на перевозку станков в городские комиссарства и осуществлять ее на всех имеющихся станках, за исключением одного, на котором печатать серебряные монеты.

Чтобы обеспечить высокую производительность труда, монетным дворам рекомендовали использовать главным образом труд вольных людей (резчиков, кузнецов и слесарей) "за добровольную настоящую плату", а в случае недостатка их привлекать цеховых и артиллерийских мастеровых, которых требовать от Главного магистрата и Канцелярии Главной артиллерии и фортификации. В виде редкого исключения разрешалось прибегать к труду колодников, и то лишь "содержащихся не по важным делам". В Екатеринбурге, где вольных работников было мало, рекомендовали использовать и приписных к заводам крестьян. Если возникнет необходимость, перепечатку в Москве и Петербурге производить в воскресные и праздничные дни, выплачивая при этом вольнонаемным двойную плату из заделных денег⁹⁴.

Все учреждения должны были разбирать поступающую к ним медную монету по номиналу и присылать в Москву в первую очередь пятикопеечники и грошевики.

Об итогах перепечатки и чеканки из новой меди медной монеты по 16 руб. из пуда можно судить по данным табл. 9.

Таблица 9

Выпуск медной монеты по 16-рублевой стопе
в 1757 – 1762 гг.*
(в рублях)

	Петербург	Сестрорецк	Москва	Екатеринбург
Из бывших грошевиков и копеек в 2 копейки	380 396	–	1 318 863	539 874
Из гладких кружков	23	–	693 360	43 860
Из новой меди	11 851	527 195	1 528 804	6 533 740
	392 270	527 195	3 541 027	7 117 474

* Монеты царствования имп. Екатерины II (далее: Монеты Екатерины II). СПб., 1894, Т. I, № 35.

Итак, всего на монетных дворах было перепечатано и начеканено медной монеты по 16 руб. из пуда в 1757 – 1762 гг. на 11 577 966 руб. Из

этой суммы 10,6 млн. руб. приходится на Екатеринбургский и Московский монетные дворы. Особенно значителен вклад Екатеринбургского двора, который уже с середины XVIII в. стал играть ведущую роль в чеканке медной монеты в стране. Объем его продукции в указанные в табл. 9 годы в два раза превышал продукцию московского двора. Как и раньше, четко прослеживаются отличия этих дворов. Екатеринбургский чеканил монету главным образом из новой меди, а Московский занимался в значительной мере перепечаткой старых монет и печатанием гладких кружков (около 60% всей продукции).

Среди изготовленных медных денег на Екатеринбургском дворе подавляющая часть приходится на монеты крупного достоинства: пятикопеечники (70,9%) и грошевики (26,5%), так как на их чеканку требовалось меньше времени и расходов, чем на чеканку мелкой монеты. Доля разменной монеты (копеек, денги, полушек) в общей чеканке была незначительна – всего лишь 2,6%. Примерно такую же картину мы наблюдаем на Московском монетном дворе с той лишь разницей, что здесь первое место в чеканке занимали грошевики (68,5%), а пятикопеечники второе (21,8%)⁹⁵.

Как видно из табл. 10, медной монеты по 32 руб. из пуда было изготовлено на 8,2 млн. руб., из них перепечатано из монет 16-рублевой стопы на 5,7 млн. руб., а из новой меди начеканено в два с лишним раза меньше (2,5 млн. руб.). Таким образом, упор был сделан на перепечатку, потому что она обходилась дешевле, чем изготовление монет из новой меди, а главное обеспечивала выигрыш во времени. Перепечатка была сосредоточена на Московском и Петербургском монетных дворах (4,9 млн. руб.), так как в обе столицы больше всего поступало в разные учреждения и на обмен монет 16-рублевой стопы⁹⁶. На Екатеринбургский монетный двор приток старых монет был не так велик, в меди же – казенной и частновладельческой – нужды не имелось.

Таблица 10

Выпуск медной монеты по 32-рублевой стопе
в 1762 – апреле 1763 г.*
(в рублях)

Монетные дворы	Перепечатка монеты 16-рублевой стопы	Чеканка из новой меди
Петербургский	2 123 048	33 358
Московский	2 726 881	–
Екатеринбургский	598 665	2 338 420
Ярославский	211 978	–
Сестрорецкий	–	151 457
Нижегородский	65 891	–
Порецкий (с. Поречье (Смоленской губернии)	6 173	–

* Монеты Екатерины II. № 35.

Подводя общий итог чеканке медной монеты в 1730 – агреле 1763 г., отметим, что за время правления Анны Иоанновны было напечатано новой медной монеты по 10 руб. из пуда на 2,9 млн. руб., причем вся старая медная монета (за исключением пятикопеечников), чеканенная по 20 и 40 руб. из пуда, была изъята из обращения. При Елизавете Петровне до 1757 г. по 10-рублевой стопе было напечатано денежек и полушек на 3 млн., а по 8-рублевой копеек на 1,1 млн., всего на 4,1 млн. руб. Чеканка мелкой медной монеты в этих пределах и по стопе, ненамного превышавшей рыночную стоимость пуда меди, имела положительное значение, обеспечивая рынок разменной монетой, необходимой для нормального функционирования денежного обращения.

Однако в последующие 6 лет выпуск медной монеты преследовал не экономические, а фискальные цели. Резко возрос объем чеканки, а сама монета стала легковесной, малоценной, другими словами, весовое содержание не соответствовало ее номиналу. Так, в 1757 – 1761 гг. медной монеты по 16-рублевой стопе было напечатано почти на 11 млн. руб., что превышало чеканку за первые 40 лет XVIII в. В 1762 г. продолжалась чеканка меди по этой стопе и одновременно началась перепечатка монет в 32-рублевую стопу. Таким образом, со второй половины 50-х годов казна вступила на путь форсированной эксплуатации монетной регалии (так же, как и в 1727 – 1730 гг.) с целью увеличения доходов, которые должны были закрыть брешь, образовавшуюся в государственном бюджете в связи с участием России в Семилетней войне.

Глава пятая
ЗОЛОТАЯ И СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТА
МОСКОВСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР

Золотая и серебряная монета чеканилась в Москве и Петербурге. В Москве действовали Красный (Китайский) и Кадашевский монетные дворы, оба они были в ветхом состоянии и требовали капитального ремонта. Монетная канцелярия полагала, что надо заново отстроить Красный двор и когда он будет готов, тогда "все монетное дело на оном удовольствоваться может без утеснения". Что касается Кадашевского монетного двора, то было несколько вариантов его использования: "худые палаты" на нем разобрать, пустив в ход кирпич для ремонта Красного двора, а остальные помещения превратить в склады для хранения станков, инструментов и разных материалов, и частично в жилье для монетчиков. Высказывалось и другое мнение, а именно: передать его какой-либо казенной или частновладельческой мануфактуре¹.

Почему остановились на Красном дворе? Ремонт его должен был обойтись дешевле, чем ремонт Кадашевского. К тому же благодаря близкому расположению Красного двора к торговым рядам купцам было выгодно продавать золото и серебро казне здесь, а не в рядах. Монетная контора считала, что "Китайский как к монетному золотому и серебряному делу и к вымену мелких серебряных денег, так и к покупке серебра и золота, добровольно приносимого на монетный двор, весьма способен, потому что от рядов в близости"².

Кадашевский монетный двор был в худшем состоянии, чем Красный. От тяжести кровель некоторые своды и стены его обвалились и, как писала Монетная канцелярия в декабре 1734 г., через несколько месяцев на нем работать "едва ли будет возможно, чинить же оный немалого убытка перед Красным денежным двором потребует". К тому же Кадашевский двор находится "в отдалении" от Московской монетной конторы "и за таким отдалением происходит трата времени и другие неудобства". Все же денежной казне и казначеям "пристойней" быть на Красном дворе, где и следует чеканить золотую и серебряную монету³.

Ремонт Красного монетного двора осуществлялся по проекту Монетной конторы архитектором Гейденом, с которым был заключен контракт на два года (1732 – 1733). Однако к этому времени строительство не было закончено и контракт был продлен еще на два года. О размахе работ по ремонту

Китайского двора можно судить хотя бы потому, что Гейден потребовал закупить 2,6 млн. штук кирпича. К зиме 1732 г. было заготовлено 1,5 млн., недостающее число решили покрыть за счет разборки худых палат Кадашевского двора⁴. Головкин предложил в качестве поощрения архитектору Гейдену, руководившему работой по строительству Красного монетного двора, "за прилежное его при том строении труды и радение, и за учиненную в покупке материалов, и в найме работников казне прибыль" выдать сверх жалованья 300 руб.⁵ Реконструкция Московского двора затягивалась и контракт с Гейденом продлевался еще несколько раз вплоть до осени 1740 г., потому что за рекой Неглинной был сооружен Медный двор со всеми постройками, каменной и земляной плотинами.

На Московском монетном дворе чеканились рубли, полтины (50 коп.), полуполтины (25 коп., четвертак) и гривенники (10 коп.). Объем чеканки за 1730 – 1758 гг. представлен в табл. 11. Итак, за три десятилетия было сделано серебряных монет разных номиналов на 30,9 млн. руб. Пик чеканки приходится на 30-е годы, когда выпуск достиг 17,4 млн. руб., что было связано, как уже отмечалось, с общим ростом передела серебра и монопольным положением Московского двора в выпуске серебряной монеты. После возобновления работы Петербургского монетного двора объем передела серебра в Москве резко сократился. В 1740 – 1749 гг. чеканка на Московском дворе составила 6,2 млн., а в 1750 – 1758 гг. – 7,3 млн. руб. Причем надо иметь в виду, что в 1759 – 1761 гг. передел серебра на Московском дворе не производился.

Ведущее место в чеканке Московского монетного двора занимали рублевники. На их долю приходилось 24,8 млн. руб., или 4/5 (80,2%) всей суммы передела. Размеры выпуска других номиналов таковы: полтинники – 2927,6 тыс. (9,4%), полуполтины – 1787,1 тыс. (5,8%), гривенники – 1383,5 тыс. руб. (4,6%).

Серебряная монета всех номиналов согласно указу 22 января 1731 г. выпускалась 77-й пробы по 15 руб. 84 коп. из фунта, или 633 руб. 60 коп. из пуда серебра. Вся старая (крупная и разменная) монета подлежала обмену и переделу в 77-ю пробу. Указ предусматривал чеканку гривенников на 1 млн. руб.

В петровское время (до 1711 г.) крупные серебряные монеты (рубли, полтины, четвертаки) чеканились без установленной пробы, иногда такой же, как у талеров (т.е. с содержанием 82 – 83 долей чистого серебра в золотнике). Эти монеты в первую очередь и стремилась выменять казна, поскольку передел их в монеты 77-й пробы был выгоден. Монетное ведомство вело работу по выявлению монет высокой пробы крупного достоинства. Чтобы обеспечить быстрое поступление в казну этих монет, населению платили лаж (надбавку). Так, за рубли 1704, 1705, 1707 гг. и полтины 1701 – 1703, 1706 – 1707 гг. при сдаче их на монетные дворы давали лаж 5 коп. на рубль. Крупные монеты этих годов, имевшиеся в учреждениях и

казначействах, было запрещено расходовать, они подлежали обмену на монетных дворах. За мелкие монеты в зависимости от пробы платили по-разному: за гривенники "ефимочной пробы" (1701, 1702, 1704 – 1708 гг.) копейка за копейку, а других годов на 2 – 3 копейки меньше. Так же обстояло дело с пятаками и алтынами. Население, сдавая их на монетные дворы, теряло 1 копейку от каждой монеты – и пятака, и алтына⁶. Короче говоря, казна при обмене монет петровской чеканки преследовала фискальные цели, совершенно не считаясь с интересами трудового люда, мелких торговцев и других небогатых слоев населения, в руках которых и сосредоточивалась мелкая серебряная монета.

Таблица 11

Чеканка серебряной монеты
на Московском монетном дворе в 1730 – 1758 гг.*
(в рублях)

Год	Рубль	Полтина	Полуполтина	Гривенник	Всего
1730	382220	–	–	–	382220
1731	1237411	–	–	1574	1238985
1732	1487133	1903922	–	2437	3393562
1733	2645330	204360	–	–	2849690
1734	2460699	117034	–	9000	2586733
1735	1494326	74220	–	30020	1598566
1736	1407209	70452	–	–	1477661
1737	1806202	116049	–	–	1922251
1738	1163614	87762	–	–	1251376
1739	617606	59539	14070	14225	705440
1740	305793	22321	–	1011	329125
1741	350000	–	–	–	350000
1742	289343	19840	–	56000	365183
1743	677326	83000	19000	20650	799976
1744	373000	53000	24000	142080	592080
1745	553860	59960	17073	73000	703893
1746	391360	–	92000	87000	570360
1747	294079	27000	411424	221000	953503
1748	100000	–	149998	326500	576498
1749	847000	21950	79581	10000	958531
1750	1026529	7359	105641	20000	1159529
1751	1083350	–	221143	139500	1443993
1752	788007	–	62100	21924	872031
1753	596817	–	106581	51000	754398
1754	1182785	–	172350	83500	1438635
1755	594350	–	50850	6500	651700
1756	217000	–	212750	26495	456245
1757	338700	–	37677	40132	416579
1758	116000	–	11000	–	127000

* Монеты Анны. С. 215; Монеты Елизаветы. С. 273; ЦГАДА. Ф. Сенат. Кн. 3594. Л. 259 об.–263; Ф. 19 (Финансы). Д. 165. Л. 48.

Новые гривенники, которые начали делать с 1731 г., имели почти одинаковый чекан с гривенниками 1718 г., разница лишь состояла в том, что внизу на монете год 1718 написан славянскими буквами, а сверху для неграмотных имелись 2 ряда крупных точек по 5 в каждом⁷. Гривенники новой чеканки, походившие на старые, которые были запрещены, перестали принимать "в народе". Было решено сделать новый чекан для гривенников и по нему делать до 1 млн. руб. По указанию Сената, новые гривенники для отличия от старых стали изготавливать без точек, на оборотной стороне с одним названием "крупными литерами" (буквами) и годом (цифрами). На лицевой стороне по-прежнему сохранился государственный герб⁸.

В первое время гривенники чеканились не ежегодно и на незначительную сумму. Регулярный выпуск монет этого номинала на десятки, а в иные годы и на сотни тысяч рублей начался в 1742 – 1743 гг. В 30-е годы мелкие серебряные деньги, главным образом проволочные копейки, усиленно выменивались и из них, а также нового серебра, делали преимущественно крупную монету. С начала 40-х годов казна взяла курс на увеличение в денежном обращении страны мелких серебряных монет, поскольку в них стала ощущаться острая нужда и их явно не хватало для размена рублей и полтинников. В июне 1744 г. по определению Сената монетным дворам было поручено изготовить из выменных серебряных копеек гривенников на 200 тыс. руб., а в мае следующего года еще на такую же сумму⁹.

Московский двор выполнил это задание и первую партию серебряных гривенников на 200 тыс. руб. изготовил к марту 1745 г. Причем монеты, по указу 10 июня 1741 г., были сделаны не 77-й, а 72-й пробы. Но чеканка гривенников такой пробы вызвала определенные неудобства. Монетное ведомство, основываясь на доводах руководства Московского монетного двора, считало, что гривенники надо делать 77-й пробы, а не 72-й. Главный довод состоял в том, что при 77-й пробе гривенники можно чеканить "обще" с монетами других номиналов, "и в том переделе смотрение иметь способнее, нежели как порознь тем гривенникам передел производить". Монетная канцелярия полагала, что доля гривенников в общей чеканке серебра должна составлять не менее 20%. Сенат согласился с этим мнением¹⁰.

В июне 1746 г. именным указом императрицы было определено делать на монетных дворах сколько можно 10 и 25-копеечных серебряных монет, чтобы в размене крупных не ощущалось нужды. На основании этого указа Сенат потребовал от монетного ведомства увеличить и ускорить производство гривенников и четвертаков¹¹.

Монетная канцелярия запросила можно ли делать эти монеты на Петербургском дворе. Ответ был отрицательным. "За теснотою оного производить никак не возможно". Даже передел рублей и полтинников ведется с

затруднением ("нуждою"). Для того чтобы начать выпуск гривенников и четвертаков, на Петербургском дворе требовалось построить "особливые палаты", в которых можно было бы разместить необходимое оборудование. К тому же не хватало мастеровых людей и монетчиков¹². Из Москвы ответ был более утешительным. Руководство монетного двора – минцмейстеры А.Зайцев и А.Кузьмин – сообщило, что для обеспечения выпуска гривенников и четвертаков необходимо увеличить число печатных и других станков, мастеровых и работных людей, а также использовать для плавления серебра новопостроенный двор за Неглинной, имея ввиду размещение в нем нового оборудования.

Тульскому оружейному заводу было дано задание отлить по посылаемым деревянным моделям 14 печатных станков (10 гривенных и полуполтинных и 4 рублевых), да один для перевода штемпелей. Из Тулы ответили, что отлить станы не могут, потому что казенные заводы не имеют домны. Решили передать этот заказ тульскому заводчику Родиону Баташеву. Монетная канцелярия поддержала эти предложения.

Московская монетная контора высказала опасения относительно возможности ускорить и увеличить выпуск 25 и 10-копеечной серебряной монеты и считала, что к этому делу надо подключить и Петербургский монетный двор, "понеже в Москве на одном монетном дворе передел полуполтинной и гривенной монет за мелкостью оных вскоре исправиться никак невозможно"¹³. Но это пожелание не было реализовано, и 25- и 10-копеечную монеты чеканил только Московский двор.

В течение полутора лет велась энергичная работа по осуществлению июньских предложений 1746 г. Зайцева и Козьмина. Благодаря этому стало возможным к 30 декабря 1746 г. изготовить гривенников на 80 тыс. руб. и полуполтинников на 92 тыс. руб. К осени (октябрю) будущего года удалось завершить передел 1000 пудов серебра в эти же номиналы и начать такой же новый передел ковкой слитков серебра на Медном дворе за Неглинной. Плавление и все остальные операции должны были производиться на Красном серебряном дворе. За два года (1747 – 1748) общая сумма чеканки 25- и 10-копеечных серебряных монет превысила 1,1 млн. руб.¹⁴ Этот результат, несомненно, был крупным успехом Московского монетного двора. Ни ранее, ни позднее в рассматриваемый период (1730 – 1758) таких темпов в чеканке разменной серебряной монеты достигнуть не удавалось.

В мае 1755 г. был принят указ о чеканке из третьей части нового серебра гривенников на 5 млн. руб. и четвертаков на такую же сумму. Причем 25-копеечные монеты решили делать по 677 руб. 60 коп. из пуда серебра 77-й пробы, так же как и гривенники. Ранее четвертаки чеканились по той же стопе, что и рублевые и полтинные монеты, а именно по 633 руб. 60 коп. из пуда лигатурного серебра. Иначе говоря, полуполтины из фискальных соображений были уравниены с мелкой разменной монетой, что позволило

не только покрыть большие расходы по сравнению с рублевой и полтинной монетой, но и увеличить доходы казны от их чеканки¹⁵.

Данные табл. 11 показывают, что увеличение суммы чеканки четвертаков и гривенников произошло только в 1756 г.; в 1755 г. она была незначительной, несмотря на указ, а после 1756 г. вновь резко снизилась. В последующие годы сумма чеканки гривенников и четвертаков не повышалась. Более того, в связи с нехваткой денег в казне, в мае 1762 г. временно прекратили передел разменной серебряной монеты¹⁶, а продолжали чеканить исключительно рубли и полтины, поскольку их можно было сделать быстрее, чем мелкую. Таким образом, майский указ 1755 г. о выпуске 10- и 25-копеечных монет на 5 млн. руб. каждую не был осуществлен.

Чеканка золотых монет – червонцев (93-й пробы по 118 штук из лигатурного фунта золота) в 1730 – 1753 гг. производилась только на Московском монетном дворе, а с 1755 г. и в Петербурге. При Анне Иоанновне она велась нерегулярно и была невелика: в 1730 г. – на 19 280, в 1738 г. – на 9000 и только в 1739 г. – на 148 371 руб., или всего на 176,6 тыс. руб. Лигатурный вес червонного был равен $75 \frac{6}{59}$ долей золотника, а чистого золота в нем содержалось $75 \frac{39}{59}$ долей. Передел золота обеспечивал нужды царского двора и какого-либо влияния на состояние денежного обращения в стране не оказывал.

В период правления Елизаветы Петровны на Московском монетном дворе за 9 лет с 1742 по 1753 г. (в 1745, 1748, 1750 гг. чеканка не велась) червонных было сделано на 226 549 руб., или в среднем на 25 172 руб. в год. С 1754 г. нарицательная стоимость червонцев была повышена с 2 руб. 20 коп. до 2 руб. 30 коп.¹⁷ Тип червонцев претерпел несколько изменений. В 1730 – 1740 гг. на лицевой стороне помещался погрудный бюст императрицы Анны, голова повернута вправо, на оборотной – государственный герб и дата, номинал не был обозначен. В 1746 г. монетному двору было поручено сделать 4000 червонных новым штемпелем, на котором портрет и герб должны вырезаться не так глубоко как ранее, но гораздо мельче, чтобы не стирался портрет, как на сделанных до этого времени монетах. Указ рекомендовал после тиснения, окраски и печатания монетные кружки "не отжигать, как прежде делали, но оставить так, дабы глянec лучше был, а что не так мягки будут, как отожженные, и тем пробы своей и цены не потеряют"¹⁸.

При Елизавете Петровне выпускались червонцы и двойные червонцы прежнего типа с портретом императрицы на одной стороне и Андреем Первозванным на другой. Но на большей части червонцев почти до конца XVIII в. (до Павла I) представлен портрет и государственный герб. С 1742 до 1749 г. чеканили только червонцы 93-й пробы. Затем указом 7 июля 1749 г. проба была повышена до $94 \frac{2}{3}$, а чтобы их не путали с прежними,

ставилась точная дата указа о выпуске – год, месяц, число¹⁹. Но спустя несколько лет (в 1753 г.) чеканка этих червонцев была прекращена.

Именным указом 12 ноября 1755 г. в России вводилась новая золотая монета – империалы и полуимпериалы, – которой придавалось особое значение. Правительство прежде всего отмечало, что удалось добиться стабилизации денежного обращения. Серебряная и медная монета “ныне благополучно к безопасности и пользе... подданных установлены и все государству... вредительные монеты искоренены”. Далее ставилась задача упорядочения чеканки золотой монеты и приведение ее в правильное соотношение с серебряной – русской и иностранной монетой. “Дабы ходячие наши и золотые монеты также добрым порядком к пользе коммерции... установлены были, и не токмо против наших серебряных, но и против чужестранных таких же монет, исправную пропорцию имели”²⁰.

Согласно указу новые монеты делались в 88-ю пробу, 10-рублевая – империал с лигатурным весом 3 золотника и $\frac{85}{96}$ долей, 5-рублевая – полуимпериал 1 золотник $\frac{90}{96}$ долей с указанием на каждом из них нарицательной цены. Эти золотые монеты оказались долговечными, они выпускались до конца XIX в. На прежние червонные устанавливалась новая цена – 2 руб. 25 коп. Двухрублевые (“андреевские”) монеты изымались из обращения и подлежали переделу в империалы и полуимпериалы. Обратная сторона 10- и 5-рублевых монет совершенно отличалась от предыдущих. На ней помещались крестообразно расположенные пять картушей с гербами, в центре – государственном, и вокруг – московским, казанским, астраханским и сибирским. В углах крестов помещалась дата, а номинал обозначался в круговой надписи. Изображение должно было подчеркнуть имперский характер монеты и напомнить основные этапы создания Российского государства.

Кроме империалов и полуимпериалов, стали чеканить по указу 26 июня 1756 г. двух- и рублевые золотые монеты такой же 88-й пробы, весом первые 36, вторые $\frac{73}{96}$ долей золотника²¹. На одной стороне этих монет изображен портрет императрицы, на другой – государственный герб.

Чеканка золотых двухрублевиков и рублевиков была сосредоточена на Московском монетном дворе (табл. 12). За три года здесь было сделано монет этого достоинства на 273,5 тыс. руб., в то время как на Петербургском всего на 17,4 тыс. руб. Империалы и полуимпериалы тоже изготавливались в Москве, но на меньшую сумму, чем в Петербурге. В отдельные годы в Москве готовили кружки 10- и 5-рублевой золотой монеты, которые затем отправлялись для печатания в Петербург²². Так, Монетная канцелярия 18 января 1756 г. сообщала в Московскую монетную контору, что если возникают трудности в резьбе чеканов и в прочем, то, не затягивая дело, следует отправить готовые золотые кружки в Петербург, где их можно напечатать быстрее, только проверить, чтобы они были указанной пробы²³. После 1762 г. в Москве вообще перестали выделывать золотую монету 10- и 5-рублевого достоинства, а чеканили ее только на Петербургском монетном дворе.

**Чеканка золотой монеты
на Московском монетном дворе (1756 – 1758 гг.)***
(в рублях)

Год	ИмперIALы	ПолуимперIALы	ДвухрублевИКИ	РублевИКИ	Всего
1756	144980	62275	106000	30789	344044
1757	–	–	600	14324	14924
1758	83080	84935	5220	116606	289841
Итого	228060	147210	111820	161719	648809

* Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы I и имп. Петра III. СПб., 1896. Т. I, С. 272.

Общий итог чеканки золотой монеты на Московском дворе в 30-х – 50-х годах равен 1051,9 тыс. руб., или в среднем 36272 руб. в год; цифра совершенно незначительная, не идущая ни в какое сравнение с выпуском серебряной и медной монеты.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР

Монетный передел в Петербурге был возобновлен в 1738 г., т.е. спустя 10 лет после закрытия столичного монетного двора. Решение о продолжении работы двора, продиктованное главным образом фискальными соображениями, было принято Кабинетом министров в сентябре 1737 г.²⁴ Основная масса серебра поступала в Петербург от сбора таможенных пошлин в столичном порту ефимками и от закупки у иностранных купцов монет и слитков. В результате подсчетов обнаружилось, что гораздо выгоднее все-таки чеканить золотую и серебряную монету в столице, а не в Москве (где монетчикам платили меньше "задельных денег"), поскольку это влекло за собой дополнительные расходы на перевозку серебра и потерю времени. Кабинет приказал привести в порядок Петербургский монетный двор, отправить из Москвы по первому зимнему пути в столицу половину мастеров Московского монетного двора и необходимое число станков, инструментов и материалов и приступить к чеканке серебряной монеты с 1 января 1738 г.

Исходя из этого указа Канцелярия монетного правления сочла целесообразным учредить в Петербурге особую контору во главе с ассессором И.А.Шлаттером, при которой, кроме канцелярских служителей, состоял бы и медальер Фукс.

Комиссия о строении выделила архитектора Шумахера, который совместно с вардейном И.Шагиным осмотрели Петербургский монетный двор и составили смету расходов, связанных с ремонтом. Конкретные предложения архитектора были таковы: необходимо все каменные и деревянные

строения покрыть толстым слоем сухой глины и земли, а затем дерном, чтобы прекратить течь и сырость, от которых через несколько лет "все палаты и стены развалятся, как бы толсты не были"; сделать у палат двойной скат; выстлать монетный двор диким камнем; все палаты внутри побелить известью; 26 очагов плавильных и пробирных печей сделать из кирпичика; ветряную мельницу разобрать и поставить на каменном фундаменте. На все эти работы намечалось выделить 1464 руб.

Шагин сообщил, что имеющиеся станы и инструменты, годные к монетному переделу, требуют "немалой починки" и лучше сделать это, когда из Москвы придут кузнецы и слесаря. Он же составил ведомость, "что к переделу здесь впредь монет потребно каких инструментов и припасов", часть из них должна была быть привезена из Москвы, часть закуплена в Петербурге. В ноябре вардейн доносил, что приторговал необходимые материалы на 716 руб. Кроме того, он предлагал купить 100 чугунных досок "для выстилки в плавильнях, да к печатным станам 4 пуда"²⁵.

Намечалось построить дома на Петербургской стороне для мастеровых людей, а для монетчиков приготовить квартиры.

Контроль за ремонтом и восстановлением Петербургского двора, починкой всего оборудования и инструментов, закупкой необходимых материалов возлагался на Шлаттера, Шагина и комиссара, "понеже они к тому делу заобычайные и при переделах были". Для всего руководящего и технического персонала Петербургского монетного двора – двух казначеев (один ведал приемом золота и серебра, другой – приходом и расходом денег), вардейна, комиссара, минцмейстера, минцпробирера и медальера И. А. Шлаттер составил инструкции²⁶.

Шлаттер Иван Андреевич (Иоганн Вильгельм), 1708 – 1768 гг., выдающийся специалист по металлургии золота и серебра. Подобно Татищеву, он был также крупным знатоком монетного дела и денежного обращения. Но, если первый, обладая широким государственным кругозором, тяготел к разработке общих проблем денежного обращения, то второй, имевший большой практический опыт и разносторонние познания в монетном деле и пробирном искусстве, интересовался больше вопросами технического усовершенствования металлургии благородных металлов и чеканки монет. Хотя и ему не чужды были общие вопросы денежного обращения в стране, о чем свидетельствуют составленные им записки, доклады и донесения. Шлаттер родом был из Германии, приехал в Россию в 1719 г. Вместе с отцом, который был приглашен Петром I в качестве специалиста и назначен ассессором во вновь созданную Берг-коллегию. Карьера Шлаттера сложилась удачно. Начав пробирным учеником, он дослужился до президента Берг-коллегии, руководителя Монетного департамента и был пожалован в 1768 г. в тайные советники. Своему продвижению по службе Шлаттер был обязан исключительно своим дарованиям и обширным познаниям, огромному трудолюбию и энергии.

Иван Андреевич работал последовательно пробирным мастером, вардейном (один из руководителей монетного двора), ассессором Московской монетной канцелярии. В 1732 г. он принял российское подданство. Осенью 1737 г. был переведен в Петербург и назначен руководителем конторы второй экспедиции Канцелярии Монетного правления. Контора должна была осуществлять прием золота и серебра, контроль за работой столичного монетного двора, вести текущее делопроизводство. В 1753 г. он был назначен главой Монетной канцелярии, а спустя семь лет президентом Берг-коллегии с сохранением всех прежних обязанностей: руководителя лаборатории по разделению золота и серебра, экспедиции Нерчинских и прочих сереброплавильных заводов, хранителя денежной казны Кабинета е.и.в. и др. Как и всякий крупный специалист, влюбленный в свое дело, он был озабочен тем, чтобы передать свой опыт и знания, подготовить в России профессионально грамотных людей, владеющих основами пробирного искусства и монетного дела, в которых монетные дворы испытывали острый недостаток. Шлаттер открыл школу при Петербургском монетном дворе, где вел занятия и подготовил несколько учебных пособий и трудов.

В 1738 г. в Петербурге вышла его первая книга по пробирному искусству, в которой он обобщил опыт своей практической работы в области пробирного дела и переработки золота и серебра ("Описание при монетном деле потребного искусства..."). Спустя 15 лет Академия наук опубликовала его труд: "Задачи, касающиеся до монетного искусства..." в трех частях. Первая часть касалась пробирного искусства, вторая была посвящена аффинажу (разделению) золота и серебра и их очистки, третья (издана в 1758 г.) – методам изготовления сплавов из золота и серебра. Каждая часть сопровождалась таблицами с рисунками машин и инструментов. По этому труду пробирному и монетному делу обучались ученики, находившиеся при Петербургском и Московском монетном дворах.

Правительство и при Елизавете Петровне, и при Екатерине II ценило знания и опыт Шлаттера, отдавало должное его заслугам в развитии монетного дела и увеличении доходов казны. Это находило выражение в продвижении его по служебной линии, пожаловании новых чинов и удовлетворении разных просьб. Так, в 1755 г. Шлаттер подал прошение об улучшении своего материального положения. Он отмечал, что с 1740 г. получает жалованье 1000 рублей в год, меньше, чем его коллеги в других центральных ведомствах, которое осталось прежним и при назначении его главой Монетной канцелярии. "И оным за неимением у себя деревень и других доходов, также и за дороговизною всего здесь в Санкт-Петербурге, в содержании себя с женою и с шестью малолетними детьми и протчими домашними исправляюся с крайней невозможностию и пришел и совершенную скудость", – писал Шлаттер. Сенат пошел ему навстречу и установил новое жалование в размере 2400 руб. в год.

Была удовлетворена и просьба Шлаттера об определении к нему "для обучения монетному и рудному делу" двух его старших сыновей – Андрея и Ивана. После двухлетней учебы (май 1755 – май 1757 г.) они были переведены с военной службы на гражданскую и определены в Монетную канцелярию²⁷.

Осенью 1737 г. работы по восстановлению Петербургского монетного двора шли полным ходом. 25 декабря в Петербург из Москвы прибыла первая группа мастеровых людей и монетчиков (52 человека). В начале января 1738 г. была отправлена вторая группа (29 человек), а также разное оборудование. Остальных людей Монетная канцелярия в Москве обещала выслать в Петербург вскорости. 9 января Шлаттер заявил, что ремонт Монетного двора в основном закончен и что через неделю сможет приступить к работе плавильня. К этому времени казначей принял от вардейна около 900 пудов серебра и вот-вот должно было поступить еще 300 пудов. Ждали назначения Сенатом казначея, которому предстояло принять всю денежную казну на монетном дворе, а до этого монетного передела не начинали. По мнению Шлаттера, возможности Петербургского монетного двора были велики: если в ближайшее время из Москвы придут все мастера и монетчики, то уже в 1738 г. можно будет переделать до 4 тыс. пудов серебра, из которого выйдет монет более чем на 2,2 млн. руб. Однако дело было за серебром. В середине января на Монетном дворе имелось лигатурного серебра 1200 пудов. Статс-контора располагала 143 пудами ефимков; 700 пудов серебра обязались поставить по контракту английские купцы Шифнер и Вульф (500 пудов), Кейнер и Газенфеллер (200 пудов). Таким образом, в 1738 г. можно было рассчитывать только на полови́ну монетного сырья, которое в состоянии был переделать Петербургский монетный двор²⁸.

Кабинет министров в конце января 1738 г. выражал недовольство главному директору Канцелярии монетного правления М.Г.Головкину тем, что передел серебра затягивается и требовал немедленно приступить к работе. Головкину советовали проявлять осторожность при заключении контрактов на поставку серебра и золота с иностранными купцами, так как из них многие становились банкротами. Рекомендовали вступать в сделку только с надежными купцами, и особенно с такими, которые "наперед денег требовать не будут"²⁹.

Головкин, оправдываясь, ссылался на осеннюю распутицу, из-за которой задержалась отправка из Москвы людей и станов и отмечал, что вторая партия московских мастеров прибыла в Петербург только 17 января, а третья находится еще в пути. Работа на монетном дворе началась с 24 января 1738 г. Было сплавлено 500 пудов серебра, из которого по переделу должно было выйти 316 800 руб.³⁰. Первая партия рублевых монет на сумму 20 тыс. руб. была напечатана к середине февраля. С конца 30-х годов XVIII в. Петербургский монетный двор стал вторым, после

Москвы, центром передела золота и серебра в стране и работа его продолжалась в Троицком бастионе до конца XVIII в.

Однако ремонт монетного двора, произведенный в 1737 г., носил "косметический" характер и не устранил крупных недостатков Трубецкого бастиона, который не был приспособлен к денежному делу. Спустя несколько лет после ремонта 1737 г. стали раздаваться жалобы на аварийное состояние производственных помещений монетного двора и на тесноту. Так, в 1740 г. Канцелярия монетного правления, обращаясь в Сенат с просьбой о строительстве нового монетного двора на Литейной стороне, сообщала, что на Петербургском дворе, расположенном в крепости в Трубецком бастионе "за теснотой и темнотой казарм монетное дело отправляется с великой трудностью и в палатах стены потеют, и от того бывает великий чад, и течь, и сырость"³¹.

Весной 1745 г. та же Канцелярия доносила, что после завершения в апреле передела 1000 пудов серебра начнется ремонт монетного двора, потому что работа на нем ведется "с немалым трудом" и вскоре передел производить будет невозможно. Из этого документа видно в каком аварийном состоянии находился монетный двор. "Многие палаты стали ветхи" и в них, как и в Казенной палате, где хранится золото и серебро, "немалая течь и сырость", мешки, в которых содержатся монеты, гниют, а инструменты ржавеют. У палат, расположенных внутри двора, городовая стена осела и опасно, "чтоб она не обвалилась и не побила работных людей"³². На время ремонта было решено часть мастеровых людей и монетчиков ("чтоб втуне жалованья не получали") и имеющееся серебро отправить в Москву на тамошний монетный двор. После ремонта положение мало изменилось и в течение всей второй половины XVIII в. продолжались жалобы на тесные, сырые и темные казематы крепости³³.

Головкин еще в 1738 г. предложил передать Петербургскому монетному двору также Нарышкинский бастион, который в свое время Петром I предназначался для монетного дела (он был заложен летом 1725 г. уже после смерти царя). В этом бастионе имелось больше помещений ("палат") и они были более просторные, нежели в Троицком бастионе. Головкин полагал, что в Нарышкинском бастионе переделы серебра смогут производить не один, а два минцмейстера, как и на Московском монетном дворе³⁴. Это предложение тогда не встретило поддержки. Монетная канцелярия вновь в 1754 г. поставила вопрос о постройке в Нарышкинском бастионе дополнительных помещений для монетного двора и представила смету расходов, не превышавших 10 тыс. руб. Охарактеризовав крайне бедственное положение монетного двора, расположенного в Троицком бастионе, чтобы воздействовать на Сенат, канцелярия заявила, что если все останется по-прежнему, "то и совсем оное монетное дело остановиться может"³⁵. На сей раз Сенат пошел навстречу Монетной канцелярии и поддержал ее предложение. С расширением своей территории монетный

двор получил возможность установить дополнительное оборудование и привлечь большее количество мастеровых, рабочих людей и монетчиков. С этого времени размеры чеканки золотой и серебряной монеты в Петербурге стали заметно расти.

Однако неблагоприятные условия работы на монетном дворе сохранялись. Так, в июле 1760 г. Монетная канцелярия сообщала в Сенат, в минцмейстерской, инструментальной, токарной палатах "имеется не малая течь, и во всех тех палатах городовые стены насквозь промокли... Она ж худость сводов всегда происходит от плохого состояния крыши, и хотя она время от времени поправляется, однако поскольку она земляная, то и "течь почасту происходит, так что в палатах и работу производить невозможно"³⁶. Поэтому во второй половине XVIII в. не один раз обсуждался вопрос о строительстве нового монетного двора. В конце 50-х – начале 60-х годов Монетная канцелярия предложила построить новый монетный двор на "пространном и безопасном месте" и присмотрела такое место на Петербургской стороне на берегах Большой Невы и Малой Невки, где была расположена усадьба покойного канцлера Головкина. К своему донесению в Сенат канцелярия приложила план и смету, предусматривавшую кроме монетного двора и постройку мельницы, которая позволила бы использовать энергию воды (вместо силы лошадей), что повысило бы производительность труда и удешевило изготовление монет. Общие расходы по смете должны были составить свыше 123 тыс. руб.

Не вполне рассчитывая на поддержку этого плана Сенатом, канцелярия одновременно просила разрешения на постройку в крепости, близ монетного двора, помещения ("палат") для изготовления медалей и хранения медальных штемпелей. Сенат согласился и в 1762 – 1763 гг. палаты были построены, и в них установлены печатные медальные станы, верстаки и шкафы. Расходы составили 6133 руб.³⁷ Насколько можно судить по имеющимся документам, у Екатерины II с самого прихода к власти имелось намерение построить новый монетный двор за пределами Петропавловской крепости. Однако нынешний монетный двор был сооружен только в конце XVIII – начале XIX в.³⁸

Рассмотрим производственную деятельность Петербургского монетного двора, т.е. чеканку серебряной и золотой монеты (табл. 13).

Как показывают данные табл. 13, в отличие от Московского монетного двора Петербургский после возобновления в 1738 г. его работы более полутора десятка лет (1738 – 1754) чеканил только крупную серебряную монету – рубли и полтины. И лишь с 1755 г. на нем стали выделять также мелкую серебряную монету – пятаки. Подавляющая часть продукции двора состояла из монет рублевого достоинства. В 1738 – 1761 гг. их было начеканено на 17 772 тыс. руб., что составляло 92,7% общей суммы передела, полтин – на 881 тыс. руб. (4,6%) и пятак на 506 тыс. руб. (2,7%).

**Чеканка серебряной монеты
на Петербургском монетном дворе в 1738 – 1761 гг.*
(в рублях)**

Год	Рубль	Полтина	Пять копеек	Всего
1738	1 398 242	58 740	–	1 456 712
1739	681 715	80 883	–	762 598
1740	356 150	15 823		371 973
1741	765 119	–	–	765 119
1742	1 132 906	38 408	–	1 171 314
1743	934 738	32 397	–	967 135
1744	508 740	19 950	–	528 690
1745	427 107	8 675	–	435 782
1746	781 012	27 500	–	808 512
1747	803 000	31 681	–	834 681
1748	634 155	16 694	–	650 849
1749	1 106 306	33 712	–	1 140 018
1750	610 644	14 557		625 201
1751	835 157	19 623		854 780
1752	967 558	53 031		1 020 589
1753	605 137	20 645		625 782
1754	1 947 076	77 140		2 024 216
1755	1 836 375	75 000	27 000	1 938 375
1756	1 943 560	88 000	45 250	2 076 810
1757	535 898	48 155	174 955	759 008
1758	600 190	30 600	178 850	809 640
1759	600 782	44 350	44 090	689 222
1760	279 000	23 000	21 000	323 000
1761	391 400	22 500	15 000	428 900

* Монеты Анны. С. 215. Монеты Елизаветы. С. 274.

В 40-е годы XVIII в. Петербургский двор вышел на первое место по переделу серебра. Сумма его чеканки за это десятилетие составила 7,67 млн. руб., т.е. превышала чеканку Московского двора на 1,47 млн. руб. (21,3%). В 50-е годы эта тенденция сохранилась, но разница между суммой передела Петербургского и Московского монетных дворов увеличилась: чеканка первого (11,4 млн. руб.) была на 4,1 млн. руб. больше, чем второго (7,3 млн. руб.).

К середине 50-х годов, несмотря на чеканку серебряных четвертаков, гривенников и медных денег, в правительственные учреждения со всех концов страны стали поступать жалобы на крайний недостаток мелкой разменной монеты. По официальным данным к этому времени было начеканено мелких серебряных монет на 32 475,4 тыс. руб. (в том числе копеек на 30,7 млн., гривенников на 959,8 тыс., четвертаков на 815,6 тыс. руб.), медных (пятаков, копеек, денежек и полушек) на 9,2 млн. руб., всего на 41,7 млн. руб. (кроме гривенников, алтын и круглых копеек петровского времени, о которых нет сведений, сколько их было сделано). Из этой суммы из обращения выбыло по разным причинам (отменено, запрещено к хождению, уменьшена нарицательная стоимость медных пятак образца 1723 г.) монет на 32,4 млн. руб. В результате в обращении осталось мелких денег на 9,3 млн. Такого количества разменной монеты, учитывая обширную территорию России, было недостаточно, что создавало сложности и трудности в размене крупной монеты. К тому же медная монета, которая находилась в обращении, была тяжелой и перевозка ее на значительные расстояния обходилась дорого.

В мае 1755 г. Сенат принял решение о значительном увеличении в обращении разменной серебряной монеты, а именно: пятак, гривенник и четвертаков по 5 млн. руб., а всего на 15 млн.³⁹

На Петербургском монетном дворе предполагалось чеканить пятаки из серебра 77-й пробы, по весу вдвое меньше гривенников. В 1756 г. монета стала выпускаться меньшего диаметра, что сделало ее толще и прочнее⁴⁰. Указ предусматривал ежегодный выпуск пятак в значительных размерах. Предполагалось, что половина серебра, переделываемого на Петербургском дворе, пойдет на чеканку этого номинала. Однако все получилось совсем не так, как намечалось. В 1755 – 1756 гг. чеканка составила небольшую сумму – всего 72 тыс. руб. В последующие два года (1757 – 1758) она выросла в пять раз, но с 1759 г. пошла круто вниз. Как сказано выше, в 1762 г. передел всей мелкой серебряной монеты был приостановлен, а в декабре следующего года их чеканка и вовсе была прекращена⁴¹.

Кроме серебра, на Петербургском дворе с 1755 г. чеканили и золотую монету, причем почти исключительно крупного достоинства (табл. 14).

Итак, за пять лет было сделано импералов и полуимпералов на 573,6 тыс. руб., что превышало московскую чеканку 10- и 5-рублевых золотых монет почти на 200 тыс. руб. В целом и в Петербурге, и в Москве чеканка золотой монеты была невелика и составляла, в частности, на столичном монетном дворе в среднем 175 тыс. руб. в год.

Таблица 14

**Чеканка золотой монеты
на Петербургском монетном дворе (1755 – 1759 гг.)*
(в рублях)**

Год	ИмперIALы	ПолуимперIALы	ДвухрублевИКИ	Червонцы	Всего
1755	56350	29120	2	–	85472
1756	207500	109275	17424	12000	346199
1757	86040	13400	–	271530	370970
1758	25070	10325	–	–	35395
1759	24780	11770	–	–	36550
Итого	399740	173890	17426	283530	874586

* Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы I и имп. Петра III. СПб., 1896. Т. I. С. 273.

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС.
ШТАТЫ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ**

Московский и Петербургский монетные дворы являлись крупными мануфактурами. Имеется описание всех последовательно осуществляемых операций при производстве монет. Это дает возможность представить процесс работы монетчиков и других работных людей с присутствующим мануфактуре XVIII в. разделением труда на отдельные операции.

Первый этап работы заключался в подготовке металла (серебра, золота) к передаче его монетчикам, т.е. в приведении его в указную пробу. От казначея серебро поступало к минцмейстеру и минцпробиреру и отправлялось в плавильню. При "генеральной" сплавке кроме них присутствовали также член второй экспедиции Монетной канцелярии и вардеин. После того как металл был приведен в указную пробу его выливали в изложницы и получали слитки серебра. Угар серебра при общей сплавке относился на счет казны. Слитки серебра взвешивались и передавались старосте и монетчикам с записью и расписками. От монетчиков слитки серебра поступали к кузнецам дляковки в полосы. Затем металл плащили в ломовой плащильне.

На Московском монетном дворе для приведения в движение ломовой плащильни использовалась энергия воды, на Петербургском такой возможности не было, поэтому прибегали к помощи лошадей. В связи с тем что в 1755 г. изготовление серебряных пятаков на 5 млн. руб. было поручено

чено Петербургскому монетному двору, Монетная канцелярия, опасаясь задержки в их производстве, предложила построить ветряную мельницу в Троицком бастионе, чтобы для плавления металла использовать не только лошадей, но и энергию ветра. Машинному мастеру Клевсу, работавшему в Адмиралтействе, приказали составить план и смету расходов отдельно как на постройку каменной, так и деревянной мельницы⁴². Но этим дело, кажется, и ограничилось. От плана постройки мельницы и использования энергии ветра пришлось отказаться из-за тесноты Троицкого бастиона. Все следующие стадии проката (волочения), обеспечивавшие гладкую поверхность и заданную толщину полос, выполнялись вручную. В источниках отмечается, что и в 60-х годах XVIII в. Петербургский монетный двор действовал "ручной силой и конными махинами". Одна из них дляковки серебра была установлена в 1763 г.⁴³

После волочения полосы отправляли на обрезные станы, где вырезывались кружки. Каждый из них взвешивался старостой и монетчиками, чтобы не был по весу больше или меньше положенного. Затем эти кружки отбеливались "и в отбеле перечищались тряпицами с песком", после чего на гуртильных станах наносился гурт, и, наконец, передавались в печатную палату, где штемпелями печатались изображения на лицевой и оборотной сторонах монет. Гуртильные и печатные станы приводились в движение руками рабочих, а обрезные на одних монетных дворах энергией воды, на других – вручную. Монетные станы отливались из чугуна и меди. При помощи винта, соединенного с воротом, на концы которого для усиления действия одевались тяжелые "груши", осуществлялся нажим верхнего штемпеля на монетный кружок. Подкладка и съем кружков тоже производились вручную. Для этой работы часто использовались дети⁴⁴.

После печатания монеты взвешивались и проверялись минцмейстером и пробирером, "чтобы были запечатаны чисто и не было бы плен" (заусениц). Контрольную проверку и браковку проводил вардейн. Готовые монеты минцмейстером и старостой монетчиков отдавались казначею в счет и в вес, и тот записывал их в приход⁴⁵. Бракованные монеты (не чистой работы или "неуказного" веса), крохи серебра, оставшиеся после вырезки из полос монетных кружков, отдавались казначею, их сплавливали в "особливой" палате, а затем пускали в передел.

В 30-х годах для ускорения изготовления монет, облегчения труда мастеровых людей и сокращения расходов были предприняты попытки усовершенствовать технологию. Эти попытки связаны с именами Тимофея Левкина и Ивана Мокеева, предложивших новые способы литья серебра в полосы. Левкин обладал большим опытом и знаниями. Он начал работать на Московском монетном дворе с 1700 г. пробирным мастером при минцмейстере И.Г.Беере, приглашенным на службу в Россию Петром I. Вместе с Беером он занимался изготовлением золотых монет, затем был минцмейстером и дослужился до чина ассессора Монетной конторы в

Москве; после того как монетное дело в 1720 г. было передано в ведение Берг-коллегии, по поручению ее президента Я.В.Брюса, руководил сплавами серебра и производством монет. По методу Левкина расплавленный металл выливался в песок в полосы такой же толщины, как у монет. Новая технология открывала возможность избежать двойного угара и такой трудоемкой операции, как расковка молотами слитков в полосы требуемой толщины, и сократить размеры "задельных денег" с 8 руб. до 6 руб. 64 коп. за пуд перерабатываемого металла. Мокеев был крупным специалистом монетного дела. Его деятельность на монетных дворах Москвы началась еще при Петре I. Так же, как и Левкин, Мокеев прошел путь от рядового пробирера до ассессора Монетной конторы; выступал с проектами по разным вопросам чеканки медных, серебряных и золотых монет. В январе 1732 г. он обратился в Монетную контору с запиской, в которой писал, что "через многие годы своими трудами изыскал лутчие новые способы" производства монет, которые позволят сократить расходы серебра, освободить людей от излишних работ, ускорить и удешевить чеканку. Мокееву по его просьбе выдали 4 тыс. руб. и 100 пудов меди на изготовление форм.

Для определения чей метод лучше по указанию императрицы была создана комиссия в составе обер-гофмейстера и генерала С.А.Салтыкова, родственника Анны Иоанновны и влиятельного человека при дворе, членов Монетной конторы, двух специалистов и профессора Петербургской Академии наук механика И.Г.Лейтмана, который часто привлекался правительством в качестве эксперта по монетному делу и к подготовке точных весов для взвешивания золота и серебра на монетных дворах. Мокеев сделал для литья серебра медные вертикальные складные изложницы и печь плавильную, "в которой серебро плавится без мехов". В 1733 г. было проведено испытание, каждый из изобретателей получил по 100 пудов серебра. Комиссия признала способ Левкина более экономичным, чем способ Мокеева. У первого расходы (угар и "задельные деньги") при переделе пуда серебра в рублевую монету составили 6 руб. 64 коп., у второго — 8 руб. 27 коп. Способ Левкина получил применение на Московском монетном дворе. Однако вскоре обнаружили его крупные недостатки. В январском указе 1735 г. отмечалось, что "в литье серебра в песок имеется неудобство и многие затруднения, также и серебру немалая трата, и работы излишней много, а в пробах и счетах несходство". От применения этого метода отказались и вернулись к старой практике — литью серебра в изложницы. Между тем Мокеев продолжал работать над усовершенствованием своего метода. В 1739 г. он был вызван в Петербург, где в присутствии комиссии была произведена новая проба на Монетном дворе. В результате испытания формы Мокеева были забракованы ("к монетному делу явились неспособны"). От него потребовали вернуть взятые из казны 4000 руб. и 643 руб. за 100 пудов меди. Правда, в счет этого долга ему зачли 1152 руб., которые он должен был получить в качестве вознаграж-

дения за экономию, достигнутую им в пользу казны в сумме 4610 руб. при переделе медных денег⁴⁶.

Еще одну попытку усовершенствовать процесс разливки серебра принял вардейн Петербургского монетного двора Иван Марков. В феврале 1760 г. он представил сделанную на свои средства "железную изложницу". По этому образцу был изготовлен разливочный стан из 50 изложниц, работа которого, по мнению Маркова, должна была обеспечить выигрыш во времени и принести значительную выгоду при переделе серебра в крупную и мелкую монету. Дважды и в июле, и в августе "в оные складные изложницы" были проведены пробные выливки серебра с участием Маркова и комиссии в составе членов Монетной канцелярии А.Шамшева, И.Шлаттера (сына И.А.Шлаттера), минцпробиреров Иванова и Н.Кутузова и прокурора Головина. По мнению комиссии, польза от нового разливочного стана состояла лишь в том, что "вылитое в доски серебро отдается в передел без кузнечнойковки". Однако качество досок низкое: "вылитые полосы от мусора и угля выходят со скважинами, с дырами и трещинами". Кроме того, серебра в крохах остается немало и времени на установку изложниц, разлив в них серебра, очистку полос тратится больше, чем при старом способе.

В 1761 г. в Москве производился передел низкопробной серебряной монеты, металл для которой плохо поддавался ковке. Московская монетная контора просила прислать Маркова с несколькими новыми разливочными станами для ускорения передела серебра. Один стан на Московский монетный двор привез сам вардейн, два других были изготовлены на Тульских заводах оружейным мастером Антоном Пастуховым и поступили позднее. Все они, по свидетельству начальства монетного двора, "для литья серебра на дело прусских монет "оказались способными". Однако в процессе работы этих изложниц при переделе серебра указной пробы выявились их недостатки: неэффективность, непрочность, частые переделки серебра. Монетная канцелярия не оказала Маркову помощи в доведении своей конструкции до требуемого уровня⁴⁷. Его идея использования разливочного стана с вертикальными изложницами была реализована значительно позднее.

Тем не менее в 60-х годах процесс литья серебра в полосы требуемой толщины был усовершенствован благодаря применению плоскодонных изложниц. В результате расходы на расковку серебра значительно сократились. Так, по данным Петербургского монетного департамента, с начала изобретения этого способа и до июля 1766 г. в новые изложницы было вылито 6305,5 пуда серебра. За расковку его кузнецам заплатили в 3,5 раза меньше (вместо 3,5 тыс. всего 978 руб.), чем при литье серебра в старые изложницы. Определенных успехов удалось достигнуть и в таком процессе, как расковка серебра до проката; с начала 80-х годов она велась не ручными молотами, как ранее, а большими молотами, приводи-

мыми в движение "конной машиной". Вардейн Петербургского монетного двора Федор Лесников, наблюдавший за ее работой, сообщал в феврале 1781 г.: "Ковка сего машинного серебра против ручной, хотя немногим обойтись может дешевле, но кованные ею полосы выходят ровнее и не столь много с краев сседаются, почему выходит из них исправных монетных кружков без трещин более" и брака "и крох к вторичным переплавкам остается менее"⁴⁸. Таким образом, применение "конной машины" позволило повысить качество, добиться экономии металла и несколько сократить расходы.

Переделом серебра и золота на Московском и Петербургском монетных дворах было занято до ста и более мастеровых людей и монетчиков. Сохранились штаты монетных дворов за ряд лет (1727, 1740, 1763)⁴⁹, которые содержат сведения о численности мастеровых людей и монетчиков, о размерах окладов и "задельных денег", об административно-техническом персонале. Штаты 1763 г. действовали до конца XVIII столетия. К административному и высшему техническому персоналу принадлежали казначеи, комиссары, минцмейстеры, вардейны, медальер, пробовальные мастера, минцпробиреры. По штату на монетных дворах предусматривалось: два казначея (годовой оклад 200 руб.), комиссар (150 руб.), обервардейн (600 руб.), вардейн (100 руб.), медальер (450 руб.), пробирный мастер (60 руб.). Но от штатного расписания и на Московском, и на Петербургском монетных дворах имелись отступления, как в отношении численности, так и денежного оклада, в зависимости от знаний, опыта, выслуги.

На каждом столичном монетном дворе действовали два казначея: один ведал приемом золота и серебра, другой – приходом и расходом денег. Вместе с минцмейстером они "надзирали" также за тем, чтобы сделанные монеты были указного веса и пробы. В 1740 г. на Московском денежном дворе два казначея получали по 250 руб. каждый, а на Петербургском дворе – Антип Марков и Михаил Кологривов по 156 руб. в год.

Оклады московских и петербургских минцмейстеров в том же году отличались немногим. Так, в Москве жалованье Анисима Кузьмина составляло 165 руб., а в Петербурге жалованье Андрея Зайцева и Корнилия Буслаева – 156 руб. в год каждого. Но третий минцмейстер в столице получал меньше – всего 100 руб. В связи с тем, что в 60-х годах Петербургский монетный двор выдвинулся на первое место в чеканке золотых и серебряных монет, численность занятых на нем людей увеличилась. Вырос объем работы административно-технического персонала и повысились его годовые оклады. Все эти изменения нашли отражение в штате 1763 г. Так, по этому штату на столичном монетном дворе имелось два минцмейстера, но оклады их по сравнению с 1740 г. возросли в два раза (300 руб. в год). В Москве медальеру Ивану Левкину (сыну Тимофея Левкина) платили 500, а вардейну Гавриле Шагину – 400 руб. Это были самые крупные оклады в 1740 г. на монетном дворе. Обычно у медальера, вардейна и пробирных

мастеров было по несколько учеников, размеры годового жалования их колебались в 1740 г. от 36 – 50 до 72 руб. В 1763 г. в Петербурге было три медальера: одному (иностранцу) платили 1000 руб. в год, двум другим – по 400 руб.

Низший административный персонал – канцеляристы, копиисты, счетчики, – находившийся в ведении казначеев, был невелик (до 10 человек у каждого казначея). Жалование их колебалось от 50 до 100 руб.

Кроме административно-технического персонала, постоянный штат монетных дворов состоял также из кузнецов, токарей, слесарей, резчиков, "инструментальных" или "машинных дел мастеров", столярного мастера и др. Все они изготавливали штемпели, обеспечивали ремонт разного оборудования (плащильных, разрезных, гуртильных, печатных и других станков) и различных инструментов. Размеры жалования мастеровых людей колебались от 120 – 100 до 45 руб., а их учеников от 48 до 15 руб. в год⁵⁰. Этого жалования мастеровым людям и резчикам штемпелей не хватало, они неоднократно жаловались на тяжелую жизнь, недостаток средств и просили повысить им оклад, учитывая трудные условия работы на монетных дворах, особенно на Петербургском. Справедливость их требований признавал глава монетного ведомства Головкин. До 1734 г. на выплату жалования этой группе людей вычиталось из "задельных денег" монетчиков 853 руб. 60 коп. Головкин в 1733 г. распорядился довести эту сумму до 1000 руб. Спустя три года он считал, что ее надо увеличить в два раза с 1000 до 2000 руб., "дабы каждый к своему делу имел тщательное радение и охоту". Отмечая рост мастерства этих людей, Головкин писал в 1736 г. в Кабинет министров, что, например, резного штемпельного дела подмастерье Лукьян Дмитриев показал свое искусство в резьбе штемпелей для портрета императрицы, медалей и рублевой серебряной монеты и заслуживает награждения. То же можно сказать и о кузнеце Борисе Константинове, который "в делании штемпелей явился исправен же, а жалование получает малое, которым и содержать себя едва может"⁵¹. Кабинет министров согласился с предложением Головкина о выделении ежегодно до 2000 руб. на выплату жалования "художникам и мастеровым людям"⁵². В 1763 г. оклады этой группы мастеровых людей несколько повысились, особенно на Петербургском монетном дворе.

Основную массу мастеровых людей, занятых непосредственно изготовлением монет, составляли так называемые монетчики. Они объединялись в артели во главе со старостой и были связаны круговой порукой. Артель отвечала за весь производственный цикл, от получения металла до сдачи готовой продукции казначею.

Какова была численность монетчиков? До начала 1720-х годов на московских монетных дворах было 173 монетчика. Во время первой ревизии в Московскую губернскую канцелярию для включения в подушный оклад было отослано 113 человек. Монетное ведомство полагало, что с

оставшимися 60-ю монетчиками можно будет управиться с переделом. К тому же на участие в производстве монет претендовало несколько групп монетчиков, и подряд на передел монет заключался с той группой, которая бралась чеканить монеты на более выгодных для казны условиях. Однако спустя несколько лет в связи с увеличением передела серебра оказалось, что 60 монетчиков явно недостаточно и Головкин просил вернуть на Монетный двор отосланных ранее 113 монетчиков. Те же монетчики и плавильщики, которые будут присланы сверх этого числа, если они окажутся негодными к монетному делу или "явятся подозрительны", тех включить в подушный оклад. Сенатским указом от 31 мая 1734 г. 130 монетчиков были возвращены на Московский двор⁵³.

На Петербургском дворе в 1739 г. работало 40 монетчиков, присланных из Москвы. Однако монетчики и в Москве, и в Петербурге не обходились только своими силами и привлекали к работе наемных людей. На Петербургском дворе, например, в 1739 г. кроме 40 монетчиков, еженедельно во время передела монет использовался труд 55 и более наемных работных людей. Но такого количества людей с паспортами, как предписывалось законом, найти в Петербурге было нелегко, хотя их и "сыскивали" в самых людных местах, например, на рынках, площадях. Монетная канцелярия просила у Сената разрешения брать людей на работу без паспортов, а если "таких не имеющих пашпортов не нанимать, то в переделе может быть немалая остановка", потому что одни монетчики без помощи наемных людей с переделом не управятся⁵⁴.

Сенат отказался дать такое разрешение и потребовал, чтобы работников к монетному переделу принимали на год или полгода и не только с паспортами, но и с поручительством, так как без этого можно опасаться от них кражи.

Рассмотрим штат монетного двора, выпускавшего медные монеты, на примере Сестрорецкого двора, занятого переделом медных пятикопеечников из старых, негодных артиллерийских орудий и штыковой меди. Сестрорецкий монетный двор по штату 1763 г. возглавлял капитан Матвей Зубов с годовым окладом в 247 руб. Кроме того, выделялось 20 – 30 руб. для поощрения "в разсуждении всегдашнего днем и ночью труда". Казначеем тоже был капитан с таким же окладом. Он ведал "приходом и расходом меди и денежной казны, а также материалов и инструментов". Бухгалтер двора Нефед Бочарников и минцмейстер Назар Кутузов получали по 200 руб. в год. При них были канцелярист (оклад 80 – 100 руб.), три копииста (по 40 – 50 руб.), писарь (30 руб.), два счетчика (по 40 руб.). На дворе имелся надсмотрщик, наблюдавший за всеми работами с окладом 60 руб. в год. По штату 1763 г. постоянное годовое жалованье получали: мастер по ремонту всех машин и инструментов (80 руб.), при нем ученик (40 руб.), 4 слесаря (по 40 руб.), 4 кузнеца (по 36 руб.) и плотник (36 руб.). Молотобойцы (4 человека) казенного жалованья не получали, оплату труда

производили им монетчики из "задельных денег". Резчиков штемпелей Сестрорецкий двор не имел, потому что контрпунсоны и штемпели для него изготовлялись на Петербургском монетном дворе.

На монетном дворе имелось несколько "фабрик". На гармахерской занимались перелисткой артиллерийской меди, сплавкой обрезков, крох и окалины. Здесь были заняты мастер с окладом 200 руб., два гармахера по 50 руб. в год и 16 работников, получавших "задельную плату" по 5 коп. с пуда меди. В 1754 г. на Сестрорецком монетном дворе гармахерам платили по 100 руб. в год, потому что "в то время меди было довольно число и они во всей здешней работе денно и ночью находились. А как ныне меди не так много, то и работы у них будет меньше". Впрочем при увеличении объема работы можно будет им оклад прибавить, отмечалось в штатном расписании.

Расковка меди в полосы велась на "молотовой фабрике", где работали молотовые мастера, подмастерья и работники – всего 36 человек. Им также платили по 5 коп. с пуда обработанного металла. Плавление меди и обрез кружков осуществлялся на "фабриках" под тем же названием. Здесь трудились 32 чел. – 2 монетчика и 30 малолетних, которые были детьми мастеровых и работных людей Сестрорецкого оружейного завода. Они получали по $7\frac{3}{4}$ коп. с пуда, с вычетом за свечи, уголь и смазку. Большую группу мастеровых составляли монетчики, которых вместе с работными людьми было 54 человека. Им так же, как и петербургским монетчикам, платили "задельные деньги" в размере 20,5 коп. с пуда готовых монет⁵⁵.

Кадры мастеровых людей и монетчиков пополнялись главным образом за счет горожан – ремесленников, мелких торговцев, бедных купцов, не занимавшихся торговлей вследствие отсутствия капитала. Причем после принятия их на монетный двор они продолжали вносить подушную подать в те посадские общины, откуда вышли. Дети мастеровых и монетчиков по своему желанию обычно продолжали дело отцов. Сначала они были учениками, а затем монетчиками, или "по способности употреблялись в прочие по монетному двору мастерства или художества".

В качестве примера приведем данные, относящиеся к Московскому монетному двору. В начале 60-х годов Монетная канцелярия обратилась в Сенат с просьбой о разрешении определить на этот двор 28 человек с детьми мужского пола из московских купцов третьей гильдии, не имевших торговых промыслов. Из числа этих людей намерены были пополнять ряды монетчиков и мастеровых людей. Предполагалось, что подушную подать за них будет платить монетный двор, а затем вычитать из жалования или "задельных денег". Во время же новой переписи планировалось их из подушного оклада выключить вместе с детьми "и быть им так, как и прочим монетчикам и мастеровым людям без платежа подушного оклада".

Сенат, не желая, чтобы казна теряла плательщиков, определил этих купцов и других желающих на монетный двор "нанимать добровольной ценой, как и доселе было, не выключая из подушного оклада". Московской же монетной конторе впредь рекомендовал ориентироваться на детей солдат и мастеровых людей ("кои б только в подушный оклад положены не были") и обучать их монетному делу с таким расчетом, чтобы они и их дети навсегда могли остаться на монетном дворе. Одновременно Военной коллегии было дано указание не препятствовать присылке на монетный двор солдатских детей.

Высший технический персонал монетных дворов состоял чаще всего из людей, вышедших из семей монетчиков и мастеровых. В результате длительной службы, длившейся иногда десятилетиями, они выбивались в "начальство" и получали соответствующие чины по Табели о рангах. Так, Яков Иванов, назначенный в 1761 г. минцмейстером Петербургского двора, начал службу в 1740 г. и был сыном слесарного мастера. Из "монетчиковых детей" вышел Иван Тверской. Летом 1750 г. его приняли пробирным учеником на Петербургский монетный двор, в 1762 г. перевели в пробирные мастера, в 1767 г. отправили на Колывано-Воскресенские заводы "к делу сибирской монеты", где он находился почти два года, в 1772 г. назначили минцпробирером на Московский монетный двор и исполняющим обязанности минцмейстера с окладом 150 руб. в год, как положено по штату. Через 6 лет его утвердили в этой должности "за долговременную и беспорочную службу и за понесенные им в дальней на Колывано-Воскресенские заводы посылке труды" с предусмотренным по Табели о рангах 1722 г. чином поручика, что давало право на потомственное дворянство.

Среди минцмейстеров и вардейнов дворяне встречались очень редко. Так, в 60 – 70-е годы вардейном Петербургского монетного двора был дворянин Назар Кутузов. Он начал службу в Сенате в 1751 г. титулярным юнкером, а в следующем году, по предложению генерал-прокурора Сената Н.Ю.Трубецкого, был переведен в Монетную канцелярию, где и стал обучаться монетному искусству. Карьера его развивалась успешно. В 1755 г. он получил чин прапорщика. Через два года "за понятие в монетном деле" утвержден минцпробирером, а в 1761 г. – минцмейстером. После Ухода в отставку вардейна Маркова в августе 1762 г. Кутузов был определен на его место. Ему было отдано предпочтение перед Ивановым, стаж работы которого на Петербургском монетном дворе был большим, но он не являлся дворянином. По мере продвижения по службе Кутузов последовательно получал чины в соответствии с Табелью о рангах 1722 г. При назначении вардейном он был пожалован капитан-поручиком, в то время как Иванов обер-офицерского чина не имел⁵⁶.

Приведенный пример, а он типичен, показывает, что хотя представители социальных низов по мере своих способностей, опыта, знаний и усердия продвигались по служебной лестнице, но дворяне всегда имели преиму-

щество. Такова была социальная политика самодержавно-дворянского государства. В то же время надо отметить, что все лица, занимавшие технические должности на монетном дворе, не исключая и дворян, проходили все ступени, т.е. начинали от учеников или пробирных мастеров. Это требование строго соблюдалось, что обеспечивало необходимый профессиональный уровень технического персонала монетных дворов.

Большое значение для подготовки специалистов имела школа, созданная при Петербургском монетном дворе Шлаттером. В этой школе, открытой в 1746 г., ученики (дети монетчиков, мастеровых людей и дворян) получали первоначальные теоретические и практические знания и навыки.

"ЗАДЕЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ"

Монетчикам за изготовление монет платили "задельные деньги". Задельная система оплаты труда, распространенная на монетных дворах России в XVIII в., имеет мало общего со сдельной оплатой труда, особенно в современном понимании этого термина. Суть ее заключалась в том, что монетный двор предоставлял монетчикам производственные помещения с оборудованием, уголь на первую плавку и определенную сумму денег на пуд металла, предназначенного к монетному переделу. Монетчики все производственные расходы покрывали из "задельных денег". "Задельные деньги" выдавались не старосте монетчиков, а минцмейстеру монетного двора, который расходовал их на разные припасы: уголь, дрова, свинец, квасцы и прочие материалы, на наем рабочих людей и лошадей к плащению (прокату) серебра. Из той же суммы "задельных денег" оплачивался угар серебра, который случался при переделе⁵⁷. В итоге монетчикам доставалась меньшая часть "задельных денег", а большая шла на покрытие разного рода расходов.

В 1722 г. по решению Конторы монетного правления за передел рублевой, полтинной и гривенной монеты давались "задельные деньги" в сумме 7 руб. 99 коп. за пуд серебра. Согласно этому решению передел монет производился до 1733 г. литьем серебра в изложницы, ковкой слитков в полосы, плащением в ломовой и ручной плащильнях, а установленная сумма "задельных денег" сохранялась. В 1734 г., чтобы избежатьковки серебра в полосы, перешли к новому методу литья серебра в песок, предложенному Т.Левкиным. Расходы при этом сокращались, и сумма "задельных денег" была уменьшена до 6 руб. 64 коп. с пуда серебра.

Однако этот метод оказался неэффективным; от него вскоре отказались и вернулись к прежней практике литья серебра в изложницы, которые решено было делать более плоскими, "чтобы не толсто выплавливали и в работе кузнечной поспешнее было". Но в январском именном указе 1735 г., отменявшим нововведение Левкина, ничего не было сказано о "задельных деньгах" и монетчикам в Москве по-прежнему платили по

6 руб. 64 коп. с передела пуда серебра в рублевые монеты. Низкая оплата труда вызвала недовольство монетчиков. В 1737 г. они подали прошение, которое подписали 86 человек. В нем они жаловались на то, что "от тех малых цен пришли в немалое оскудение и долги, и против де песочного литья по той цене литьем в изложницы в пропитании и содержании себя довольно быть не могут". Монетки выдвинули довольно скромное требование, а именно: платить кузнецам 60 коп. за ковку отдельно, не вычитая эту плату из "задельных денег".

Монетная канцелярия пошла навстречу монетчикам: "задельные деньги" за передел рублевой монеты были несколько увеличены, а главное, стали придерживаться дифференцированного подхода. Так, чеканка мелкой серебряной монеты, требовавшая большей затраты труда и дававшая больший угар серебра, оплачивалась выше, чем крупной⁵⁸. На Московском монетном дворе в 1741 г. были установлены следующие размеры задельных денег (с угаром и прочими расходами) за передел серебра: в рубли по 6 руб. 64 коп., полтины – 8 руб., полуполтины (25 коп.) – 10 руб., гривенники по 12 руб. с пуда сделанных монет. Московская монетная контора отмечала, что 25-копеечным монетам особых переделов не было, а переделывалось совсем немного "общее с рублевою и полтинною монетою". Что касается гривенной монеты, то изготовление ее обходилось казне "не ровно": и по 14 руб. 21 3/4 коп. за пуд готовых монет, и по 13 руб. 88 3/4 коп.⁵⁹ Для Петербургского монетного двора размеры "задельных денег" были определены в 1741 г. по 8 руб. за пуд, в 1744 г.: за передел рублевых и полтинных монет 8 руб. 50 коп., четвертаков – 12 руб., гривенников – 16 руб., пятаков – 18 руб. 50 коп. Установление более высоких размеров "задельных денег" объяснялось "дороговизной" жизни в столице по сравнению с Москвой⁶⁰.

Если расходы на передел серебра у монетчиков были выше установленных размеров "задельных денег", то казна у них вычитала эту сумму. Так, московские монетки должны были казне за перерасход при переделе рублевой монеты "и за прочее" 2418 руб. 50 коп. Эта сумма числилась за ними в доимке. Если эти расходы были меньше, то им недостающая сумма доплачивалась. Например, тем же московским монетчикам за 4 года (1733 – 1736) было недодано "задельных денег" 3613 руб. 51 коп., а петербургским за 1742 – 1743 гг. за передел рублевой же монеты – 738 руб. 63 коп.

Из "задельных же денег" вычиталась и определенная сумма на выплату годового жалованья "художникам и мастерам", т.е. медальеру, "инструментальным мастерам", резчикам штемпелей и их ученикам. Правда, эта сумма взималась условно, в качестве своеобразного резерва, который можно было бы использовать для покрытия перерасхода, если таковой будет допущен монетчиками при переделе. В 1737 – 1741 гг. из "задельных денег" у московских монетчиков было вычтено на эту цель 1259 руб. 25 коп.

Сенат в июне 1744 г. по донесению Монетной канцелярии принял решение о выдаче московским и петербургским монетчикам недоданной им казной суммы и о взыскании с них доимки⁶¹.

В качестве аванса монетчикам выдавалась часть "задельных денег": на покупку материалов, на выдачу мастерам и работным людям и на прочие расходы. Величина аванса зависела от размеров "задельных денег", чем больше была сумма последних, тем больше был и аванс. Так, на передел рублевой монеты выдавалось по 2 руб. 10 коп., а гривенной – по 1 руб. 10 коп.

Чтобы не нести убытки, связанные с увеличением "задельных денег" при чеканке мелкой серебряной монеты, ее делали обычно немного легче. Так, из фунта лигатурного серебра рублевой и полтинной монеты получалось по 15 руб. 84 коп., а гривенной – на 16 руб. 94 коп. Следовательно, 10 гривенников весили меньше рублевой монеты. Проба серебра в монетах при этом сохранялась, т.е. была одинаковой для всех номиналов⁶². Но в отдельные периоды разменная серебряная монета чеканилась по пробе, которая была ниже, чем у крупной. Например, с июня 1744 по март 1745 г. все сделанные гривенники на 200 тыс. руб. были 72-й пробы. С 1755 г. по предложению Монетной канцелярии и 25-копеечную монету стали чеканить по 16 руб. 94 коп. из фунта лигатурного серебра⁶³.

В связи с тем что на Петербургском монетном дворе в первой половине XVIII в. случались простои, иногда длительные, из-за "умаления серебра" и по другим причинам монетным ведомством с разрешения Сената была введена особая форма оплаты труда монетчиков, так называемые кормовые деньги. Впервые они были введены, вероятно в 1726 г., когда монетный двор не работал несколько месяцев. Чтобы "мастеровых и работных людей не допустить до крайней нужды", им почти пять месяцев платили по 10 копеек "кормовых" в день.

В начале 1738 г. у части монетчиков, переведенных из Москвы в Петербург, не оказалось работы и начальство Монетного двора выдало им кормовые деньги по 50 коп. на неделю, т.е. по 3 коп. в день меньше, чем в 1726 г. Из-за отсутствия работы на Петербургском дворе 23 монетчика было решено вернуть в Москву, "понеже де всякой там имеет промысел и способнее жить могут, нежели здесь". Этот приказ поставил москвичей-монетчиков в отчаянное положение, о чем они и рассказали в своем прошении. "В Москве свободного им прокормления иметь не отчего, а все свое иждевение, поехав в С.-Петербург, распродали, а торгов и промыслов никаких не имеют, а здесь, будучи при монетном деле, получали кормовые деньги и пришли в совершенную скудость и одолжали немалыми долгами, которых заплатить и в Москву съехать чем не имеют". Они просили выдать заработанные "задельные деньги", которые им не заплатили вовремя, чтобы расплатиться с долгами и собраться в дорогу⁶⁴.

Для петербургских монетчиков в 1739 г. установили ту сумму кормо-

вых денег, которые им платили в 1726 г., а именно: 3 рубля в месяц мастеровым и 4 рубля старостам, ученикам, "смотря при какой работе находятся и чему обучаются". Кормовые деньги существовали сравнительно недолго. В 1741 г. после увеличения "задельных денег" с 8 руб. до 8 руб. 50 коп. с пуда готовых монет кормовые деньги были отменены. "Монетчикам как за прогульные дни, також и за то время, которое от передела в передел происходит, кормовых денег не давать", – говорилось в указе⁶⁵. В Москве во время простоя (из-за отсутствия работы) монетчикам, очевидно, ничего не платили, "понеже, – как объясняла Монетная канцелярия, – там харч и прочее против здешнего (т.е. Петербурга. – А.Ю.) дешевле"⁶⁶.

Летом 1746 г. Монетная канцелярия решила увеличить на Московском дворе "задельные деньги", "дабы монетчики, будучи при тех переделах, не имея себе и домашним своим пропитания, не могли впасть в погрешение", а именно: за 25 копеечные монеты платить 12 руб. вместо 10, за гривенники 15 руб. вместо 12, а за рублевые, как и прежде, по 6 руб. 64 коп. с пуда лугатурного серебра. Сенат согласился с мнением Канцелярии⁶⁷. Это решение не удовлетворило монетчиков в части оплаты за передел рублевой монеты, которую они считали низкой и убыточной для себя, не возмещавшей их расходы и затраченный труд. В том же году они обратились в Московскую монетную канцелярию с просьбой об удовлетворении их требования, выдвинутого еще в 1737 г. об уплате кузнецам по 60 коп. за ковку серебра сверх "задельных денег". Монетчики заявили, что отказываются от передела рублевых монет по существующим расценкам, от которых у них образовались долги казне в размере 2510 руб. 31 коп., и просили доплатить по 60 коп. с 7484 пудов переделанного ими серебра, всего 4490 руб. 40 коп.

Монетная канцелярия поддержала просьбу мастеровых людей, так как разделяла их мнение о низких расценках за чеканку рублевой монеты. Отмечая, что они пришли "в крайнее недостаточество и бедность" и поэтому за ними числятся большие долги казне, Канцелярия высказала опасение как бы они еще более не впали "в нищету" и не стали бы заниматься хищениями, что "по обращению в их руках немалого капитала легко произойти может". Имеющуюся на них "доимку" без увеличения "задельных денег" взыскать будет невозможно. Если ее взыскивать без прибавки, то на основании законов всех монетчиков придется послать на галерную работу и тогда передела монет производить будет некому, отчего монетному делу "последует совершенная остановка".

Обосновывая свое решение, Канцелярия подчеркивала, что существующие с 1734 г. расценки были установлены, когда происходило литье полос в песок, безковки, а с 1735 г. "монетное дело производится ковкою", между тем размеры "задельных денег" остались прежними. Однако доплату предлагалось производить начиная с 1746 г., когда от монетчиков поступило прошение.

Сенат 21 февраля 1755 г., рассмотрев донесение Канцелярии от 12 декабря 1754 г., решил: платить монетчикам дополнительно 60 коп. за передел серебра в рублевую монету, но не с 1746, а с 1755 г., и долги с них взыскать⁶⁸.

Таким образом, в главном требования монетчиков были удовлетворены, но несмотря на их бедственное положение, правительство, не желая нести излишние расходы, ужесточило сроки начала дополнительной оплаты и вдобавок обязало мастеровых людей выплатить казне доимку.

Рассмотрим оплату труда монетчиков за изготовление золотых монет, а также медалей (золотых и серебряных).

В Москве за дело червонных до 1709 г. давали по 2 коп., в следующие 12 лет (1709 – 1720 гг.) на копейку больше, в 1721 – 1730 гг. – на 0,5 копейки меньше. Из этой суммы часть денег шла на покрытие угара и других расходов и меньшая часть – непосредственно мастеровым. Что касается медалей, то 11 мая 1725 г. Берг-коллегия, "приговорила" платить за дело медалей без колец так же, как и за дело золотых и серебряных монет: за золотые по 2,5 коп. за монету, серебряные – по 8 руб. с пуда. Из этой суммы одна часть шла на покрытие угара и других расходов, а другая – мастеровым. Это решение не удовлетворило монетчиков. Они просили повысить размер "зачетных денег", заявив, что изготовление медалей требует затраты большего труда, чем монет. Минцмейстер поддержал монетчиков, отметив, что в этом случае "утрата или угар дороже, понеже серебро в медалях чище". Он предложил за медали без колец платить: за золотые по 3 1/4 коп., а за серебряные – по 12 руб. с пуда, а с кольцами – соответственно 5 коп. и 16 руб. с пуда, т.е. вдвое больше, чем ранее. Берг-коллегия согласилась с этим мнением. Хотя решения Берг-коллегии не были утверждены Сенатом, но Монетная канцелярия в основном придерживалась расценок, установленных коллегией, правда, иногда монетчикам платили больше, иногда меньше.

Экономическое положение монетчиков вообще и в частности, занятых изготовлением золотых, медалей и жетонов, заметно ухудшалось, когда по разным причинам они, не имея работы, простаивали. Петербургского монетного двора золотых и медальных дел староста Иван Барабанов с товарищами, обращая внимание Монетной канцелярии на это, просили установить размеры "зачетных денег" при изготовлении червонных, медалей и жетонов, как в Петербурге, так и в Москве "по примеру серебряных денег с угаром и с материалы их"; кроме того, во время простоев не по их вине платить им кормовые деньги (как это принято в Петербурге, когда нет работы при серебряных переделах), "чтоб им от чего иметь было пропитание". В случае отказа они просили определить им годовое жалование.

Монетная канцелярия в общем пошла навстречу монетчикам и в апреле 1753 г. определила: мастерам при продувке золота, сплавах золота и

серебра для приведения в указную пробу платить в месяц в Петербурге 4 руб., а в Москве – 3 руб. Она установила следующие размеры “зачальных денег” за будущими при тех переделах угарами и расходами: за каждый червонный (считая и в медалях, и в жетонах) в Петербурге – по 3 коп., в Москве – по 2,5 коп., за серебряные медали с кольцами с пуда в Петербурге – по 9 руб., в Москве – по 8 руб., а без колец, как и за рублевые переделы монет в Москве (6 руб. 64 коп.), в Петербурге (8 руб. 50 коп.); за жетоны в столице – 14 руб., в Москве – 12 руб. Сенат согласился с мнением Монетной канцелярии⁶⁹.

В марте 1759 г. Московская монетная контора определила размеры “зачальных денег” за чеканку двух- и однорублевых золотых монет: за первые 2,5 коп. за золотой или 3 руб. 15 коп. с фунта, а за вторые – по 4 руб. 50 коп. с фунта, “чтоб монетчики оными зачальными деньгами были довольны”. Но это определение было поддержано Монетной канцелярией лишь в отношении двухрублевых золотых монет, а за рублевые было решено платить по 4 руб. за фунт. Аргументом служил традиционно повторяющийся во всех указах тезис о том, что в Москве как припасы, так и наемные работные люди дешевле, чем в Петербурге⁷⁰.

До сих пор рассматривался вопрос о “зачальных деньгах” за передел серебра и золота в монеты и медали. Обнаруженное нами в делах Сената прошение петербургских монетчиков дает возможность представить размеры “зачальных денег” при изготовлении медной монеты и перепечатке из 16- в 32-рублевый вес и наоборот. Оно же показывает, на что и как расходовались “зачальные деньги”, т.е. позволяет более четко определить особенности так называемой зачальной оплаты.

В феврале 1764 г. старосты монетного двора Санкт-Петербургской экспедиции передела медных денег Д.Д.Данилов и С.И.Большаков “с товарищи” (14 человек) обратились с челобитной к Екатерине II. Они сообщали, что заняты переделом меди в грошевики и пятаки по 16 руб. из пуда и перепечаткой медной монеты (гривенников и четырехкопеечников) из 32- в 16-рублевую стопу и просили повысить им “зачальные” с 20,5 до 24,5 коп. за пуд. Монетчики жаловались на то, что выплачиваемых им “зачальных денег” не хватает на расходы, связанные с денежным делом, и на содержание своих семей, в результате чего за ними числятся долги, которые платить нечем. Они считали несправедливым, что за перепечатку платят столько же, сколько за передел новых монет. Между тем перепечатка связана с особыми трудностями и повышенными расходами.

Старые монеты, особенно пятаки образца 1723 г., которые перепечатывались уже в четвертый раз (из пятаков в копейки, затем в грошевики, из них в четырехкопеечники, а потом опять в грошевики), да и другие от долговременного хождения стерлись и стали легче. Кроме того, при подогреве (“пожге”) их, чистке, гурчении и перепечатке образуется немало окалины. В результате старые монеты теряют в весе, становятся легче.

Так, новая монета 16-рублевой стопы на 10 тыс. руб. имеет вес около 625 пудов, а при перепечатке на эту сумму старой монеты выходит только 615 пудов, т.е. за 10 пудов монет они не дополучают положенной суммы "здесь денег".

Для разогрева старых монет вследствие их "заматерелой жесткости" от многих перепечаток приходилось расходовать больше дров, чтобы "чрез большой жар можно было получить удобную в тиснении мягкость", что влекло за собой излишние траты, так как дрова покупались за их счет. Монетки указывали так же, что на перепечатку требуется больше времени, чем на передел новых монет и при ней получается много брака (несмотря на сильный подогрев, монеты от жесткости гнутся и ломаются), за который им не платят.

Далее в прошении перечислялись многочисленные расходы, которые несли монетки, связанные с покупкой разного рода материалов и припасов для монетного дела, ремонтом оборудования (станов, инструментов и пр.) и помещений, где велась работа. Монетки покупали дрова, уголь, свечи, "сало квашенное" и деготь для смазывания инструментов, холщевые мешки для складывания готовой продукции, "а кузнечному, слесарному и резному художеству" пилы, тиски, молотки, пунсоны, в фабрики же лопатки, кочерги, чаши, лотки и другие изделия, "а особливо железо и сталь... для дела чеканов, которые от сильных в бою по жесткости монет ударов... портятся и ломаются".

Особую и большую статью расходов составляла оплата труда наемных рабочих людей, которых монетки привлекали для ускорения передела и перепечатки монет. В челобитной приводятся интересные сведения, касающиеся условий найма. В связи с постоянной нехваткой "вольных рабочих людей", особенно в Петербурге, чтобы привлечь их к тяжелой работе на монетном дворе, монетчикам приходилось идти на предоставление им определенных льгот. Имеется в виду оплата труда наемных согласно их требованиям и обеспечение их бесплатным питанием во время работы на монетном дворе. "А бес такового им платежа заработных денег и пищею удовольствия, иначе к работе их приохотить не можно", — сказано в челобитной.

Данилов и его товарищи писали, что "претерпевают самую крайнюю нужду", "пришли во отчаяние", находятся на грани полного разорения и просили пересмотреть в сторону повышения существующие нормы "здесь денег", не обеспечивающие им покрытие многочисленных расходов и мало-мальски сносные условия жизни. Монетки подчеркивали, что без повышения "здесь денег" хотя бы на 4 коп. на пуд переделываемого металла с выплатой разницы за весь период перепечатки, начиная с 1762 г., они не в состоянии будут продолжать работу⁷¹.

Прошение монетчиков рассматривалось в столичной экспедиции, в Главной экспедиции передела медных денег и, наконец, в Сенате. Петер-

бургская экспедиция поддержала просьбу Данилова и его товарищей. В ее решении подчеркивалось, что долги монетчиков составляют 1075 руб. и купцы-кредиторы обратились с просьбой о вычете этой суммы из "задельных денег". В качестве аргумента (кроме приводимых в челобитной), который должен был убедить Главную экспедицию в необходимости повышения "задельных", экспедиция сослалась на прецедент. В 1755 г. при перепечатке "крестовых пятаков" (образца 1723 г.) в копейки "задельные" платили из расчета 25 коп. за пуд. Экспедиция считала, что челобитчикам надо заплатить и за бракованные монеты, которых накопилось свыше 465 пудов. Если не пойти им навстречу, то в перепечатке монет может последовать "совершенная остановка"⁷².

Главная экспедиция согласилась с этим мнением, но с оговоркой: если продовольствие ("харч") и материалы, потребные к перепечатке медной монеты, впредь станут дешевле, а плата наемным работным людям убавится, тогда рассмотреть вопрос об уменьшении "задельных". Сенат еще более ограничил удовлетворение просьбы монетчиков, определив, что "задельные" размером 24,5 коп. за пуд надо платить лишь до тех пор, пока будет происходить перепечатка старой 32-рублевой монеты в 16-рублевую⁷³.

По данным Петербургской экспедиции было перепечатано медных монет разных номиналов (главным образом 5 коп. в 10 коп. и 2 коп. в 4 коп.) на Петербургском дворе из 16-рублевой в 32-рублевую стопу 65 338 пудов на 212 3048 руб., а монет из 32-рублевой в 16-рублевую стопу 47 327 пудов на 772 013 руб. За первую перепечатку монетки должны были получить дополнительно по 4 коп. с пуда — 2613 руб. 54 коп., а за вторую — 1893 руб. 6 коп., а всего 4506 руб. 60 коп.⁷⁴ Из этой суммы им надо было заплатить свои долги купцам и казне.

Итак, в первые две трети XVIII в. наблюдается определенная тенденция роста "задельных денег" за передел серебряных, золотых монет и медалей. Казна вынуждена была идти на увеличение платы монетчикам вследствие менявшихся экономических условий: росли цены на продовольствие и другие предметы первой необходимости, а также различные материалы и припасы, которые использовали монетчики, расходы на наем работных людей, короче, жизнь становилась дороже. Монетное ведомство, зная об ухудшении экономического положения мастеровых, опасалось, что это может привести к хищениям на монетных дворах и к нарушению их нормальной работы из-за отказа монетчиков производить передел серебра, золота и меди.

Одним из факторов, воздействовавшим на политику казны в вопросах оплаты труда монетчиков и других мастеровых людей на монетных дворах, была их борьба за улучшение своего экономического положения. Она чаще всего находила выражение в подаче прошений, в которых монетчики раскрывали свое бедственное положение и нужду, в отказе выплачивать

образовавшиеся на них долги, в скрытой угрозе прекратить работу без увеличения "задельных денег".

Монетное ведомство лучше, чем другие правительственные учреждения, знавшее нужды монетчиков, как правило, шло навстречу их требованиям, так как понимало, что чем хуже условия их жизни, тем хуже они будут работать. Но дело было не только в этом, но и в том, что оно опасалось сорвать новый передел и перепечатку старых монет, поскольку за то и другое несло ответственность. Характерно, что чем выше была правительственная инстанция, тем хуже она знала реальное положение и нужды монетчиков и вообще все обстоятельства дела, тем меньше проявляла склонности к долному удовлетворению их требований.

ОБЩИЕ ИТОГИ ЧЕКАНКИ

Нам предстоит рассмотреть общие итоги чеканки серебряной и золотой монеты и место их, а также медной монеты в денежном обращении России в 30-х – начале 60-х годов XVIII в. (табл. 15).

Таблица 15

Чеканка серебряной монеты в 1730 – 1761 гг.*
(в рублях)

Год	Рубль	Полтина	Полуполтина	Гривенник	Пять копеек	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1730	382220	рублей, полтин и гривенников				382220
1731	1237411	–	–	1574	–	1238985
1732	1487133	1903922	–	2437	–	3393562
1733	2645330	204360	–	–	–	2849690
1734	2460699	117034	–	9000	–	2586733
1735	1494326	74220	–	30020	–	1598566
1736	1407209	70452	–	–	–	1477661
1737	1806202	116049	–	–	–	1922251
1738	2561856	146502	–	–	–	2708368
1739	1299321	140422	14070	14225	–	1468038
1740	661943	38144	–	1011	–	701098
1741	1115119	–	–	–	–	1115119
1742	1422249	58248	–	56000	–	1536497
1743	1612064	115397	19000	20650	–	1767111
1744	881740	72950	24000	142080	–	1120770
1745	980967	68635	17073	73000	–	1139675
1746	1172372	27500	92000	87000	–	1300572
1747	1097079	58681	411424	221000	–	1788184
1748	734155	16694	149998	326500	–	1227347
1749	1953306	55662	79581	10000	–	2098549
1750	1637173	21916	105641	20000	–	1784730
1751	1918507	19623	221143	139500	–	2298773
1752	1755565	53031	62100	21924	–	1892620

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
1753	1201954	20645	106581	51000	—	1380180
1754	3129861	77140	172350	83500	—	3462851
1755	2430725	75000	50850	6500	27000	2590075
1756	2160560	88000	212750	26495	—	2487805
1757	874598	48155	37677	40132	174955	1175517
1758	716190	30600	11000	—	178850	809640
1759	600782	44350	—	—	44090	689222
1760	279000	23000	—	—	21000	323000
1761	391400	22500	—	—	15000	428900

* См. сноску к табл. 11 и 13.

Итак, в 1730 – 1739 гг. чеканка серебряной монеты составляла 19,6 млн., в 1740 – 1749 гг. – 13,8 млн., в 1750 – 1759 гг. – 18,6 млн. руб. Крупная сумма передела в 30-е годы объясняется тем, что именно в это время удалось выменять значительное количество мелких серебряных денег, главным образом проволочных копеек, которые были использованы в качестве монетного сырья для чеканки крупной монеты. Поступление их в казну в последующем значительно уменьшилось, что привело к сокращению на треть передела серебра в 40-е годы. В следующем десятилетии удалось достичь почти что уровня 30-х годов за счет роста поступления в казну традиционных источников монетного сырья и увеличения собственной добычи серебра на Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводах. Особенно заметен рост передела в 1754 – 1756 гг., что объяснялось стремлением казны накопить как можно больше звонкой монеты в связи с подготовкой к Семилетней войне.

Какова доля разных номиналов в чеканке серебра в 1730 – 1761 гг?

Подавляющая масса серебра переделывалась в рублевую монету. На ее долю в рассматриваемый период приходилось 44,6 млн. руб., или 85,7% от общей суммы чеканки, равной 52 млн. руб. Другой крупной монеты – полтины сделано всего на 3786,3 тыс. руб. (7,3%); иначе говоря, доля этого номинала в переделе серебра невелика. Относительно крупных размеров сумма чеканки полтинников достигла в 30-е годы (около 2,8 млн. руб.), причем главным образом в 1732 г., когда было отчеканено монет на 1,9 млн. руб. В последующие два десятилетия эта сумма в среднем составляла 500 тыс. руб. за 10 лет или всего 50 тыс. руб. в год. Место остальных серебряных монет и вовсе было скромным.

После Петра I полуполтины не выпускали почти 15 лет. Регулярная чеканка из года в год возобновилась только в 1743 г., до этого 25-копеечные серебряные монеты изготавливали в 1739 г. (на 14070 руб.) и в 1741 г. (сумма неизвестна). Ежегодная сумма чеканки четвертаков большей

частью не превышала нескольких десятков тысяч руб., достигая в некоторые годы до 200 и немногим более тысяч руб. Лишь в 1747 г. в связи с нехваткой мелкой монеты было выпущено полуполтин на 400 с лишним тыс. руб. С чеканкой гривенников дело обстояло примерно так же, как и четвертаков. В указанные в табл. 15 годы пятикопеечники были самой мелкой серебряной монетой. На протяжении 40 лет они не выпускались, в ходу были лишь медные пятаки. К чеканке серебряных монет приступили в 1755 г. вследствие острой потребности в мелкой разменной монете, причем лишь в 1757 – 1758 гг. она достигла в среднем 177 тыс. руб. в год, в остальные годы тоже не превышала нескольких десятков тысяч рублей. В первые три десятилетия XVIII в. (1698 – 1729) на монетных дворах России было переделано серебра на 34 млн. руб. За столько же лет в последующие десятилетия (1730 – 1761 гг.) чеканка составила 52 млн. руб., т.е. выросла на 18 млн. руб. Среднегодовая чеканка серебряных монет в первый период равнялась 1062,5 тыс. руб., а во второй – 1625 тыс., или увеличилась на 562,5 тыс. руб. Этот рост стал возможен за счет увеличения собственной добычи серебра и сбора в результате развития внешней торговли таможенных пошлин, которые взимались с талерами (ефимками) и шли в денежный передел.

Общие данные о выпуске золотой монеты по номиналам в России в 50-е годы XVIII в. представлены в табл. 16.

Таблица 16

Чеканка золотой монеты в 1755 – 1759 гг.
(в рублях)*

Год	ИмперIALы	Полу-имперIALы	Червонцы	Двух-рублевки	Рублевки	Всего
1755	56350	29120	–	2	–	85472
1756	352480	91395	12000	123124	42789	622088
1757	86040	13400	271530	600	14324	385894
1758	108150	157535	–	5220	116606	387511
1759	24780	11770	–	–	–	36550
Всего	627800	321100	283530	129246	161719	1517515

* Монеты Елизаветы. С. 272 – 273.

В изучаемый период в чеканке золотой монеты четко прослеживается два периода. Первый, длившийся четверть века (1730 – 1754 гг.), характеризуется небольшой суммой выпуска. За это время было сделано червонцев на 403,1 тыс., или в среднем 16,8 тыс. руб. в год. Во втором периоде (1755 – 1759 гг.) передел золота составил свыше 1,5 млн., или в среднем 303,5 тыс. руб. в год, т.е. вырос в 18 раз. Такой скачок был вызван увеличением добычи и поступления золота в Россию и ростом потребности

в золотой монете в связи с подготовкой к Семилетней войне и самой войной, когда требовалось серебро и золото для содержания армии за пределами страны. Из табл. 16 видно, что первое место среди номиналов занимают империалы и полуимпериалы, на их долю приходится 948,9 тыс. руб., или почти две трети (62,5%) от общей суммы чеканки. Монет двух- и рублевого достоинства было изготовлено на 390,9 тыс. руб., или 25,7%. Чеканка большой партии червонцев, изготовление которых официально было прекращено в 1753 г., понадобилась для покрытия заграничных расходов в связи с войной.

В первые 30 лет XVIII в. золотых монет (червонных и андреевских двух-рублевиков) было выпущено на 909 593 руб. Общая сумма чеканки золота в 30 – 50-е годы составила 1 920 615 руб., т.е. превысила первое 30-летие более чем в два раза. Такое превышение было достигнуто за счет, как было уже сказано, резкого роста передела золота во второй половине 50-х годов XVIII в.

Какова доля серебряной, медной и золотой монеты в денежном балансе России в 30–50-х годах XVIII в.?

В первые три десятилетия на долю серебряной монеты приходилось 89,4%, медной 8,1 и золотой 2,5% от общей суммы чеканки. Во вторые 30 лет произошли определенные сдвиги. Серебряная монета по-прежнему осталась основной, но ее доля в денежном обращении уменьшилась на одну шестую (16,7%). За это время передел серебра составил 52 млн. руб., или 72,3%. Объем чеканки медной монеты вырос до 18 млн. руб., т.е. увеличился в шесть раз, что привело к значительному повышению ее роли. Как и ранее, занимая второе место, она теперь составляла четвертую часть (25%) денежного баланса страны. Медная монета теряла свое назначение – обеспечивать размен крупной, и становилась вслед за серебряной одной из основных монет. Эта опасная для стабильности денежного обращения тенденция наметилась со второй половины 50-х годов.

Что касается золотой монеты, то хотя ее чеканка, как было уже сказано, и увеличилась во втором тридцатилетии немногим более чем в два раза, по сравнению с первым, но доля ее в денежном балансе страны составила 2,7%, т.е. не изменилась по сравнению с первым тридцатилетием.

Итак, в истории денежного обращения 1730-х – начала 1760-х годов можно наметить два этапа. Первый, длившийся четверть века, характеризуется усилиями правительства по стабилизации денежного обращения. Выполняя рекомендации Монетной комиссии 1730 – 1731 гг., правительство выменяло легковесную медную монету, чеканенную по 40 руб. из пуда. Тем самым были ликвидированы многие отрицательные последствия для экономики и финансов страны, вызванные хождением этой монеты, особенно пятаков образца 1723 г. Монетные дворы стали выделять только мелкую медную монету – полушки, денежки, копейки по 10- и 8-рублевой стопе и в таком количестве, которое было необходимо для

обеспечения нормального хода денежного обращения. Медная монета чеканилась по цене ненамного превышающей торговую, что фактически исключало условия для подделки внутри страны и привоза фальшивых медных денег из-за рубежа, что было неизбежно для того периода, когда в обращении находились медные пятаки и другая более мелкая легковесная монета. С учетом отечественного и европейского опыта соблюдалась экономически целесообразная пропорция между серебряной и медной монетой. Причем первая выполняла свое чисто функциональное назначение – служить размену крупной.

В политике правительства четко прослеживается определенная тенденция – сохранить серебряную монету в качестве основной в денежном обращении страны. Она не подвергалась порче, напротив проба серебряной монеты была повышена и сохранялась на этом уровне до начала 60-х годов. Были предприняты усилия – в целом успешные – по изъятию из обращения мелких серебряных денег, главным образом проволочных копеек, и переделу их в крупную монету, что позволило улучшить структуру денежного обращения.

Для второго этапа, начавшегося с середины 50-х годов XVIII в., характерен отказ от многих направлений прежней политики. Семилетняя война, создание новых воинских формирований поглощали огромные средства. Правительство, опасаясь недовольства народных масс, не решалось повысить прямые и косвенные налоги. Оставался один путь – порчи монеты и оно вступило на этот путь с первого же года войны. Казна из фискальных соображений резко увеличила эмиссию медной монеты. Из денежного обращения внутри страны изымались серебряные деньги, которые использовались для покрытия расходов, связанных с пребыванием армии за границей. Такая политика была чревата отрицательными последствиями для экономики страны, так как вела к обесцениванию медных денег, росту цен на импортные и отечественные товары, в том числе серебро и золото, падению вексельного курса, ухудшению структуры денежного баланса и т.д.

Часть III НАЧАЛО КРИЗИСА 1762–1801 гг.

Глава шестая МЕДНАЯ МОНЕТА ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II И ПАВЛЕ I

ПЕРЕЧЕКАНКА ЛЕГКОВЕСНОЙ МОНЕТЫ

Июньский переворот 1762 г. отстранил от власти Петра III и провозгласил его жену Екатерину II императрицей России. Через неделю Петр был убит.

После Петра I это была первая императрица властно и самостоятельно управлявшая государством. Умная, образованная и не без разносторонних дарований она хорошо знала современную французскую и немецкую политическую и философскую литературу. Отличаясь большим честолюбием, Екатерина втайне, с первых же лет своего пребывания в России (она приехала в Петербург в 1744 г.) мечтала о том, чтобы играть здесь крупную роль и, не в пример своему незадачливому супругу, тщательно готовилась к этому. Политические условия сложились так, что она стала императрицей. Екатерина всю жизнь помнила, что заняла престол незаконным путем и поэтому главной ее целью было укрепление своей власти и завоевание расположения и доверия дворянства – господствующего класса России. И она преуспела в этом. Недаром ее долгое правление назвали "золотым веком" дворянства.

В экономической политике Екатерина II придерживалась принципа свободы промышленной и торговой деятельности, ликвидировала монополию и откупа. Она уделяла много внимания финансам, денежному обращению, интересовалась работой столичного монетного двора. В период ее правления происходит усиленный передел медной монеты, введение в 1769 г. бумажных денег (ассигнаций) в России и резкое повышение их доли в денежном балансе в конце царствования, увеличение объема чеканки золотой и серебряной монеты, сопровождавшееся понижением веса первой и пробы и веса второй.

Спустя много лет после прихода к власти, Екатерина II весьма критически отозвалась о состоянии финансового и денежного хозяйства

накануне своего воцарения. "В 1762 г. при вступлении моем на престол я нашла сухопутную армию в Пруссии за две трети жалования не получившую, в Штатс-конторе именные указы на выдачу 17 млн. рублей не выполненные. Сенат подал мне реестр доходов империи, по которому яствовало, что оных считали 16 млн. руб. По прошествии двух лет я посадила кн. Вяземского (генерал-прокурора Сената. — А.Ю.) и Мельгунова, тогдашнего президента Камер-коллегии, считать доходы. Они несколько лет считали... Наконец сочли 28 млн. — 12 млн. более нежели Сенат ведал"¹.

Эту оценку нельзя принимать на веру. Дефицит бюджета был, но составлял, по данным Сената, 1150 тыс. руб. Штатс-контора считала, что на оплату всех расходов у нее не достает около 2 млн. руб. Что же касается 17 млн. руб., то такова была сумма всех расходов на 1762 г. Бюджет 28 млн. руб. достиг только в 1769 г. и вовсе не потому что были вскрыты такие источники, о которых Сенат раньше не знал. Просто доходы государства выросли за счет увеличения податного обложения, новых поступлений, которых раньше не было. Так, с 1763 г. в казну стали поступать доходы с бывших монастырских и церковных имений в результате секуляризации этих земель государством, в 1764 и в 1769 гг. были установлены новые налоги в общей сложности на 5 млн. руб. Таким образом, 12 млн. руб., упомянутых Екатериной, получают совершенно не то объяснение, какое им дает императрица². Но она была права в том, что финансовое положение России в начале 60-х годов оставляло желать лучшего, что правительство не располагало полными и достоверными сведениями о всех источниках государственного дохода.

Критические замечания о состоянии финансов России Екатерина, как уже отмечалось, высказала позднее. Но, когда она вступила на престол, то также констатировала: "Государственная казна пуста, излишних расходов преумножено, отчего неисчислимые приключаются в государстве непотребности". Императрица в первую очередь запросила мнение сановников по ряду вопросов, касающихся денежного обращения в России, реализации плана Шувалова. В частности, она просила сообщить надо ли продолжать выпуск медной монеты по 32-рублевой стопе и сколько лет потребует, чтобы выкупить всю легковесную монету?

Сенат дважды (в ноябре и декабре 1762 г.) высказывался по поводу вопросов, поставленных Екатериной II. Он предложил отказаться от передела из новой меди монет по 16 руб. из пуда в недостающую до 16 млн. руб. сумму. Имеется в виду 4,5 млн. руб., но так как к ноябрю 1762 г. уже было начеканено медных монет по 16-рублевой стопе, на 956 тыс. руб., то конкретно речь шла о 3,5 млн., которые при перепечатке в 32-рублевую стопу составили бы 7 млн. руб. Свое мнение Сенат мотивировал тем, что доходы от чеканки новой монеты могут быть покрыты за счет прибыли от перепечатки медных монет 16-рублевой стопы. В связи с этим предлагалось позволить владельцам медеплавильных заводов

свободно продавать медь внутри страны и вывозить на экспорт. Если же казне срочно понадобятся средства, то можно будет вернуться к чеканке новой монеты по 32 руб. из пуда³.

В конце декабря 1762 г. в докладе императрице Сенат подтвердил свои прежние решения о необходимости истребления медной легковесной монеты; "дабы она в тягость и ко вреду империи остаться не могла". Однако он не выступил за немедленный отказ от выпуска медной монеты 32-рублевой стопы, а внес предложения о постепенном изъятии ее из обращения. В докладе рекомендовалось продолжать перепечатку медных монет 16-рублевой стопы в 32-рублевую, а также одновременно чеканить вновь медную монету – по 32 руб. из пуда "по прежнему плану... со всяким поспешанием, без остановки"; на сумму от чеканки покупать ежегодно на несколько миллионов рублей иностранного серебра и золота, которыми по переделу их в монету выменивать легковесную медную монету. Затем, сливая ее в штыки, продавать за море на ефимки и, переделывая их в серебряную монету, выменивать медную, чеканенную по 32-руб. из пуда. И так продолжать до тех пор, пока вся легковесная медная монета не будет изъята из обращения⁴. Предложения Сената ничего принципиально нового по сравнению с планом П.И. Шувалова не содержали.

На предложение императрицы высказать свое мнение о способах изъятия из обращения медной монеты 32-рублевого достоинства откликнулся и генерал-прокурор Сената А.И. Глебов. Несмотря на свои незаурядные способности, энергию и трудолюбие, Глебов, как человек не знатного происхождения, не достиг бы того высокого положения в государственном аппарате России, какое он занимал при Петре III и в начале царствования Екатерины II. Своей карьерой он был в значительной мере обязан П.И. Шувалову, который благоволил к нему и помогал продвижению по службе, усматривая в нем "в делах способность", поручал ему "делать по своим мыслям разные сочинения". Благодаря влиянию и поддержке Шувалова Глебов занял сначала должность обер-секретаря (март 1754 г.), затем обер-прокурора (декабрь 1755 г.) и наконец генерал-прокурора Сената после смерти Елизаветы Петровны. Вместе с Д.В. Волковым, статс-секретарем Конференции при высочайшем дворе, он играл большую роль во время правления Петра III, сосредоточив в своих руках внутреннее управление. При его ближайшем участии были разработаны и изданы такие важные документы, как манифесты о вольности дворянства, об уничтожении Тайной канцелярии, о секуляризации монастырского землевладения и др. Хотя Глебов занимал высокое положение при Петре III, он, колеблясь, перешел на сторону Екатерины II во время дворцового переворота в июне 1762 г.

При Екатерине II Глебов еще полтора года оставался генерал-прокурором Сената, но затем был отстранен за всякие злоупотребления. По словам императрицы, он мало имел старания о правильном производстве дел

и о казенном интересе, и слишком много хлопотал о "собственном прибытке". В наставлении, данном будущему генерал-прокурору Сената кн. А.А. Вяземскому, Екатерина так отзывалась о Глеbove: "Прежнее худое поведение, корыстолюбие, лихоимство и худая вследствие сих свойств репутация, недовольно чистосердечия и искренности" в отношении ко мне, "вынуждают меня его сменить". Императрица считала, что в формировании отрицательных качеств Глебова как человека большое влияние оказали Шувалов и царившая вокруг него атмосфера прожектерства, казнокрадства и мздоимства⁵.

Глебов в записке, представленной Екатерине II, отмечал, что легковесная медная монета, почти в 5 раз превосходящая рыночную цену меди, "вредна и опасна", если ее оставить "без истребления на всегдашнее время в народном хождении". Медную монету надо чеканить по 10 или в крайнем случае по 16 руб. из пуда, причем она должна служить лишь для размена мелких серебряных денег. В обращении должно находиться "самое умеренное" количество медной монеты по сравнению с серебряной. Генерал-прокурор выступил против перепечатки монеты 16-рублевого достоинства в 32-рублевое и новой чеканки по этой стопе. Он предложил начеканить медных денег по 16-рублевой стопе на 5,5 млн. руб. и на них выменять всю медную монету 32-рублевой стопы. Эта операция, по его мнению, могла бы быть осуществлена в два года. В результате ее в обращении останется медная монета одного достоинства, сократятся расходы на содержание комиссарств, минет опасность в подделке и привозе монеты из-за границы, так как известно, что она в не малом количестве вывозится из России в Польшу. Глебов полагал, что после вымена медных денег 32-рублевой стопы в обращении останется медной монеты не более, чем на 15 млн. руб., что вполне терпимо, учитывая обширную территорию России.

В стране мало серебряной монеты. Доказательством служит тот факт, что сборы от подати и других налогов поступают в казну на 2/3 медной монетой и лишь на 1/3 серебряной. Необходимо улучшить структуру денежного обращения в России, отмечал генерал-прокурор, и с этой целью увеличить привоз серебра и чеканку серебряной монеты, что приведет к установлению благоприятного вексельного курса и внешнеторгового баланса.

Предложения Сената не удовлетворили Екатерину II, так как затягивали решение вопроса об обмене медной монеты 32-рублевого достоинства на длительное время. Между тем хождение этой монеты отрицательно сказывалось на экономике страны и прежде всего на торговле, валютном курсе и т.д. Записка же Глебова намечала единственно приемлемый в тех условиях выход из того трудного положения, в котором оказалось денежное обращение в связи с массовой чеканкой легковесной медной монеты.

Императрица поддержала в основном точку зрения Глебова и в резолюции на докладе Сената определила те меры, которые он предложил. Речь шла о прекращении чеканки и перепечатки медной монеты 32-рублевой стопы, о ликвидации созданных комиссаров, о переделе меди в монеты по 16 руб. из пуда на 5,5 млн. руб. и о вымене легковесной медной монеты на эти деньги. На покупку 343750 пудов меди, потребной для чеканки 5,5 млн. руб., она рекомендовала употреблять наличные в Медном банке и те, что поступят туда, а также нерчинское серебро. Екатерина запретила выписывать иностранное серебро без указа и определила платить по 19,5 коп. за золотник чистого серебра русским и иностранцам, которые будут приносить его на монетные дворы⁶.

В правительственных кругах, насколько нам известно, с критикой планов чеканки медных монет по 16 руб. из пуда, утвержденных Екатериной II, выступил лишь бывший генерал-прокурор Сената Я.П. Шаховской. Он возражал против многомиллионной чеканки медных монет по 16 руб. из пуда, поскольку в них по-прежнему завышена цена меди против рыночной в два с лишним раза. Поэтому медные деньги в народе ценятся ниже их номинальной стоимости. Так, при покупке на медные деньги цена товаров повышается, а при обмене на серебро приходится тоже давать лаж или наддачу. Медная монета только однажды может принести казне прибыль, а потом, находясь в обращении причиняет "излишние тяготы и убытки". Шаховской предлагал выменить всю легковесную медную монету, перелить ее и медь продавать за рубеж на ефимки, увеличивать в обращении количество не медной, а серебряной монеты, в том числе и мелкой. А к имеющимся 3 млн. руб. медной разменной монеты добавить еще на 1 млн. денежек и полушек по 10 руб. из пуда. Таким образом, Шаховской остался верен своим взглядам в отношении места медных денег в денежном обращении. Их надо чеканить в ограниченном количестве и они должны выполнять лишь функцию разменной монеты. Эти мысли отчасти перекликались с соображениями Глебова, а главное отвечали духу хороших традиций первой половины XVIII в., учитывавших русский и европейский опыт.⁷

Екатерина II с явным раздражением отреагировала на записку сенатора, поскольку доходы от многомиллионной чеканки медной монеты служили одним из важных источников пополнения казны. "Я не могу согласиться с мнением князя Шаховского о медной монете и не могу признать, чтоб описанные им вредности столь важны были, для которых бы медную монету не умножать весом по 16 рублей из пуда", – писала она. Критику императрицы вызвало и скептическое отношение Шаховского к банкам и к переводу денег векселями. Неудачный опыт функционирования Медного банка, отмечала Екатерина, "не может служить примером, понеже худой пример не закон. Но законы должны истреблять оные, а Правительствующий Сенат, как хранилище законов, не допустит до вреда, сверх того я еще жива"⁷.

На основании резолюции Екатерины Сенат принял ряд указов⁸, намечавших конкретные меры по изъятию из обращения легковесной монеты по 32 руб. из пуда, перепечатке ее и переделу из новой меди монет по 16-рублевой стопе на общую сумму 5,5 млн. руб. Новые деньги было решено изготавливать прежним штемпелем, изменив только имя императрицы в вензеле и дату, каким печатались монеты по 16-рублевой стопе. А для того чтобы ускорить выпуск монет, предлагалось делать из новой меди только пятикопеечники, а мелкой не печатать, потому что ее в обращении "и без того, как 10-ти, так и 16-рублевого весу не малое число находится"⁹.

Почему правительство решило остановиться на чеканке медных денег по 16-рублевой стопе, которая впервые была введена в России по предложению Шувалова в 1757 г.? Прежде всего передел меди по этой стопе был значительно выгоднее, чем по 10 руб. из пуда, который осуществлялся четверть века при Анне Иоанновне и Елизавете. При 16-рублевой стопе казна получала более 100 % прибыли (6–7 руб. пуд меди и рубль – расходы на передел). Кроме того, была уверенность, что ни внутри страны, ни за рубежом никто подделкой медных монет такой стопы заниматься не будет. Что медная монета по 16 руб. из пуда "не вредна и не опасна от подделу воровских денег, тому довольно доказательство, что с начала оной ни на один рубль воровских поддельных денег не оказалось, чтоб ввезены были извне государства в Россию", – писали Екатерине II Глебов и статс-секретарь И.П. Елагин¹⁰. Внутри страны существование тайного монетного двора исключалось, а изготовление пятикопеечников, которые бы ничем не отличались от выпускаемых денежными дворами, без "важных и больших машин" было невозможно. В соседних государствах цена меди была выше, т.е. такова, что не имело смысла чеканить из нее медные деньги и тайно ввозить их в Россию¹¹.

Медная монета по 16 руб. из пуда существовала до 1796 г., внешний вид ее, если не считать мелких деталей рисунка, тоже не изменялся.

Несмотря на то, что при Екатерине произошла "порча" (т.е. уменьшены вес и проба) золотой и серебряной монеты, что повысило прибыль казны от их перепечатки и передела, все же чеканка меди приносила значительно большие доходы. Поэтому в первый период правления Екатерины сделали ставку на усиленный передел меди, которая играла самостоятельную роль, затем центр тяжести был перенесен на бумажные деньги и медная монета как бы обеспечивала курс ассигнаций.

Перепечатка медной монеты 32-рублевой стопы в 16-рублевую велась на четырех монетных дворах: Московском, Петербургском, Сестрорецком и Екатеринбургском. Основная тяжесть операции по перепечатке пришлось на долю столичных дворов. Так, на начало февраля 1764 г. было перепечатано монет 32-рублевого веса на 3478 тыс. руб., в том числе в Москве – на 1635 тыс., в Петербурге – 1421 тыс., в Екатеринбурге – 401 тыс. и в Сестрорецке – на 21 тыс. руб. В итоге получилось монет

16-рублевой стопы на 1739 тыс. руб.¹² Столичные монетные дворы использовали имевшиеся у них большие запасы монет 32-рублевого достоинства.

Незначительные размеры перепечатки на Сестрорецком монетном дворе объясняются тем, что он был поврежден в результате пожара и половодья, а восстановление его потребовало бы больших затрат. Кроме того, поскольку он находился более чем в 30 километрах от Петербурга, здесь нельзя было рассчитывать на обмен большой суммы монет 32-рублевой стопы. Главная экспедиция передела медных денег решила не восстанавливать монетный двор в Сестрорецке, а все оборудование (печатные, гуртильные, переводные и прочие станы) и монетчиков, мастеровых людей, счетчиков и других перевести в Петербург. Так как из-за тесноты в Петропавловской крепости не удалось бы организовать работу по перепечатке, то "на время только передела денег" решено было нанять или купить в удобном месте частный дом близ реки, "дабы возможно было привоз и отвоз меди, денег и прочего водою чинить"¹³.

Что касается производства денег из новой меди в Петербурге, то оно не должно было принять большие размеры, потому что в слывку пошла бы "медь только от трескающихся и щербатых денег, также медная пыль и окалина". Ожидалось поступление небольшого количества меди от заводчиков, которые они в силу каких-то причин не сумели бы продать в столице. Всю же остальную медь с казенных заводов намечалось переделывать в Екатеринбурге, что обойдется казне значительно дешевле¹⁴. Из новой меди (вплоть до прекращения чеканки в середине мая) на Сестрорецком монетном дворе было изготовлено медных пятаков по 16 руб. из пуда на 132,5 тыс. руб.

На Екатеринбургском медном дворе перепечатке подверглась меньшая часть (1/5) всех имевшихся здесь медных монет 32-рублевой стопы, а большая — на сумму 1,5 млн. руб. — была отправлена для перепечатки в Москву и Петербург¹⁵.

Операция по обмену и перепечатке легковесной медной монеты (по 32 руб. из пуда) в 16-рублевую затянулась на несколько лет и была в основном завершена к концу 1767 г. По данным Главной экспедиции к февралю 1764 г. в обращении и учреждениях имелось 32-рублевой медной монеты на 4,2 млн. руб. За два года удалось сократить эту сумму на 1,4 млн. руб. А в последующие два года (1766–1767) было выменено и перепечатано немногим более половины оставшейся суммы (около 1,5 млн. руб.). Началась первая русско-турецкая война (1768–1774 гг.) и правительство, нуждаясь в средствах, приостановило обмен легковесной монеты до указа. Такое же решение было повторено в 1769 г.

Перепечатка велась в обеих столицах, но первопристойной принадлежало первое место в этой операции. В одном из сенатских указов такое положение объяснялось тем, что в Москву, расположенную в центре России, стекалось больше легковесных медных денег из близлежащих

губерний. В Петербурге же иногда бывало так, что из-за отсутствия монет 32-рублевой стопы и перепечатывать было нечего. Поэтому Главная экспедиция, "умножая в Москве вымен и перепечатку", стремилась путем перевода из Петербурга обеспечить Московский монетный двор новой медной монетой 16-рублевой стопы, которая ему была необходима для обмена легковесной медной монеты¹⁶. Как видим, многие медные монеты XVIII в. неоднократно перепечатывались (например, пятаки образца 1723 г. в копейки, из копеек в грошевики, из грошевиков в четырехкопеечники, затем опять в грошевики) и выглядели весьма неприглядно, поскольку на них были заметны следы нескольких штемпелей и нечетко обозначены новые номиналы. Другими словами, в результате многих перепечаток и длительного нахождения в обращении на многих монетах штемпельные изображения стирались, "делались неясными". Так, Витебская губернская канцелярия сообщала в 1765 г., что среди находящихся в обращении легковесных 10 и 4-копеечных монет много таких, "на которых цифр 10 и 4, да толикого же числа точек не имеется, а токмо литерами (буквами – А.Ю.) 10 и 4 копейки написано, а на некоторых и те литеры не явственны... Сии деньги яко неясного чекана не только в народе препятствие имеют, но один от другого их полною ценою не принимают, отчего происходят частные споры"¹⁷.

В ответ на подобные донесения Сенат издал указ о том, чтобы приносимые частными лицами и присылаемые из учреждений такого рода медные деньги обменивались "безсумнительной монетой" и впредь в обращение не поступали, а отсылались бы на монетные дворы для перечековки. Часть монет, подвергавшихся неоднократной перепечатке, расплющились, стали тонкими и непригодными для тиснения. Такие монеты сливали и затем пускали в передел.

Среди населения легковесные деньги, и особенно недопечатанные и со стертыми изображениями, не пользовались доверием, на них неохотно продавали товары. Местные власти сообщали, что эти деньги берутся "с великим упорством"¹⁸.

Еще хуже обстояло дело с легковесными деньгами, часть которых еще оставалась в обращении после того как указами 1768–1769 гг. был приостановлен их обмен. В этом отношении показательное сообщение Астраханской губернской канцелярии в 1775 г. о том, что подрядчики при выдаче им за хлеб и лошадей "не только недопечатанные, но и настоящие легковесные деньги принимают по необходимости с великим неудовольствием". Подрядчики заявили, что поставщики, большей частью крестьяне, живущие в Астраханской и других губерниях, "ни под каким видом тех легковесных денег от них не берут" и им (подрядчикам) приходится эти монеты обменивать на другие, полноценные, "платя за промен излишние деньги"¹⁹. Правительство потребовало от всех органов власти срочно обменять все еще находившиеся в обращении легковесные медные деньги.

Последний этап в перепечатке медных монет 32-рублевой стопы приходится на конец 80-х годов.

В государственном Ассигнационном банке, казенных палатах и учреждениях к середине 80-х годов скопилось немалое количество легковесной медной монеты. Так, в Петербургском отделении банка такой монеты имелось на 572 672 руб. и в остаточном казначействе – на 4984 руб., в Московском отделении – на 565 100 руб. и в остаточном казначействе на 194 070 руб. Кроме того, на 4998 руб. легковесной монеты имелось в Черниговском и Кавказском казначействах. А всего такой монеты было более чем на 1,3 млн. руб.²⁰ Указом от 31 декабря 1787 г. Екатерина II предписала всю эту монету перепечатать в 16-рублевую. Вся сумма, полученная из Ассигнационного банка, подлежала возврату в тот же банк²¹.

Генерал-прокурор А.А. Вяземский решил осуществить перепечатку легковесной монеты в Москве и Петербурге мастеровыми людьми, занятыми переделом серебра в монету. Он поручил Петербургскому и Московскому монетным дворам провести в кратчайший срок необходимые подготовительные работы. В случае необходимости для "черных работ" следует нанимать вольнонаемных, "не отвлекая для онаго дела людей, употребляемых для передела серебра и потому не причиняя в оном ни малейшей ни в чем остановки". Вяземский высказался за то, чтобы монетные департаменты в Москве и Петербурге, а также Лаборатория разделения золота от серебра, помещавшаяся в столице, находились в его подчинении²².

Сведениями о том, как была организована перепечатка на Петербургском монетном дворе, мы не располагаем, но по Московскому двору такие данные имеются. Передел серебряной монеты на Московском Красном (Китайском) дворе был прекращен к 1776 г. Однако медный монетный двор в районе Охотного ряда продолжал существовать и при нем сохранялось некоторое число мастеровых людей, числящихся в штате, и монетчиков. К середине 80-х годов одни из них умерли, другие за старостью работать уже не могли. Особенно большие потери понес монетный двор во время эпидемии чумы в Москве в 1771 г. В 1782 г., когда умерли медальерные мастера Михаил Никитин и Василий Климов, а спустя два года и подмастерье Иван Плесавский, на монетном дворе остались "одни только ученики, которые медальерному искусству не обучены и в том мастерстве в резании штемпелей и печатей, как то в Московский почтамт, может последовать остановка"²³.

К весне 1787 г. Московский монетный департамент представил сведения о том, что по разным причинам 10 мастеровых людей и минцмейстер Степан Белкин по состоянию здоровья ("находится в безумстве") к делу "неспособны". Что же касается монетчиков во главе со старостой Марком Докиным, всего 20 человек, то из них многие престарелые. А так как передела монет давно не производилось, то они утратили свое мастерство

и многое забыли. Если говорить об остальных 52 монетчиках, то они „при переделах монет никогда не обращались” и уровень их профессионально-го мастерства неизвестен²⁴.

Однако в Петербурге более взвешенно отнеслись к вопросу о сокращении персонала Московского монетного двора. Монетному департаменту в Москве было разрешено уволить только тех, кто действительно к монетному делу оказался непригоден. „Таковых же служителей, которые неспособными сказаны по одному неупотреблению к делу, или по отвычке, не увольнять”, так как вопрос о них будет рассмотрен особо²⁵. В сентябре 1787 г. минцмейстером на Московский двор был назначен подпоручик Алексей Филиппов, окончивший Горное училище, где он обучался пробирной науке. В указе говорилось, что хотя в Москве переделов монет ныне и не производится, но монетный двор со станами, другим оборудованием и инструментами существует и Филиппов посылается „для сохранения его в исправности”²⁶.

Красный монетный двор в 80-х годах подвергся значительной перестройке и использовался как административное здание; в нем были размещены присутственные места Московской губернии. В ответ на требование Вяземского передать этот двор в ведение Московского монетного департамента главнокомандующий в Москве П.Д. Еропкин ответил, что этот Красный двор „в настоящем его положении не может уже быть способным” для перепечатки монет, „разве с потерей времени и больших денег для приведения его в прежнее состояние”. Было решено использовать другой (медный) монетный двор, находящийся на Тверской улице и продолжающийся до Охотного ряда, тем более, что он очень обширен (73 сажени в длину и 18,5 в ширину)²⁷.

Монетный департамент считал, что для того чтобы производить перепечатку, надо построить „особливые палаты” – кладовую, пожигальную, счетную и печатные, где бы можно было установить до 20 печатных станков, каждый из которых занимал до 9 и более аршин и „другие к тому принадлежности”. На том же монетном дворе можно будет поставить одну кузницу, а если понадобится, то и более. Он обратился к Еропкину с просьбой прислать для ускорения работ необходимое число людей и лошадей с повозками для перевоза всего оборудования на монетный двор²⁸.

Ответственным за перепечатку был назначен выздоровевший к тому времени минцмейстер Степан Белкин, который получил из Монетного департамента инструкцию. Ему надлежало полностью подготовить монетный двор к тому, чтобы как можно быстрее начать перепечатку медных монет 32-рублевой стопы в 16-рублевую, а именно: гривенников в пятаки, четырехкопеечников в грошевики, а грошевики в копейки. В его распоряжении находились мастера медальерного и инструментального дела, слесарь и несколько учеников – всего 11 человек, а также 63 монетчика во главе со старостой Марком Докиным. В помощь Белкину был придан

минцпробирер Андрей Титов. Перед ними департамент поставил задачу – завершить перепечатку монет летом 1788 г. К 10 апреля ремонт и установка 10 печатных и других станков были завершены. Все работы по восстановлению монетного двора вел подрядчик, московский купец Дмитрий Фалеев, которому за новые постройки, ремонт каменного корпуса, покрытие его железной крышей и других зданий была выплачена большая сумма – 3660 руб. В конце того же месяца в Москву поступили сделанные на Петербургском монетном дворе образцы 6 контрпунсонов для печати пяти, двух и копеечных медных монет²⁹.

В первых числах мая монетный двор приступил к работе. Сначала дело шло медленно, потому что поступали малые партии легковесной монеты. Но затем все наладилось и с середины мая еженедельно привозили монет на 45–50 тыс. руб. К середине июля монетный двор завершил перепечатку 565 100 тыс. руб. легковесных медных денег, принадлежавших Московскому отделению Ассигнационного банка. Затем во второй половине июля и в августе была осуществлена перепечатка 194070 руб., хранившихся в Остаточном банке³⁰. На этом операция по перепечатке медных монет 32-рублевого достоинства в 16-рублевый вес в Москве закончилась.

УРАЛЬСКИЕ МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ

С конца 50-х годов XVIII в. медная монета, которая была предназначена служить лишь для размена крупной серебряной, стала выделяться все в больших размерах и в период правления Екатерины II в ценностном отношении в среднем почти сравнялась с серебряной и наряду с ней превратилась в основную монету. Эти сдвиги в структуре денежного обращения в России были вызваны в первую очередь фискальными соображениями: чеканка медной монеты до роста цен на медь в конце 80-х годов приносила наибольшие доходы казне. Медная монета служила обеспечением бумажных денег – ассигнаций, введенных в 1769 г. и этим обстоятельством также объясняется ее чеканка в огромных количествах. Собственная добыча золота и серебра не обеспечивала полностью потребностей монетных дворов в этих благородных металлах и значительная часть их поступала из-за рубежа. С медью дело обстояло иначе. Частная и казенная медная металлургия удовлетворяли целиком нужды монетных дворов и внутреннего рынка в меди. В этом тоже крылась одна из причин усиленной чеканки медной монеты.

В первые десять лет царствования новой императрицы передел медной монеты регулировался правительственными указами. Так, в декабре 1762 г. Екатерина приказала изготовить медной монеты весом по 16 руб. в пуде на 5,5 млн. руб., а в сентябре 1768 г. еще на 3 млн. руб. В марте 1771 г. это задание было выполнено, но передел решили не прекращать в связи с огромными расходами во время первой русско-турецкой войны

(1768–1774 гг.). В последующие годы размеры чеканки медной монеты определялись обеспеченностью сырьем и производственными возможностями монетных дворов. В этом отношении характерна инструкция полковнику Василию Бибикову, назначенному в январе 1769 г. главой Екатеринбургской монетной экспедиции. В ней ему предписывалось всю медь "стараться со всевозможным поспешением переделывать в монету 16-рублевого веса, чтобы ни в одном году ни единого пуда меди не оставалось"³¹.

Чеканку монеты из новой меди сосредоточили на Екатеринбургском монетном дворе, что было вполне естественно, так как Урал являлся главным производителем меди в стране. К тому же в Екатеринбурге находился самый крупный и передовой в техническом отношении металлургический комбинат, который мог обеспечить монетный двор необходимыми машинами и инструментами, железом и сталью, а также техническими кадрами.

В каком состоянии находился Екатеринбургский монетный двор? В середине XVIII в. все постройки на нем были деревянными и к этому времени значительно обветшали. В 1756 г. на дворе вспыхнул пожар, уничтоживший почти все строения. Прибывший из Петербурга президент Берг-коллегии И.А. Шлаттер предложил построить каменные "фабрики" – для плавки меди, плавления, прорезки (вырубки) монетных кружков, гурчения и печатания, а также вспомогательных работ. По смете расходы должны были составить около 17 тыс. руб. Проект и смета расходов строительства монетного двора были утверждены Сенатом и императрицей³². Работа велась в течение всей последней трети XVIII в. и к концу его были построены двухэтажные каменные "фабрики" для выполнения всех основных операций по изготовлению медной монеты.

Все станки, необходимые для монетного дела, изготовлялись в Екатеринбурге по моделям, присланным из Москвы и Петербурга. Но уральские мастеровые люди своими изобретениями способствовали совершенствованию машин и повышению производительности труда на Екатеринбургском монетном дворе. Еще в 1763 г. была произведена проба первой "вододействующей машины" для тиснения монетных кружков. Испытание прошло успешно³³. Затем постепенно сила воды стала использоваться для многих процессов производства. Федор Коковин при участии Семена Ярцева создал в 1784 г. модель станков для печатания и гурчения монет. С рядом ценных изобретений в 80-е годы выступил машинный подмастерье Костричкин. Работа на гуртильных станках, приводимых в движение мускульной силой, была затруднительной, требовала большого количества людей и причиняла "не малый вред" их здоровью. Изобретатель представил проект вододействующего гуртильного стана, который должен был повысить производительность, облегчить труд и сократить число работников. Не меньшую ценность представлял новый прорезной стан, рассчитан-

ный на ускорение процесса производства, сокращение количества отходов ("обрезков") и более длительный срок работы.

Косичкин разработал также новый способ очистки монетных кружков, позволявший избежать отжига и промывки в воде. По мнению Екатеринбургской монетной экспедиции, этот способ "уповательно против нынешнего будет способнее, производя сие водяным способом". Немалый вклад в техническое оснащение монетного двора производительными машинами внесли мастер В. Углев, механик горных заводов Л.Ф. Сабакин и др.³⁴

Во второй половине XVIII в. на Екатеринбургский монетный двор медь поступала с частных и казенных медеплавильных заводов Урала, основного производителя этого металла в России. Производство меди на уральских заводах в 50-е годы в среднем составляло 91,5 тыс. пудов в год, в 60-е – 167,6 тыс., в 70-е – 149,2 тыс., в 80-е – 185,5 тыс., в 90-е – 145,6 тыс. пудов. Понижение выплавки меди в 70-е годы произошло вследствие крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, а в 90-е – из-за закрытия ряда предприятий и временной остановки работы в Богословском горном округе. В целом же наблюдалась тенденция роста производства меди. Более 60 % всей меди шло в монетный передел³⁵.

Заводчики, кроме уплаты в казну налога – десятины (т.е. десятой части готовой продукции), обязаны были отдавать на монетные дворы от 2/3 до 3/4 продукции по указным (т.е. установленным правительством) ценам, которые были значительно ниже рыночных. Многие владельцы заводов по мере возможности старались уклониться от обязательных поставок, потому что вследствие роста себестоимости продукции продажа ее в казну была невыгодной (не приносила прибыли), а то и вовсе убыточной. Не случайно начальнику Екатеринбургской монетной экспедиции вменялось в обязанность следить в первую очередь за тем, чтобы промышленники в срок сдавали десятину и положенное количество меди на монетные дворы, а доимки (задолженность) взыскивать неукоснительно. Однако горное начальство не в силах было полностью пресечь тайную продажу меди³⁶.

На Екатеринбургском монетном дворе – крупнейшем в России по количеству людей, непосредственно занятых монетным делом, работало несколько сот мастеров и работников. Так, в 1763 г. там было 375 человек, в том числе в расковочном цехе 45, плащильном 22, прорезном 45, гуртильном и печатном 149, плавильном 37, якорном (здесь изготавливались и чинились инструменты) 36, кузнечном 41. К концу XVIII в. численность мастеров и работников увеличилась почти вдвое (727 человек), но и этого количества было недостаточно. По расчетам администрации, Монетному двору требовалось в это время до 1000 работников. Процент малолетних среди работников двора был очень высок. К концу века он достигал 20 и более процентов³⁷. Кадры мастеровых людей монетного двора пополнялись за счет крестьян, приписанных к заводам. Сыновья-подростки, как

правило, помогали отцам, приобретали навыки и опыт, осваивали ремесло. В результате постепенно формировался отряд искусных рабочих-специалистов.

В Екатеринбурге чеканились медные монеты всех достоинств, в одни годы – полный комплект, в другие – два или три номинала, а иногда только пятаки. На пятикопеечных монетах имелись следующие изображения: на лицевой стороне под государственным гербом буквы ЕМ (Екатеринбургская монета) и внизу на ленте прописью номинал, на обороте – вензель Екатерины II и дата. Монеты других номиналов имели идентичные надписи, но вместо двуглавого орла на лицевой стороне дано изображение Георгия Победоносца на коне. На монетах 1797–1801 гг. на лицевой стороне помещен вензель Павла I, а на оборотной – номинал, год и буквы ЕМ.

Динамика передела медной монеты представлена в табл. 17.

Таблица 17

**Чеканка медной монеты на
Екатеринбургском монетном дворе (1763–1800 гг.)*
(в рублях)**

Год	Пятикопеечники	Двухкопеечники	Копейки	Денежки	Полушки	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1763	1 826 354	28 029	3	–	–	1 854 386
1764	1 702 376	46 438	425	28	–	1 749 267
1765	2 055 462	34 288	7	–	–	2 089 758
1766	1 328 102	33 246	–	14 204	7767	1 383 320
1767	1 850 982	25 882	–	13 115	10 777	1 900 756
1768	1 427 112	18 221	–	12 109	14 211	1 471 653
1769	1 972 069	31 753	–	7251	9 444	2 020 517
1770	2 423 996	106 215	–	20 100	15 100	2 565 411
1771	2 852 670	38 880	–	14 550	11 175	2 917 275
1772	2 313 251	48 650	–	5 800	2 400	2 370 101
1773	1 941 466	64 504	–	2 253	494	2 008 717
1774	726 774	12 897	–	100	–	739 771
1775	1 524 362	29 529	–	2538	794	1 557 223
1776	1 072 700	26 649	–	–	150	1 699 499
1777	1 871 439	31 919	–	–	–	1 903 358
1778	2 357 091	25 816	–	–	–	2 382 907
1779	1 986 594	1 450	–	–	–	1 988 044
1780	2 550 352	–	–	–	–	2 550 352
1781	2 176 031	1	–	6	38	2 176 392
1782	1 868 744	–	–	–	–	1 868 744
1783	1 507 815	–	–	–	–	1 507 815
1784	1 802 942	–	–	–	–	1 802 942
1785	2 153 510	–	–	–	–	2 153 510
1786	1 518 825	–	–	2863	1126	1 522 814
1787	954 400	–	–	–	–	954 400
1788	2 457 042	–	–	–	–	2 457 042
1789	1 292 062	57 555	63 427	10 045	5093	1 428 182
1790	1 999 740	95 300	18 624	6 175	2547	2 122 386
1791	1 186 941	7425	–	–	–	1 194 366

1	2	3	4	5	6	7
1792	1 308 825	—	—	—	—	1 308 825
1793	1 136 814	—	—	4 666	—	1 141 480
1794	1 047 503	—	7566	3 987	23	1 059 069
1795	776 536	30 923	22 855	15 977	177	846 468
1796	97 450	12 378 ^{1*}	5233 ^{1*}	—	652	201 613
		85 900 ^{2*}				
1797	—	98 278	5233	652	3*	104 163
1798	—	1 130 557	192 429	25 971	3775	1 352 732
1799	—	1 112 819	237 886	35	28	1 350 768
1800	—	563 122	94 926	3*	3*	658 048
Итого:	57 675 235	3 798 624	648 604	162418	85 733	62 370 616

*Монеты Екатерины II. С. 338. Монеты Павла I. С. 22.

^{1*}Прежнего штемпеля.

^{2*}Нового достоинства.

^{3**}В ведомости означено, что в 1797 г. полушек не было изготовлено, на самом деле они попадают часто и не представляют редкости, напротив показанных в таблице полушек 1799 г. до сих пор не было найдено; очень редко встречаются денюжки и полушки 1800 г." (Примечание составителей издания "Монеты Павла I").

Подавляющая часть продукции монетного двора во время правления Екатерины II (1763–1796 гг.) состояла из пятикопеечников. Сумма чеканки этого номинала измерялась десятками миллионов, двухкопеечников – сотнями тысяч, остальных номиналов – немногим более сотни тысяч, а полушек даже менее 100 тыс. руб. На долю пятак приходилось 97,9 % от общей суммы чеканки, доля остальных была незначительной. При Павле I в 1797–1800 гг. пятикопеечники на Екатеринбургском дворе не печатались, а ведущее место в чеканке заняла двухкопеечная монета, на долю которой приходилось 83,8 % от общей суммы передела.

В последней трети XVIII в. в среднем ежегодно выделялось монет на 1730 тыс. руб. при Екатерине и в два раза меньше – 866,4 тыс.руб. при Павле I, но в отдельные годы чеканка достигала 2,5 и более миллионов рублей. В целом же за период с 1735 по 1801 г. на Екатеринбургском дворе было изготовлено монет на 78,8 млн.руб.³⁸ На протяжении почти трех десятилетий (1763–1789 гг.) чеканка была более чем стабильной: в 60-е годы выпущено монет на 1784 тыс.руб., в 70-е – на 2215 тыс.руб., в 80-е – на 1842 тыс. руб. В 90-е годы происходит спад до 1,1 млн. руб. в год при Екатерине II и до 866,4 тыс. руб. в правление Павла I. Пик передела приходится на 70-е годы, что было связано с необходимостью создания определенных запасов медной монеты для обеспечения ассигнаций, выпуск которых начался в 1769 г. Резкое сокращение чеканки в 90-е годы – следствие значительного повышения цен на медь, в результате чего выпуск ее перестал приносить казне прибыль, более того стал убыточным.

В связи с началом второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) и нехваткой денег в казне именованным указом Екатерины II от 31 декабря 1787 г. было определено "умножить меди на всех монетных дворах страны"³⁹. А так как в 1787 г. на Екатеринбургском монетном дворе из-за недостатка воды было изготовлено медной монеты в два с лишним раза меньше обычного, то было решено в помощь ему построить на Урале еще два монетных двора. Один на реке Бабке в Пермском горном округе, где был прежде медеплавильный завод императрицы Анны Иоанновны и сохранилась плотина, другой на реке Исети, ниже Екатеринбурга на 11 верст. Ведать постройкой этих дворов, производством на них, управлением, по рекомендации генерал-прокурора А.А. Вяземского, был назначен коллежский советник Федор Грамматчиков, "яко человек, который через долговременную практику приобрел особое знание"⁴⁰.

Строительство Аннинского монетного двора на р.Бабке велось с 1788 г., а спустя год он начал давать продукцию. Все необходимые станки, инструменты и технические кадры были присланы из Екатеринбурга. Расположенные в округе частные и казенные медеплавильные заводы поставляли медь, что позволяло монетному двору работать бесперебойно. Подавляющая часть продукции Аннинского двора состояла из пятикопеечников. Всего за 9 лет (1789–1797) было напечатано монет на 4804 тыс. руб., в том числе пятаков на 4791 тыс. руб., а других номиналов – немногим более чем на 13 тыс. руб.

Данные о чеканке на Аннинском дворе таковы (в рублях):

1789 г.	400 000	1793 г.	374 663
1790 г. с 1 января до 1 мая 1791 г.	1 010 114	1794 г.	368 224
1791 г. с 1 мая до 1 мая 1792 г.	784 263	1795 г.	500 000
1792 г.	410 000	1796 г.	336 376
		1797 г.	621 200

Сведения о чеканке за 1798 г. в опубликованной ведомости не приводятся, но встречаются двухкопеечные монеты, деньга и полушки со штемпелем этого года⁴¹. Своим внешним видом монеты этого двора ничем не отличались от продукции других дворов; на них ставились буквы "АМ". В отличие от Аннинского, Нижнеисетский монетный двор строился долго, с 1788 по 1795 г., но так и не был закончен. Во время внезапно вспыхнувшего пожара 23 декабря 1795 г. он полностью сгорел. Постройка его обошлась казне в кругленькую сумму (36,5 тыс. руб.). Все уцелевшее оборудование с этого двора было отправлено на Нижегородский монетный двор, где должна была производиться перечеканка монет 16-рублевой стопы в 32-рублевую⁴².

СУЗУНСКИЙ (КОЛЫВАНСКИЙ) МОНЕТНЫЙ ДВОР

В историко-нумизматической литературе Сузунский монетный двор чаще называют Колыванским, потому что он чеканил монету из колыванской меди. Но он был основан при Нижне-Сузунском медеплавильном заводе и его точнее называть Сузунским монетным двором. Сибирские власти в течение многих десятилетий жаловались на недостаток, а то и вовсе на отсутствие медной разменной монеты. Доставка и распространение тяжеловесной и громоздкой монеты в отдаленные местности Сибири обходились очень дорого. Поэтому давно зрела мысль о постройке там монетного двора. Вопрос упирался прежде всего в сырье для монетного двора, потому что медеплавильная промышленность в Сибири распространения не получила, главным образом из-за недостатка технических кадров и вообще рабочей силы⁴³.

Практическое решение вопроса было ускорено форсированным развитием добычи благородных металлов на Алтае. С увеличением мощности Колывано-Воскресенских заводов росли и расходы. В 60-е годы на их содержание ежегодно выделялось 120 тыс. руб. В феврале 1763 г. Кабинет императрицы, в ведомстве которого находились алтайские заводы, поставил перед Колывано-Воскресенским горным начальством ряд вопросов: каким способом удобнее перевозить на Алтай 120 тыс. руб. медной монеты, нельзя ли из меди, получаемой при выплавке серебра, которая остается без употребления, делать медную монету и что для этого нужно, и достаточно ли для ежегодного передела добываемой меди или надо построить поблизости, где нашлась бы медная руда, особый медеплавильный завод?⁴⁴ Горное начальство сообщило, что меди на Алтае достаточно и особого завода строить не надо; но медь содержит серебро и золото и из нее невыгодно чеканить монету по 16 руб. из пуда. А извлекать из этой меди серебро и золото хлопотно, потребуются много людей и времени, что помешало бы главной задаче — выплавке серебра на Колывано-Воскресенских заводах. К тому же для этого надо много свинца, а он "с Нерчинских заводов достается с великой трудностью и дороговизной". Предлагалось серебристую медь использовать в качестве лигатуры при выделке серебряной монеты; но в России ее не делается так много, чтобы можно было израсходовать всю накопившуюся и ежегодно получаемую медь. В связи с этим рекомендовалось выделять из нее, не извлекая серебро и золото, особую монету по 40 руб. из пуда, которая имела бы хождение только в Сибири. И для этого намечалось построить небольшой монетный двор и прислать из Екатеринбурга минцмейстера или минцпробирера, мастеровых людей и необходимое оборудование⁴⁵.

Екатерина II запросила мнение на этот счет Шлаттера. В записке, датированной 21 августа 1763 г., Шлаттер высказался в пользу чеканки сибирской медной монеты четырех номиналов (10, 5, 2 и 1 коп.) ежегодно на

сумму 150 тыс. руб. с таким расчетом, чтобы она покрывала все расходы на содержание Колывано-Воскресенских заводов и монетного двора, построенного для выделки сибирской монеты. Поскольку пуд алтайской меди содержал этого металла, а также золота и серебра на 24 руб. 24,5 коп., то он предлагал из него (с учетом расходов на изготовление монеты) чеканить 25 руб. Эта монета должна была ходить только в Сибири (от Тары до Иркутска, Нерчинска и Камчатки). Чтобы сибирская монета отличалась от обычной медной монеты 16-рублевой стопы ее требовалось изготавливать другим чеканом. Как полагал Шлаттер, на выпуск сибирской монеты на 150 тыс. руб. ежегодно надо не менее 6000 пудов меди. Передел каждого пуда этой меди мог бы принести казне 11 руб. 24 коп. (2 коп. от имеющегося в ней золота, 1 руб. 31 коп. от серебра и 9 руб. 91 коп. от меди). Шлаттер определил штат монетного двора и предложил специалистов, машины и другое оборудование направить с Екатеринбургского монетного двора⁴⁶. Все эти соображения Шлаттера были одобрены Екатериной II именным указом от 7 ноября 1763 г., причем к упомянутым президентом Берг-коллегии номиналам была добавлена еще полушка. Сенат приказал "немедленно и с крайним поспешением отправить из Екатеринбурга на Колывано-Воскресенские заводы потребное число мастеровых людей и инструментов", по списку, составленному Шлаттером, и приступить к постройке монетного двора⁴⁷.

Понадобилось более чем два с лишним года подготовительной работы, прежде чем Сузунский монетный двор начал чеканить сибирскую медную монету. В это время из Петербурга на Алтай поступили матрицы и контрпунсоны, из Екатеринбурга – плащильные, обрезные, печатные, гуртильные станы "со всем принадлежащим к ним железным прибором", мастера, подмастерья и их ученики разных специальностей. Решался вопрос о том, где разместить монетный двор. Для обстоятельного обсуждения его и других мер, связанных с организацией монетного дела на Алтае, канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства созвала "консилиум всех находящихся при Барнаульском и Колыванском заводах и Змеиногорском руднике горных офицеров".

Такой совет был создан в конце января 1764 г. На нем пришли к единодушному мнению, что надо отказаться от предложения основать монетное производство при крупнейшем сереброплавильном заводе на Алтае – Барнаульском. Прежде всего потому, что в этом случае всю работу по переплавке руд и получению серебра придется остановить. Был отвергнут и план сооружения монетного двора на строившемся Павловском заводе, расположенном в 48 верстах от Барнаула. Павловский завод должен был заменить старейший на Алтае Колыванский, официально закрытый в 1759 г. из-за отсутствия леса в округе, который весь был вырублен для получения древесного угля.

Совет решил построить новый медеплавильный завод на притоке Оби, Нижнем Сузуне в 130 верстах к северо-западу от Барнаула, где было много воды и леса. На заводе и монетном дворе при нем намечалось осуществлять все операции по переделу денег, начиная от выплавки меди, ее очистки до печатания и гурчения. Имеющихся запасов золотистой и серебристой меди (около 32 тыс. пудов) должно было хватить на 4 года работы двора, так как на изготовление денег на 200 тыс. руб. ежегодно требовалось 8000 пудов меди. А за эти 4 года от плавки полиметаллических руд накопилось бы свыше 10 тыс. пудов чистой меди (с примесью золота и серебра), т.е. еще на год работы монетного двора. Совет просил Монетную канцелярию прислать опытного минцвардейна или минцпробирера "для установления сего нового дела" и приведения металла в указную пробу⁴⁸.

Рекомендации Совета получили одобрение и в Канцелярии Колыванского горного начальства и в центральном монетном ведомстве. Развернулось строительство Сузунского медеплавильного завода и монетного двора при нем. Тем временем из Екатеринбурга прибыли новая партия мастеровых людей во главе с опытным пробирным мастером Михаилом Голышевым и дополнительное оборудование (расковочные молоты, обрезные, печатные и переводной чугунные станы "со всем принадлежащим к ним железным прибором и другими припасами")⁴⁹.

В январе 1765 г. на Сузунский монетный двор был отправлен в качестве минцвардейна, т.е. начальника двора, уже известный читателю Иван Марков, бывший вардейн Петербургского монетного двора и изобретатель изложниц для выливки монетных полос. Ему был дан обширный наказ, подписанный Шлаттером, касавшийся вопросов привода меди в указную пробу, производства монет, оплаты труда монетчиков и других мастеровых людей⁵⁰. Петербургский и Московский монетный дворы оказали помощь Сузунскому двору, отправив на Алтай 4 монетчика и 6 учеников "рисовального и резного, инструментального, слесарного, токарного и кузнечного дела"⁵¹. Пуск Сузунского монетного двора откладывался по разным причинам. В частности, потому что все "фабрики" нового монетного двора сгорели 14 июня 1765 г. и их пришлось строить заново. Императрица выразила недовольство тем, что изготовление сибирской медной монеты надолго затянулось и потребовала от Колыванского горного начальства и Маркова как можно быстрее начать работу нового монетного двора⁵². Наконец, к сентябрю 1766 г. монетный двор был заново выстроен и в конце этого месяца приступил к чеканке.

Сузунский двор чеканил медные монеты (1766–1781 гг.) по 25 руб. из пуда достоинством в 10, 5, 2, 1 копейку, деньгу и полушку. На монетах, выпущенных в 1766–1767 гг., на лицевой стороне помещался вензель Екатерины II под короной в венке из лавровой и пальмовой веток, на оборотной – сибирский герб (два соболя поддерживают щит под градской короной). На щите герба указаны стоимость монеты и дата, по окружности

надпись "Монета сибирская". На полушке герб был изображен неполно (только щит). На десяти, пяти и двухкопеечных монетах на гуртике имеется надпись "колыванская медь". В 1767 г. начали чеканить и монеты нового типа, на которых вместо гуртовой надписи на лицевой стороне монет всех достоинств помещались буквы КМ (колыванская медь). Монеты этого типа чеканились до 1781 г., т.е. пока были сибирской монетой.

После того как на Сузунском дворе стали выделывать общероссийскую монету по 16 руб. из пуда меди, изображение изменилось. На пятикопеечной монете на лицевой стороне – двухглавый орел, под ним буквы КМ и на ленте надпись: "Пять копеек". На деньге и полушке на лицевой стороне изображен, Георгий на коне, под ним буквы КМ, на ленте указана стоимость монеты. На оборотной стороне – вензель Е II (императрица Екатерина II) в венке. При Павле I в 1797–1801 гг. на лицевой стороне под короной помещался вензель П I, на оборотной в верхней части цифровое обозначение номинала, а в нижней под чертой – дата и буквы КМ (а в XIX в. СМ)⁵³.

В первый год на Сузунском дворе было сделано монет всего на 23,2 тыс. руб. В последующие годы чеканка сибирской монеты была стабильной и достигала 250 тыс., а с середины 70-х годов – 300 тыс. руб. в год. За 16 лет общая сумма чеканки сибирской монеты составила около 3,8 млн. руб., или в среднем 237,5 тыс. руб. в год. (см. табл. 18).

Таблица 18

**Чеканка медной монеты на
Сузунском монетном дворе (1766–1800 гг.)*
(в рублях)**

Сибирская монета по 25 рублей из пуда		Медная монета по 16 рублей из пуда	
Год	Сумма	Год	Сумма
1766	23 227	1784	230 925
1767	258 954	1785	278 825
1768	170 859	1786	191 000
1769	200 071	1787	145 550
1770	250 029	1788	167 700
1771	250 060	1789	115 512
1772	250 096	1790	200 000
1773	253 412	1791	200 000
1774	250 200	1792	200 000
1775	300 000	1793	200 000
1776	300 200	1794	200 000
1777	300 000	1795	200 000
1778	300 000	1796	151 000
1779	300 000	1797	200 000
1780	105 850	1798	186 000
1781	286 703	1799	200 000
1782	300 709	1800	156 000
1783	152 299		

*Монеты Екатерины II. С. 341. Монеты Павла I. С. 23.

Подавляющая часть монет (90 %) состояла из гривенников, пятак и грошевиков и лишь 10 % – из копеек, денежек и полушек, причем последние делались из обрезков меди, остававшихся от передела первых трех номиналов⁵⁴.

С июня 1766 г. по 1 апреля 1780 г. на Сузунском дворе было начеканено монет на 3,5 млн. руб. Из этой суммы на содержание всех Колывано-Воскресенских заводов, а также монетного двора было израсходовано немногим менее 3 млн. руб. Таким образом, задача, поставленная Кабинетом перед новым монетным двором, обеспечить нужды алтайской промышленности в деньгах, была выполнена.

К началу 80-х годов получаемая от плавки золотистого серебра медь содержала в себе по сравнению с прошлыми годами значительно меньше серебра и золота. К тому же этой меди было недостаточно для чеканки требуемого количества сибирской монеты. А запасы высокопробной меди были исчерпаны. Добываемые же медные руды имели "содержание серебра весьма убогое" и после плавки и очистки в медь "надлежащей к монетному делу цены в себе не содержали"⁵⁵. Поэтому в ноябре 1781 г. решено было сибирскую монету по 25 руб. из пуда меди более не делать, а из получаемой на Колывано-Воскресенских заводах меди чеканить медную монету по 16 руб. из пуда, т.е. такую же, какая имела хождение во всей России и теми же штемпелями, что и на Екатеринбургском монетном дворе⁵⁶.

В 1782–1800 гг. на Сузунском дворе было выпущено монет по 16 руб. из пуда меди на 3475,5 тыс. руб., или в среднем около 183 тыс. руб. в год. Общая чеканка за четверть века (1766–1800 гг.) достигла почти 7,3 млн. руб.

СЕСТРОРЕЦКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР

Выпуск крупных медных монет достоинством в 1 руб. и 50 коп. весом в 500 и 250 г (по 32-рублевой стопе) планировался еще в 1762 г. при Петре III. Однако вследствие кратковременного правления этого императора тогда не успели приступить к делу. При Екатерине II была предпринята попытка осуществить данный замысел с целью сокращения расходов (по сравнению с чеканкой пятак). Именным указом императрицы от 16 февраля 1770 г. поручалось начать работы на Сестрорецком монетном дворе по изготовлению медных рублей весом в 1 кг по 16 руб. из пуда "для лучшего и удобнейшего хождения в народе"⁵⁷. Речь шла, таким образом, об обычном выпуске в обращение медных рублей. Но в дальнейшем виды на них изменились. Предполагалось, что они будут храниться в подвалах Ассигнационного банка и служить обеспечением ассигнаций, выпуск которых начался в 1769 г. А затем, если позволят обстоятельства, можно будет начать на эти медные рубли выкуп ассигнаций.

Общее руководство за организацией и ходом передела рублевой медной монеты было возложено на президента Берг-коллегии и Монетного департамента А.Е. Мусина-Пушкина. В конце августа 1770 г. он сообщил в Сенат, что постройка и ремонт помещений ("фабрик") "и в них потребных к тому машин приходит к окончанию". После завершения всей работы и поступления меди с казенных уральских заводов станет возможным приступить к переделу. Мусин-Пушкин просил Сенат поставить во главе производства известного читателю Ивана Маркова, знатока монетного дела, многие годы проработавшего на Петербургском и Сузунском (Колыванском) монетных дворах. Одновременно он рекомендовал "за долговременную и непорочную службу" пожаловать Маркова "чином и жалованьем" коллежского асессора⁵⁸. Екатерина II утвердила один из рисунков рублевой монеты: на одной стороне государственный герб с датой на щите в середине, на другой надпись – "Монета рубль".

После смерти Мусина-Пушкина в июне 1771 г. производство новой монеты застопорилось. Сменивший его на посту президента Берг-коллегии М.Ф. Соймонов, учитывая, видимо, сложные технические трудности, с которыми столкнулся Сестрорецкий монетный двор, большие расходы при изготовлении первых пробных монет поставил в ноябре 1773 г. перед Сенатом вопрос, начинать ли делать рублевую монету? Если она необходима, то, по мнению Соймонова, прежде чем приступить к переделу, надо осмотреть машины, рассчитать угар, определить величину "задельных денег" монетчикам, короче, установить, каковы будут расходы⁵⁹.

Екатерина II приказала начать работы по выпуску опытных образцов рублевой медной монеты на машинах, построенных при Мусине-Пушкине⁶⁰. Результаты были неутешительными. Подготовка массивных кружков велась на вододействующей пыльной мельнице путем распиловки штыковой меди на специальных рамах. Во время работы пилы очень сильно разогревались, несмотря на постоянное водяное охлаждение, закалка отходила и зубья стирались. Остановка пил для охлаждения затягивала, тормозила работу. Кружки монет после распиловки получались кривобокими: одна сторона была толще, другая тоньше и не "указного", т.е. требуемого, веса. Выравнивание их ручными пилами вело к большим затратам времени и расходам. При распиловке меди в кружки получалось много отходов (опилок и обрезков). Безуспешными оказались и попытки использовать литые кружки, поскольку они требовали дорогостоящей ручной обточки.

Чтобы упростить передел, решили отказаться от гуртовой надписи и стали готовить более тонкие и большего диаметра кружки. Но сложности возникали и при чеканке. В Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге имеются подлинные тонкие (на широком кружке) и "толстые" с гуртовой надписью медные рубли⁶¹. На основании предварительных расчетов полагали, что расходы (угар меди и "задельные деньги" монетчикам) на

изготовление рублевой монеты не превысят 12 коп. за пуд переработанного металла. На самом деле они оказались во много раз больше и составили 1 руб. 6 коп.⁶²

Опыты по переделу рублевой медной монеты продолжались 8 лет. Однако трудности технического порядка, с которыми не мог справиться монетный двор, и убыточность выпуска вынудили отказаться в 1778 г. от этой затеи императрицы.

ФЕОДОСИЙСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР

В Крыму, по инициативе Г.А. Потемкина, был основан монетный двор, который действовал в 1787–1788 гг. и чеканил медную монету. Мысль о создании в Феодосии (Кафе) монетного двора возникла в 1783 г., т.е. вскоре же после присоединения Крымского полуострова (Тавриды) к России. Чеканка медной монеты на месте должна была содействовать развитию торговли России с Крымом. В Феодосии имелся монетный двор, чеканивший до 1783 г. медную монету последнего крымского хана Шахин Гирея, по своему весу тождественной русской медной монете. Указом императрицы от 19 сентября 1783 г. было предписано привести бывший ханский монетный двор в такое состояние, чтобы можно было при первой надобности "начать передел на оном медной российской монеты". С этой целью было решено отправить туда специалистов с Петербургского монетного двора И. Затлера и И. Гинца – первого управляющим, второго минцмейстером. Вместе с ними в Крым направлялись несколько учеников разных специальностей, кузнец, слесарь, расковочный мастер и 4 монетчика с Московского монетного двора, а также необходимые инструменты и припасы.

Затлер с командой прибыл в Феодосию осенью следующего года. Прежние здания ханского двора требовали капитального ремонта, а оборудование замены. Здешние печатные станы "ветхи и худой пропорции", – писал Затлер⁶³. Потемкин потребовал от правителя Таврической области оказывать всяческое содействие Затлеру в строительстве монетного двора. Оно велось более двух лет и не прекращалось и после начала работы монетного двора⁶⁴.

Летом 1786 г. Гинц сообщал Каховскому, что "машины все исправлены вместе с внутренним строением, и работать на оных можно". Однако передел начинать нельзя, потому что не достает инструментов для ремонта машин, дров, угля и других припасов, не хватает и людей: гармахеров, слесаря-инструментальщика, а также монетчиков к каждому стану и мастеровых, "а без сего всего и денежного передела начинать никак нельзя"⁶⁵. Жалобы руководителей монетного двора на нехватку дров и угля ("двух сих материалов, яко первейших для его существования") и мастеров денежного дела продолжались в течение всего его существо-

вания. Местные ресурсы мобилизовать не удавалось, привоз же из России и Польши был осложнен подготовкой к второй русско-турецкой войне, во время которой весь гужевой транспорт на южных и юго-западных границах использовался прежде всего для снабжения армии и флота⁶⁶.

Лучше обстояло дело с медью. Она поступала морем из турецкой провинции Анатолии. Ее покупали за деньги, либо меняли на соль и пшеницу – главные статьи русского экспорта в Османскую империю⁶⁷.

В декабре 1787 г. на Феодосийском монетном дворе работало 140 человек. Среди них минцмейстер, два резчика штемпелей, шесть монетчиков, пробирный, ученик, гармахер, мастер расковочного дела, два кузнеца и пять кузнечных подмастерьев. Сплавкой и расковкой металла были заняты 21, переделом на разных машинах и станах – 44 работника. Национальный состав мастеровых и работников был пестрым: цыгане и татары, русские и немцы. Профессиональный уровень основной массы мастеровых и работных людей был невысоким⁶⁸. Монетный двор в Крыму чеканил пятикопеечники и грошевики, всего за время его существования было выпущено монет на 50350 руб., в том числе пятикопеечной на 49950 руб. и грошевой на 1200 руб. Монеты ничем по своему внешнему виду не отличались от монет других дворов России, только на них имелись буквы ТМ (Таврическая монета)⁶⁹. В связи с начавшейся русско-турецкой войной и возможностью нападения неприятеля на Феодосию было решено прекратить чеканку, сделанную монету перевезти в Симферополь, а оборудование – в небольшой городишко Карасу-Базар. В 1796 г. Феодосийский монетный двор был перестроен в казармы.

Итак, монетный двор на юге страны просуществовал недолго и результаты его работы были незначительны. Вероятнее всего это можно объяснить отсутствием многих условий, необходимых для регулярной работы монетного двора.

Помимо медной таврической монеты, известны также серебряные монетовидные жетоны в 20, 10, 5 и 2 коп. (без обозначения), на одной стороне которых имеются вензель Екатерины II, под которым стоит дата и круговая надпись "Царица Херсониса Таврического", на другой – цифра, счетные точки и буквы ТМ. О происхождении этих монет в письменных источниках сведения отсутствуют. В частности, не известен и законодательный акт, обычно публикуемый при выпуске новой серии монет. В.Д. Смирнов полагает, что эти монеты были начеканены "для употребления в ограниченной сфере, может быть для раздачи народу во время путешествия императрицы Екатерины в Крым" в 1787 г., но сделаны они были не в Феодосии, вероятнее всего на Петербургском или Московском монетном дворе. Это, в частности, вытекает "и из чистоты работы самой монеты, какая немислима была при механических средствах, бывших в распоряжении монетного двора в Феодосии"⁷⁰.

Другая точка зрения, на наш взгляд, более аргументированная, высказана известным нумизматом И.Г. Спасским. Он не разделяет предположение Смирнова, что эти монеты, названные любителями "потемкинскими", печатались в Петербурге или Москве. В столице штемпелей этих монет не обнаружено, а в Москве монетный двор с 1776 г. не работал. "Внешние же признаки монет, технический уровень изготовления их штемпелей и даже качество серебра говорят о довольно захудалом монетном дворе". Спасский считает, что инициатива чеканки этой серии монет принадлежала Потемкину, который, желая угодить и поразить императрицу, затеял их изготовление на Феодосийском монетном дворе из имевшегося там необходимого количества серебра, хотя этот двор был учрежден для чеканки только медной монеты⁷¹. Однако Екатерина II не считала нужным чеканить серебряную монету где-либо, кроме Петербурга, и не поддержала планов своего фаворита.

ПРОЕКТ П.А.ЗУБОВА И ОТКАЗ ОТ НЕГО ПРИ ПАВЛЕ I

В конце царствования Екатерины II был выдвинут план удвоения достоинства всей находящейся в обращении медной монеты путем перепечатки ее из 16-рублевой в 32-рублевую стопу. Иначе говоря, императрица вернулась к предложению, выдвинутому Шуваловым в 1760 г., начавшему осуществляться при Петре III, которое она решительно отвергла сразу же после своего вступления на престол в 1762 г. Автором проекта перепечатки тяжеловесной медной монеты в легковесную был последний фаворит престарелой императрицы, граф, генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии) 29-летний П.А. Зубов. Этот молодой и крайне самонадеянный человек, не получивший хорошего образования, не отличавшийся ни большим умом, ни способностями, сделал в течение нескольких лет головокружительную карьеру благодаря близости к Екатерине и ее милостям. В 1794 г. он вместе с отцом и тремя братьями возведен в графское достоинство, награжден высшим орденом Андрея Первозванного, назначен екатеринославским и таврическим генерал-губернатором, затем пожалован в генерал-фельдмаршалы. При дворе все раболепствовали и пресмыкались перед Зубовым, но ненавидели его.

План перечеканки медной монеты возник в условиях кризисного состояния финансов России, дефицита государственного бюджета, инфляции, растущей внешней задолженности, обесценения бумажных денег — ассигнаций, которых было выпущено более чем на 150 млн. руб. По мнению Зубова, перечеканка приведет в соответствие стоимость меди в монете с ее торговой ценой, увеличит доходы казны, покончит с изъятием медной монеты из обращения и использованием ее в качестве материала ремесленниками и промышленниками (например, при изготовлении

посуды). Увеличение в два раза номинала, а следовательно, суммы медных денег, находившихся в обращении, должно было восстановить соответствие между имевшейся в обращении массой ассигнаций и медных денег и облегчить обмен первых на вторые.

В докладе Зубова, представленном и одобренном Екатериной II, содержится ряд ценных наблюдений и фактических данных о состоянии финансов и денежного обращения в России, но главная его идея не выдерживала критики⁷². Не случайно основные положения плана Зубова были отвергнуты членами Государственного совета после смерти Екатерины II. Порча монеты никогда и нигде не приводила к стабилизации денежного обращения и оздоровлению финансов страны.

Для осуществления плана перечеканки медной монеты 16-рублевой стопы в 32-рублевую 8 мая 1792 г. был создан Особый комитет, подчинявшийся непосредственно императрице, в следующем составе: канцлер, президент Коллегии иностранных дел А.А. Безбородко, генерал-прокурор Сената А.Н. Самойлов, П.А. Зубов, Н.П. Румянцев (член Государственного совета при Павле), П.В. Мятлев, В.С. Попов, бывший правитель канцелярии Г.А. Потемкина, статс-секретарь Кабинета Екатерины II⁷³. В его задачи входило руководство Главной экспедицией по переделу монеты в Петербурге, которой подчинялись все монетные дворы в России. Были подготовлены рисунки с изображением монет нового достоинства всех номиналов, с которых сделали штампы и слепки и представили на утверждение Екатерины II. Главной экспедиции поручалось заготовить и разослать во все учреждаемые монетные дворы надлежащее количество штампов, маточников и образцовых монет. Для ускорения операции по перепечатке были учреждены временно новые монетные дворы в Нижнем Новгороде, Архангельске (на меднолитейном заводе А. И. Шувалова), в Полоцке и Херсоне.

Медную монету 16-рублевого достоинства (ее имелось на 14 млн. руб.) намечалось перепечатать в 32-рублевую стопу (5 коп. в 10, 2 коп. в 4, 1 коп. в две, денжки в копейки и полушки в денжки) по следующей разрядке: на Петербургском и Московском монетных дворах — по 4 млн. руб., на Полоцком и Архангельском — по 1 млн. руб., на Нижегородском и Херсонском — по 2 млн. руб. на каждом. На Екатеринбургском, Аннинском и Сузунском (Колыванском) монетных дворах производство старой (16-рублевой в пуде) монеты было остановлено и приказано чеканить из новой меди легковесные пятаки и полушки по 32 руб. из пуда, так как другие номиналы будут перепечатываться из прежних монет. По мере поступления на эти дворы старой монеты ее также следовало без замедления перепечатывать в легковесную. Главная экспедиция должна была проследить за тем, чтобы на эти дворы были отправлены штампы, маточники и образцовые монеты нового достоинства⁷⁴. Таким образом, планировалось одновременно и перепечатывать старую монету и изготавливать легковес-

ную из новой меди. Трем монетным дворам строжайшим образом было наказано всю эту работу производить "без всякой огласки и отнюдь новой монеты ни в какое обращение не допускать", ибо до опубликования манифеста все дело следовало сохранить в секрете⁷⁵.

На устройство новых монетных дворов, снабжение их необходимым оборудованием и инструментами, отправку на эти дворы мастеровых людей и монетчиков было выделено около 40 тыс. руб. В Москве решили устроить новый деревянный монетный двор на месте прежнего. По смете расходы не должны были превышать 20 тыс. руб. Главная экспедиция ассигновала 15732 руб. на починку и исправление печатных и переводных станков на Московском монетном дворе. Но они сохранились в хорошем состоянии и на ремонт их потребовалось значительно меньше денег. Экономленные средства были использованы для строительства нового двора в Москве, которое предполагалось завершить в сентябре. К этому времени намечалось полностью устроить на Петербургском монетном дворе отделение для перепечатки медной монеты.

Главная экспедиция рекомендовала монетным дворам "как скоро на котором из них все строения и машины будут готовы" или часть из них, то немедленно приступить к перепечатке, не ожидая особого распоряжения. Казенным палатам и Ассигнационному банку было предписано отпускать старую монету по первому требованию монетных дворов⁷⁶.

Перепечатка 16-рублевой медной монеты в 32-рублевую началась раньше всего на Петербургском монетном дворе, еще в августе 1796 г., затем в эту работу включились Московский и Нижегородский дворы. Она продолжалась до начала ноября 1796 г. (до смерти Екатерины II). За это время было перепечатано в Москве 540500 руб. (1 081 000), в Петербурге – 402000 руб. (804000), в Нижнем Новгороде – 86000 руб. (172000). Архангельский, Полоцкий и Херсонский монетные дворы к этому времени не успели приступить к работе и были по указу Павла I закрыты⁷⁷. Новый император предложил Государственному Совету рассмотреть вопрос о зубовском плане перепечатки всей медной монеты и пригласить для участия в обсуждении М.Ф. Соймонова, государственного казначея А.И. Васильева, сенатора А.В. Храповицкого, главного директора Ассигнационного банка А.В. Куракина.

Приглашенные в Совет представили составленную ими записку, в которой подвергли критике план Зубова. Совет, обсудив записку, признал замечания "основательными" и заявил, что не предвидит, „чтоб платеж переделанной монетой в толико униженном достоинстве мог быть достаточным к удовлетворению государственным надобностям и долгам, а наипаче внешним". Совет считал, что перепечатку медной монеты надо остановить, потому что от продолжения ее казна может понести убыток⁷⁸. Павел I согласился с этим мнением, но высказался в том плане, что может быть чеканить из пуда меди не 16, а 25 руб. Президент Коллегии иностр.

ранных дел, канцлер Безбородко заявил, что трудно признать это предложение полезным, потому что "для лучшего сбережения кредита ассигнаций и нашего с иностранными деньгами курса, нужно медную монету оставить в настоящем достоинстве, делая из пуда 16, а не 25 или 24 рубля, и что вообще возвращение всякой монеты в ее истинную и должную цену и доброту" будет способствовать укреплению государственного кредита и возвышению валютного курса. Царь признал справедливой точку зрения канцлера и поддержал ряд других замечаний авторов записки в отношении зубовского плана. В частности, на их предложение уравнивать количество медных денег с настоящим числом ассигнаций, он заметил, что нужно "не токмо умножение медной монеты в нынешнем достоинстве, но и умеренное уничтожение ассигнаций"⁷⁹.

В результате обсуждения вопроса в течение ноября–декабря Государственный Совет рекомендовал: прекратить перечеканку тяжеловесной монеты в легковесную, переделать последнюю в прежнее достоинство и вид (т.е. по 16 руб. из пуда) с новым вензелем императора; Особый комитет, Главную экспедицию по переделу медной монеты и новые монетные дворы, устроенные по плану Зубова, ликвидировать, а оставить только те, где действительно производится передел и лишь на то время, какое потребуются для перепечатки легковесной монеты; собранную на монетных дворах медную монету (для перечеканки) передать в ассигнационные банки для размена ассигнаций. Все эти рекомендации были поддержаны Павлом I и затем оформлены в виде указа от 10 декабря 1796 г. государственному казначею А.И. Васильеву⁸⁰.

Обратная перепечатка медной монеты в прежнее достоинство (по 16 руб. из пуда) и вид велась на Петербургском, Московском, Нижегородском, Екатеринбургском, Аннинском, Сузунском (Колыванском) монетных дворах. При этом пользовались штемпелями 1790–1796 гг. в основном со знаком "ЕМ", независимо от того, где производилась перепечатка. С завершением этой операции к лету 1797 г. Московский и Нижегородский дворы закрылись⁸¹.

Обсуждался вопрос о судьбе Аннинского монетного двора. На вопрос Сената – надо ли его сохранить, Берг-коллегия сообщила, что без него можно вполне обойтись. На Екатеринбургском монетном дворе на 12 вододействующих и 14 ручных машинах делается медной монеты в год на 1,5 млн. руб. После того как будут установлены дополнительные станы, можно будет чеканить дополнительно еще на 500 тыс. руб. Дело только за медью. Если Екатеринбургский двор будет обеспечен требуемым количеством меди, то на нем можно будет ежегодно выделывать монеты на 2 млн. руб. Аннинский же монетный двор "за маловодием и недостатком людей" переделывает в год не более 38 тыс. пуд. меди. Поэтому целесообразно прекратить на нем чеканку монет, а имеющиеся печи использовать для плавки медной руды, тем более, что на Юговском медеплавиль-

ном заводе "за малостью воды" в течение года работают далеко не все 24 печи. Коллегия предложила всех мастеровых людей, чиновников и других работников Аннинского двора перевести на Екатеринбургский монетный двор. Что же касается управляющего Аннинского двора коллежского советника Граматчикова, то его определить в Екатеринбургскую монетную экспедицию "старшим членом" с прежним жалованьем (515 руб. в год), "понеже в установлении машин и в уменьшении при деле монеты угаров, он доказал свое усердие, расторопность и искусство". Сенат согласился с этим мнением Берг-коллегии⁸².

В 1798 г. Аннинский двор прекратил свою деятельность. Знак АМ встречается на перечеканенных монетах из 32-рублевой стопы в 16-рублевую. На остальных дворах передел меди в монету продолжался.

Глава седьмая
СЕРЕБРЯНАЯ И ЗОЛОТАЯ МОНЕТА ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II И ПАВЛЕ I
МОНЕТЫ ЕКАТЕРИНЫ II

План Шувалова предусматривал передел нового серебра и перечеканку всей прежней серебряной монеты в монеты 72-й пробы. Эта операция должна была увеличить доходы казны. Кроме того, она, по мнению Шувалова, исключала возможность вывоза серебряных монет высокой пробы в соседние страны (как это было ранее), где в ходу были тоже монеты 72-й пробы. К тому же в России 20 лет (1711–1730) чеканилась и мелкая, и крупная серебряная монета 70-й пробы, от которой "никакой опасности к подделыванию не оказалось".

Шувалов предложил чеканить серебряную монету 72-й пробы по 17 руб. $6\frac{2}{3}$ коп. из функта лигатурного серебра, или $17\frac{7}{9}$ коп. из золотника, вместо 15 коп. при Петре и 16,5 коп. со времени правления Анны Иоанновны. При переделе пуда чистого серебра по этой стопе выходило монет на 910 руб. $22\frac{2}{3}$ коп. Из этой суммы надо исключить расходы на покупку серебра (748 руб. 80 коп. за пуд или 19,5 коп. за золотник), меди для приведения серебра в указную пробу, угар, передел, всего 775 руб. 78,5 коп. Затем остается чистой прибылью 134 руб. $43\frac{3}{4}$ коп., или 18 % от каждого пуда. Шувалов полагал, что к 1761 г. в обращении в России находилось серебряных рублей, 50 и 25-копеечных монет около 30 млн. руб. и серебряных гривенников и пятак на 1,7 млн. руб. Если переделать всю эту сумму серебряных монет в 72-ю пробу по 17 руб. $6\frac{2}{3}$ коп. из лигатурного фунта серебра, то казна получит прибыль свыше 3,6 млн. руб.¹

Петр III одобрил проект Шувалова. В именном указе от 17 января 1762 г. говорилось об изготовлении серебряной монеты достоинством в 1 рубль, 50, 20, 15 и 5 коп., а также о перечеканке прежней монеты. Необходимость ее мотивировалась тем, что серебряные монеты, находившиеся в обращении более 60 лет (с 1700 г.), имеют неприглядный вид и на многих из них стерлись изображения государей. Перечеканка должна осуществляться новыми штемпелями с портретами прежних монархов. Для того чтобы отличить новую монету от старой, рекомендовалось под портретом ставить знаки монетных дворов. С целью увеличения в государстве монеты российским и иностранным купцам и другим лицам разрешалось прино-

суть на монетные дворы золото и серебро и переделывать их в монеты с вычетом расходов, причем золотая монета возвращалась со всей прибылью, а за серебряную сверх 19,5 коп. за золотник чистого серебра давалась надбавка на каждый рубль по 10 %. Примечательно, что указ не упоминал о пробе и весе новой монеты².

Перечеканка прежней монеты при Петре III, правление которого продолжалось всего полгода, фактически не производилась, так как для изготовления новых штемпелей требовалось много времени³. В связи с крайней нуждой в деньгах Сенат в конце мая 1762 г. принял решение о чеканке только крупной (рублевой и полтинной) монеты, так как изготовление мелкой заняло бы слишком много времени⁴.

Екатерина II полностью поддержала план Шувалова о чеканке серебряной монеты 72-й пробы. В связи с осуществлением этого плана, начатом еще при Петре III, возник ряд вопросов, которые обсуждались и монетным ведомством и правительством. Каким образом покрывать большие расходы по переделу мелкой серебряной монеты? За счет понижения пробы или веса мелких монет? Ожидать ли изготовления новых чеканов с изображениями прежних монархов или переделать имеющуюся монету 70 и 77-й пробы чеканом с портретом новой императрицы? Делать мелкую серебряную монету в Петербурге и Москве, или только на Московском монетном дворе? И наконец, каково должно быть соотношение между золотой и серебряной монетой? За изготовление крупной серебряной монеты в Петербурге монетчикам платили 8 руб. 50 коп. с пуда, а за мелкую (по указу 13 апреля 1762 г.) значительно дороже: за 20 коп. – 12 руб., 15 коп. – 16 руб. и 5 коп. – 18 руб. с пуда монет. Монетная канцелярия сначала предложила два способа сокращения расходов при изготовлении мелкой монеты. Во-первых, понизить пробу каждого сорта мелкой монеты соответственно с тем, насколько большими будут затраты по его чеканке по сравнению с крупной: например, у 20-копеечной монеты – на 1/3 золотника, у 15-копеечной – на 5/6, а у пятикопеечной – на золотник. Во-вторых, делать два трети крупной и одну треть мелкой монеты. Так, из 1000 пудов лигатурного серебра чеканить рублей и полтинников по 700 пудов – 20 копеечных монет – по 150 пудов и 5-копеечных монет – по 50 пудов⁵.

Сенат поддержал Монетную канцелярию. Одновременно он считал, что надо выменять 25- и 10-копеечные монеты 77-й пробы (их было сделано до 1762 г. на сумму около 3 млн. руб.) и серебряные пяточки той же пробы (их было выпущено до 1763 г. на 511,3 тыс. руб.) и перечеканить в новую пробу с учетом больших расходов по сравнению с изготовлением крупной⁶.

Однако реализация на практике этих рекомендаций была сопряжена с определенными техническими трудностями и сложностями. О них писал Шлаттер в докладе Екатерине от 13 ноября 1763 г.: "Мелкую монету разных проб на одном дворе делать великому сомнению и воровству подвержено, и каждой пробе оных монет особливые дворы и мастера потребны, наипа-

че, когда оные монеты с поспешением и все вдруг делать”⁷. Монетное ведомство, несмотря на то, что его предложение о понижении пробы у каждого сорта мелких монет было одобрено Сенатом и императрицей, вскоре отказалось от него и высказалось за то, чтобы излишние расходы по изготовлению мелкой монеты по сравнению с крупной покрывались за счет уменьшения веса монет, как это делалось во всей Европе. В конечном счете, это предложение было принято и одобрено Екатериной II 18 декабря 1763 г.⁸.

В первый год правления Екатерины II все медальеры были заняты вырезыванием штемпелей для медалей и жетонов на погребение Елизаветы Петровны и воцарение новой государыни. Из-за отсутствия штемпелей с изображением прежних монархов Сенат приказал перечеканить всю серебряную монету 70 и 77-й пробы с портретом Екатерины. Так, к августу 1763 г. из старых рублевиков, полтинников и полуполтинников было переделано таких же монет с портретом новой царицы на Московском и Петербургском монетных дворах на 500 тыс. руб.⁹

Монетное ведомство поставило перед Сенатом вопрос: не отказаться ли, несмотря на указ 17 января 1762 г., от портретов прежних монархов на переделываемых монетах 70-й и 77-й пробы, а помещать на них, как и на выпускаемых из нового серебра, портрет царствующей государыни Екатерины II? В пользу этого предложения было выдвинуто два довода. Рублевая монета 70-й и 77-й пробы тяжелее и больше по размерам выпускаемого с 1762 г. рублевика. Если при перечеканке старых монет в 72-ю пробу сохранить их прежние вес и размер, то они станут “весьма тонки” и надписи и портреты на них “не ясно выпечатываться будут”. В результате у многих, кому неизвестна причина “сей разности”, могут возникнуть подозрения в подлинности выпускаемых рублевиков. Второго рода довод состоял в том, что прежние монархи благодаря своим “достохвальным делам” навсегда останутся в истории, если и не помещать их портреты на монетах¹⁰. Монетная канцелярия ссылалась также на опыт европейских стран, в которых, “когда перемена в монетах бывает, то оные с портретом правящего государя переделываются”¹¹.

Рубли и полтины было решено делать в Петербурге, а мелкую монету в Москве, причем от чеканки серебряного пятака отказались, его заменили гривенником. Мелкую серебряную монету сочли целесообразным делать в Москве, а не в Петербурге, потому что Московский монетный двор был более просторным и имел “довольно удобные к тому переделу палаты”, и изготовление ее здесь обходилось дешевле, так как монетчикам давали “задельных денег” на два рубля меньше за каждый лигатурный пуд серебра, чем в столице. А в Петербурге “того передела производить за малостию монетного двора нельзя”, ибо для каждой монеты за разностью проб следует иметь “особые палаты”¹².

Наконец, был решен и вопрос об установлении в России такого же соотношения цен на золото и серебро, которое давно существовало в Европе. Но об этом будет рассказано ниже.

Желая подробнее ознакомиться с денежным обращением в России, Екатерина II поручила Шлаттеру подготовить доклад. В ноябре 1763 г. он был готов и представлен императрице. Шлаттер не только обстоятельно охарактеризовал состояние дел в этой важной отрасли государственного хозяйства, но и определил задачи, которые следовало, по его мнению, решить в ближайшее время.

Прежде всего он вновь обратился к вопросу о соотношении цен на золото и серебро в России. Отметим, что в России никогда не придерживались европейского стандарта, согласно которому золото ценится дороже серебра в 15 раз, автор подчеркнул необходимость его введения. Почему надо установить такую пропорцию? Опыт и России, и Европы показывает, что там, где соотношение между золотой и серебряной монетой в пользу второй, то она подвержена вывозу за рубеж и наоборот. Так, имперIALов и полуимперIALов 1755–1763 гг., состоявших в отношении серебряной монеты как 14 к 1, "много из России было вывезено" и их уже никаким образом вернуть нельзя.

Шлаттер выступил в поддержку того, что установления пропорции 15 к 1 (после введения 72-й пробы серебряной монеты) надо добиваться за счет понижения веса золотых имперIALов и полуимперIALов, а не их пробы, как это предлагали некоторые. Золото – "деликатный металл" – от прибавления большого количества лигатуры для приведения в такую низкую пробу станет хрупким и его "не без великого труда и урона" можно будет переделать в монеты. Конечно, есть возможность в качестве лигатуры использовать не только медь, но и серебро, как это делали при изготовлении андреевских рублей в петровское время, но и тогда золотая монета "худой вид иметь будет". Шлаттер высказался против большого удельного веса медных монет в денежном обращении страны, а следовательно, против массовой их чеканки. При этом он сослался на европейский опыт. Если медные деньги было бы иметь полезно, то их завели бы все европейские государства, между тем, кроме России и Швеции, "в прочих странах весьма мало их имеется". Медные деньги из-за их тяжести неудобны в обращении "и потому у всякого в худой славе", так как перевоз их из города в город "подвержен великому страху и убытку". Они ценятся меньше серебряных, и за один и тот же товар медных денег приходится давать больше, чем серебряных. Чтобы облегчить хождение медных денег в стране, надо, как и в Швеции, создать банки, в которых хранить медную монету, и выпустить банковые билеты, "которые к пересылке и к переводу гораздо способнее всякой медной монеты".

Президент Берг-коллегии предложил так же увеличить число монетных дворов; покрывать большие расходы по изготовлению мелкой серебряной

монеты не за счет понижения ее пробы, а веса, как это делается во всех европейских странах; разрешить привоз из-за рубежа российской серебряной монеты, которая была вывезена во время Семилетней войны; хранить особо доходы, получаемые сверх той прибыли, которую казна имела при переделе золотой и серебряной монеты по прежней стопе и пробе, чтобы императрица "всегда имела запасной и ей одной известный капитал для чрезвычайных нужд"¹³.

Соображения Шлаттера, высказанные в докладе, касались конкретных вопросов монетного дела и денежного обращения и были направлены на увеличение доходов казны от чеканки золотой и серебряной монеты и более широкое использование европейского опыта. Большая часть из них была принята императрицей и реализована. Так, именным указом от 30 марта 1764 г. была установлена пропорция между золотой и серебряной монетой как 15 к 1. По этому же указу из лигатурного фунта серебра 72-й пробы стали выделывать рублевой и полтинной монеты по 17 руб. $6 \frac{2}{3}$ коп., 25 и 20-копеечной – по 17 руб. $15 \frac{40}{96}$ коп., 15 и 10-копеечной – по 17 руб. $25 \frac{40}{96}$ коп., т.е. за счет уменьшения веса мелкой монеты казна компенсировала излишние расходы по ее изготовлению по сравнению с крупной. Были основаны новые монетные дворы для чеканки медных денег (Колывано-Воскресенский, Нижнеисетский, Нижнесуздунский, Феодосийский и др.).

Однако Екатерина II не прислушалась к доводам Шлаттера об ограничении медного передела и понижении доли медных монет в денежном балансе страны. Расходная часть государственного бюджета в последней трети XVIII в. резко возросла и выпуск медных денег, а затем и ассигнаций был одним из важных источников увеличения доходов казны и покрытия бюджетного дефицита. Но чеканка огромного количества медных денег и особенно неумеренный выпуск бумажных денег, не обеспеченных звонкой монетой, вели к инфляции, расстройству денежного обращения, росту государственного долга и другим отрицательным последствиям. Были отвергнуты и некоторые другие, более частные предложения Шлаттера. Речь идет об установлении для мелкой серебряной монеты более низкой (54-й) пробы по сравнению с крупной, как в соседних государствах, о пропуске в страну из-за рубежа российской монеты, о возвращении короне всех казенных медеплавильных заводов, переданных частным лицам.

К началу 60-х годов окончательно оформился набор номиналов серебряной монеты, многие из них были намечены еще Петром I. Кроме рубля и полтины, при Елизавете Петровне регулярно чеканился четвертак (25 коп.) и возобновилась выделка пятачка. При Петре III по плану Шувалова стали выпускать 20- и 15-копеечные монеты, каждая с соответствующим количеством точек (для безграмотных). Выпуск пятачка с 1764 до 1797 г.

прекратился. Окончательно – вплоть до прекращения чеканки полноценной серебряной монеты в 1915 г. – установилось содержание чистого серебра в рубле – $4 \frac{21}{96}$ золотника, или 18 г. Это означает, что казна для укрепления стабильности серебряной монеты, повышения ее авторитета внутри страны и за рубежом отказалась от уменьшения чистого серебра в монете в фискальных целях. Рост доходов от передела серебра с начала правления Екатерины II мог происходить лишь путем увеличения объема чеканки. Что касается размера и толщины кружка рубля и других монет, то они менялись. Так, екатерининский рубль по своим размерам был равен елизаветинскому, но уступал петровским и аннинским, потому что был легче их.

Серебряная монета чеканилась на Петербургском и Московском монетных дворах, причем первый по-прежнему занимал лидирующее положение. В Москве передел серебра производился до 1777 г., после чего он был сосредоточен только на Петербургском монетном дворе. За 15 лет (1762–1776) всего было выпущено серебряных монет на 35,5 млн. руб., в том числе в Петербурге на 31,1 млн. (87,4 %), а в Москве на 4,4 млн. руб. (12,6 %) от общей суммы чеканки (см. табл. 19 и 20).

Таблица 19

**Чеканка серебряной монеты на
Петербургском монетном дворе (1762–1796 гг.)*
(в рублях)**

Год	Рубль	50 копеек	25 копеек	20 копеек	15 копеек	10 копеек	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
1762	1459100	74000	–	–	–	–	1533100
1763	1817243	125900	–	–	–	–	1943143
1764	3016452	271400	–	–	–	–	3287852
1765	2781950	166000	–	23000	–	7000	2977950
1766	1682000	46400	–	105000	–	46000	1879400
1767	1210000	26000	–	59000	–	55000	1350000
1768	1028000	23000	–	70000	–	67350	1188500
1769	2200000	30000	–	215000	–	255000	2700000
1770	1198000	20000	–	157000	–	164000	1539000
1771	1025000	12400	–	421000	–	193900	1652300
1772	1049600	14400	–	174000	–	51000	1289000
1773	2378000	20500	–	58000	–	20500	2477050
1774	2770000	–	–	–	–	–	2770000
1775	1648250	45400	–	58000	–	28500	1780150
1776	2625000	33600	–	44600	–	6550	2709750
1777	2000000	–	–	–	–	–	2000000
1778	1700000	–	–	126000	120000	54000	2000000
1779	412600	77700	98600	107000	199950	137600	1033800
1780	2866000	20200	–	10200	13050	14200	2923650

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8
1781	2282900	—	—	—	—	—	2282900
1782	1200000	—	84210	77833	66740	71439	1500222
1783	1880300	—	—	—	—	—	1880300
1784	143500	—	110350	416000	325200	386250	1381300
1785	138600	17300	151300	377440	375060	327390	1387090
1786	2600000	—	—	—	—	—	2600000
1787	900000	—	200000	200000	480000	200000	1980000
1788	1475000	28375	426500	475225	245100	306700	2956900
1789	500000	—	200000	50000	180000	50000	980000
1790	238350	—	103000	574000	303700	252900	1471950
1791	274000	13000	176000	320000	144000	173000	1100000
1792	1509000	33000	351000	302000	210000	200000	2605000
1793	1124000	1000	92000	137000	66000	84000	1504000
1794	895000	36000	254000	—	30000	203000	1418000
1795	677000	74000	116000	—	—	123000	990000
1796	953896	134800	186250	—	—	132100	1407046
	51658741	1344425	2549210	4557797	2758800	3610379	66479353

*Монеты Екатерины II. С. 336.

Таблица 20

**Чеканка серебряной монеты на
Московском монетном дворе (1762–1776 гг.)***

Год	Рубль	50 копеек	25 копеек	20 копеек	15 копеек	10 копеек	Всего
1762	406200	7000	—	—	—	—	413200
1763	94800	24700	—	—	—	—	119500
1764	263500	—	28000	104000	100003	34000	529503
1765	121000	—	228000	—	64001	5000	418001
1766	—	—	208100	111000	70403	4100	393603
1767	52000	—	417000	47000	64003	5000	585003
1768	491451	—	121000	44000	31541	7500	695492
1769	277000	—	115000	4000	23001	10000	429001
1770	79573	—	195000	12000	113545	17000	417118
1771	26000	—	88000	20000	148007	26000	308007
1772	—	—	—	—	—	—	—
1773	—	—	—	—	—	—	—
1774	275	—	350	—	8600	10700	19925
1775	8000	—	3000	2000	27901	14000	54901
1776	12000	—	30000	1000	26001	11000	80001
	1831799	31700	1433450	345000	677011	144300	4463260

*Монеты Екатерины II. С. 337.

Петербургский и Московский монетные дворы отличаются не только объемом передела серебряной монеты, но и долей разных номиналов в общей сумме чеканки. В Петербургской чеканке за весь период (1762–1796 гг.) рубли и номиналы занимали ведущее место (79,7%), а в москов-

ской в 1762–1776 гг. в два раза меньше (41,7 %). Иначе говоря, на Петербургском монетном дворе подавляющая часть продукции (4/5) приходилась на крупную монету, а на московском дворе – всего 2/5 и почти 3/5 на мелкую монету. Хотя в 1765 г. по указанию императрицы было принято решение делать на Московском монетном дворе только мелкую серебряную монету, но как видно из табл. 18, здесь продолжали чеканиться рублевники вплоть до прекращения работы этого двора¹⁴.

Из крупной монеты делались главным образом рублевники, доля полтинны была ничтожной: в Петербурге – 2 %, в Москве – 0,7 % от общей суммы чеканки. На Петербургском дворе на долю разных номиналов мелкой монеты приходилось от 3,8 до 6,9 %, в Москве – от 3,2 до 32,1 %. На Московском дворе ведущее место среди мелких номиналов принадлежало 25 и 15-копечным монетам (соответственно 32,1 и 15,2 %), а на Петербургском – двугривенным и гривенникам (6,9 и 5,1 % от общей суммы чеканки).

Время от времени в связи с нехваткой разменной серебряной монеты правительство принимало решение о значительном увеличении ее выпуска на короткий срок и об изменении соотношения между мелкой и крупной монетой в пользу первой. Так, в конце 1769 г. сенатским указом было определено, чтобы на Московском монетном дворе на долю мелкой монеты приходилось 4/5, а крупной 1/5 от общего передела серебра¹⁵. Этот указ выполнялся в течение двух лет: в Москве доля мелкой монеты 1770 г. составляла более 4/5, а в следующем году – почти 100 % (96,7). На Петербургском дворе доля передела мелких монет тоже выросла, но не так значительно: в 1770 г. она равнялась 20,8 %, а в 1771 г. увеличилась более чем вдвое (43,2 %).

Второй период увеличения выпуска мелкой серебряной монеты был также кратковременным и длился немногим более года. В августе 1778 г. А.А. Вяземский предложил в связи с малым количеством делаемой на Петербургском монетном дворе мелкой серебряной монеты по сравнению с прежними годами увеличить ее производство, сократив чеканку рублевников¹⁶. Монетный департамент исходя из этого определил (согласно указу 20 ноября 1769 г.) из серебра, поступающего в передел, чеканить 80 % мелкой (20, 15 и 10 коп.) и 20 % крупной монеты. Однако это решение не было выполнено, хотя выпуск монет таких номиналов в 1778–1779 гг. значительно вырос и составил 745 тыс. руб., или почти 25 % чеканки. Выделка мелкой серебряной монеты была делом трудоемким, да и оборудование монетного двора не было рассчитано на чеканку большого количества мелкой монеты. Благодаря принятым мерам производственные мощности по выработке мелкой серебряной монеты были увеличены.

Крупного размаха чеканка мелкой монеты достигла в последнее десятилетие правления Екатерины II, а точнее в 1784–1794 гг. Он был вызван нехваткой мелких номиналов и девальвацией медных денег. На

протяжении ряда лет (1787–1791) мелкие монеты составляли половину, а иногда и большую часть передела. В последующие годы доля мелкой монеты уменьшилась, но все же оставалась значительной.

Общая чеканка серебряных монет за 35 лет (1762–1796) составляет 70,9 млн. руб., или в среднем в год 2 млн. руб., но в отдельные годы она достигала почти 3 млн., или немногим более, а в некоторые – сокращалась до 1 млн. руб. Каковы данные о переделе серебряной монеты в период правления Екатерины (включая и передел при Петре III) по десятилетиям? В 1762–1769 гг. общий объем чеканки серебра составил 20,4 млн. руб., в 1770–1779 гг. – 20,1 млн., в 1780–1789 гг. – 19,9 млн. и в 1790–1796 гг. – 10,5 млн. руб.

Эти данные показывают, что высшая точка чеканки приходится на 60-е годы, когда в среднем выделялось 2,9 млн. руб. в год, а низшая – на 90-е годы, когда среднегодовой уровень понизился до 1,5 млн. руб., т.е. почти в два раза. В 70–80-х годах выпуск был стабильным, т.е. равным для каждого из этих десятилетий и достигал 2 млн. руб. в год, иначе говоря, среднегодового уровня, характерного для всего периода правления Екатерины II. Рост чеканки в 60-х годах объясняется тем, что в это десятилетие наряду с переделом нового серебра в широких масштабах велась перечеканка прежней серебряной монеты 70-й и 77-й проб в 72-ю пробу. По свидетельству монетного ведомства на Московском монетном дворе передел "за неимением никакого иного серебра" производился единственно только из прежней серебряной монеты, деланной до 1762 г.¹⁷ В последующие десятилетия объем перечеканки старой монеты сократился, что и привело к понижению среднегодового уровня выпуска серебряной монеты. Сокращение чеканки в 90-е годы было вызвано "общим финансовым и экономическим расстройством", характерным для последних лет правления Екатерины II¹⁸.

Согласно именному указу Екатерины II от 30 марта 1764 г. в России золотая монета стала цениться дороже серебряной в 15 раз, т.е. было установлено такое соотношение цен на золото и серебро, которое давно существовало в Европе и сложилось естественным путем. Россия, по-видимому, являлась первой страной на европейском континенте, где такая пропорция была введена законом.

Однако к такому решению пришли не сразу. Вопрос о приведении золотой монеты в соответствие с изменившейся пробой и весом серебряной монеты оживленно обсуждался в течение двух лет и в Монетном ведомстве, и в правительстве. Сенат 11 ноября 1762 г. потребовал от Монетной канцелярии рассмотреть: "Как золотую монету наилучше и в сходственность с серебряной монетой, делаемой в 72-ю пробу привести?" Канцелярия должна была подготовить необходимые расчеты, свои соображения и пробные золотые монеты¹⁹.

Представив требуемые выкладки и образцовые монеты, Монетное ведомство высказалось за то, чтобы выпустить золотую монету по-преж-

нему 88-й пробы, но для сохранения существующей пропорции между золотом и серебром надо чеканить ее с уменьшением в весе; делать империял весом не $3\frac{85}{96}$ золотника, а $3\frac{3}{8}$ золотника т.е. не 246 руб. $80\frac{20}{96}$ коп., а 284 руб. $38\frac{1}{6}$ коп. из фунта лигатурного золота. Казна при этом получит прибыли на 37 руб. 58 коп. больше, чем ранее. Выпущенные до 1763 г. империялы и полуимпериялы надо выменять, платя рубль за рубль. На новых монетах следует сделать другой гуртик или рант, чтобы их можно было отличить от прежних. Понизить вес прежних золотых монет путем опиловки нельзя, ибо при этом исчезнет надпись вокруг портрета и гербов. Поэтому империялы и полуимпериялы, чеканенные до 1763 г., придется сплавить и напечатать заново²⁰.

Сенат не согласился с этим мнением, потому что новые золотые монеты будут сильно отличаться от прежних по размеру и весу. А чтобы избежать этого, надо убавку золота дополнить соответствующим количеством лигатуры, т.е. понизить пробу империялов и полуимпериялов. В этом случае можно будет оставить в обращении империяльную монету, выпущенную до 1763 г. По данным Сената, империялов было сделано 57 470 штук, а полуимпериялов – 43 525, причем большая часть из них во время Семилетней войны ушла за рубеж.

Что касается червонцев, то Канцелярия высказалась против их чеканки, потому что если в них установить такую же пропорцию по отношению к серебру, как в империяльной монете, то они должны ходить по 2 руб. 58 коп., но это слишком дорого, поскольку ранее цена их была 2 руб. 25 коп., а с апреля 1762 г. – 2 руб. 45 коп. Правда, в зависимости от спроса на червонцы на рынке устанавливается своя цена, не всегда совпадающая с официальной, но все равно 2 руб. 58 коп. – слишком высокая цена, которая может вызвать "всякие замешательства". Сенат поддержал предложение о прекращении выпуска червонцев в России. Екатерина II согласилась с мнением Сената и 10 апреля 1763 г. утвердила его доклад²¹.

Данное решение было принято без учета технических трудностей и излишних расходов, которые неизбежно возникли бы при изготовлении империялов и полуимпериялов из золота низкой пробы. Именно на это обстоятельство и обратили внимание Сената и самой императрицы Монетная канцелярия в донесении от мая 1763 г. и ее глава И.А. Шлаттер.

Монетная канцелярия сообщала, что выполняя указание Сената, были приготовлены пробные золотые монеты без уменьшения в весе, но с понижением пробы на $11\frac{2}{3}$ золотника, т.е. $76\frac{1}{3}$ пробы, которая соответствует пропорции 14 к 1 по отношению к выпускаемой серебряной монете 72-й пробы. Для получения сплава нужной пробы добавлялась "самая чистая медь", но он все же оставался жестким и хрупким. "И затем к способному делу монет для умягчения" переплавливался 4 раза "и при

плащени превеликие были трещины". Из двух фунтов лигатурного золота вышло только по три кружка импералов и полуимпералов. Кружки едва удалось открасить до требуемого цвета, "да и в печатании так были крепки, что по неоднократном и довольном пожигании едва 6 человек препечатать могли". Далее в донесении Канцелярии отмечалось, что на изготовление монет такой пробы потребуется в несколько раз больше времени, чем 88-й, и монетчикам придется платить "задельных денег" не по 2 рубля с фунта, а в 2,5 раза больше. Канцелярия продолжала настаивать на своем прежнем мнении²². На этот раз доводы монетного ведомства убедили сенаторов и они поддержали предложения Монетной канцелярии о выпуске золотой монеты 88-й пробы с одной лишь убавкой в весе. В этом духе Сенат представил императрице доклад от 18 декабря 1763 г.²³ Как уже отмечалось, Шлаттер в докладе Екатерине II усиленно рекомендовал установить в России такое же соотношение между золотой и серебряной монетой, как и в Европе. Императрица согласилась с этими предложениями и подписала указ от 30 марта 1764 г.²⁴

По этому указу из фунта лигатурного золота 88-й пробы чеканилось 332 руб. $88 \frac{8}{9}$ коп., вес одного имперала (10-рублевой золотой монеты) был определен в $3 \frac{3}{4}$ золотника (13,09 г), а полуимперала (5-рублевой золотой монеты) в $1 \frac{47}{88}$ золотника (6,54 г). При Екатерине II достоинство золотой монеты более не изменялось. Импералы оказались долговечными и выпускались почти до конца XIX в.

Итак, вопрос, поставленный Татищевым и Комиссией о монетном деле более 30 лет назад, о введении в России европейского золотого стандарта по отношению к серебру был наконец положительно решен. Указ 1764 г. ставил Россию в равные условия с европейскими странами и создавал благоприятные условия для привоза золота и продажи его как монетным дворам, т.е. казне, так и частным лицам. Но, может быть, важнее то, что он устранял главную причину для тайного вывоза золота и золотых монет за рубеж.

Выпуском золотых монет в правление Екатерины II занимался только Петербургский монетный двор (см. табл. 21).

Таблица 21

Чеканка золотой монеты на
Петербургском монетном дворе (1762–1796 гг.)*
(в рублях)

Год	Импералы	Полуимпералы	Червонцы	Всего
1	2	3	4	5
1762	320850	104565	–	425415
1763	213700	37575	122500 ^{1*}	373775
1764	302320	123360	–	425680
1765	323720	255440	–	579160
1766	1591330	271000	80213 ^{2*}	1942543

Продолжение

1	2	3	4	5
1767	920000	450000	—	1370000
1768	505700	98500	—	604200
1769	800000	80000	—	880000
1770	100000	80000	—	180000
1771	315000	60000	—	375000
1772	507080	70270	—	577350
1773	543190	72625	—	615845
1774	525290	76750	—	602040
1775	500000	50000	—	550000
1776	676840	101550	—	778390
1777	154000	—	—	154000
1778	840000	115000	—	955000
1779	146640	4000	—	150640
1780	720000	130000	—	850000
1781	233200	312715	—	545915
1782	40000	195000	—	235000
1783	256670	167095	—	423765
1784	—	15000	—	15000
1785	—	235360	—	235360
1786	199000	370000	—	569000
1787	—	—	—	—
1788	—	60000	—	60000
1789	—	60000	—	60000
1790	—	100000	—	100000
1791	—	244000	—	244000
1792	—	336100	—	336100
1793	—	224450	—	224450
1794	—	34530	—	34530
1795	23000	102005	—	125005
1796	—	114645	—	114645
Всего:	10757530	4751535	202713	15711778

*Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Екатерины II. СПб., 1894. Т. 1. С. 335.

¹*По цене 2 руб. 45 коп. каждый червонец.

¹*По цене 3 руб. 48 4/27 коп. каждый червонец.

Как показывают данные табл. 21, на долю империалов приходилось около 70 %, а полуимпериалов немногим более 30 % всей чеканки золотой монеты (без червонцев). Но в 1787–1796 гг. империалы не выпускались (за исключением 1795 г.), а печатались только полуимпериалы. Общая чеканка золотых монет составляет за 35 лет (1762–1796) 15,5 млн.руб. или в среднем в год 430,8 тыс.руб. Однако передел велся крайне неравномерно: от крупных сумм в 1,3–1,8 млн. до незначительных – в несколько десятков тысяч. Очень характерны данные по десятилетиям, они показывают неуклонное падение объема чеканки: в 60-е годы – 6,4 млн., в 70-е – 4,9 млн., в 80-е – 3 млн. и в 90-е годы – 1,2 млн. руб.

Пик чеканки золотых монет приходится на 60-е годы, что объясняется увеличением добычи отечественного золота, а также тем, что, по-видимому, перечеканивалась вся прежняя золотая монета. В последующие десятилетия происходит падение добычи золота в России, а рост расходов, дефицит государственного бюджета, внешние долги не позволяли казне

приобретать за рубежом такое количество золота, которое дало бы возможность сохранять чеканку монеты на уровне 60–70-х годов.

Кроме имперIALов и полуимперIALов, при Екатерине II выпускались российские червонцы и золотые монеты меньшего достоинства. Несмотря на то, что было принято решение (18 декабря 1763 г.) не изготавливать червонцы они, однако, чеканились. В "Историческом описании до монетного дела принадлежащем", составленном И.А. Шлаттером и А. Нартовым, отмечается, что червонцы чеканились в 1753 и 1766 гг. весом и пробой против голландских дукатов по 118 штук из фунта золота 94-й пробы²⁵. На лицевой стороне их изображен портрет императрицы, на оборотной – государственный герб и год (табл.19). В июле 1796 г. Екатерина приказала изготовить 10 тыс. штук червонцев²⁶.

Золотые монеты меньшего достоинства печатались по особым повелениям Елизаветы и Екатерины II: полтина (1756, 1777–1778 гг.), рубль (1756–1758 и 1779 гг.), два рубля (1766, 1785 гг.) и предназначались главным образом для внутреннего дворцового обихода, а не для широкого обращения. По свидетельству Спасского, "встречаются они довольно часто и притом в значительно потертом виде"²⁷.

При Екатерине II, с 1768 г. на Петербургском монетном дворе началась тайная чеканка голландских дукатов по пробе, весу и внешнему виду полностью идентичных подлинным. Штемпели для них вырезал столичный ювелир И.Б. Гасс, который, спустя несколько лет, был оформлен медальером на монетный двор, где проработал более четверти века. Голландские дукаты были самой распространенной международной валютой, пригодной для платежей повсюду, во всех странах мира. Они представляли собой небольшую монету (3,5 г) с изображением воина, держащего в руке пучок стрел и круговой надписью "Concordia res parvae c rescunt".

Русское правительство использовало дукаты для финансового обеспечения русского флота и армии во время военных операций за пределами страны. Первый раз этой монетой был снабжен русский флот, действовавший во время русско-турецкой войны в Средиземном море и Архипелаге и одержавший блестящую победу при Чесме 26 июня 1770 г. Корабли везли годовой запас дукатов. Перевод большой суммы золотых дукатов через банкиров был связан с определенными затратами, а главное – раскрыл бы планы операции. Для дезинформации противника были осуществлены лишь небольшие вексельные переводы. Это золото помогло А.Г. Орлову осуществить и столь желанную для Екатерины II "операцию" по захвату злосчастной авантюристки известной княжны Таракановой, выдававшей себя и за дочь Елизаветы Петровны, и за сестру Е.И. Пугачева, и за воспитанницу персидского шаха и претендовавшей на русский престол. Орлову удалось заманить ее на корабль "Три иерарха", на котором она, став пленницей, была доставлена в Петропавловскую крепость, где впоследствии скончалась от тоски и болезни.

Чеканка чужой монеты продолжалась и после первой русско-турецкой войны и затянулась на целое столетие. Она была прекращена лишь в 1868 г. по представлению голландского правительства²⁸.

МОНЕТЫ ПАВЛА I

Перед Павлом I, вступившим на престол после смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г., встала задача, как покончить с финансовым кризисом, дефицитом бюджета, огромным государственным долгом, расстройством денежного обращения. При участии Государственного совета была прежде всего разработана программа стабилизации денежного обращения путем перепечатки легковесной медной монеты и чеканки монеты из новой меди по 16 руб. из пуда, резкого сокращения, а затем и полного уничтожения бумажных денег – ассигнаций, упрочения курса серебряной и золотой монеты по отношению к валюте других стран.

Вопрос об изъятии из обращения легковесной медной монеты был рассмотрен нами ранее. Как решались остальные вопросы? В именном указе Ассигнационному банку император, объявив ассигнации "истинным общенародным долгом на казне", заявил о своем твердом намерении уничтожить все бумажные деньги в государстве и впредь их не иметь²⁹. Это решение сразу стало последовательно осуществляться. На площадь перед Зимним дворцом начали свозить огромные килы ассигнаций и жгли их на кострах. Ассигнационный банк приготовил бумажных денег на 12 млн. руб. за счет ожидаемой прибыли от перепечатки медной монеты 16-рублевой стопы в 32-рублевую. Из них 6683335 руб., переданные в казначейства, намечалось уничтожить по мере их возвращения в банк. А оставшиеся ассигнации на сумму 5316665 руб. были сожжены в декабре 1796 г.³⁰ В следующем году таким образом было уничтожено ассигнаций на 628785 руб.³¹

Каждый, кто хотел избавиться от бумажных денег, мог обменять их на золотую и серебряную монету с лажем 30 коп. на рубль. Но на бирже за серебряный рубль давали 1 руб. 40 коп. ассигнациями. Не желая допустить спекуляции, правительство установило в июле 1798 г. такой же курс³².

Чтобы увеличить запасы золота и серебра и ускорить их поступление на монетный двор, при Ассигнационном банке в январе 1797 г. была открыта Контора для покупки и выписки золота и серебра из-за рубежа для "преобразования государственных ассигнаций в монету"³³. Главный директор Ассигнационного банка А.Б. Куракин полагал, что для успеха всей операции по превращению "ассигнаций в истинную монету" следует устроить в здании банка монетный двор для чеканки особой, так называемой "банковкой", золотой и серебряной монеты. Эту монету – золотые червонцы и серебряные рубли – Куракин предлагал изготавливать из металлов Ассигнационного банка без указания на них номинала, причем она должна была

находиться в распоряжении правления банка. Куракин представил императору доклад и рисунки штемпелей, которые были утверждены³⁴. Генерал-прокурор Сената А.Н.Самойлов предложил Петербургскому монетному департаменту по этим рисункам изготовить штемпели и начать чеканить монету на столичном монетном дворе, "доколе будет устроен при банке монетный двор"³⁵.

Правительство Павла I предприняло решительные и смелые шаги по упрочению курса золотой и серебряной монеты. Указом 2 декабря 1796 г. было решено повысить пробу золотой монеты до $94 \frac{2}{3}$, вместо 88-й, какая существовала при Екатерине (по этой пробе изготовлялись империялы и полуимпериялы). В последние годы правления Екатерины II червонцы делались одного веса и достоинства с голландскими, т.е. 94-й пробы. На червонцах, начеканенных по указу 2 декабря, имеются буквы БМ. Всего их было выпущено 2500 штук на сумму 7225 руб. Указом 20 января 1797 г. устанавливался новый рисунок червонца, подтверждалась проба $94 \frac{2}{3}$, а также определено, что из фунта золота надо делать 117,5 червонцев. В этом году их было сделано почти на 393 тыс.руб., но в последующие годы правления Павла I выделка их не производилась³⁶.

Что касается серебряной монеты, то с целью распространения торговли, утверждения "внутреннего и внешнего доверия" к ней было признано необходимым увеличить не только пробу, но и ее вес. Серебряная монета стала выпускаться 83 $\frac{1}{3}$ пробы, что значительно превышало прежнюю. Иначе говоря, в фунте монеты содержалось чистого серебра на 11 $\frac{1}{3}$ золотника больше, чем ранее. Манифестом от 20 января 1797 г. Павел I приказал "бить монету превосходнейшую", а именно по 14 руб. из фунта лигатурного серебра³⁷. Вес павловского серебряного рубля составил 29,25 г и был тяжелее екатерининского на 5,25 г. В результате этих нововведений покупательная способность рубля возросла на 41 % и повысился курс по отношению к иностранной валюте. Переделу по новой пробе и весу подлежала и вся выпущенная ранее серебряная монета. Однако этот передел не состоялся: в 1797 г. вся поступившая в казначейства серебряная монета пошла на выкуп ассигнаций, а затем обстоятельства изменились и Павлу I пришлось отказаться от этого плана.

Первые образцы банковской монеты (золотой и серебряной) без обозначения стоимости были изготовлены на Петербургском монетном дворе в декабре 1796 г. и одобрены императором, а в январе следующего года началась чеканка штемпелями, датированными 1796 г.³⁸

В апреле 1797 г. были утверждены смета расходов и план устройства монетного двора в подвалах Ассигнационного банка, здание которого было построено в 1783–1790 гг. по проекту известного архитектора Джакомо Кваренги на Садовой улице в Петербурге. На новом монетном дворе намечалось разместить следующее оборудование: семь станов для тисне-

ния монет, семь обрзных станов с колесами, шесть пар приводных валов для плавления золотых и серебряных полос, 12 плавильных печей, молот, управляемый машиной, для кузнечных работ. Предусматривалась и постройка канала "для приведения воды, служащей к действию всех машин"³⁹. Банковский монетный двор был рассчитан на ежегодный выпуск 150 млн. кружков, или ежедневно по 411 тыс. монет. Расходы на устройство двора не должны были по смете превысить 100 тыс.руб

Создание собственного монетного двора при Ассигнационном банке планировалось еще во время правления Екатерины II. В указе 1786 г. этому банку разрешалось завести монетный двор и чеканить на нем золотую и серебряную монету из иностранных монет и слитков, выписываемых из-за рубежа, а медные монеты из меди, покупаемой на внутреннем рынке⁴⁰. Переход с 1786 г. к размену ассигнаций исключительно на медную монету ослабил заинтересованность банка в собственном дворе, поскольку ради чеканки одной медной монеты, по-видимому, не было смысла его заводить.

На Банковском монетном дворе впервые в истории монетного дела в России было решено использовать энергию пара. Одна паровая машина, изготовленная на Александровском заводе в Петрозаводске, поступила с закрытого Воицкого золотого рудника, где она применялась для откачки воды. Вторая машина и другое оборудование для монетного производства были изготовлены на этом же заводе специально для Банковского монетного двора⁴¹.

Намеченная программа преодоления расстройтва денежного обращения и укрепления позиций русского рубля внутри страны и за рубежом с самого начала была "маниловщиной", ввиду отсутствия реальных условий для ее осуществления. Требовались колоссальные средства, которых у правительства Павла I не было. Так, чтобы выкупить ассигнации понадобилось бы более 157 млн.руб., что составляло более чем двухгодовую сумму государственных доходов России, которые в 1795 г. были равны 72 млн.руб. Но казна была пуста, так как в конце 80-х – первой половине 90-х годов дефицит государственного бюджета достигал 9–15 млн руб. ежегодно⁴².

Правительство Павла I очень скоро убедилось в несбыточности своих планов и пошло на попятную, т.е. вернулось в основном к прежней порочной практике решения финансовых затруднений за счет печатного станка, – выпуска ассигнаций на баснословную сумму, что вело к дальнейшему катастрофическому падению их курса. Насыщение денежного рынка ассигнациями при Павле I было в несколько раз более интенсивным, чем при Екатерине II. Так, всего за четыре с лишним года правления Павла I (ноябрь 1796 – март 1801) бумажных денег было выпущено более чем на 56 млн.руб., а за 27 лет (1769–1796) на 158 млн. руб.

Пришлось отказаться и от намерения укрепить курс золотой и серебряной монеты, чтобы не терять доходы от чеканки, и из-за недостатка золота и серебра. Указом от 3 октября 1797 г. предусматривалось из фунта лигатурного серебра чеканить не 14 руб., как ранее, а 19 руб. 75 коп. с долями, но высокая проба (83 1/3) сохранялась не только для крупной, но и мелкой серебряной монеты⁴³. Новый павловский рубль оказался несколько легче екатерининского (на 3,26 г), но по достоинству они были равноценны, так как содержали равное количество чистого серебра.

Несмотря на указ 1797 г., отменявший выпуск банковской монеты, работы по устройству монетного двора при Ассигнационном банке продолжались. Руководил ими опытный шотландский инженер Карл Гаскойн, занимавшийся реконструкцией русских пушечных заводов в Петрозаводске и Петербурге. К концу сентября 1799 г. паровые машины и все оборудование на дворе было установлено и можно было начать передел. Новый Банковский монетный двор пришелся как нельзя кстати, потому что старый Петербургский монетный двор в Петропавловской крепости обветшал и уже не в состоянии был обеспечить передел в монеты всего имевшегося серебра и золота. Было решено построить новый, на котором выпуск монет осуществлялся бы посредством паровых машин.

Русский посланник в Лондоне С.Р. Воронцов договорился с английским промышленником М. Болтоном о поставке в Петербург всего необходимого оборудования монетного двора, действующего силой пара. Болтон совместно с известными изобретателями Д. Уаттом и французом П. Дро построил систему машин для монетного двора, обеспечивавших высокую производительность. Экспорт их в Россию был разрешен с условием, что Болтон в те же сроки снабдит таким же комплексом оборудования и Лондонский монетный двор. Новый монетный двор, расположенный против собора в Петропавловской крепости, начал строиться в 1800 г. по проекту архитектора А. Порты. На нем были установлены английские винтовые прессы и другое оборудование, приводившие в действие паровыми пневматическими машинами. Первая продукция с нового монетного двора поступила в казначейство в 1805 г.⁴⁴

Пока строился монетный двор в крепости всю чеканку золотой и серебряной монеты, жетонов и медалей было решено сосредоточить на Банковском монетном дворе. На этот двор перевели мастеровых людей и административно-технический персонал, а также перевезли все пригодные станки и инструменты с крепостного монетного двора⁴⁵. В месячный срок Гаскойну удалось добиться на Банковском монетном дворе выпуск такого же количества монет, что и на старом Петербургском дворе. Продукция Банковского двора отличалась высоким качеством.

При Павле I выпускались все номиналы серебряной монеты за исключением 20 и 15 коп. (табл. 22).

Таблица 22

Чеканка серебряной монеты на Петербургском
и Банковском монетных дворах (1797–1800 гг.)*
(в рублях)

Год	Рубль	50 коп.	25 коп.	10 коп.	5 коп.	Всего
1797	920 101	107 110	7 100	4 800	680	1 039 782
1798	3 279 001	142 000	22 000	17 000	5 700	3 465 701
1799	3 123 985	173 998	109 998	68 000	–	3 475 981
1800	1 870 003	165 001	2 001	–	–	2 037 006

*Монеты Павла I. С. 22.

Итак, согласно данным табл. 22, во время правления Павла I было изготовлено серебряной монеты на 10 018 470 руб. В действительности эта сумма была немного большей, потому что в таблице не учтена чеканка почти за два месяца 1796 г. (7 ноября–декабрь) и два месяца с лишним 1801 г. (январь – 11 марта). Как и ранее, господствующее положение занимала рублевая монета, ее было выпущено почти на 9,2 млн.руб., или 91,7 % общей суммы чеканки.

Во внешнем облике монет при Павле I произошли заметные перемены. Герб заменила крестообразная монограмма из четырех П. Над каждой буквой – корона, в середине – цифра I и круговая надпись с датой и обозначением цены. На оборотной стороне вместо портрета – квадратная рамка с надписью. Император выбрал для нее библейский девиз древнего рыцарского ордена Тамплиеров: "Не нам, не нам, а имени твоему" (Господи, да будет хвала). По четырем сторонам квадрата – узоры. Все монеты имели знак монетного двора – СМ (Санкт-Петербургская монета). Переделом серебра руководили минцмейстеры Петербургского двора Михаил Бобровщиков и Алексей Иванов (1799 г.), Осип Мейджер и Александр Иванов (с 1800 по 1801 г.) и Федор Цетреус (в 1799 и 1801 гг.)⁴⁶. Их инициалы помещались в правом нижнем углу квадрата на оборотной стороне монеты.

Из золотой монеты при Павле чеканились в основном полуимпериалы. Всего их было изготовлено на 1 654 445 руб., наиболее крупный передел приходится на 1798 г. (737 365 руб.). Кроме этого номинала, печатались в течение двух лет российские червонцы⁴⁷. В 1797–1800 гг. чеканка серебряной монеты в среднем составляла 2,5 млн.руб., а золотой – 0,5 млн. руб. и превышала среднегодовой передел при Екатерине серебра на 500 тыс. руб., а золота – примерно на 70 тыс.руб. На золотых полуимпериалах Павла I, как и на крупных серебряных монетах, на одной стороне находился девиз ордена Тамплиеров, на другой – крестообразная монограмма из четырех П. Монеты выпускались со знаком Петербургского монетного двора – СМ (в 1800 г. буквами СМ и СП). Переделом золота также ведали минцмейстеры Алексей Иванов, Мейджер и Александр Иванов, инициалы их помещались так же, как и на серебряных монетах.⁴⁸

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ СЫРЬЕМ

Ранее были рассмотрены источники получения сырья для монетных дворов в первые десятилетия XVIII в. Произошли ли изменения в этом вопросе в 40–90-е годы и какие именно? Обнаруженные нами документы и прежде всего "Ведомость со вступления на престол е.и.в. Екатерины II, сколько именно каждый год золотых и серебряных монет разного сорта на монетном дворе напечатано, и из какого именно золота и серебра" и другие материалы позволяют ответить на этот вопрос (табл. 23).

Таблица 23

**Передел серебра на Петербургском
монетном дворе (1763–1779 гг.)***

Виды серебра	Сумма, руб.	Вес, пуд.
Колывано-Воскресенское	9985057	14492
Нерчинское	4012896	5824
"Пошлинное" ^{1*}	10926720	15858
"Секретное" ^{2*}	2234552	3243
Прежние монеты ^{3*}	1865023	2706
Покупное	664708	964
"Капитальное" ^{4*}	1130813	1641
Прочее ^{5*}	1880076	2729

*Таблица составлена на основании "Ведомости" (ЦГАДА. Ф. 19. Д. 165. Л. 6–32 об. Рассчитано нами.

^{1*} Имеются в виду таможенные пошлины, собранные ефимками (талерами) в Петербургской и других прибалтийских портах.

^{2*} Речь идет о тайных поставках иностранного серебра на монетный двор. В "Ведомости" это серебро именуется как "поставочное секретное".

^{3*} Речь идет о серебряных монетах, выпущенных до 1762 г. и подвергшихся перечеканке.

^{4*} В эту графу входит серебро, составлявшее капитал Монетного двора, присланное из разных учреждений, конфискованное и "сысканное из сора".

^{5*} В прочее входит серебро, присланное из разных коллегий, Соляной конторы, Кабинета Екатерины II и Конторы разделения золота от серебра.

Прежде чем перейти к анализу табл. 23 по существу, сделаем несколько предварительных замечаний об источнике. В "Ведомости" дается характеристика чеканки на Петербургском и Московском монетных дворах за 1762–1779 гг. Но за 1762 г. по серебряной монете данные производятся только за пять месяцев (август–декабрь), поэтому мы не включили их в таблицу. Кроме того, в архивном деле отсутствует один лист (26), в котором содержатся сведения за 1775 г. Чтобы не перегружать текст статистическими выкладками в таблице приводятся не ежегодные, а сводные, обобщающие данные о расходе разных видов серебра за 16 лет (1763–1774,

1776–1779 гг.). Цифровые показатели объема чеканки серебряных монет в "Ведомости" и в "Корпусе монет", полностью совпадают за все годы, за исключением 1779 г. Согласно первому источнику чеканка составила 935200 руб., а второму – 1033800 руб., т.е. разница в 98600 руб. Мы в данном случае придерживались данных "Ведомости", на основании которых сделаны все наши расчеты.

Итак, за 16 лет на Петербургском монетном дворе было начеканено серебряных монет разных номиналов на 32,7 млн.руб., причем общий расход серебра составлял 47460 пудов, или в среднем 2966 пудов в год; на Московском монетном дворе за 13 лет (1762–1776 гг., в 1772–1773 гг. чеканки не было) – соответственно 5978 и 460 пудов. Следовательно, в России в среднем в эти годы расходовалось на чеканку монет 3426 пудов серебра. По другим данным среднегодовой расход в 1766–1781 гг. составлял 3129 пудов. Разница в три сотни пудов объясняется главным образом высоким уровнем чеканки в 1762–1765 гг., выросшим, прежде всего за счет передела монет, выпущенных до 1762 г. В отличие от первой половины XVIII в., когда отечественное серебро фактически не играло какой-либо роли в чеканке серебряных монет, во второй половине XVIII в., особенно в 60–70-х годах, оно вышло на первое место по снабжению сырьем Петербургского монетного двора. Так, в указанные десятилетия в среднем 42,8 % монет чеканились в Петербурге из 20316 пудов серебра, полученного на Колывано-Воскресенских и Нерчинском заводах.

Колыванский медеплавильный завод на Алтае был основан крупнейшим уральским заводчиком А.Н. Демидовым в 1729 г. Позднее здесь были обнаружены крупные месторождения золотистого серебра с примесью свинца. В 40-х годах XVIII в. заводчик построил еще два завода: Барнаульский и Шульбинский⁴⁹. Первое серебро было получено с Воскресенского рудника. Поэтому весь горно-заводский комплекс получил название Колывано-Воскресенских заводов. После смерти Демидова заводы перешли в ведомство Кабинета императрицы в 1747 г., а наследникам казна выплатила их стоимость. Первые годы заводы обустроивались и производительность их была невелика. В течение последующих трех десятилетий добыча серебра в целом росла. За 38 лет (1747–1784) она составила 22785 пудов, или в среднем почти 600 пудов в год. По десятилетиям картина такова: 1747–1749 гг. – 546,5 пуда, или в среднем 182,1 пуда (далее среднегодовые данные указаны в скобках), 1750–1759 гг. – 2908,5 (291), 1760–1769 гг. – 5598,5 (560), в 1770–1779 гг. – 10733 (1073) и в 1780–1784 гг. – 2998 (600) пудов (см. табл. 24).

Самая высокая производительность Колывано-Воскресенских заводов приходится на 70-е годы, когда в среднем ежегодно получали почти 1100 пудов серебра. Но уже с конца этого десятилетия наметился спад, который в 80-е годы заметно усилился. Горная экспедиция объясняла его нехваткой рабочей силы, угля, бедностью руд серебром и золотом. Непри-

Таблица 24

**Добыча серебра на Кольвано-Воскресенских заводах
(1747–1784 гг.)***

Год	Пуд	Фунт	Год	Пуд	Фунт	Год	Пуд	Фунт
1747	119	5	1750	264	22	1773	1181	12
1748	117	38	1761	333	21	1774	1146	24
1749	309	22	1762	405	27	1775	1059	33
1750	209	30	1763	499	24	1776	1027	20
1751	366	35	1764	421	9	1777	1035	26
1752	301	26	1765	575	43	1778	913	1
1753	310	27	1766	767	14	1779	809	12
1754	334	19	1767	779	20	1780	802	31
1755	303	21	1768	741	22	1781	546	14
1756	321	16	1769	809	18	1782	400	13
1757	222	31	1770	1013	12	1783	730	25
1758	264	3	1771	1268	20	1784	517	27
1759	237	10	1772	1277	23			

*ПСЗ (1). – Т 22 – № 16312 – С. 521–522.

сылка на заводы приписанных к ним крестьян, занимавшихся копкой руды, заготовкой древесного угля и другими вспомогательными работами, привела к тому, что заводы бездействовали, несмотря на большое количество добытой руды. В результате "последовало знатное уменьшение в выплавке серебра" и в поставке его на Петербургский монетный двор⁵⁰.

Промышленная добыча серебра на Нерчинских рудниках началась с 1705 г., когда на р.Серебрянке были построены специальные горны. Отдаленность рудников от центра, безлюдность края, суровый климат во многом препятствовали быстрому освоению месторождения и росту добычи. В 1705–1713 гг. на Нерчинском заводе было получено 57 пудов серебра. В 20–40-е годы (1721–1745) было выплавлено 139,5 пуда, т.е. среднегодовая добыча даже несколько понизилась. Однако с 1740 г. наметилась определенная тенденция роста производства. Так, за 6 лет (1740–1745) было получено 83 пуда серебра, т.е. больше, чем за предшествующие 19 лет. В 50-х годах добыча в среднем перевалила за сотню пудов в год. По данным "Ведомости", с Нерчинского завода на Петербургский монетный двор в 60-е годы (1763–1769) поступило 2467 пудов, или в среднем 352,4 пуда в год, а в 70-е (1770–1779 за 9 лет, так как за 1775 г. данных нет) 3357 пудов, т.е. в среднем 373 пуда в год. Как видим, добыча серебра на Нерчинском заводе в эти два десятилетия была стабильной и достигала в среднем более 350-370 пудов в год (по отдельным годам колебания были значительными).

Крупные успехи сереброплавильной промышленности на Алтае и в Забайкалье значительно ослабили зависимость России от поставок серебра из других стран.

Вторым по значению источником получения серебра были таможенные сборы от внешней торговли. Во второй половине XVIII в. наблюдается ее подъем. В 90-е годы внешнеторговый оборот России в среднем составлял 81,6 млн.руб., т.е. увеличился по сравнению с 50-ми годами более чем в 5 раз⁵¹. Такой скачок в развитии внешней торговли стал возможен благодаря крупным сдвигам в экономике России, которые были вызваны формированием капиталистического уклада, успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства, внутреннего обращения, более широким участием страны в международной торговле, экономической политикой правительства (отмена внутренних пошлин, провозглашение свободы торгово-промышленной деятельности, меры по расширению русского экспорта). Росту внешней торговли способствовал выход России к Черному морю. Увеличение таможенных сборов объяснялось также повышением таможенных ставок и, наконец, введением с 1754 г. после отмены внутренних таможен дополнительной 13 %-ной пошлины, которая стала взиматься на всех пограничных таможах. Она должна была возместить сокращение доходов казны в результате отмены пошлин с внутренней торговли.

Во второй половине XVIII в. от пошлинных сборов поступало в среднем 1250 пудов серебра в год. Все оно шло в передел и составляло примерно третью часть серебра, используемого для чеканки⁵². По данным табл. 23 на долю пошлинного серебра также приходится 33,4 % выпуска монет. Таковы средние данные. Но они не дают точного представления о количестве собранного серебра в разные периоды, которое было далеко неодинаково. Так, в 1763—1766 гг. среднегодовой сбор пошлин был равен 1458 пудов серебра, а накануне и в первые годы русско-турецкой войны (1767—1772) всего 561 пуд. Хотя значение пошлинного серебра по сравнению с первой половиной столетия уменьшилось, но оно и во второй половине века оставалось одним из главных источников поступления серебра на монетные дворы. Таким образом, на три четвертых свою нужду в серебре Россия обеспечивала за счет собственной добычи и сбора таможенных пошлин.

По-прежнему, как и в первой половине XVIII в., казна заключала контракты, в том числе и секретные, с зарубежными поставщиками и приобретала серебро внутри страны у иноземных и русских купцов. Всего за 16 лет таким путем было приобретено 4207 пудов, причем главным образом в 60-е годы. В следующее десятилетие по этим статьям на монетный двор поступило очень мало серебра, всего около 100 пудов.

На Петербургском монетном дворе доля прежних монет или старого серебра в переделе по сравнению с новым была невелика и составляла

5,7 %. Но часть монет, чеканенных до 1762 г., несомненно, скрывается и в графе "Капитальное серебро", так что в целом перечеканка прежних монет была большей, чем 5,7 %. Основная масса их была переделана в 60-е годы.

Ефимки, присланные на Монетный двор (графа "Прочее") из Соляной конторы (1097 пудов), были, очевидно, выручены от продажи соли в течение всего периода, а из Коммерц-коллегии (332 пуда) – от продажи других казенных товаров, главным образом в 1763 г. (310 пудов). Таким образом, этот источник получения серебра, который при Петре I играл определенную роль, с начала 60-х годов, после отмены казенной монополии (кроме соли) на экспорт отдельных видов товаров, потерял прежнее значение.

Рассмотрим, какие виды серебра шли в передел на Московском монетном дворе и чем он в этом отношении отличался от Петербургского. Всего по данным указанной выше "Ведомости" на Московском дворе за 13 лет (1762–1771, 1774–1776 гг., в 1772–1773 гг. передела не было) было начеканено крупной и мелкой монеты на 4103172 руб., расход серебра составил 5978 пудов⁵³. На Московском дворе в отличие от Петербургского отечественное серебро не использовалось для выделки монет, потому что в Петербурге находилась лаборатория для разделения золота от серебра из золотистого серебра, получаемого на Колывано-Воскресенских и Нерчинском заводах. Основным сырьем для передела в Москве служили прежние монеты, чеканенные до 1762 г., и пошлинное серебро (ефимки, посылавшиеся из Штатс-конторы). Монет прежней чеканки было перечеканено за указанные выше 12 лет на 2889363 руб., общим весом 4204 пуда и 583,5 пуда пошлинного серебра на 401067 руб. Из серебра этих двух видов было сделано монет на 3290430 руб., или 4/5 (80,2 %) от общей суммы чеканки, причем для Московского монетного двора первостепенное значение имела перечеканка доекатерининской серебряной монеты. Именно эта монета составила 70 % серебра, использованного для передела.

Из прочих видов серебра отметим так называемое капитальное Монетного двора (410 пудов на 282 тыс.руб.), ефимки, присланные в Москву Петербургским монетным двором (186,5 пуда на 128,1 тыс.руб.), покупное (137 пудов на 90,4 тыс.руб.), поступившее из Оренбургской губернии – покупное и собранное в виде пошлин (393,5 пуда на 270,6 тыс.руб.), персидское, китайское и др.

Серебро в Оренбургскую губернию (Оренбург и Троицкую крепость) привозили среднеазиатские купцы; они обменивали это серебро на товары у российского купечества. В первые годы после начала торговли приток серебра в эти пункты достиг значительных размеров. Так, в Оренбург в 1749–1751 гг. поступило 3541 пудов (в среднем 1180 пудов в год), а в Троицкую крепость в 1750–1751 гг. – 380 пудов⁵⁴. Столь крупный приток серебра, в основном иранской серебряной монеты аббаси (по русской

оценке 20 коп.), объяснялся, по-видимому, политическими событиями. После гибели иранского шаха Надира, убитого в результате дворцового заговора в июне 1747 г., часть его казны попала в руки афганских и узбекских военных отрядов, находившихся у него на службе. После смерти шаха они вернулись на родину⁵⁵.

В последующие годы привоз серебра в Оренбург резко сократился: в 1752–1757 гг. – до 200 пудов, а в 1758–1767 гг. – до 35 пудов в среднем в год. В Троицкой крепости (в 1752–1768) среднегодовое поступление серебра тоже уменьшилось в несколько раз, со 190 до 45 пудов. Такой же низкий уровень привоза серебра сохранился и в 70-е годы⁵⁶. Часть серебра или золота, купленного или вымененного на товары у среднеазиатских купцов, российские купцы, нуждавшиеся в оборотном капитале, могли продать в казну на месте, Оренбургской губернской канцелярии, а те, кто не нуждался в капитале, везли их в Москву, где продавали по официальной цене Монетному двору.

Указ Сената от 19 сентября 1751 г. разрешал покупку в Оренбурге золота по цене ниже официального курса на 2 коп., а серебра – на 1 коп. за золотник при условии, что все расходы, связанные с приведением этих металлов в указную пробу, будут оплачены купцами. Монетная контора отправила в Оренбург пробирного мастера с учеником, двух плавильщиков со всеми необходимыми материалами и инструментами. В городе была построена каменная плавильня, где производилась славка серебра в указную пробу, с тем чтобы оно прямо шло в монетный передел, без вторичной сплавки.

Часть серебра в персидской монете поступало от казахов, к которым оно попадало от тех же среднеазиатских купцов. Правительство приняло меры, чтобы серебро и золото не вывозилось за границу, а продавалось казне либо в Оренбурге, либо в Москве. Благодаря привозу и принятым мерам в Москве за 2 года и 9 месяцев (1749 – сентябрь 1751 г.) было куплено у купцов на Монетный двор до 3000 пудов серебра и 4 пуда золота⁵⁷.

До начала 60-х годов XVIII в. (как и ранее в XVII в.) из Закавказья и Ирана в Россию через Астрахань эпизодически ввозилось серебро и золото в монетах, слитках, ломе и т.п., причем импорт не облагался пошлинами и не фиксировался в таможенных книгах, поэтому мы не располагаем количественными показателями. Время от времени Кабинет императрицы и Монетная канцелярия поручали губернским властям в Астрахани покупать золото и серебро, особенно тогда, когда цены на них были ниже указных. Практиковалось, но редко, предоставление купцам и купеческим компаниям права продажи в Закавказье и Иране на золотую и серебряную монету таких товаров, как хлеб, сырые кожи, экспорт которых был запрещен, но с обязательным условием сдачи в казну вырученной монеты. Так, в 1745–1753 гг. астраханский купец Федор Кобяков вывез крупную

партию сырых кож на 10 тыс.руб и, купив 35 фунтов золота, сдал его в Кабинет⁵⁸.

Новый правитель Ирана Керим-хан в 60-х годах провел денежную реформу, в результате которой вес серебряной монеты был уменьшен на 1/5, золотых червонцев – на 1/3. Вследствие этого вывозить из Ирана легковесную золотую и серебряную монету стало невыгодно. Напротив, поскольку цены на золото и серебро в Иране и Закавказье выросли, стало выгодно ввозить туда эти металлы. Поэтому, несмотря на строжайший запрет вывозить русскую серебряную монету за рубеж, с конца 60-х годов началась ее утяжка в Иран и подвластные ему территории, где она шла в денежный передел, т.е. использовалась как монетное сырье⁵⁹. В нашей "Ведомости" полностью отразились эти перемены. В 1762–1763 гг. из Астрахани на Московский монетный двор поступило 10,5 пуда персидских серебряных монет, а в последующее время – ни одного.

Для конца XVII – первой четверти XVIII в. характерно более или менее систематическое поступление китайского серебра и золота в Россию, правда, в небольших количествах. Регулярным был привоз этих металлов и в 30-е годы. Так, по данным источников, в 1735, 1737 и 1739 гг. было приобретено более 130 пудов китайского серебра⁶⁰. Чаще всего его покупали местные власти в Иркутске и затем отправляли на Московский монетный двор. В последующий период привоз китайского серебра и золота почти прекратился. Этот факт отмечается и в исторической литературе и в документах. Исследователь русско-китайских отношений Х. Трусович пишет, что если золото и серебро составляло "первоначально важный предмет казенного вывоза из Китая в Россию", то за весь период от 1755 по 1800 г. "встречается только одно известие о ввозе серебра", которое гласит, что в 1782 г. его поступило 12 пудов 29 фунтов⁶¹. В "Ведомости" под 1765 г. отмечается чеканка из 9 пудов 31 фунта китайского серебра монет на 6717 руб.⁶²

На протяжении XVIII в. серебро и золото поступали из восточных стран (Иран, Средняя Азия, Китай) нерегулярно, а эпизодически. В целом доля восточного серебра и золота в обеспечении монетных дворов сырьем была невелика. Это объяснялось разного рода трудностями, возникавшими на пути расширения русско-восточной торговли.

Как обстояло дело в 40–90-е годы XVIII в. со снабжением монетных дворов золотом? Какие источники поступления золота имели первостепенное значение?

В 40–50-е годы, когда золотая монета чеканилась в Москве и Петербурге, в качестве сырья использовали золото, привозное из западных стран и собираемое в виде пошлин в таможах. Но конкретными данными об этих видах золота мы не располагаем. Несколько лучше положение с источниками, характеризующими поступление золота из Китая и Средней Азии. Из Китая золото привозили песочное и в слитках. В 30-х годах самая крупная

партия китайского золота весом в 6 пудов была доставлена в 1738 г. караваном, ведшим торговлю казенными товарами в Китае. В том же году по указу Кабинета министров оно было переделано в российские червонные " с крайним поспешением"⁶³. Несколько покупок, относящихся к этому времени, о которых имеются упоминания в источниках, не превышали 7–10 фунтов⁶⁴.

В 1739 г. был заключен контракт с бухарским купцом Муратом Бачимом о поставке им на русско-китайскую границу в течение трех лет 12 пудов золота. Купец просил ему платить за золото (по 2 руб. за золотник 83-й пробы или по 2 руб. 30 коп. за золотник чистого) ефимками или российскими серебряными деньгами, а не товарами, потому что "ныне в Китайском государстве серебра в слитках между народом ходит мало, а без серебра де ни на какой товар великую сумму золота достать будет не можно". Контракт обсуждался в Сенате. Решено было платить Бачиму русской серебряной монетой. Купец согласился принимать ефимки по рублю, но отдавать их ему было невыгодно, так казна теряла при этом прибыль, которую получала от передела талеров в российскую монету. К тому же ефимки будут вывезены в Китай, и в этом случае китайцы, убедившись, что проба талера выше российской монеты, "ни за какие товары ее принимать не будут, а станут требовать ефимки, и тем российскую монету в низкую цену приведут". Однако этот выгодный для казны контракт не был выполнен бухарцем. Он поставил всего 17 фунтов 66 золотников золота⁶⁵.

В последующие десятилетия привоз золота, как и серебра, по всей вероятности, прекратился.

В 50-х годах среднеазиатские купцы привезли в Россию немногим более 51 пуда золота, в том числе в Оренбург 44 пуда 38 фунтов и в Троицкую крепость 6 пудов 4 фунта. Оно было выменено на товары российскими купцами из расчета 6 руб. за индийский червонец и 2 руб. 70 коп. за бухарский червонец. Можно полагать, что значительная часть этого золота была сдана купцами на Московский монетный двор. В следующем десятилетии по данным Оренбургской и Троицкой таможен привоз золота, как и серебра, во много раз уменьшился и составил всего по обоим пунктам 2 пуда 28,5 фунта. Эти данные находят подтверждение и в "Ведомости", согласно которой на Петербургский монетный двор в 60–70-е годы поступило оренбургского золота всего 1 пуд и 2 фунта⁶⁶.

С конца 40-х годов все большую роль начинает играть отечественное золото, добываемое на Алтае и в Забайкалье, на Урале и в Олонецком крае.

Передел разных видов золота в 60–70-е годы XVIII в. представлен в табл. 25.

Таблица 25

Передел золота на Петербургском монетном дворе
(1762–1779)*

Виды золота	Сумма, руб.	Вес, пуд.
Колывано-Воскресенское	6 155 596	492,2
"Секретное" ^{1*}	4 232 330	338,5
Уральское	580 795	46,6
Прежние монеты ^{2*}	335 840	26,8
Нерчинское	200 435	16,0
"Капитальное" ^{3*}	158 101	12,7
Покупное	43 990	3,5
Олонецкое	5360	0,4

*Таблица составлена на основании "Ведомости" (ЦГАДА. – Ф. 19. – Д. 165. – Л. 6–32 об.). Подсчеты наши.

^{1*}Имеются в виду тайные поставки иностранного золота на Монетный двор.

^{2*}Речь идет об имперiales, полуимперiales прежней чеканки (до 1764 г.) и андреевских двухрублевиках, выпускавшихся до 1730 г.

^{3*}В эту группу входит золото, составлявшее капитал Монетного двора, Конторы разделения золота от серебра, остаточное от казенных сплавов, передела золотой монеты и медалей и присланное из разных учреждений, в том числе из Петербургской таможни.

Итак, за 18 лет в Петербурге было начеканено имперiales, полуимперiales и червонцев на 11712 тыс.руб., а общий расход золота составил 936,5 пуда, или в среднем 52 пуда в год. Примерно такую же картину рисуют другие данные. Так, в 1766–1781 гг. подверглось переделу в монеты 769 пудов 22 фунта золота, или в среднем 48,1 пуда в год⁶⁷. Как видно из табл. 25 Колывано-Воскресенские, Уральские, Нерчинские и Олонецкие меторождения давали 3/5 (59,3 %) всего золота, потребляемого на Петербургском монетном дворе. В действительности, этот процент был выше, потому что в таких разделах таблицы, как "Прежние монеты" и "Покупное", тоже можно предположить наличие определенной доли отечественного золота.

Первое место занимало алтайское месторождение. Выплавляемое на Колывано-Воскресенских заводах золотистое серебро в результате аффинажа (т.е. разделения золота от серебра) давало немногим более половины (52,5 %) золота, шедшего в монетный передел. Первые успешные опыты разделения нерчинского золотистого серебра осуществил в 1718 г. минцмейстер Московского монетного двора Иван Мокеев и, как уже было сказано ранее, получил за это вознаграждение. В течение более 30 лет аффинаж нерчинского серебра производился в Москве по методу

Мокеева мокрым путем, т.е. растворением золотистого серебра в азотной кислоте. В штате Монетного двора имелся мастер, который занимался разделением золота от серебра, с годовым окладом 60 руб.

Аффинаж алтайского серебра производился на Петербургском монетном дворе по комбинированному способу, разработанному Шлаттером. Разделение серебристого золота осуществлялось сухим путем при помощи сурьмы. Этот способ был экономичен, так как не требовал предвзятельной подготовки металла, прост и обеспечивал быстроту проведения операции. Для очистки получаемого металла применялся мокрый метод разделения, причем золото выходило из процесса совершенно мягкое и самых высоких проб. В течение 17 лет (1746–1763) Шлаттер в специально построенной по его предложению лаборатории (цехе) возглавлял дело аффинажа всего золота и серебра, поступавшего с казенных горно-металлургических предприятий страны. Разработанный им способ разделения применялся в России три четверти века, вплоть до 1820 г.⁶⁸

Количество золота, получаемого в результате аффинажа металла, выплавленного на Колывано-Воскресенских заводах, в 40–70-х годах неуклонно росло: в 1745–1750 гг. было получено 13 пудов 39 фунтов, в 1751–1760 гг. – 97 пудов 27 фунтов, в 1761–1770 – 176 пудов 19 фунтов и в 1771–1779 гг. – 206 пудов.⁶⁹ Падение выплавки золотистого серебра в 80-х годах XVIII в. привело и к значительному сокращению количества золота, получаемого от разделения.

До начала 50-х годов разделение нерчинского золотистого серебра производилось в Москве. Однако вследствие того, что аффинаж в Петербурге осуществлялся более экономно и быстро, в феврале 1752 г. было решено и разделение нерчинского серебра проводить там же⁷⁰. За 40–50-е годы имеются только отрывочные данные о количестве золота, извлеченного из нерчинского серебра. Но, по-видимому, ежегодный вес этого золота не превышал двух десятков фунтов (0,5 пуда). В последующие два десятилетия по данным "Ведомости" он ненамного вырос: в 60-е годы (1762–1769) было получено 6 пудов 4 фунтов, в 70-е (1770–1779) – 9 пудов 36 фунтов, т.е. соответственно в среднем в год 30,5 и 39,4 фунта. Короче говоря, нерчинское золото существенного значения в чеканке золотой монеты в России не имело.

Несколько большую роль играло уральское золото, занимавшее в 60–70-х годах третье место как источник снабжения Петербургского монетного двора сырьем. Но на Урале в это время добывали золота в 10–11 раз меньше, чем на Алтае. Первые золотоносные жилы ("самородное золото в кварце") были обнаружены неподалеку от Екатеринбурга, вероятнее всего в конце 40-х – начале 50-х годов. По поручению Шлаттера, один из квалифицированных горных инженеров с многолетним стажем, имевший за плечами большой опыт строительства металлургических заводов на Урале и в других районах страны, Никифор Клеопин обследо-

вал золотые прииски и рудники. По его мнению, при наличии денег и рабочей силы добычу золота на Урале можно было значительно увеличить, сократив при этом себестоимость.

Вновь созданная Горная экспедиция екатеринбургских золотых промыслов наметила конкретный план увеличения добычи золота. Согласно ему должны были быть построены новые похверки (толчеи для толчения руды) и промывальни. Экспедиция просила приписать к золотым приискам более 9 тысяч государственных крестьян и разрешить использовать труд рекрутов. При условии выполнения ее требований она выражала надежду довести добычу золота до 8 и более пудов в год. И "ежели это действительно воспоследует, то за неизреченное сокровище в нынешние веки в России от земных недр открываемое почитать должно"⁷¹. Сенат поддержал все эти предложения. Однако эти прогнозы оказались чересчур оптимистичными и полностью не оправдались, хотя добыча золота на Урале и увеличилась. Так, в 1755 г. было получено только 6 фунтов 60,5 золотника по 4 руб. 53 коп. за золотник (т.е. по очень высокий себестоимости). Но уже в следующие два года удалось увеличить добычу (в 1756 г. – 29 фунтов 5 золотников, в 1757 г. – 1 пуд 88,5 золотника) и понизить себестоимость в три раза, дведя ее до 1 руб. 48 коп. за золотник⁷².

По данным "Ведомости" на Петербургский монетный двор в 60-е годы XVIII в. (1763–1769) поступило уральского золота 21 пуд 38 фунтов, а в 70-е годы (1770–1779) – 24 пуда 27 фунтов. Сведениями о добыче золота на Урале в последующее время мы не располагаем.

В Воецком руднике Олонецкого уезда добывалась медная руда, которая отправлялась на Петровский (Олонецкий) завод. Здесь же находили в небольшом количестве золотые крошки. Золота получали очень мало, в среднем немногим более полутора фунтов в год. Так, в 1744–1750 гг. из крошек было выплавлено золота 12 фунтов 84,5 золотника. В 50–60-х годах добыча осталась примерно на том же уровне. С начала 70-х годов золотая жила пресеклась и эксплуатация рудника прекратилась⁷³.

Итак, во второй половине XVIII в. произошли крупные сдвиги в структуре источников, обеспечивавших монетные дворы благородными металлами. Одни, занимавшие первое место (пошлинные сборы от внешней торговли), отошли на второй план, другие потеряли былое значение (торговля казенными товарами на талеры), третьи не претерпели изменений (перечеканка прежних монет, контракты на поставку и покупка золота и серебра). Самым важным изменением, имевшим решающее значение, было выдвижение на первое место отечественного золота и серебра (добыча которых ранее была незначительна). Примерно с середины XVIII в. положение со снабжением монетных дворов благородными металлами заметно улучшилось, что стало возможным благодаря росту добычи золота и серебра и применению технически передового для того времени способа аффинажа.

Таким образом, проблема обеспечения монетных дворов сырьем за счет собственной металлургии благородных металлов хотя и не была решена полностью, но все же перестала быть такой острой, как в предшествующее время.

ОПЛАТА ТРУДА МОНЕТЧИКОВ

К началу 40-х годов XVIII в. монетчики добились удовлетворения некоторых своих требований и тем самым несколько улучшили свое положение. Но с этого времени и вплоть до середины 80-х годов размеры "задельных денег" за изготовление серебряной и золотой монеты оставались неизменными. Между тем жизнь за 40 лет значительно подорожала: цены возросли не только на продукты питания, одежду и другие бытовые предметы, но и на материалы, различные припасы, которыми пользовались монетчики при переделе серебра и золота. Повысился уровень оплаты труда вольнонаемных работных людей, к найму которых прибегали мастера монетного дела. Переход с 1762 г. от чеканки серебряной монеты 77-й пробы к 72-й ухудшил положение монетчиков, так как повлек за собой и определенные трудности, и большую затрату времени на изготовление монет и большие расходы. А все расходы, связанные с переделом и угаром, вычитались из "задельных денег".

О бедственном положении мастеров монетного дела в последней трети XVIII в. имеются не только субъективные (жалобы и прошения монетчиков), но и объективные свидетельства, а именно рост их задолженности казне и купечеству. Так, в декабре 1768 г. Сенат на основании донесений Монетного департамента о том, что мастеровые и монетчики Петербургского монетного двора "обязываются с купечеством векселями и за несостоянием их к исправному на сроки платежу допускают те вексели до протеста" принял специальный указ о порядке взыскания с них долгов⁷⁴. Монетчики Петербургского двора во главе со старостой Ильей Семеновым 25 ноября 1762 г. подали челобитную, в которой сообщали, что "пришли во многие неоплатные долги и претерпевают с домашними своими по дороговизне здесь хлеба и харчей немалый глад и впали в глукую нищету"⁷⁵.

Чем же было вызвано столь резкое ухудшение условий из жизни? Мы уже отметили главные причины. Остановимся на них подробнее, основываясь на челобитной монетчиков. Серебро 72-й пробы, из которого стали чеканить монеты, было более твердым и хрупким, чем 77-й пробы. При переделе этого серебра монетные кружки ломались, "инструментам бывало великое и частое повреждение", получалось много серебряных крох, больше чем годных монет. От такого значительного количества "крохового серебра" и частных его переплавок увеличивался угар (т.е. сгорание металла во время плавки), который оплачивали монетчики из "задельных денег". Монетные кружки 72-й пробы труднее подвергались

отбеливанию, на многих из них оставалась чернь и они выкидывались как брак и снова шли в переплавку.

По новой монетной стопе, введенной в январе 1762 г., из лигатурного пуда серебра 72-й пробы монет получалось больше на 49 руб. $6\frac{2}{3}$ коп. В результате монетки тратили больше времени и разных материалов (приобретаемых ими за собственные деньги), чем ранее на производство монет. Из "засельных денег" мастера монетного дела должны были платить работным людям, привлекаемым к разным работам, кузнецам за ковку серебра, за наем лошадей, сила которых использовалась при плавлении (прокатке серебра), за ремонт и изготовление инструментов, за разные материалы, необходимые для передела. Челобитчики вследствие увеличившихся многих расходов и "излишнего угара" серебра просили "учинить им в засельных деньгах прибавку". Если такой прибавки не будет, "а паче чаяния учинятся у передела излишний угар или от недостатка засельных денег в переделе последует остановка", то чтобы они не несли ответственности⁷⁶. Мотивируя свою просьбу, монетки писали, что ранее при установлении новой пробы и стопы обычно проводили несколько опытных переделов для определения угара и всех расходов, и исходя из этого, оплачивали их труд.

Монетное ведомство признало требования мастеровых людей справедливыми, но удовлетворить их отказалось, потому что якобы это могло причинить ущерб казне. Положение монетчиков предлагалось облегчить путем ускорения и сокращения расходов при переделе, а не повышения размера "засельных денег". Это решение было подтверждено спустя 4 года на том основании, что внедренный в производство новый способ разливки серебра в плоскодонные изложницы сократил в три с лишним раза расходы монетчиков на расковку серебра⁷⁷.

По указу 2 декабря 1770 г. сумма "засельных денег" за пуд переработанного серебра с 1771 г. увеличивалась на 1 руб. при выделке рублевых и полтинных монет, т.е. с 8 руб. 50 коп. до 9 руб. 50 коп. за пуд. Но монетки от этой прибавки ничего не выиграли. Почему? Ранее за угар вычитали по $20\frac{4}{7}$ коп. за золотник чистого серебра, что соответствовало его цене при 77-й пробе монет. С 1771 г. стали вычитать по $23\frac{19}{27}$ коп., согласно цене золотника чистого серебра при 72-й пробе. А чтобы монетчикам "не было обиды" им и увеличили "засельные деньги" на 1 рубль⁷⁸.

Указ Екатерины II от 20 ноября 1769 г. об увеличении выпуска мелкой серебряной монеты до $\frac{4}{5}$ от общей суммы чеканки поставил монетчиков в еще более трудное положение, так как угар и расходы при чеканке мелких номиналов были большими по сравнению с переделом крупной монеты. И хотя "засельные деньги" на дело мелкой монеты были увеличены до 12 руб. за 25 и 20-копеечные и до 16 руб. за 15- и 10-копеечные монеты с пуда лигатурного серебра, но они не покрывали расходы монетчиков. Но указ 1769 г. действовал всего два года⁷⁹.

Оставим на короткое время монетчиков Петербургского двора и посмотрим, каково было положение их товарищей в Москве. Если сказать одним словом, то оно было худшим. Объяснялось это тем, что здесь доля мелкой монеты в чеканке была значительно большей, чем в Петербурге, да и платили за работу меньше. Так, в Москве "задельные деньги" за передел рублевой монеты составляли 7 руб. 24 коп., полтинной — 8 руб., 25- и 20-копеечной — 10 руб., 15- и 10-копеечной — 14 руб. с пуда сделанных монет, а в Петербурге соответственно 8 руб. 50 коп., 12' и 16 руб. Доказательством служат данные о задолженности московских монетчиков казне, образовавшейся во время переделов в 60-е годы. Причины известны — они назывались в челобитной петербургских монетчиков 1762 г. — это рост дороговизны, переход от 77-й к 72-й пробе, повлекший излишние расходы и др.

По трем переделам (1764—1765, 1766 и 1767—1768 гг.) монетчики перерасходовали 4576 руб., которые с них должны были быть взысканы. Они работали на монетном дворе по месяцу и более, не покидая его, и получили при первом переделе за 11 месяцев менее 9 руб., при втором за такое же время — по 13 руб. 45 коп., при третьем за 1 год и 9 месяцев — по 27 руб. и при четвертом (1768—1769 гг.) за год и 4 месяца — по 33 руб., а всего за 4 года и 11 месяцев — только 83 руб., из которых взимался и их долг ("доимка") казне. При новом переделе (с октября 1768 г.) 39 монетчиков получили 532 руб., из которых на сутки каждому приходилось менее 5 коп. Но на эти деньги, учитывая в Москве "в съестных припасах дороговизну" и то, что некоторые не имеют собственных дворов и вынуждены снимать квартиры, прожить трудно. От всего этого "претерпевают крайнюю нужду и бедность". И у некоторых жены и малолетние дети, чтобы прокормиться, собирают милостыню, "скитаются по миру"⁸⁰.

Московский монетный департамент сообщал в Петербург, что в Москве, как и везде, выросли цены на материалы и припасы, причем многие из них (цен) отнюдь не дешевле петербургских, а некоторые (например, на сталь, уголь, дрова и прочее) даже дороже. Из-за этой дороговизны прежними размерами "задельных денег" монетчикам "исправиться никак невозможно". Поддерживая просьбу монетчиков об установлении в Москве "задельных денег" такого же размера, как в Петербурге, Монетное ведомство считало, что надо пойти навстречу мастерам денежного дела. Эта просьба была удовлетворена и указом от 4 августа 1768 г. московским монетчикам прибавили по два рубля, за передел каждого пуда мелкой серебряной монеты. Но из этих двух рублей половину высчитывали для покрытия, имевшейся на них "доимки".

Учитывая ухудшившееся положение монетчиков и тот факт, что от этой прибавки они "удовольствия себе никакого иметь не могут" и числящуюся на них задолженность выплатить не в состоянии, Московское монетное ведомство выступило с рядом предложений. Оно поставило перед Сена-

том вопрос о том, чтобы не взыскивать с монетчиков перерасход, образовавшийся при переделах 1764, 1765–1766 гг. в размере 1826 руб., доплатить им 2849 руб. за передел в 1765–1767 гг. разных номиналов монет, установить такие же размеры "задельных денег" за выделку рублевой монеты, как в Петербурге, т.е. 9 руб. 50 коп. (московским монетчиком платили 7 руб. 24 коп.)⁸¹.

Говоря о причинах перерасходов, образовавшихся при переделах 60-х годов. Монетное ведомство отмечало, что главная из них состоит в том, что на Московском монетном дворе угар серебра при переделах значительно больше, чем на Петербургском. В Петербурге мелкую монету делали всего двух номиналов и намного меньше, чем в Москве. Кроме того, на столичном монетном дворе в передел шло одновременно в несколько раз больше серебра, чем на Московском, что сокращало расходы и угар, а следовательно, вычеты из "задельных денег".

В 1768–1770 гг. на Московском монетном дворе был осуществлен еще один передел. И вновь монетчики не уложились в нормативные расходы и угар и перерасходовали 1149 руб. Во время чумы, которая свирепствовала в Москве в 1771 г., из 49 монетчиков умерли 37. Монетному ведомству было очевидно, что взыскать с 12 оставшихся монетчиков их задолженность казне в размере 4382 руб. "по их неимуществу и самой сущей бедности... никакой надежды нет".

В донесении Сенату от 7 октября 1774 г. Петербургский монетный департамент предложил списать с монетчиков их задолженность ("доимку") и прекратить передел серебра на Московском монетном дворе. Если его продолжать здесь, то по-прежнему можно ожидать одних убытков, так как из-за малого количества серебра будут излишние расходы и угар, "а потому и на монетчиках казенной доимки ожидать должно"⁸². Сенат ввиду исключительных обстоятельств согласился с этим решением, но подтвердил, что прежние указы остаются в силе, т.е. за излишние расходы и угар "у мастеров вычитать впредь из задельных денег"⁸³.

Трудности, с которыми столкнулись московские монетчики в связи с резким увеличением выделки мелкой серебряной монеты и сохранением прежней оплаты труда, не соответствовавшей изменившимся условиям жизни, вскоре встали и перед их коллегами в Петербурге. В 1778 г. правительство приняло такое же решение, как и в 1769 г., т.е. об увеличении выпуска мелкой серебряной монеты до 4/5 от общей суммы чеканки. Передел ее, как и других номиналов, был полностью сосредоточен на столичном дворе, так как с 1777 г. чеканка серебряной монеты на Московском монетном дворе прекратилась. Это решение подтолкнуло петербургских монетчиков (знавших в какие трудные условия оно поставило их московских товарищей) на новое обращение к властям.

Челобитная петербургских монетчиков во главе со старостами Гаврилой Байковым и Василием Свешниковым от 19 апреля 1779 г. во многом

повторяла прошение 1762 г. Но были и новые моменты. Главный из них заключался в том, что при существующих нормах "задельных денег" и таком соотношении (4 части мелких и одна крупных монет) они не в состоянии обеспечить выполнение заданий Монетного ведомства. "До сего времени толь великого числа мелкой монеты в сравнении с крупной делано не было, а выходило оной при каждом переделе по малому числу", — писали монетчики. Ранее на дело мелкой монеты, как правило, употребляли большей частью бракованные крупные монеты и кружки, а специальные сплавы серебра проводились "весьма редко". Поэтому хотя авансы ("дачи") "получали малые и с нуждою могли прокормить себя с домашними", все же "задельных денег" хватало. При переделе серебра в рублевую и полтинную монету за угар из "задельных денег" в казну вычиталось по 5 руб. 38 коп. и этой суммы было вполне достаточно. Более того, расходы на угар были меньше, "а потому и происходили по окончании переделов всегдашние им додачи". Иное дело при чеканке мелкой монеты. В среднем из "задельных денег" в казну брали по 7 руб. 45 коп., но угар у каждого пуда серебра составлял два с лишним рубля и эта сумма высчитывалась у них при окончании передела. Кроме того, при отбеле мелких монет расходы увеличиваются и брака бывает больше. А так как при окончательном расчете за передел крупной монеты "додачи бывают весьма умеренные, а не чрезвычайные", то они не перекроют перерасход при чеканке мелкой. Монетчики выражали опасение, что при пределе серебра по установленной пропорции (4/5 мелкой и 1/5 крупной) "по малости задельных денег не оказалось бы на них недоимка и не пришли бы они от того в неоплатные долги и в совершенное разорение". Байков и Свешников с товарищами просили увеличить "задельные деньги" за передел как крупной, так и особенно мелкой монеты, "дабы они в получении заработных денег к пропитанию их с домашними не претерпевали крайней бедности"⁸⁴.

Рассмотрев челобитную, Монетное ведомство решило провести пробный передел мелкой серебряной монеты под наблюдением комиссии в составе обер-вардейна Алексея Шнезе и минцмейстеров Петербургского монетного двора Александра Лесникова и Авраама Гоциуса. Пробный передел был осуществлен и комиссия в феврале 1780 г. представила монетному ведомству счет, согласно которому действительные расходы и угар при переделе 100 пудов серебра в мелкую монету составили 2815 руб., в то время как по существующим нормам они не должны были превышать 1162 руб. В среднем на каждый пуд сделанных монет (20, 15 и 10 коп.) расходы и угар превышали нормативные на 19 руб. 74 коп. Комиссия заявила, что если сохранить существующие нормы "задельных денег", то при переделе 5000 пудов серебра, делая из него 4000 пудов мелкой монеты, на монетчиках образуется начет более 17 тыс. руб. Совершенно очевидно, что 44 человека (а именно столько было монетчиков на Петер-

бургском дворе) никогда не будут в состоянии выплатить эту сумму казне. Чтобы избежать этого, обер-вардейн и минцмейстеры предложили при существующих нормах "задельных денег" чеканить только крупную монету, а на мелкую употреблять "выкидные за негодностию черные рублевые кружки и бракованные рублевики", и при этом специальной сплавки серебра не делать. При таком порядке на монетчиках недоимок не числилось, напротив, всегда им в "задельных деньгах" была доплата.

Комиссия отказалась определить размеры "задельных денег" при переделе мелкой серебряной монеты, потому что пробная плавка была малой, всего 100 пудов серебра. По вопросу об увеличении оплаты труда монетчиков за передел крупной монеты комиссия не высказалась, предоставив его решение Монетному ведомству. В целом же руководство Петербургского монетного двора выступило за то, чтобы пойти навстречу требованиям монетчиков⁸⁵. Монетное ведомство запросило сведения о переделах серебра за последние 30 лет, чтобы убедиться, насколько обоснованы требования монетчиков. Такие сведения об угаре и расходах при чеканке серебряной монеты были представлены за два десятилетия.

Приведем эти интересные данные. В 1744–1754 гг. было начеканено 10823,5 пуда серебряных монет 77-й пробы, угар составил 48,5 пуда или на каждый пуд монет приходилось 2 руб. $43\frac{1}{4}$ коп. ($14\frac{71}{96}$ зол.) Спустя 20 лет (1766–1776) начеканено было монет 72-й пробы 30761,5 пуда, угар равнялся 193 пуда 37 фунтам, что составляло в переводе на деньги на каждый пуд 4 руб. 11 коп., т.е. больше по сравнению с первым переделом на 1 руб. $67\frac{3}{4}$ коп. Расходы также выросли. При переделе 1744–1754 гг. на покупку угля, дров, железа, стали, ртути и других материалов, наем лошадей и рабочих людей, на их питание было истрачено 30043 руб. Соответственно с весом полученных монет во втором переделе (1766–1776) расходы должны были составить 87543 руб.; на самом деле они выросли на 28170 руб. И только благодаря тому, что удалось усовершенствовать процессковки серебра и сократить затраты на эту операцию, расходы не превысили 11633 руб. и составили в целом 99176 руб. При этом надо иметь в виду, что во втором переделе доля мелких монет (изготовление их всегда влечет за собой большие расходы) была невелика.

В донесении Сенату от 6 мая 1780 г. Монетное ведомство, изложив прошение монетчиков и приведенные выше данные, отмечало, что положение мастеров денежного дела теперь еще более ухудшится, так как с 1779 г. Петербургский монетный двор чеканит 80 % мелкой и 20 % крупной монеты. Руководство Монетного ведомства сообщало, что без разрешения верховной власти опасается доплачивать монетчикам из "капитальных денег" монетного двора и, чтобы не приостановить работу, решило осуществлять передел "прежним порядком", т.е. чеканить крупную монету, а мелкую делать из брака и отходов при вырубке рублевых и полтинных

кружков из полос серебра. Руководители ведомства просили Сенат поставить перед Екатериной II вопрос сколько делать мелкой и крупной серебряной монеты и чтобы разрешила угар и расходы, превышающие размеры "задельных денег", покрывать за счет капитальной суммы монетного двора.

Получив это донесение, Сенат запросил у Монетного ведомства, каковы будут угар и расходы, если делать не 80 % мелких серебряных денег, а половину или четверть. Ответ был таков: без большого передела (не менее 1000 пудов) установить величину угара и расходов нельзя. Сенат определил делать пробу не из 1000, а из 500 пудов серебра⁸⁶. Передел 500 пудов серебра в мелкую монету (25, 20, 15 и 10 коп.) был произведен в 1782 г. Каждый пуд в среднем обошелся в 28 руб. 4 коп., в том числе расходы – 13 руб. 14 коп. и угар серебра – 14 руб. 90 коп. 20 и 25-копеечных монет было сделано на половину суммы, а на другую – 15 и 10-копеечных монет. За первые два номинала платили "задельные деньги" по 12 руб., а за вторые по 16 руб. за пуд, т.е. всего 56 руб., или в среднем 14 руб. Следовательно, при изготовлении мелкой монеты из 500 пудов серебра угар и расходы вдвое превышали установленные размеры "задельных денег".

Монетный департамент не считал возможным определить точные размеры "задельных денег" монетчикам, а предложил провести еще два передела мелких серебряных монет по несколько тысяч пудов каждый, ибо чем больше серебра в переделе, тем меньше угар и расходы. Сенат согласился с этим мнением⁸⁷.

В течение лета 1783 – лета 1785 гг. были осуществлены два передела, каждый по 2100 с лишним пудов серебра. На основании средних данных этих переделов Монетный департамент предложил установить следующие размеры "задельных денег": за чеканку 25- и 20-копеечной монеты – по 21 руб., а 15- и 10-копеечной – по 28 руб. с пуда, т.е. прибавка соответственно составляла 9 и 12 руб. по сравнению с прежними расценками.

Однако, оберегая интересы казны, Монетное ведомство увеличение "задельных денег" оговорило двумя условиями. Во-первых, так называемые "инструментальные мастера" (токари, слесари, кузнецы, их подмастерья и ученики) – всего 19 человек должны перестать получать казенное жалованье (1065 руб. в год) и перейти на содержание монетчиков. Во-вторых, прибыль от усовершенствования процесса производства в будущем и сокращения расходов и угара серебра должна была поступать в казну.

Монетное ведомство созвало старост и монетчиков и представило на их суд свое предложение. Мастера денежного дела заявили, что согласны с новой оплатой труда. В случае изменения пробы и монетной стопы предусматривался пересмотр расценок. Кроме того, монетчики просили увеличить „задельные деньги” за чеканку крупной монеты с 9 руб. 50 коп. до

12 руб. 29 коп. Обоснование было таково: расходы на каждый пуд сделанных монет (рублей и полтинников) по сравнению с 40-ми годами выросли почти на 38 коп., а угар — на 1 руб. 68 коп. По новой 72-й пробе из пуда серебра получается монет на 49 руб. больше, чем при старой 77-й. За их изготовление ничего не платят, а по существующим расценкам им полагается 73 коп. Руководство Монетного ведомства в основном поддержало монетчиков и согласилось прибавить к 9 руб. 50 коп. за передел крупной монеты еще 2 руб. 50 коп. Чтобы покрыть расходы казны в связи с увеличением „задельных денег“, было решено уменьшить вес мелкой серебряной монеты. Так, 25- и 20-копеечные монеты стали делать из фунта лигатурного серебра не по 17 руб. $15\frac{40}{96}$ коп., а по 17 руб., $29\frac{1}{4}$ коп., 15- и 10-копеечные — по 17 руб. $46\frac{2}{3}$ вместо 17 руб. $25\frac{40}{96}$ коп. Сенат полностью согласился с решением Монетного ведомства и утвердил его⁸⁸.

Итак, требования монетчиков о повышении оплаты их труда, с которыми они неоднократно выступали в 60–70-х годах XVIII в., были удовлетворены лишь частично. „Задельная плата“ была повышена по чеканке крупной серебряной монеты немногим более, чем на четверть (27,8 %), а мелкой — на три четверти. В целом, это повышение было небольшим, учитывая общий рост дороговизны жизни, падение ценности денег, т.е. инфляцию, и перевод более половины инструментальных мастеров, получавших ранее казенное жалованье, на содержание монетчиков. Правительство пошло на увеличение „задельных денег“ под воздействием изменившихся экономических условий, перемен „в деле самой монеты“ с 1762 г., namely о усложнивших труд монетчиков и ухудшивших их материальное положение. Наконец, нельзя было не считаться и с требованиями мастеров денежного дела. Неудовлетворение этих требований повлекло бы полное разорение и нищету монетчиков и их семей, рост их недовольства, могло создать угрозу для нормального функционирования монетных дворов. Казна не сразу пошла на повышение оплаты труда монетчиков (которые подали прошение об этом еще в 1762 г.), а затянула решение этого вопроса на четверть века. При определении „задельной платы“ были взяты не средние цифры угара и расходов, полученные во время нескольких опытных переделов, а наиболее оптимальные для казны (но и в этом случае вместо прибавки 2 руб. 79 коп. за передел крупной монеты произвольно установили 2 руб. 50 коп.) 44 монетчиков обязали платить жалованье 19 инструментальным мастерам, которое ранее им выдавалось от казны. Другими словами, казна все сделала для того, чтобы уступки с ее стороны были минимальными.

ИТОГИ ЧЕКАНКИ И ДОХОДЫ КАЗНЫ

Какие изменения произошли в структуре денежного обращения в стране в последней трети XVIII в.? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к итогам чеканки серебряной, золотой и медной монеты.

В 1762–1800 гг. на Петербургском и Банковском монетных дворах было начеканено серебряных монет на 76497 тыс. руб. и на Московском (1762–1776 гг.) – на 4463 тыс. руб.; всего – почти на 81 млн. руб. Среднегодовой выпуск серебряных монет составлял 2075 тыс. руб. и вырос по сравнению с 1730–1761 гг. на 450 тыс. руб. Этот рост следует признать не очень значительным. Он был менее интенсивным, чем во второй четверти XVIII в., когда равнялся 562,5 тыс.руб. В среднем же передел серебряной монеты в последней трети XVIII в. по сравнению с первой вырос в два раза. Чеканка серебряной монеты в последней трети XVIII в. росла в несколько раз медленнее, чем золотой и медной. Передел сдерживался главным образом нехваткой серебра, несмотря на рост собственной добычи и увеличение сбора пошлин от внешней торговли в иностранной серебряной и отчасти золотой монете, которая поступала на монетный двор и использовалась как сырье. Средств же на закупку серебра за рубежом не хватало.

В противоположность серебряной выпуск золотой монеты характеризуется динамичным ростом. В 1762–1800 гг. на Петербургском и Банковском монетных дворах было переделано золота на 17767 тыс.руб. Объем чеканки золотой монеты в последней трети XVIII в по сравнению со второй увеличился более чем в 9 раз. Объяснялось это в первую очередь ростом добычи золота в России.

Медной монеты в 1763–1800 гг. было начеканено на 74,5 млн.руб., в том числе: на Екатеринбургском монетном дворе (1763–1800) – на 62370 тыс. руб., на Аннинском (1789–1797) – на 4804 тыс., на Сузунском (1766–1800) – на 7275 тыс. и Феодосийском – на 50 тыс. руб. Объем передела медной монеты по сравнению со второй третью XVIII в. увеличился более чем в 4,1 раза.

Общая сумма передела серебра, золота и меди в 1762–1800 гг. равнялась 173227 тыс.руб. Из этой суммы на долю серебряной монеты приходилось 46,7 %, золотой – 10,3 и медной 43 %. Итак, как и ранее, серебряная монета осталась на первом месте, медная – на втором, а золото – на третьем. Однако доля их в денежном балансе страны существенно изменилась.

Основная тенденция сдвигов в денежном балансе страны в XVIII в. заключалась в неуклонном возрастании роли медной монеты; в 1698–1729 гг. на ее долю приходилось 8,1 %, в 1730–1762 гг. – 25, в 1763–1800 гг. – 43 %. Эта тенденция, как отмечалось, определялась в первую очередь фискальными соображениями. Чеканка медной монеты приносила наибольшие доходы казне, к тому же она служила обеспечением ассигнаций. Медная монета до массовой эмиссии бумажных денег стала главным платежным средством внутри страны. Серебро, доля которого в денежном балансе понизилась до 46,7 %, использовалось для внешнеторговых операций и оплаты расходов казны за рубежом. Доля золотой монеты возросла почти в 4 раза (с 2,7 % до 10,3 %), но ее значение в

денежном обращении было невелико, так как она составляла в последней трети XVIII в. в среднем лишь десятую часть от общей суммы находившихся в обращении монет. Золото шло главным образом на покрытие ежегодных возраставших дворцовых и военных расходов.

Какие доходы получала казна от передела золота, серебра и меди? В источниках содержатся крайне скудные и отрывочные сведения по интересующему нас вопросу. Данные эти были засекречены, так как правительство явно не хотело, чтобы они получили широкую огласку. Особенно мало сведений о доходах от эксплуатации монетной регалии во второй половине XVIII в. Исследователь русских финансов Н.Д. Чечулин справедливо заметил: "Все, что касалось монеты и ценных металлов, особенно старательно покрывалось в прошлые века канцелярской тайной"⁸⁹. Прежде чем привести конкретные материалы, отметим, что доходы не были одинаковыми, почти ежегодно менялись и зависели от многих факторов (от объема чеканки серебра и золота, поступавших на монетные дворы, цены на благородные металлы, расходов на передел).

Среднегодовая прибыль от чеканки серебра в 1725–1729 гг. составила 184,3 тыс. руб. В следующем десятилетии она возросла до 253 тыс. руб., что объяснялось значительным увеличением объема выпуска серебряных монет. За 1735–1750 гг. имеются общие сведения о доходах казны. Всего за 15 лет было переделано серебра, меди и золота на 25,9 млн. руб., прибыль составила 3245 тыс. руб., т.е. в среднем в год 216,3 тыс. руб. Уменьшение доходов было вызвано в первую очередь сокращением чеканки серебра в 40-е годы по сравнению с предшествующим десятилетием почти в 1,5 раза. Прибыль в основном была получена от передела серебряных монет, составлявших в эти годы 20,5 млн. руб., т.е. почти 80 % от общей суммы чеканки. На долю золотой монеты (268,5 тыс. руб.) приходилось немногим более 1 %, а медной (5,1 млн. руб.) – 19,7 %. Рост передела серебра, золота и меди, причем последняя стала чеканиться с 1757 г. по 16 руб. (вместо 10) из пуда, привел к значительному увеличению общих доходов казны от эксплуатации монетной регалии. Так, в 1751 г. они равнялись 400 тыс., а в 1758 г. – 1250 тыс. руб.⁹⁰

В 1730–1756 гг. медной монеты было выпущено всего на 7 млн. руб., причем по 10 (1730–1754 гг.) и по 8 руб. из пуда (1755–1756 гг.), т.е. по стоимости, не превышавшей намного (на 3–4 руб.) рыночную, торговую цену. Естественно, что небольшая по объему чеканка, в среднем около 280 тыс. руб. в год, и при нормальной стопе не могла принести сколь угодно значительной прибыли. Таким образом, в течение более полувека (за исключением 1727–1730 гг.) казна получала доходы от эксплуатации монетной регалии большей частью за счет передела серебряной монеты, а прибыль от чеканки медной была в несколько раз меньше.

Положение коренным образом изменилось в течение последних четырех десятилетий XVIII в., точнее с 1757 г. С этого времени и до начала 90-х

годов прибыль от передела меди занимала первое место, причем на долю медных денег приходилось примерно более половины, а иногда и 2/3 дохода от чеканки монет. Так, в последние годы правления Елизаветы Петровны (1757–1761) было выпущено медных денег на 11 млн. руб. по 16 руб. из пуда. Прибыль от чеканки составила около 6 млн. руб. В 1762 г. (до ноября) от изготовления медной монеты по 32 руб. из пуда на сумму 3860 тыс. руб. казна получила дохода 1840 тыс. руб., да 600 тыс. от передела меди по 16 руб. из пуда, т.е. около 2,5 млн. руб.⁹¹

Доходы от чеканки медной монеты в 60–70-х годах колебались от 670 до 875 тыс. руб. в год. Впоследствии (80-е – начало 90-х годов) они еще более выросли и в среднем достигали 1–1,2 млн. руб. в год⁹². Рост торговой цены на медь, особенно в начале 90-х годов, и сокращение поставки ее в казну промышленниками привели к негативным последствиям. В протоколе Совета при высочайшем дворе отмечается, что пока "не вздорожали в государстве все вещи" медь поставлялась в количестве до 33 тыс. пудов в год, а в 1791 г. – не более чем 10 тыс. пудов. "Рудопромышленники объявили, что по той цене, по которой ныне платит им казна, производить поставки никак не могут. Казна же, не получая нужного ей большого количества меди, лишается прибыли, приносимого ей от передела сего металла в монету"⁹³.

Цены выросли не только на медь, но и на другие предметы, что объяснялось инфляцией, вызванной главным образом притоком огромного количества ассигнаций на денежный рынок и падением их курса. Соответственно понижалось и достоинство медной монеты, тесно связанной с ассигнациями. В 1795 г. пуд меди стоил 11 руб. 30 коп. серебром, а чеканили из него по-прежнему 16 руб., внутренняя стоимость медного рубля равнялась 70,7 коп. серебром. Но медный рубль, ценимый наравне с ассигнационным, стоил в обращении всего 68,3 коп. Таким образом, казна в 1795 г. теряла на каждом медном рубле по 2,4 коп., а в целом в этом году понесла убыток свыше 26 тыс. руб. серебром. В дальнейшем убытки казны от чеканки медной монеты постоянно росли. В результате сложившегося положения усилился контрабандный вывоз монеты за границу и использование ее в качестве сырья внутри страны, потому что медь в монете стоила дешевле, чем в штыках. И за рубежом, и в России медь шла преимущественно на изготовление винокуренных котлов, на которых нередко даже были видны остатки изображения монет⁹⁴.

Каковы доходы казны от чеканки серебряной и золотой монеты в последней трети XVIII в.?

Непосредственных статистических данных, содержащих ответ на этот вопрос, обнаружить не удалось. Правда, имеются за ряд лет конкретные сведения о прибыли казны от передела серебра, добытого на казенных рудниках. Так, в 1769 г. эта прибыль составила 54 тыс. руб., в 1770 и 1771 гг. (от чеканки серебра и золота) – 225 и 187 тыс., в 1773 г. – 154 тыс.,

1776 г. – 164 тыс. и в 1777 – 137 тыс. руб.⁹⁵ Но она составляла только часть доходов, причем меньшую, так как большая поступала от передела пошлинного и покупного серебра. В портах и пограничных таможах пошлины в основном взимались в иностранной валюте по принудительному курсу, в несколько раз меньше торгового.

В архиве удалось выявить упомянутую ранее "Ведомость" за 1762–1779 гг., материалы о количестве лигатурного и чистого серебра за 60-е – начало 80-х годов (за остальные годы подсчитано нами), доходы казны, получаемые от чеканки монеты 72-й пробы. Эта прибыль составляла около 144 руб. от каждого пуда чистого серебра. Основываясь на этих показателях, мы предприняли попытку установить ежегодные доходы казны за последнюю треть XVIII в. (табл. 26).

Таблица 26

Доходы казны от чеканки серебряной монеты
(1762–1796)

Год	Московский монетный двор, руб.	Петербургский монетный двор, руб.	Сумма чеканки обоих дворов, руб.	Бес лигатурного серебра, пудов	Вес чистого серебра, пудов,	Прибыль, руб.
1	2	3	4	5	6	7
1762	413200	1533100	1946300	2845	2169	312336
1763	119500	1943143	2062643	3015	2298	330912
1764	529503	3287852	3817355	5589	4260	613440
1765	418001	2977950	3395951	4972	3790	545760
1766	393603	1879400	2273003	3328	2537	365328
1767	585003	1350000	1935003	2833	2159	310896
1768	695492	1188500	1883992	2754	2099	302256
1769	429001	2700000	3129001	4754	3624	521856
1770	417118	1539000	1956118	2860	2180	313920
1771	308007	1652300	1960307	2866	2184	314496
1772	–	1289000	1289000	1884	1436	206784
1773	–	2477050	2477050	3625	2763	397872
1774	19925	2770000	2789925	4079	3109	447696
1775	54901	1780150	1835051	2683	2045	294480
1776	80001	2709750	2789751	4078	3108	447552
1777	–	2000000	2000000	2927	2231	321264
1778	–	2000000	2000000	2923	2228	320832
1779	–	1033800	1033800	1511	1152	217584
1780	–	2923650	2923650	4274	3258	469152
1781	–	2282900	2282900	3338	2544	366336
1782	–	1500282	1500282	2193	1671	240624
1783	–	1880300	1880300	2479	1890	272160
1784	–	1381300	1381300	2019	1539	221616
1785	–	1387090	1387090	2028	1546	222624
1786	–	2600000	2600000	3801	2897	417168
1787	–	1980000	1980000	2895	2207	317808
1788	–	2956900	2956900	4323	3295	474480
1789	–	980000	980000	1433	1092	157248
1790	–	1471950	1471950	2152	1640	236160

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
1791	-	1100000	1100000	1608	1226	176544
1792	-	2605000	2605000	3808	2903	418032
1793	-	1504000	1504000	2199	1676	241344
1794	-	1418000	1418000	2073	1580	227520
1795	-	990000	990000	1147	874	125856
1796	-	1407046	1407046	2057	1568	225792

*Монеты Екатерины II. С. 336–337. ЦГАДА. Ф. 19. Д. 165. Л. 6–43 об. Ф. Сенат. Кн. 4018. Л. 141–141 об., 162–166 об.

Общая прибыль за 35 лет была равна 11,4 млн. руб., или в среднем 325592 руб. в год. Но эти данные завышены, потому что передел прежней монеты 70-й и 77-й пробы в 72-ю приносил меньшую прибыль, чем чеканка из нового серебра. По сведениям Монетной канцелярии, перчеканка прежней монеты в новую давала доход 76 руб. от пуда лигатурного серебра⁹⁶. Но сколько времени заняла перчеканка и какое количество монет подверглось переделу, неизвестно. П.И. Шувалов полагал, что к 1761 г. в обращении находилось серебряных монет 77-й пробы достоинством в 1 рубль, 50 и 25 коп. порядка 30 млн. руб., а мелкой (10 и 5 коп.) – на 1,7 млн. руб. и что передел их в 72-ю пробу может доставить казне доход в 3,6 млн. руб. Однако Сенат не признал эти цифры заслуживающими доверия и заявил, что полагаться на них не может, потому что, "как монет серебряных какое число за вывозом и утратою в государстве осталось и прибыли получено будет неизвестно"⁹⁷. Тем не менее, несмотря на указанный недостаток, цифровые показатели табл. 26 характеризуют динамику ежегодных расходов серебра и доходов казны от чеканки.

Обратимся к данным по десятилетиям. В 60-е годы среднегодовая прибыль составила 412,8 тыс. руб. (а общая 3,3 млн. руб.), в 70-е – 328248, в 80-е – 315,9 тыс. руб., в 90-е годы (7 лет) – 235,9 тыс. руб., а общая 1651 тыс. руб. Прибыль за первые 8 лет (1762–1769 гг.) в таблице занимает первое место, но она явно завышена, так как, вероятнее всего, именно на это десятилетие приходится перчеканка монет 77-й и 70-й пробы в 72-ю, доходы от которой, как уже сказано, были в два раза меньше по сравнению с переделом нового серебра. Исходя из этого можно полагать, что в действительности среднегодовая прибыль в 60-е годы была не выше, а может быть, даже ниже, чем в последующие 20 лет. В 1762 г., например, доходы от чеканки серебра, по данным Монетной канцелярии, составили 217,2 тыс. руб.⁹⁸ Правда, этот год не характерен, так как сумма чеканки почти на 1 млн. руб. ниже среднегодовой в этом десятилетии. И, кроме того, передел прежней монеты в 72-ю пробу не приобрел еще широкий характер и только начался. В следующие два десятилетия прибыль (как и сумма чеканки) оставалась стабильной и не завышена, т.е.,

по-видимому, близка к истинной. В 90-е годы, в связи с сокращением объема чеканки доходы уменьшились в среднем на 93 тыс. руб. (28 %) по сравнению с 70-ми годами.

Общая сумма прибыли от передела серебра за 1762–1796 гг. составляла 11392 тыс., а среднегодовая – 325,5 тыс. руб. По сравнению с 30-ми годами, когда проводился передел всей мелкой (в основном проволочных копеечек) серебряной монеты, доходы казны увеличились на небольшую сумму, всего на 72,5 тыс.руб. в год. Относительная же прибыль (т.е. прибыль по отношению ко всей сумме чеканки серебряной монеты) в последней трети XVIII в. была равна 16 % и выросла лишь немного (на 4 %) по сравнению с теми же 30-ми годами.

Данные табл. 26 позволяют судить о расходах лигатурного и чистого серебра при чеканке монет. В 60-х годах (1762–1769) общий вес лигатурного серебра был равен 30090 пудов, в 70-х – 29436, в 80-х – 28783 пудов. Среднегодовой расход серебра в эти десятилетия составил 3154 пудов. Эти цифры близки к официальным данным о среднегодовом расходе лигатурного серебра в 1766–1781 гг., что подтверждает правильность наших подсчетов. В некоторые же годы в передел шло 4–5 и более тысяч пудов лигатурного серебра. В 90-е годы расход уменьшился на 800 пудов. В среднем в 1762–1796 гг. в передел поступало около 3000 пудов (2932,7) лигатурного, или 2236 пудов чистого серебра в год.

Рассмотрим доходы казны от передела золота. Но прежде чем привести конкретные данные надо сделать несколько предварительных замечаний. При чеканке импералов и полумпералов из фунта лигатурного золота 88-й пробы получалось 246 руб. 80 коп., а из пуда – 9872 руб., прибыль же с учетом расходов равнялась 445,5 руб. Указом от 30 марта 1764 г. имперальная монета стала выделываться по новой, более выгодной для казны стопе: из фунта лигатурного золота – 312 руб. 89 коп., а из пуда – 12515 руб. 60 коп. При данной стопе прибыль от передела пуда лигатурного металла 88-й пробы составляла 1503 руб. 20 коп. Основываясь на этих данных, а также названной раньше "Ведомости" за 1762–1779 гг. (за остальные годы подсчеты наши), мы определили прибыль от передела золота за 1762–1786 гг.⁹⁹

В 1762–1763 гг. было изготовлено 10- и 5-рублевой золотой монеты на 676,7 тыс. руб. и получено прибыли 26,8 тыс. руб., а в 1764–1769 гг. – соответственно 5801,5 тыс.руб. и 682,2 тыс. руб. Общая прибыль за 8 лет составила 709 тыс. руб., или в среднем 88,6 тыс. руб. в год. Эти данные несколько завышены, так как в указанное десятилетие велась перечекалка прежней золотой монеты, от которой доходов поступало меньше, чем от передела нового золота. Так, в докладе Сената Екатерине II от 10 апреля 1763 г. отмечалось, что импералов и полумпералов было выпущено на 792,3 тыс. руб. (около 11 тыс. штук), но из них большая часть во время Семилетней войны оказалась за границей, а в самой России их осталось

мало. Кроме того, в 60-е годы (1763 и 1766) было начеканено червонцев на 202,7 тыс.руб., от которых было получено не более трех тысяч рублей прибыли.

Среднегодовой доход в 70-х годах составил 58,5 тыс. руб., в 80-х – 35,8 тыс., в 90-х (1790–1796) – 20,2 тыс. руб. Таким образом, в последней трети XVIII в. наблюдается неуклонное падение доходов от выпуска золотой монеты, что было связано с резким сокращением ее чеканки. Общая сумма прибыли за 1762–1796 гг. равна 1854 тыс. руб., а среднегодовая – без малого 53 тыс. руб. Абсолютная прибыль за этот период по сравнению с первыми 60-ю годами XVIII в. выросла в несколько раз. Но в целом ее доля в общих доходах казны от эксплуатации монетной регалии была невелика. Что касается относительной прибыли (т.е. суммы прибыли по отношению ко всей сумме чеканки золотой монеты), то она в этот период была равна 12 %.

Общий расход лигатурного золота 88-й пробы в 1762–1796 гг. составил 1236 пудов, в том числе в 60-е годы – 514 пудов 4 фунта, в 70-е – 389 пудов 9 фунтов, в 80-е – 238 пудов 26 фунтов и 90-е – 93 пуда 37 фунта. В среднем на чеканку золотой монеты в этот период расходовалось 35,3 пуда в год.

Глава восьмая

АССИГНАЦИИ

В 1769 г. в России были выпущены ассигнации – бумажные денежные знаки. Какие причины побудили правительство предпринять этот шаг, который ранее считался неприемлемым? Прежде всего реальное состояние денежного обращения в России в конце 60-х годов, в котором медная монета стала постепенно занимать главенствующее положение во внутри-торговых расчетах, в платежах государственных налогов и т.д. Дело в том, что пока медная монета чеканилась в небольшом количестве и выполняла свою функциональную задачу – служить размену крупной, она не оказывала отрицательного воздействия на состояние денежного обращения. Более того, она была просто необходима и служила подспорьем для серебряной. Но с конца 50-х годов доля медных денег неуклонно росла, они вытесняли серебряную монету и превращались в главное орудие денежного обращения внутри страны. Это обстоятельство влекло за собой отрицательные последствия.

Медная монета была тяжелой. Вес пятака в 16-рублевой монете составлял 1/8 фунта. Вес 100 руб. был равен 6 пудам 10 фунтам, а 1000 – 62,5 пуда; чтобы доставить такую сумму, потребовались бы две телеги. Перевозка на большие расстояния крупной суммы была связана со значительными расходами. Вторым очевидным недостатком медной монеты было то, что прием и выдача больших сумм требовали много времени и людей. Так, чтобы принять 1000 руб. надо было пересчитать 20 тыс. пятаков, 10000 руб. – 200 тыс. и т.д. При таких суммах ошибки и просчеты неизбежны. Наконец, достоинство медной монеты часто менялось от 10 руб. из пуда до 40 руб.; что вело к расстройству денежного обращения, отрицательно сказывалось на торговле внутри страны, ухудшало положение народа.

Чтобы облегчить и ускорить обращение, правительство допускало перевод казенных денег через купеческие векселя, но это не всегда было надежно, и казна не раз терпела убытки от несостоятельности векселедателей. С другой стороны, казенные учреждения выдавали векселя в другие такие же места, но в них не оказывалось денег, что причиняло неудобство и убытки взявшему подобный перевод. Предпринимались и другие шаги, чтобы облегчить обращение медных денег. Однако эти полумеры не были выходом из создавшегося положения. Требовалось радикальное решение, а таковым могло быть только введение бумажных денег.

Вопрос о них возник давно. Первые предложения (Шлаттера и других) были сделаны еще тогда, когда разрабатывались проекты об изъятии из обращения легковесных медных пятак. Но только при Петре III был принят указ от 25 мая 1762 г. об учреждении Государственного банка в России, в котором можно было бы пользоваться кредитом "за умеренные проценты" и о внедрении в денежную систему России банковых билетов "яко самое лучшее и многими в Европе примерами изведенное средство"². Но этот указ не был выполнен.

В 1768 г. граф Сиверс подал Екатерине II записку, в которой доказывал пользу и необходимость введения в России бумажных денег. Чтобы ассигнации пользовались доверием, необходимо принимать их всегда и везде во все казенные платежи, положить в специально учрежденном банке медные деньги на такую сумму, на какую будет выпущено ассигнаций, и производить свободный обмен медных денег на бумажные и наоборот, без всяких ограничений. Когда ассигнации прочно внедрятся в денежное обращение и доверие к ним утвердится и в казначействе сосредотчатся большие суммы денег, которые внесут частные лица в обмен на ассигнации, тогда у правительства появится возможность пользоваться ими в государственных целях³.

Записка Сиверса пришла как нельзя кстати. Началась первая русско-турецкая война (1768–1774 гг.), правительству срочно потребовались деньги. Екатерина II поручила генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому, в руках которого было сосредоточено управление финансами страны, подготовить на основании записки подробный план выпуска ассигнаций. По этому плану было положено "для начинающейся войны на расходы первой компании учредить бумажные ассигнации, утвердя к ним точно ту доверенность, какая есть к настоящим деньгам"⁴. С этой целью было решено собрать в Москве и Петербурге до 1 млн. руб. медными деньгами и выпустить для начала на такую же сумму ассигнаций и обменивать их в специально учрежденных банках. В случае успеха этой операции и доверия к ассигнациям намечалось увеличить их сумму до 3 млн. руб. Императрица одобрила этот проект, внося в него ряд поправок и замечаний.

В манифесте 29 декабря 1768 г. (опубликован 1 февраля 1769 г.) подчеркивалось важное значение денежного обращения, от положения которого во многом "зависят благоденствие народа и цветущее состояние торговли", перечислялись причины введения ассигнаций (неудобство медной монеты, отсутствие банков в России). Согласно манифесту в Петербурге и Москве учреждались два банка для размена ассигнаций, которые должны иметь хождение наравне с ходячей монетой и приниматься "во все государственные сборы за наличные деньги без малейшего затруднения". Московские ассигнации следовало предъявлять для обмена на деньги в Московский банк, а петербургские – в Петербургский. Банки обязаны были за ассигнации "платеж производить без малейшего замед-

ления и потеряния времени". Первоначально капитал каждого банка составлял 500 тыс. руб., соответственно этому выпускалось на такую же сумму ассигнаций⁵. Здесь же при манифесте помещены уставы банков, определены их права и обязанности, порядок работы. Банки должны были: отпускать во все правительственные учреждения ассигнаций столько, сколько они потребуют в обмен на наличные деньги, а выменные ассигнации отсылать обратно, обменивать ассигнации частных лиц на деньги немедленно.

В Петербурге учреждалось банковое правление, состоявшее из главного директора банков и двух советников. Правление подчинялось непосредственно императрице и ни перед кем, кроме нее, отчитываться не было обязано.

Главным директором банков в конце декабря 1768 г. был назначен А.П. Шувалов, сын крупного представителя администрации елизаветинского времени Петра Ивановича. Современники, даже враждебные ему, признавали его человеком умным, сообразительным, обладавшим хорошей памятью; административную карьеру начал в качестве члена Комиссии о коммерции. Однако в финансовых вопросах он обладал весьма ограниченными познаниями.

В манифесте ни единым словом не упоминалось о том, что введение ассигнаций правительство намерено было использовать для создания резервов с целью финансирования начавшейся русско-турецкой войны. На первый план выдвигались задачи улучшения денежного обращения. В действительности фискальные соображения играли далеко не последнюю роль в этой реформе. Ассигнации впервые открывали перед казной возможность без особых расходов и в краткие сроки получать требуемую сумму.

Петр III для обеспечения банковых билетов создал особый фонд из серебряных и медных монет поровну. Екатерина II поступила осторожно. Серебряную монету казна придерживала и сэкономила, а медную не стала называть, чтобы не подорвать доверия к ассигнациям. Поэтому в манифесте и появилась формула об их обмене на "ходячую монету". Формально ассигнации могли обмениваться в банках на серебряную и медную монету, поскольку и та и другая была "ходячей". Но в действительности банки с самого начала за ассигнации платили только медной монетой, что и было узаконено вскоре указом от 22 января 1770 г. Предположение П.А. Никольского, что в первое время в банках происходил обмен ассигнаций и на серебряные деньги, не находит подтверждения в документах.

Манифест предлагал вносить в обмен на ассигнации не только медные деньги, но золото и серебро. Однако частные лица приносили, как правило, медные деньги и за редким исключением золотую или серебряную монету. Так, в Петербургском банке для обмена государственных ассигнаций в период с 21 февраля до 9 апреля 1769 г. было принято 50075 руб., в том

числе медными деньгами – на 49985 руб., золотыми – на 72 руб., серебряными – на 18 руб. В последующее время прием в банках золотой и серебряной монеты в обмен на ассигнации в документах не упоминается⁶.

Ассигнации получили быстрое признание. Доверие к бумажным деньгам росло, а вместе с тем и требования на них. Убедительным доказательством этого доверия служит тот факт, что сумма обмена медных денег на ассигнации постоянно превышала в несколько раз сумму обмена ассигнаций на деньги. Так, от 21 июня до 2 августа 1769 г. в Московском банке обмен ассигнаций на деньги составил 138,5 тыс. руб., ассигнаций на деньги – 49,8 тыс., а в Петербургском соответственно – 280,3 и 106 тыс. руб. Запаса ассигнаций не хватало, так как в Московском и Петербургском банках расходилось их иногда в неделю по 100 тыс. руб. В связи с этим Екатерина II приказала Сенату иметь запасную сумму ассигнаций на 2 млн. руб., в том числе на 1 млн. руб. подписанных сенаторами, да в каждом банке на 250 тыс. руб., и на такую же сумму в правлении банка⁷.

Обращение первых ассигнаций было стеснено некоторыми ограничениями. Они могли обмениваться на деньги только в Петербургском и Московском банках, а по расчетам с казной приняты или выданы только теми правительственными учреждениями, которые находились в двух столичных городах. Указами от 28 марта и 13 июня 1769 г. разрешалось обращение ассигнаций во всех казенных учреждениях наравне с ходячей монетой. "Казенным местам" предписывалось принимать ассигнации "во все государственные сборы"⁸. Вскоре был разрешен и повсеместный обмен ассигнаций (манифест от 22 января 1770 г.). Однако при этом был установлен сбор в размере 0,5 % со всей обмениваемой суммы ассигнаций на медные деньги⁹. Введение этого сбора мотивировалось расходами, связанными с доставкой медных денег в отдаленные места. Только в Петербурге и Москве, как местах выпуска ассигнаций, они обменивались бесплатно. Впрочем этот сбор существовал недолго, так как не способствовал увеличению обращения ассигнаций. Спустя год, он был отменен¹⁰.

Большой приток в оба банка медной монеты привел к недостатку ее на местах. Для того, чтобы устранить это неудобство и расширить свободный обмен ассигнаций, было решено (манифест 22 июля 1772 г.) учредить банковые конторы в губерниях¹¹. Получая из учреждений сбора государственных податей поступающую туда медную монету, они обязаны были обменивать ее на ассигнации. Первая такая контора была основана в 1772 г. в Ярославле, в следующем году в Устюге Великом, Смоленске, Астрахани, Нижнем Новгороде и Вышнем Волочке. В каждую из этих контор для обмена ассигнаций отпускалось от 150 до 250 тыс. руб. Всего за 11 лет (1772–1782) были учреждены 23 конторы, из них 15 – в связи с небольшим обращением медных денег упразднили в 1786 г., а впоследствии (1796 г.) закрыли еще пять.

Ведущая роль в операциях с бумажными деньгами принадлежала столичному банку. Через него проходило в три с лишним раза больше ассигнаций, чем через Московский банк. Так, с 1769 до 1782 г. в столичный банк поступило из правления банков ассигнаций на 41,5 млн руб., а в Московский – на 12,5 млн. руб.¹² Объяснялось это тем, что в Петербурге размещались все центральные учреждения (коллегии, разные канцелярии и конторы), которые в обмен на медные деньги или серебряную монету получали ассигнации.

Ассигнации первого образца выпускались четырех достоинств – 100, 75, 50 и 25 руб. – и действовали с 1769 по 1786 г. включительно. Они были двух родов: московские с оплатой только в Московском банке и петербургские, по которым платеж производился в Петербургском банке. Но с мая 1771 г. это ограничение было отменено и обмен ассигнаций стал производиться в банках вне зависимости от того, где они были выданы¹². От одного номинала вскоре пришлось отказаться, так как нашлись „любители“ переделывать 25-рублевую ассигнацию в 75-рублевую, тем более что это не составляло большого труда, поскольку все ассигнации делались из одинаковой белого цвета бумага. Как сказано в указе, подделку осуществлять так искусно, „что при первом взгляде, и не будучи о том предостережены, трудно таковую подложность распознать“¹³. Вследствие этого все ассигнации 75-рублевого достоинства были изъяты из обращения и впредь их перестали выпускать.

Ассигнации печатались на белой бумаге, имевшей водяные знаки и составлявшие в целом рамку, расположенную рядом с узорчатой рамкой, отпечатанной, как и текст ассигнации, черной краской. Эта рамка заключает в себе следующие надписи: сверху – „Любовь к отечеству“, внизу – „Действует к пользе онаго“, слева и справа одинаковые слова – „государственная казна“. По углам рамки расположены под коронами гербы четырех царств: Астраханского, Московского, Казанского и Сибирского.

Вверху перед печатным текстом вытеснены без краски два овала с изображением эмблем. На левом внизу расположены военные атрибуты (знамена, пушки, ядра) и эмблемы торговли и промышленности (тюк, бочка, кадуцей Меркурия), за ними вдали виднеется корабль. Весь центр овала занимает двуглавый орел с полураспростертыми крыльями; на шее у него цепь ордена Андрея Первозванного, в центре которой помещен на груди геральдический щит с изображением Георгия Победоносца. Вверху левого овала полукругом надпись – „Покоит и обороняет“. В центре правого овала изображена неприступная скала, внизу – бушующее море и головы чудовищ, сверху полукругом надпись „невредима“.

На каждой ассигнации имелись 4 собственноручные подписи. двух сенаторов, главного директора правления банков и директора местного банка. Печатание ассигнаций производилось при Сенате, в особой экспедиции. Все вопросы, касающиеся выпуска бумажных денег, находились в ведении А.А. Вяземского.

Правительство опасалось наплыва из-за рубежа фальшивых ассигнаций, потому что изготовление их не представляло особой трудности из-за простоты тогдашних бумажных денег. Поэтому вывоз ассигнаций за границу и обратный их привоз воспрещался. Однако нередко наблюдались случаи нарушения этого запрещения. Императрица в октябре 1780 г. вновь подтвердила запрещение¹⁴. Вместе с тем в ряде случаев ассигнации использовались для платежей по внешнеторговым операциям. Так, купцы Пруссии, государства граничившего с Россией, употребляли ассигнации во взаимных расчетах с российскими купцами (последние часто испытывали недостаток в золотой и серебряной монете), а медная не годилась для платежей по зарубежным поставкам. Перевод денег по векселям на иностранные города был невыгоден из-за низкого вексельного курса¹⁵.

Убедившись в том, что ассигнации пользуются доверием, и постоянно нуждаясь в средствах для финансирования огромных военных расходов, правительство не удержалось на 3 млн. руб. ассигнаций, как намечалось. в 1769 г. их было выпущено на 2,6 млн. руб. В последующие годы первой русско-турецкой войны ассигнаций печаталось в среднем на 3,5 млн. руб. ежегодно. К 1775 г. в обращении находилось ассигнаций более, чем на 20 млн. руб., из них военные расходы поглотили почти 13 млн., т.е. превзошли в 4 с лишним раза намеченную сумму¹⁶. Вся эта сумма была полностью обеспечена наличной звонкой монетой, т.е. ассигнации всегда можно было разменять в банках на медные деньги. В 1775 г. правительство отклонило предложение о продаже меди за границу. Мотивируя свое решение Сенат отмечал: "Ежели в отпуск дозволить вступаемую в казну медь, то остановится денежный передел и недостаток в монете последует, так как взамен выпущенных ассигнаций ныне в банках хранится неподвижным капиталом 20 млн. рублей, а заменить их серебром невозможно, так как такого количества денег нет"¹⁷.

Обеспеченность ассигнаций медной монетой играло решающую роль в том, что они не падали в цене, что их достоинство ценилось на 1, редко 2 % ниже серебряной монеты. Более того, в первое время иногда даже наблюдалось незначительное превышение стоимости ассигнаций против серебряной монеты из-за удобства при их пересылке. Такое положение сохранялось 17 лет (до 1787 г.). Это обстоятельство отмечали все современники. Так, М.М. Щербатов, историк, публицист и государственный деятель России писал: "Сперва с некоею недоверенностью их принимали, а потом... все стали кидаться иметь ассигнации, и кредит сих бумажных денег был толь совершенен, какого нужно было требовать, а сим число обращающихся денег умножилось и провоз их облегчился"¹⁸.

Время от времени правительство с целью поддержания доверия к ассигнациям провозглашало, что твердо решило не превышать определенного предела их выпуска. Так, в январе 1774 г. оно выступило с заявлением, что не превысит для ассигнаций уровня в 20 млн. руб.¹⁹. Это обе-

звание правительство Екатерины II не сдержало. Правда, после первой русско-турецкой войны выпуск ассигнаций резко сократился. В первые 6 лет (1769–1774) их было напечатано на 20 млн.руб., а за такое же время спустя (1775–1781 гг.) – всего на 4,5 млн. руб., т.е. почти в 4,5 раза меньше (табл. 27).

Таблица 27

Выпуск ассигнаций в 1769–1801 гг.
(в рублях)*

Год	Выпуск, ассигнаций по годам, руб.	Сумма всех ассигнаций, руб.	Курс ассигнационного рубля по отношению к серебряному на Петербургской бирже, коп.
1769	2619975	2619975	99
1770	3757700	6378675	99
1771	4291325	10670000	98
1772	3378225	14048225	97
1773	3796500	17844725	98
1774	2207075	20051800	100
1775	1448200	21500000	99
1776	1500000	23000000	99
1777	500000	23500000	99
1778	Выпуска не было		
1779			
1780	1000000	24500000	99
1781	2892300	27392300	99
1782	5897125	33289425	99
1783	3451000	36740425	99
1784	3415975	40156400	98
1785	5154025	45310425	98
1786	508825	46219250	98
1787	53780750	100000000	97
1788	Выпуска не было		92 3/4
1789			91 3/4
1790	11000000	111000000	87
1791	6000000	117000000	81 1/3
1792	3000000	120000000	79 1/3
1793	4000000	124000000	71
1794	21550000	145550000	68 1/2
1795	4450000	150000000	70 1/2
1796	7703640	157703610	79
1797	5871200	163574840	73
1798	31356765	194931605	62 1/2
1799	15068395	210000000	65 1/2
1800	2689335	212689335	66 1/4

*Печорин Я Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами. 1769–1843 гг.// Вестник Европы. 1876., № 8 С. 619–620

Однако правительство недолго держалось на таких умеренных позициях. С 1782 г. начался новый виток усиленного выпуска ассигнаций (за 5 лет их было напечатано на 18,8 млн. руб.), который в конечном счете привел к решению об увеличении их суммы до 100 млн. руб. Что заставило Екатерину II пойти на такой шаг? Вероятнее всего рост государственных расходов, дефицит бюджета, желание иметь резервные средства на случай новой войны – и последнее по счету, но не по важности, – намерение материально поддержать свою социальную опору – дворянство.

Активная внешняя политика, потребовавшая увеличения армии и форсированного строительства военно-морского флота, в том числе и на юге страны, хозяйственное освоение, заселение и укрепление южных районов страны, содержание разросшегося бюрократического аппарата, а также царского двора привели к росту расходной части и дефициту государственного бюджета. Хронический дефицит был неотъемлемой чертой бюджета России, как, впрочем, и других европейских государств. В последней четверти XVIII в., особенно в 80–90-е годы, разрыв между доходами и расходами значительно увеличился. Так, в 1783 г. доходы были равны 42 млн., в 1784 г. – 52 и в 1785 г. – 50 млн. руб., а расходы соответственно исчислялись в 48,58 и 62 млн.руб. В конце 80 – начале 90-х годов дефицит достигал уже 9–15 млн. руб.²⁰

Дефицит государственного бюджета был следствием, с одной стороны, быстро прогрессирующего увеличения расходов, с другой – роста недоимок по сбору налогов. Казне никак не удавалось обеспечить в текущем году поступление всех доходов, предусмотренных в бюджете. Казначейства заканчивали год, имея все меньше и меньше наличных денег, так что финансировать расходы в начале нового года фактически было нечем. В конце 1788 г. свободных сумм в казначействах было 1,9 млн. руб., в конце 1789 г. – 1,2 млн., в конце 1790 г. – 329 тыс. руб. В 1794 г. казна вступила, имея наличности всего 165 тыс. руб., т.е. меньше ежедневного среднего расхода²¹. Дело доходило до того, что Кабинет вынужден был в особо трудных случаях предоставлять тем или иным ведомствам определенные суммы денег.

Правительство Екатерины II пыталось найти выход из создавшегося положения путем эмиссии ассигнаций и обращения к займам. Первый заем был сделан в 1769 г. в Голландии у амстердамского банкирского дома Раймонд и Теодор де Смет, второй – на следующий год в Италии у генуэзского банкира Мавруция. Оба займа были предназначены для содержания русского флота в Средиземном море и русской армии за границей во время первой русско-турецкой войны. Затем последовали новые займы²². Особенно интенсивно правительство прибегало к ним в 1788–1792 гг. В течение этих лет было занято 39 млн. руб., т.е. почти в 6 раз больше, чем в предыдущее двадцатилетие. Выплата процентов по займам составила новую статью расходов, достигшую в конце 80-х и в 90-е годы 4–5 % годового бюджета.

Внешние займы были только паллиативом, давали лишь временную передышку, за которую потом надо было расплачиваться. Главным источником пополнения казны являлась эмиссия бумажных денег.

Вопрос об увеличении выпуска ассигнаций до 100 млн. руб. был впервые поставлен в записке директора Ассигнационного банка А.П. Шувалова, поданной императрице в 1786 г. К этому году ассигнаций было напечатано на 46,2 млн.руб. Автор записки предложил увеличить эту сумму до 100 млн. руб., в том числе предоставить дворянам 17,5 млн. руб. под залог их имений и 11 млн.руб. городам. Первые должны были платить 8 % годовых и погасить долг в 20 лет, вторые – 7 % и соответственно в 22 года. Шувалов полагал, что казна получит от этой операции более 19 млн. руб. прибыли, которые пойдут на погашение государственных долгов. Остальную сумму Шувалов распределил так: 4 млн. – на покрытие расходов Кабинета Екатерины II, 2,5 млн. – государственному казначейству, 3,8 млн. – на обмен прежних ассигнаций и 15 млн. руб. – в запас на случай войны²⁴.

План Шувалова был рассмотрен комиссией в составе А.Р. Воронцова, П.В. Завадовского, А.А. Безбородки и А.П. Ермолова и автора записки. Она одобрила основные положения проекта и лишь обстоятельнее развила "все предполагавшиеся от осуществления его выгоды и благодетельные для всего государства последствия". Предвидя критику предложения об увеличении ассигнаций в стране, члены комиссии в докладе Екатерине II утверждали, что это увеличение не повлечет за собой рост цен на предметы первой необходимости и при этом ссылались на опыт европейских стран²⁵. Однако доводы комиссии оказались несостоятельными и были опровергнуты последовавшими в России событиями. В европейских странах увеличение в обращении бумажных денег не было опасно, потому что они были обеспечены золотой и серебряной монетой, и это увеличение сопровождалось ростом поступающих на рынок товаров. Членам комиссии казалось, что умножение ассигнаций равнозначно умножению капитала и что оно будет способствовать развитию и экономики, и кредита. Эти суждения свидетельствуют о непонимании комиссией сути явлений.

План Шувалова встретил решительное возражение Вяземского. Он подверг критике основные положения проекта. Сама идея уплаты казенных долгов процентами от выпуска и раздачи займы ассигнаций под обеспечение земельной собственности несостоятельна и неосуществима. Выпуск ассигнаций на такую колоссальную сумму (100 млн. руб.) без увеличения капитала в банках приведет к повышению цен на все товары, падению курса бумажных денег, росту недоверия к ним. Утверждать обратное – значит не считаться с реальностью. По мнению генерал-прокурора, осуществление шуваловского проекта повлечет за собой ухудшение жизни "маломочных людей", крестьян и не приведет к улучшению положения и дворянства. "Раздача из банка денег займы дворянству произведет

то, что все вещи соразмерно умножению в циркуляции денег придут в такую цену, которая со временем для маломочных людей, а особливо живущих одним жалованием, причинит совершенную невозможность содержать себя оным”, – писал Вяземский²⁶.

Размеры займа определяются количеством крепостных душ мужского пола в имениях помещиков душа оценивалась в 40 руб. Ежегодная уплата 8 % с этой суммы составит 3 руб. 20 коп., что превышает в среднем ежегодный трехрублевый оброк, получаемый помещиками с крестьян. Таким образом, дворяне в большинстве своем уже обремененные долгами и склонные к непроизводительным растратам денег, должны будут увеличить оброк, чтобы выплачивать проценты по вновь заключенным займам. В результате положение крепостных крестьян ухудшится и они не в состоянии будут исправно платить подушную подать, что приведет к росту недоимки и сократит доходы казны.

Вяземский считал, что предоставление дворянству новой возможности для получения займов ничего хорошего не сулит и вызовет его окончательное разорение. При этом он ссылался на предшествующий опыт. Так, в 1750 г. долги дворянства не превосходили в общей сумме 1,6 млн. руб., а к 1775 г. они выросли более чем в 5,2 раза, достигнув 8,4 млн. руб., причем 4,4 млн. руб. были заняты из Дворянского банка²⁷.

Как можно судить по имеющимся материалам, Вяземский был единственным представителем правительства, резко отрицательно отнесшимся к недалководным планам включения в денежное обращение дополнительно ассигнаций еще на 50 с лишним млн. руб. без увеличения металлического покрытия. Он поступил так же, как в свое время его предшественник Я.П. Шаховской, выступивший против чеканки легковесной медной монеты по 32 руб. из пуда. Мрачные прогнозы Вяземского касательно последствий расширения эмиссии Ассигнационного банка для финансов и экономики страны и положения народа, несмотря на несколько преувеличенный характер, в конечном счете, как показали последующие события, в целом оправдались.

Члены комиссии, по-видимому, вели переговоры с генерал-прокурором и пытались убедить его в том, чтобы он изменил свое отрицательное отношение к проекту Шувалова. Ему были присланы копия доклада комиссии императрице и проект манифеста. Однако Вяземский остался при своем убеждении. Ознакомившись с присланными материалами, он написал: “Не нахожу ничего такого, которое могло бы убедить совесть мою к перемене моих мыслей, представленных от меня ей величеству. Почему и остаюсь относительно сего на том мнении”²⁸.

Екатерина II, невзирая на предостережения Вяземского, одобрила предложение Шувалова и доклад комиссии. В осуществление этих предложений были изданы манифест от 28 июня 1786 г. и несколько других указов. В манифесте получили подтверждение суждения и взгляды на

финансовое наложение страны которые были изложены в докладе комиссии. Отмечая, что ассигнации приобрели "общую доверенность к себе" и что число их недостаточно, императрица указывала на желание населения иметь их больше "в пространной нашей империи". Недостаток ассигнаций, по мнению Екатерины II, сдерживает развитие промышленности, ремесла и земледелия. Эта надуманная оценка состояния денежного обращения исходила из существовавшего равновесия ассигнаций и звонкой монеты. Но это равновесие было шатким и имело свои пределы. Увеличение такой огромной суммы ассигнаций, находившихся в обращении, в течение одного года в два раза неизбежно должно было привести к падению курса бумажных денег, расстройству денежного обращения и инфляции.

Манифест 1786 г. предусматривал учреждение Заемного банка для предоставления кредита дворянству и городам. Он расширил деятельность Ассигнационного банка: ему предоставлено было право принимать вклады из 4,5 % годовых и делать учет ("эсконт") векселей из 0,5 % месячных. Кроме того, он получил возможность продавать медь за границу, выписывать из других стран золото и серебро как в слитках, так и в иностранной монете, завести в Петербурге монетный двор и чеканить банковую золотую и серебряную монету. Денежное обращение давно нуждалось в бумажных деньгах меньшего номинала, чем 25 руб. В ответ на эту потребность манифест вводил 10- и 5-рублевые ассигнации – первые печатались на красной ("красненькие"), а вторые на синей ("синенькие") бумаге²⁹. Эта традиция сохранилась до наших дней.

Манифест 1786 г. подвел черту под первым периодом в истории ассигнаций. В течение почти 20 лет они пользовались доверием и ходили по тому же курсу или немногим ниже, что и серебряная монета. Это доверие существовало, пока количество ассигнаций соответствовало внутренней потребности – ценности производимых товаров, торговых сделок и услуг, пока они обеспечивались медной монетой.

Простота ассигнаций первого образца облегчала их подделку. Как показывают материалы секретной экспедиции Сената, где рассматривались дела о фальшивых ассигнациях, изготовлением их занимались купцы, мещане, чиновники, крестьяне, дворяне, военные, духовные лица и другие, т.е. представители почти всех слоев населения. Подделка ассигнаций была обычным делом и получила распространение в стране. Мы располагаем данными о поступлении фальшивых ассигнаций в Петербургский и Московский банки за ряд лет. Так, в 1776 г. (июнь – декабрь) поступило 15 фальшивых ассигнаций на 525 руб., в 1777 г. – 108 на 5925 руб., в 1778 г. – 24 на 1475 руб., в 1779 г. – 44 на 2675 руб., в 1780 г. – 27 на 1725 руб. и в 1781 г. – 57 на 3350 руб. Всего за 5,5 лет в столичные банки попало 276 ассигнаций, из них за 243 заплатили 14775 руб., а остальные 33 не были обменены³⁰. Так как в эти годы эмиссия ассигнаций составляла более 5 млн. руб., следует признать размеры подделок незначительны-

ми, даже с учетом того, что в действительности в обращении находилось фальшивых ассигнаций, по-видимому, в несколько раз больше, чем поступило в банки Петербурга и Москвы. Любителей легкой наживы сдерживал, очевидно, ряд обстоятельств: суровое наказание, сравнительная несложность обнаружения подделок, ужесточение контроля со стороны властей.

Сенат требовал от всех властей, чтобы они употребляли "всемерное старание к открытию сочинителей фальшивых ассигнаций", установили "бдительный присмотр за теми, у кого окажутся такие деньги". Одновременно все расследования о подделке рекомендовалось проводить "без всяких разглашений", чтобы не давать повода "к подрыву кредита" к подлинным ассигнациям.

За подделку ассигнаций полагалась смертная казнь. В редких случаях она заменялась вечной каторгой. Один из таких случаев приводится в указе от 27 октября 1794 г. Отставной капитан Фрайденберг и бывший в иностранной службе подпоручик барон Гумпрехт за изготовление фальшивых ассигнаций были приговорены к лишению чинов и дворянского достоинства. Затем в Петербурге публично под виселицу обе руки каждого были заклеены первыми буквами слов: вор и сочинитель фальшивых ассигнаций, и вместо смертной казни их "сослали вечно" в Нерчинск на каторжные работы³¹.

Появление фальшивых ассигнаций побудило правительство изменить их внешний вид и выпустить новые, которые просуществовали до 1818 г. включительно. Указом 16 марта 1786 г. было решено провести обмен старых ассигнаций на новые в 1786–1787 гг. Каждый владелец имел возможность получить вместо старой новую ассигнацию того же достоинства или деньги. Так как выплата производилась исключительно медной монетой, то до нее охотников было мало. В течение указанного времени почти все старые ассигнации (на сумму 46 млн. руб.) были обменены, против выпуска не представлена к обмену небольшая сумма, всего на 215,5 тыс. руб.³²

Ассигнации второго образца (100, 50 и 25-рублевые) выпускались на белой бумаге нового сорта "с штемпелями прежнего изображения". В отличие от старых на новых имелись не четыре, а три подписи: советника правления банков, банкового директора и кассира. Старые ассигнации, вымененные на новые, сжигались на площади перед Сенатом публично. В связи с тем, что на мелкие (5- и 10-рублевые) ассигнации предъявлялся повышенный спрос, правительство пошло на значительное увеличение их количества и довело до 36 % всей массы бумажных денег³³.

Второй период, начавшийся с 1787 г., характеризуется подлинным бумом бумажных денег. Несмотря на торжественные обещания и заверения Екатерины II не выпускать ассигнаций более чем на 100 млн. руб., к концу ее царствования (ноябрь 1796 г.) в обращении их находилось на 157 млн. руб., к 1801 г. – на 212 млн., а к 1817 г. – на 836 млн. руб. Каза-

лось казна нашла неисчерпаемый источник для умножения доходов. Правда, и в это время раздавались отрезвляющие голоса. Вяземский предупреждал: "Никакое государство не может долго стоять, имея внутри себя такой яд"³⁴. Но к этому предупреждению не прислушались и не приняли мер, чтобы остановить надвигающийся финансовый крах. Безудержный рост числа ассигнаций сопровождался столь же стремительным падением их достоинства. Это падение началось в 1787 г., когда сумма ассигнаций достигла 100 млн. руб. и продолжалась по мере увеличения их выпуска.

Эмиссия бумажных денег была главной, но не единственной причиной падения курса ассигнаций. Причем, не существовало прямой пропорциональной зависимости между размерами накачивания в обращение ассигнаций и размерами падения их курса. Так, в 1796 г. в обращении было ассигнаций на 157,7 млн. руб. и за рубль ассигнациями платили 79 копеек серебром, а в 1794 г. при 145,5 млн. руб. – всего 68,5 коп. Из этого следует, что на размеры лажа (т.е. надбавки при обмене бумажных денег на серебряные) оказывали влияние и другие факторы, кроме увеличения количества ассигнаций.

Это обстоятельство отмечал М.М. Сперанский, один из крупнейших государственных деятелей при Александре I, который в записке "О монетном обращении" писал: "Между количеством выпуска и количеством падения никогда не было и не могло быть точной и определенной соразмерности, ибо хотя главная причина падения [курса ассигнаций] всегда была одна и та же (т.е. увеличение выпуска), но мера его определялась другими содействующими причинами, как то: войной, состоянием внешней торговли и вексельного курса, приращением или уменьшением доходов и кругом обращения ассигнаций"³⁵.

Каков был курс ассигнаций по отношению к серебряной монете? В 1788 г. за бумажный рубль давали 92 3/4 коп. серебром; в 1795 г. – 70,5 коп., в 1800 – 66 1/4 коп., в 1817 г. – всего 25 коп. С этого времени в денежном обращении появились две единицы: рубль серебряный и рубль ассигнационный. В конце XVIII в. серебряный рубль обменивался на ассигнации с лажем (наддачей) в 40 коп.³⁵

Обмен медной монеты на ассигнации и наоборот все время осуществлялся беспрепятственно и рубль за рубль. Равенство тех и других было точно определено в Монетном уставе, в котором прямо сказано, что "во всех платежах можно употреблять государственные ассигнации или медную монету в равном достоинстве, и если род монеты в договоре не определен, то должно разуметь те или другие из сих денег"³⁶. Таким образом, медная монета была тесно связана с ассигнациями. Поэтому падение биржевого курса ассигнаций соответственно повлекло за собой падение курса медной монеты по отношению к серебру, несмотря на то, что содержание ее осталось прежнее и рыночная цена на медь повыша-

лась. Данные за 1786–1796 гг. свидетельствуют о полном совпадении курса ассигнаций с курсом медной монеты. И это вполне естественно, так как медной монеты за указанные годы было выпущено на 18,5 млн., а ассигнаций – на 112 млн. руб.

Рассмотрим какое влияние оказало падение курса ассигнаций на вексельный курс. Последний определялся отношением между стоимостью звонкой монеты двух стран. При господстве бумажных денег учитывалось и отношение их к звонкой монете. Вначале, когда ассигнации только появились, на бирже отмечался курс серебряного рубля. Но как только хлынувший поток ассигнаций почти полностью вытеснил из денежного обращения серебряную монету, ассигнации заняли место настоящей монеты и по ним стали исчислять и биржевые курсы. Вполне естественно, что упадок ассигнаций сопровождался понижением вексельного курса. Впрочем надо отметить, что колебания курса зависели не только от изменения достоинства ассигнаций, но и от внешнеполитических событий, военных действий, которыми было так богато то время, иностранных займов и др.

Засилие ассигнаций в денежном обращении, сопровождавшееся резким понижением их курса, вело к расстройству денежного обращения, инфляции, росту цен на товары, что крайне отрицательно сказывалось на состоянии экономики, положении народа и доходах самой казны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историю России XVIII век вошел как век крупных перемен в ее внутренней жизни и международном положении. Она стала великой державой, без которой не решался ни один вопрос европейской дипломатии. В экономике страны, основой которой по-прежнему оставалось сельское хозяйство, возросло значение крупной и мелкой промышленности. Более существенную роль начала играть торговля. Крепли и расширялись торговые связи России с европейскими и восточными странами. Российская империя интенсивно втягивалась в международный рынок разделения труда. Энергично развивался процесс "обмирщения" культуры и светское начало становилось господствующим. Религиозное мировоззрение отступало под натиском идей рационализма.

Какие сдвиги произошли за это столетие в денежном обращении?

Реформа Петра I покончила с отсталостью денежного хозяйства, подняла его на новый уровень, отвечавший европейским стандартам, социально-экономическому и политическому развитию страны. Была создана новая денежная система, которая на протяжении всего столетия в целом справлялась со своими функциональными задачами и претерпела лишь небольшие изменения.

Во второй половине XVIII в. удалось в определенной степени решить и самую острую для денежного дела России сырьевую проблему. Добыча золотистого серебра на Колывано-Воскресенских и Нерчинском заводах, золота на Урале и Олонецком крае, создание в Петербурге Главной лаборатории по разделению золота от серебра позволили обеспечить монетный двор Петербурга более чем на 40 % отечественным серебром и почти на 60 % золотом. Тем самым была значительно ослаблена зависимость России от Запада в этом отношении.

В XVI-XVII вв. все население России пользовалось одной серебряной монетой. В XVIII в. положение изменилось. Все возрастающее значение в денежном обращении медной монеты привело к тому, что золото и сереб-

ро сосредоточились в руках знати и богатых людей (прежде всего верхушки купечества), а медь — простого народа. По образному выражению И.Г. Спасского: "Иной крестьянин и помирал, не подержав в руках рублевик с царским портретом, а о золоте только в песнях слышал да в сказках"¹.

Главная тенденция сдвигов в денежном балансе и обращении в XVIII в. нашла свое выражение в неуклонном возрастании роли медной монеты. Особенно масштабный характер передел меди приобрел в период правления Екатерины II. Медная монета до массовой эмиссии бумажных денег стала главным платежным средством внутри страны.

Существенно изменилось и положение серебряной монеты. Хотя чеканка ее увеличилась и она по-прежнему занимала первое место, но доля ее в денежном балансе страны в последней трети XVIII в. по сравнению с петровским временем уменьшилась примерно вдвое. Передел золотой монеты вырос во много раз, но ее значение в денежном обращении было все же невелико, так как она составляла в последней трети XVIII в. в среднем лишь десятую часть в стоимостном отношении от общей суммы находившихся в обращении монет.

Громадная по масштабам чеканка медной монеты объяснялась рядом причин. На первом месте стояли фискальные интересы. Передел меди приносил казне большую прибыль, чем серебра или золота. Другой причиной была нехватка золота и серебра и высокие цены на них. Меди же своей было достаточно. К тому же владельцы медеплавильных заводов обязаны были продавать казне от 50 до 75 % своей продукции по цене ниже рыночной. Наконец, медная монета служила обеспечением ассигнаций, подстраховывала бумажные деньги.

Массовая эмиссия малоценной, тяжеловесной и громоздкой медной монеты тормозила развитие товарного производства, рост торговли и вовлечение в ее сферу все более обширных территорий, складывание общероссийского рынка. Требовались новые денежные знаки, удобные в обращении. Во многих странах Европы в XVIII в. существовали бумажные деньги. Россия последовала их примеру и ввела ассигнации. С их появлением начался новый этап в истории денежного обращения.

Пока правительство действовало осторожно и соразмеряло эмиссию ассигнаций с возможностями их обеспечения медной монетой, курс ассигнаций был высоким и почти эквивалентным серебру. Однако, ежегодно увеличивавшийся дефицит государственного бюджета, громадные расходы в связи с подготовкой второй русско-турецкой войны и в самом ходе ее вынудили Екатерину II пойти на удвоение суммы ассигнаций, находившейся в обращении. В результате этого шага, а также дальнейшего наращивания темпов эмиссии бумажных денег, курс их по отношению к серебряной монете катастрофически упал. В 1817 г. серебряный рубль

ценился в четыре раза выше бумажного. Вместе с падением курса ассигнаций происходило и обесценение медной монеты, тесно связанной с бумажными деньгами.

В правительственных кругах России в XVIII в. существовали две точки зрения в отношении извлечения доходов от монетной чеканки. Одна группа, представленная большинством, была сторонницей жесткой линии и выступала за получение как можно большей прибыли от эксплуатации монетной регалии, по существу не считаясь с неизбежными в этом случае отрицательными последствиями для денежного обращения, экономики страны, хотя и провозглашала, что такая политика проводится в целях оздоровления финансов. Другая группа, составлявшая меньшинство, выступала против хищнической эксплуатации монетной регалии и доказывала, что чеканка монет и выпуск ассигнаций должны служить в первую очередь не фискальным целям, а интересам экономического развития страны. Доходы же казны должны состоять из поступлений налогов с населения, промышленности и торговли.

Слабость позиции сторонников второй точки зрения состояла в том, что предлагаемые ими источники не могли заменить прибыль от эксплуатации монетной регалии вследствие относительно невысокого развития торговли и особенно промышленности. Что касается прямых налогов с населения, то правительство не могло пойти на их увеличение, опасаясь социальных потрясений. К тому же рост недоимок показывал, что платежеспособность тяглого населения (главным образом, крестьян и посадских людей) подорвана и находится на пределе.

Позиция верховной власти не была однозначной. В зависимости от обстоятельств и состояния государственного бюджета она то проводила компромиссную линию, то руководствовалась фискальными интересами. На второй путь правительство вступало тогда, когда финансовое положение страны становилось критическим. Напряжение достигало своего пика особенно в периоды войн.

Денежное обращение России в XVIII в. являлось важной составной частью финансов, зависело от состояния экономики и, в свою очередь, во многом определяло ее развитие. Расстройство денежного обращения, возникавшее в результате дефицита бюджета, внутреннего и внешнего долга государства, усиленной эксплуатации монетной регалии или неумеренного пользования печатным станком, пагубно отражалось на экономическом развитии, вело к инфляции, росту цен на местные и иностранные товары, резкому ухудшению жизни народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

От автора

¹Арсеньев К.И. Историко-статистическое обозрение монетного дела в России. // Записки Русского географического общества. – С.-Пб., 1846. – Т. I; Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1850 г. // ЖМНП. – 1868. – Март (Есть отдельный оттиск); Винклер П. Из истории монетного дела в России: Монетное дело в царствование Петра Великого. – С.-Пб., 1892; Он же. Перечеканка медной монеты 1796–1797 гг. – С.-Пб., 1898; Он же. Монетное дело при Павле I. – С.-Пб., 1898; Он же. Медные рубли 1770–1778 гг. – С.-Пб., 1899; Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. – С.-Пб., 1910.

²Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд. 4 – Л., 1970.

³Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. – М., 1989.

⁴Дуров В.А. Очерк начального периода деятельности Кадашевского монетного двора в связи с денежной реформой Петра I. // На рубеже двух веков/ Труды ГИМ. – М., 1978. – Вып. 47; Он же. Денежные дворы Приказа Большой Казны в конце XVII – начале XVIII в. // Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв./ Нумизматический сборник. – Ч. 7. – М., 1980; Спасский И.Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. – Л., 1949; Корецкий В.Т. Банковский монетный двор // Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. – М., 1980.

⁵Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. – М., 1985.

⁶Шторх П.А. Указ. соч.; Куломзин А.Н. Ассигнации в царствование Екатерины III // Русский вестник. – 1869. – № 5, Печорин Я.И. Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами. 1769–1843 // Вестник Европы. – 1876. – № 8; Никольский П.А. Бумажные деньги в России. – Казань, 1892.

⁷Спасский И.Г. Первое трехлетие Петербургского монетного двора // Труды Государственного Эрмитажа. – Л., 1986. – Т. 36. – С. 35–40.

Глава первая

¹Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. – М., 1989. – С. 228–229.

²Там же. – С. 230–234; Она же. Особенности русского денежного обращения в XVII в. // История СССР. – 1966. – № 5; Спасский И.Г. Деньги и денежное хозяйство // Очерки русской культуры XVII в. – М., 1979. – Ч. I. – С. 153.

³ЦГАДА. – Ф. Финансы. – 19. – Д. 165. – Л. 46 об.

⁴ПСЗ (1). – Т. 2. – № 825. – Т. 4. – № 1776.

⁵Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. – М.-Л., 1947. – С. 82–87.

⁶Спасский И.Г. Русская монетная система. — Изд. 4. — Л., 1970. — С. 160–164. Дуров В.А. Очерк начального периода деятельности Кадашевского монетного двора в связи с денежной реформой Петра I (Далее: Дуров В.А. Очерк...)// На рубеже двух веков. — М., 1978. — С. 41–44.

⁷Винклер П. Из истории монетного дела в России. Монетное дело в царствование Петра Великого (1696–1725). — С.-Пб., 1892. — С. 11.

⁸ПСЗ (1). — Т. 4. — № 2444.

⁹Там же. — Т. 5. — № 3164.

¹⁰Там же.

¹¹Дуров В.А. Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII — начале XVIII в.// Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. (Далее: Дуров В.А. Денежные дворы). — М., 1980. — С. 11–12.

¹²Дуров В.А. Очерк. — С. 46.

¹³Дуров В.А. Денежные дворы. — С. 14.

¹⁴ПСЗ (1). — Т. 4. — № 2351. Указ от 23 апреля 1711 г. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате (далее — Доклады и приговоры). — С.-Пб., 1882. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 100. Там же. — С.-Пб., 1883. — Кн. 2. — С. 43–45. Там же. — С.-Пб., 1887. — Т. 3. — Кн. 2. — С. 730–731.

¹⁵Там же. — С.-Пб., 1890. — Т. 4. — Кн. 2. — С. 1198–1200.

¹⁶Там же. — Т. 3. — Кн. 2. — С. 1322–1324.

¹⁷ЦГАДА. — Ф. Финансы. — Д. 31. — Л. 52.

¹⁸Татищев В.Н. История Российская. — М.-Л., 1962. — Т. 1. — С. 88.

¹⁹ПСЗ (1). — Т. 5. — № 3748. — Т. 7. — № 4185, 4278, 4473, 4696.

²⁰Спасский И.Г. Петербургский монетный двор от его возникновения до начала XIX в. — Л., 1949. — С. 14–19, 24–26. Он же. Первое трехлетие Петербургского монетного двора// Труды Государственного Эрмитажа. — Л., 1986. — Т. 26. — С. 38–45. ЦГАДА. — Ф. 270 (Монетная канцелярия). — Оп. 1. 1724 г. — Д. 160. — Л. 312, 355–355 об., 497.

²¹См., например: Кауфман И.И. Серебряный в России от его возникновения до конца XIX в. — С.-Пб., 1910. — С. 133–135. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. — М., 1966. — С. 198.

²²ЦГАДА. — Ф. 300 (Следственная комиссия о злоупотреблениях компанейщиков). — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 179–180.

²³ПСЗ (1). — Т. 4. — № 2444.

²⁴Там же. — Т. 5. — № 3164.

²⁵Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1962. — Кн. 8. — С. 73, 74.

²⁶Дуров В.А. Очерк. — С. 57. — Табл. 3.

²⁷ЦГАДА. — Ф. Финансы. — Д. 165. — Л. 47.

²⁸Спасский И.Г. Русская монетная система. — С. 156–159.

²⁹Спасский И.Г. Когда и для чего впервые чеканились в Петербурге голландские дукаты?// Вспомогательные исторические дисциплины. X. — М., 1978. — С. 22–38.

³⁰ПСЗ (1). — Т. 4. — № 2473.

³¹Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. — М., 1985. — С. 20–21.

³²ЦГАДА. — Ф. Финансы — Д. 129. — Ч. 4. — Л. 7. Дуров В.А. Очерк. — С. 58.

³³ЦГАДА. — Ф. Сенат. — 248 — Оп. 126. — Кн. 747. — Л. 870.

³⁴Доклады и приговоры Сената. — С.-Пб., 1883. — Т. II. — Кн. 2. — С. 8–10.

³⁵ЦГАДА. — Ф. Кабинет Петра I — 9. — Отд. II. — Кн. 21. — Л. 70–70 об.

³⁶Доклады и приговоры Сената — СПб., 1897. — Т. IV. — Кн. 1. — С. 1041.

³⁷Кауфман И.И. Указ. соч. — С. 131.

³⁸Дуров В.А. Очерк... — С. 58–59.

³⁹Письма и бумаги Петра Великого. — М., 1977. — Т. 12. — Вып. 2. — С. 93. ЦГАДА. — Ф. Кабинет Петра. — Отд. 1. — К. 62. — Л. 299.

⁴⁰Монеты Елизаветы. — № 176.

⁴¹ЦГАДА. — Ф. Сенат. Оп. 126. — Кн. 3594. — Л. 263 об.

⁴²ЦГАДА. — Ф. Внутреннее управление. — 16. — Д. 31. — Л. 52–52 об.

- ⁴³ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 683. – Л. 19 об. – 20.
- ⁴⁴ПСЗ (1). – Т. 4. – № 1776.
- ⁴⁵ПСЗ (1). – Т. 4. – № 2587. Доклады и приговоры Сената. – С.-Пб., 1882. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 12.
- ⁴⁶ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 747. – Л. 853.
- ⁴⁷Там же. – Л. 853–854.
- ⁴⁸Там же. – Кн. 683. – Л. 11.
- ⁴⁹Там же. – Л. 4–10.
- ⁵⁰Там же. – Л. 14–15, 20–25.
- ⁵¹Там же. – Л. 38.
- ⁵²Там же. – Л. 41–41а.
- ⁵³Там же. – Л. 42.
- ⁵⁴ПСЗ (1). – Т. 7. – № 4258. Уздеников В.В. История чеканки и обращения медных пятаков образца 1723 г.// Нумизматика: материалы и исследования. – Нумизматический сборник. Ч. 10. – М., 1988. – С. 15–19.
- ⁵⁵Монеты Анны. – № 201.
- ⁵⁶Там же.
- ⁵⁷ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 683. – Л. 79–80.
- ⁵⁸Там же. – Л. 81–82, 93–93 об.
- ⁵⁹Там же. – Кн. 3594. – Л. 267–267 об.
- ⁶⁰Вот что писал по этому поводу в 1724 г. вице-президент Берг-коллегии А.К. Зыбин: "... ефимки и товары на нынешние деньги покупаются перед прежними ценою вдвое... и прибыль от той перемены монет в товарах учинилась иностранным купцам, а не в Российской империи". В том же духе высказывался и В.Н. Татищев: "Чем хуже деньги, тем ниже вексель и дороже привозные товары станowiąтся" (ЦГАДА. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 52–52 об., 66 об.).

Глава вторая

- ¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 152.
- ²Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. – М., 1966. – С. 37–38.
- ³Ягужинский П.И. Записка о состоянии России// ЧОИДР. – 1860. – Кн. IV. – С. 269–273.
- ⁴Там же. – С. 270.
- ⁵Там же. – С. 272.
- ⁶Павлов-Сильванский Н.П. Мнения верховников о реформах Петра Великого// Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. – С.-Пб., 1910. – С. 374.
- ⁷ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. 1. – Кн. 33. – Л. 193–194 об.
- ⁸Там же. – Л. 195–198.
- ⁹Там же. – Л. 204–205.
- ¹⁰Там же. – Л. 199–203.
- ¹¹Там же. – Л. 172–175.
- ¹²Записка опубликована в книге: 200-летие Кабинета е.и.в. 1704–1904. – С.-Пб., 1911. – Приложение 10. – С. 45–58.
- ¹³Там же. – С. 47.
- ¹⁴Там же. – С. 46.
- ¹⁵Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. – С. 379.
- ¹⁶200-летие Кабинета... – С. 46.
- ¹⁷Там же. – С. 48.
- ¹⁸Там же. – С. 49.
- ¹⁹Там же. – С. 51.
- ²⁰Там же.
- ²¹Там же. – С. 56–57.
- ²²Там же. – С. 57.

²³Сб. РИО. – С.-Пб., 1886. – Т. 55. – С. 363. *Павлов-Сильванский*. Указ. соч. – С. 384–389.

²⁴Исторические бумаги К.И. Арсеньева// Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук. – С.-Пб., 1872. – Т. 9. – С. 87.

²⁵Сб. РИО. – СПб., 1888. – Т. 63. – С. 238.

²⁶*Козинцева Р.И.* От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г.// Вопросы генезиса капитализма в России. Сб. ст. – Л., 1960. – С. 182–216.

²⁷ПСЗ (1). – Т. 7. – № 5003. В более сильных выражениях тяжелое положение крестьян характеризуется в именном указе 9 февраля 1727 г.: "Понеже известно нам учинилось, что нашей империи крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятся, и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходят..." (ПСЗ (1). – Т. 7. – № 5010).

²⁸ПСЗ (1). – Т. 7. – № 5003.

²⁹Платы – медные деньги в виде квадратных пластин.

³⁰ПСЗ (1). – Т. 7. – № 5017.

³¹ЦГАДА. – Ф. Внутреннее управление – Кн. 31. – Л. 40–53.

³²Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований им. Екатерины I и имп. Петра II. – С.-Пб., 1904 (далее Монеты Екатерины I). – С. 23.

³³Там же. – С. 14.

³⁴ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 747. – Л. 855.

³⁵ЦГАДА. – Ф. Верховный тайный совет. – Оп. 2. – Кн. 2¹. – Л. 66–67.

³⁶ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 85. – Л. 1074. В таких же выражениях о состоянии монетных дворов писал А.В. Макарову и В.Н. Татищев: "Осмотрел я денежные дворы и нахожу их так, как они во время поляков брошены (т.е. после изгнания поляков из Москвы в 1612 г. – А.Ю.) и дондесь никто в них не бывал" (А.И. Юхт. Письма и записки В.Н. Татищева о денежном обращении и монетном деле в России в первой трети XVIII в.// Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. (далее: Письма и записки В.Н. Татищева). – М., 1980. – С. 124.

³⁷ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 85. – Л. 1078.

³⁸Он же. Монеты Екатерины I. – С. 25–26.

³⁹Татищев В.Н. История Российская. – М., – Л., 1962–1968. – Т. I–VII.

⁴⁰Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М. – Л., 1950; Он же. Избранные произведения. – Л., 1979.

⁴¹Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. – М., 1985; Он же, В.Н. Татищев и экономическое развитие России в первой половине XVIII в.// История СССР. – 1986. – № 3. – С. 81–98; Он же, В.Н. Татищев и развитие науки и просвещения в России// Вестник Академии наук СССР. – 1987. – № 6. – С. 104–116.

⁴²ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. I. – Кн. 33. – Л. 212–212 об.

⁴³ЦГАДА. – Ф. Берг-коллегия. – Оп. 1. – Кн. 7. – Л. 129. – Кн. 132. – Л. 48–49.

⁴⁴ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 85. – Л. 981.

⁴⁵Письма и записки В.Н. Татищева. – С. 117–158.

⁴⁶Письма и записки В.Н. Татищева. – С. 128, 134, 139.

⁴⁷ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. I. – Кн. 33. – Л. 220.

⁴⁸ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 85. – Л. 1104, 1110–1114.

⁴⁹Монеты Екатерины I. – С. 25–26.

⁵⁰Там же. – С. 24–25.

⁵¹ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 85. – Л. – 1105–1106.

⁵²ПСЗ (1). – Т. 7. – № 5027, 5100, 5134.

⁵³Там же. – № 5101.

⁵⁴Там же. – № 5156, 5165.

⁵⁵ЦГАДА. – Ф. Внутреннее управление. – Кн. 31. – Л. 43–44, 55–55 об.

⁵⁶ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 85. – Л. 1079 об.; ф. Верховный тайный совет. – Оп. 2. – Кн. 24. – Л. 69–70.

- ⁵⁷ЦГАДА. – Ф. Кабинет Петра I. – Отд. II. – Кн. 85. – Л. 1050–1051.
- ⁵⁸ЦГАДА. – Ф. Внутреннее управление. – Д. 41. – Л. 12–14; Сб РИО. – С.-Пб., 1889. – Т. 69. – С. 327. 493.
- ⁵⁹Сб. РИО. – Т. 69. – С. 835–836.
- ⁶⁰ПСЗ (1). – Т. 7. – № 5156; Сб. РИО. – Т. 69. – С. 281.
- ⁶¹ЦГАДА. – Ф. Внутреннее управление. – Д. 41. – Л. 12–12 об.
- ⁶²Сб. РИО. – Т. 79. – С. 89–92.
- ⁶³ПСЗ (1). – Т. 8. – № 5209.
- ⁶⁴Там же. – № 5101.
- ⁶⁵ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 17. – Ч. IV. – Л. 133–133 об.
- ⁶⁶ПСЗ (1). – Т. 8. – № 5411.
- ⁶⁷ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1415. – Л. 114–114 об.
- ⁶⁸Монеты Екатерины I. – № 11.
- ⁶⁹Деммени М.Г. К истории Екатеринбургского монетного двора// Труды Московского нумизматического общества. – М., 1898. – Т. I. – С. 75–90.
- ⁷⁰Монеты Екатерины I. – Табл. VI, 1; XXVI, 11–16.
- ⁷¹Тальская О.С. Уральские и сибирские монеты. – Свердловск, 1959. – С. 9.
- ⁷²Монеты Екатерины I. – № 23.
- ⁷³Монеты царствований имп. Анны Иоанновны и имп. Ивана Антоновича. – СПб., 1901 (далее – Монеты Анны Иоанновны). – № 230.
- ⁷⁴Монеты Екатерины I. – С. 4; ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 164. – Л. 276.
- ⁷⁵ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1104. – Л. 358.
- ⁷⁶ПСЗ (1). – Т. 7. – № 4800, 4909, 4920; Уздеников В.В. Пробные монеты 1726–1727 гг./ Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. – С. 40–46.
- ⁷⁷Горный журнал. 1832. – Ч. 3. – С. 241–242.
- ⁷⁸Монеты Анны Иоанновны. № 1.
- ⁷⁹Там же.
- ⁸⁰ПСЗ (1). – Т. 7. – № 5156.
- ⁸¹Там же. – № 5261.
- ⁸²ПСЗ (1). – Т. 8. – № 5436.
- ⁸³Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. – М., 1953. – С. 85.
- ⁸⁴ЦГАДА. – Ф. Внутреннее управление. – Д. 31. – Л. 46–52 об.; Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 164. – Л. 276; Кн. 1104. – Л. 375–376 об.
- ⁸⁵Там же.
- ⁸⁶В 1722 г. почти вся имевшаяся иностранная валюта была отдана Швеции, поэтому в денежный передел было употреблено так мало серебра.
- ⁸⁷ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 164. – Л. 276.
- ⁸⁸Там же. – Кн. 1104. – Л. 375–376 об.
- ⁸⁹Козинцева Р.И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в./ Истор. зап. – М., 1973. – Т. 101. – С. 303; ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 164. – Л. 270–271.
- ⁹⁰Монеты Екатерины I. – С. 18; ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 164. – Л. 276.
- ⁹¹ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Кн. 164. – Л. 276.
- ⁹²ПСЗ (1). – Т. 7. – № 4278.
- ⁹³ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Кн. 164. – Л. 276.
- ⁹⁴ЦГАДА. – Ф. Внутреннее управление. – Д. 31. – Л. 52 об.
- ⁹⁵ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Кн. 164. – Л. 276, 291–292; Кн. 1418. – Л. 1372–1378. – Ф. Внутреннее управление. – Д. 31. – Л. 53. Троицкий С.М. Финансовая политика... – С.171; Козинцева Р.И. Участие казны во внешней торговле России. – С. 267–337.
- ⁹⁶Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 106.
- ⁹⁷Примечание. Монеты Анны Иоанновны. – С. 20–22.
- ⁹⁸ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 737. – Л. 146.
- ⁹⁹Там же. – Кн. 164. – Л. 276.

¹⁰⁰ Там же. — Кн. 737. — Л. 126, 145–148.

¹⁰¹ Там же. — Оп. 126. — Кн. 1415. — Л. 68–68 об., 75 об.

Глава третья

¹ Записка опубликована. (Юхт А.И. Письма и записки В.Н. Татищева о денежном обращении и монетном деле в России в первой трети XVIII в.// Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. (Далее: Памятники... — М., 1980. — С. 147–151).

² Приведем лишь один пример. В мартовской записке 1727 г. Татищева сказано, что в других государствах золотые монеты не содержат примесей, "... дабы и мужик простой, пальцами погнув нечистой или неправильной, по жесткости познать мог..." В памятной записке 1730 г. Татищев пишет, что твердость русских золотых монет (вследствие примеси в них серебра) служит способом к обману, "ибо чисто червонной простой мужик погнутием токмо от воровского отличить может" (Памятники... — С. 148).

³ Там же — С. 150.

⁴ ЦГАДА. — Ф. 300. — Оп. I. — Д. 10. — Л. 168–169; ПСЗ (1). — Т. 8. — № 5578.

⁵ ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 1415. — Л. 112–113.

⁶ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Анны Иоанновны и имп. Ивана Антоновича (далее Монеты Анны Иоанновны). — С.-Пб., 1901. — С. 15–16 (№ 14).

⁷ Там же — С. 16–18 (№ 15).

⁸ Там же — С. 18, ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 1416. — Л. 550.

⁹ Монеты Анны Иоанновны. — С. 15; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. — М., 1953. — С. 64.

¹⁰ Монеты Анны Иоанновны. — С. 18.

¹¹ Там же — С. 19–20.

¹² ПСЗ (1). — Т. 8. — № 5626, 5656, 5657.

¹³ Там же — № 6065.

¹⁴ ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 1416. — Л. 1207–1209.

¹⁵ Там же — Кн. 1104. — Л. 387–388.

¹⁶ Там же — Кн. 1415. — Л. 167–170.

¹⁷ ПСЗ (1). — Т. 8. — № 5663.

¹⁸ Там же — № 5684.

¹⁹ ЦГАДА. — Ф. 300. — Оп. I. — Д. 10. — Л. 179 об.

²⁰ "Разсуждение..." опубликовано (Исторические записки. — М., 1978. — Т. 101. — С. 331–337).

²¹ ЦГАДА. — Ф. Финансы. — Д. 31. — Л. 56.

²² ЦГАДА. — Ф. 300. — Оп. I. — Д. 10. — Л. 188–191.

²³ ЦГАДА. — Ф. 300. — Оп. I. — Д. 10. — Л. 195–196 об.

²⁴ ПСЗ (1). — Т. 8. — № 5677.

²⁵ Монеты Анны Иоанновны. — С. 22.

²⁶ ПСЗ (1). — Т. 8. — № 5660.

²⁷ Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. — С.-Пб., 1910. — С. 156–157.

²⁸ ПСЗ (1). — Т. 8. — № 5675, 5726.

²⁹ Кауфман И.И. Указ. соч. — С. 162–163.

³⁰ ЦГАДА. — Ф. 300 — Оп. I — Д. 10. — Л. 62. В одном из указов также отмечалось, что серебряные копейки "за малостию их скоро тратятся (т.е. теряются. — А.Ю), отчего многим, в наипаче купечеству и бедным крестьянам, великия чинятся убытки и разорения" (ПСЗ (1). — Т. 7. — № 5101. Именной указ от 16 июня 1727 г.).

³¹ ЦГАДА. — Ф. Финансы. — Д. 148. — Л. 138.

³² Там же.

³³ ПСЗ (1). — Т. 4. — № 1855.

³⁴ ПСЗ (1). — Т. 6. — № 3748. — П. 6.

³⁵ Там же — Т. 7. — № 4473.

³⁶ Там же. — Т. 8. — № 5468.

- ³⁷ Там же. – Т. 9. – № 6910.
- ³⁸ ЦГАДА. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 98–103.
- ³⁹ Там же. – Л. 135–143.
- ⁴⁰ Там же. – Л. 154–155 об.
- ⁴¹ Там же. – Л. 162–167.
- ⁴² Там же. – Л. 214.
- ⁴³ Там же. – Л. 175–176.
- ⁴⁴ Там же. – Л. 218–218 об.
- ⁴⁵ Полный текст контракта с рукоприкладством купцов см.: ЦГАДА. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 236–242. В ПСЗ (1) (Т. 8. – № 5853) опубликован именной указ от 16 сентября 1731 г. о переделе мелких серебряных денег, в котором перечисляются не все условия контракта.
- ⁴⁶ И.Н. Садовников, Д.Г. Кривошеин, Д.Ф. Дудоров, И.Ф. Мыльников, Т. Ларионов и Н.И. Луковников.
- ⁴⁷ И.И. Володимиров, С.Г. Кривошеин, В. Прохоров, П.И. Зыков, А.Т. Крюков, К.И. Костяницын, Ф.М. Губин, А. Иванов, Т.И. Мамонтов и И.И. Кострикин.
- ⁴⁸ ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 129. – Ч. IV. – Л. 3.
- ⁴⁹ ЦГАДА. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 21–22.
- ⁵⁰ Монеты Анны Иоанновны. – С. 60–63.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² ЦГАДА. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 50.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 55.
- ⁵⁵ Там же. – Д. 15. – Л. 4.
- ⁵⁶ Там же. – Д. 11. – Л. 57.
- ⁵⁷ Там же. – Л. 115.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. – Л. 303.
- ⁶⁰ Там же. – Л. 115 об.
- ⁶¹ Там же. – Л. 172.
- ⁶² Там же. – Л. 120–128.
- ⁶³ Там же. – Л. 116–119 об. Императрица простила Татищева и указом от 12 марта 1734 г. приказала прекратить следствие против него. Мотивы не приводятся. Но можно полагать, что, принимая такое решение, она руководствовалась не только родственными чувствами (Татищев приходился дальним родственником царице Прасковье Федоровне – матери императрицы), а и участием Татищева в борьбе дворянства против попыток верхушечников ограничить власть Анны Иоанновны при вступлении ее на престол в 1730 г.
- ⁶⁴ ПСЗ (1). – Т. 9. – № 6419.
- ⁶⁵ Там же; Монеты Анны Иоанновны. – С. 58–60.
- ⁶⁶ ПСЗ (1). – Т. 9. – № 7092.
- ⁶⁷ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы и имп. Петра III (далее: монеты Елизаветы). – С.-Пб., 1896. – Т. I. – № 73.
- ⁶⁸ ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 129. – Ч. IV. – Л. 3.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Монеты Елизаветы. – № 73.
- ⁷¹ ПСЗ (1). – Т. 9. – № 7092. Указ был опубликован 8 декабря 1736 г.
- ⁷² ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 129. – Ч. I. – Л. 272.
- ⁷³ ПСЗ (1). – Т. 12. – № 8948. – С. 117–118. Монеты Елизаветы. – Т. I. – № 16.
- ⁷⁴ Там же. – С. 119.

⁷⁵Там же. – С. 120–124.

⁷⁶Там же. – С. 127–129.

⁷⁷Там же. – С. 115–116.

⁷⁸ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 148. – Л. 63.

⁷⁹ПСЗ (1). – Т. 14. – № 10225. По данным В. Неронова, с 1698 по 1718 г. включительно было выпущено мелких серебряных денег на 25 270 тыс.руб., вес которых составил 43 957 пуд. Из этого числа до 1754 г. было выменено 13 635 тыс.руб., общим весом 23 690 пуд. Как видим, сведения эти близки к нашим подсчетам, хотя и не вполне совпадают. Общий процент вымененных серебряных копеек, по Неронову, равен 54, т.е. мало отличается от наших данных (56). Неронов не берет в расчет мелкие серебряные деньги, начеканенные до петровской денежной реформы, а они тоже поступали на монетные дворы и от компанейщиков, и от частных лиц.

⁸⁰ПСЗ (1). – Т. 14. – № 10747. Сенатский указ от 3 июля 1757 г.

⁸¹ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 2860. – Л. 6–7.

⁸²Монеты Елизаветы Петровны – Т. I. – № 49

⁸³Татищев В.Н. Записки. Письма (1717–1750 гг.). – М., 1990. – С. 147.

⁸⁴ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 537–538.

⁸⁵Кауфман И.И. Указ. соч. – С. 155–155.

⁸⁶ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 3594. – Л. 80 об.

⁸⁷Там же. – Л. 66 об. – 67; ПСЗ (1). – Т. 12. – № 8948.

⁸⁸ПСЗ (1). – Т. 7. – № 4258, 4276. Уздеников В.В. История чеканки и обращения медных платков образца 1723 г. // Нумизматика. Материалы и исследования. Нумизматический сб. Ч. 10. – М., 1988. – С. 15–16.

⁸⁹ПСЗ (1). – Т. 7. – № 4157.

⁹⁰ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 148. – Л. 68.

⁹¹ПСЗ (1). – Т. 12. – № 8940.

⁹²Там же. – Т. 7. – № 4960.

⁹³Там же. – Т. 9. – № 7101.

⁹⁴ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 148. – Л. 66–81.

⁹⁵В совет 1732 г. вошли (кроме трех кабинет–министров – Г.И. Головкина, А.И. Остермана и А.М.Черкасского) президент Военной коллегии Б.Х. Миних, директор Монетной канцелярии М.Г. Головкин, президент Мануфактур-коллегии В.Я. Новосильцев, начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков, сенатор А.И. Шаховский, вице-президент Коммерц–коллегии И.С. Исаев и два представителя от “знающих такие дела” купцов.

⁹⁶Комиссия 1740 г. включала 10 членов правительственной администрации, непосредственно ведавших вопросами денежного обращения и торговли, представителей военных ведомств и других учреждений.

⁹⁷Сб. РИО. Юрьев. – 1898. Т. 104 – С. 187, 206–207.

⁹⁸ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 140. – Л. 31 об. – 32.

⁹⁹Там же. – Д. 148. – Л. 7–10.

¹⁰⁰ПСЗ (1). – Т. 12. – № 8940. Краткое содержание всех рассматриваемых далее проектов помещено в приложении к приговору Сената (ПСЗ (1). – Т. 12. – № 8940).

¹⁰¹Там же.

¹⁰²Там же.

¹⁰³Сенатский архив. – С.-Пб., 1893. – Т. 6. – С. 66.

¹⁰⁴ПСЗ (1). – Т. 12. – № 8948. Мнение В. Демидова опубликовано в качестве приложения к именному указу от 23 мая 1744 г.

¹⁰⁵Там же.

¹⁰⁶ПСЗ (1). Т. 12. – № 8939.

¹⁰⁷ПСЗ (1). – Т. 12. – № 9185.

¹⁰⁸ПСЗ (1). – Т. 12. – № 9297.

¹⁰⁹Сенатский архив. – Т. 6. – С. 453.

¹¹⁰Там же. – С. 526–527.

¹¹¹ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 148. Л. 58–65.

¹¹²ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 3594. – Л. 83 об.

¹¹³Там же. – Л. 84–86 об.

¹¹⁴Фавье Ж – Л. Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге// Истор. вестн. – 1887. – Т. 29. – С. 394.

¹¹⁵Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. – М., 1966. – С. 61–79; Шмидт С.О. Внутренняя политика России середины XVIII в.// Вопросы истории. – 1987. – № 3. – С. 42–58.

¹¹⁶ПСЗ (1). – Т. 14. – № 10339. Сенатский архив. – СПб., 1901. – Т. 9. – С. 301–303.

¹¹⁷ПСЗ (1). – Т. 14. – № 10370.

¹¹⁸Там же.

¹¹⁹Там же. – № 10374. Уздеников В.В. Указ. соч. – С. 29.

¹²⁰ПСЗ (1). – Т. 14. – № 10396, 10401.

¹²¹Там же. – № 10357.

¹²²Там же. – № 10477.

¹²³Там же. – № 10574.

¹²⁴Там же. – № 10717.

¹²⁵Уздеников В.В. Указ. соч. – С. 30.

¹²⁶ПСЗ (1). – Т. 14. – № 10717.

Глава четвертая

¹Сб. РИО. Юрьев. – 1900. – Т. 108. – С. 463–464.

²ПСЗ (1). – Т. 8. – № 5657.

³ПСЗ (1). – Т. 8. – № 6386.

⁴Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Анны Иоанновны и имп. Ивана Антоновича (далее: Монеты Анны). – СПб., 1901. – № 29.

⁵Там же. – № 46.

⁶Там же. – № 29.

⁷Там же

⁸Там же. – № 135.

⁹ПСЗ (1). – Т. 9. – № 6654.

¹⁰Монеты Анны. – № 140.

¹¹Там же. – № 149.

¹²Там же.

¹³ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 55–55 об.

¹⁴Монеты Анны. – № 159.

¹⁵Там же. – № 162.

¹⁶ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 49–51.

¹⁷Монеты Анны. – № 189.

¹⁸Георгий Михайлович. Вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы I и имп. Петра III (далее: Монеты Елизаветы) – СПб., 1896. – Т. I. – № 26.

¹⁹ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 487–488.

²⁰Монеты Елизаветы. – № 49.

²¹Там же. – № 34.

²²Там же. – № 53.

²³Монеты Елизаветы. – № 50.

²⁴ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 470.

- ²⁵Монеты Елизаветы. – № 50.
- ²⁶ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 550–551.
- ²⁷Монеты Елизаветы. – № 79.
- ²⁸Там же – № 106.
- ²⁹ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 419.
- ³⁰Монеты Елизаветы. – № 137.
- ³¹ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1424. – Л. 1102.
- ³²ПСЗ (1). – Т. 9. – № 6559.
- ³³ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1419. – Л. 190–190 об.
- ³⁴Монеты Анны. – № 167.
- ³⁵Там же
- ³⁶ПСЗ (1). – Т. 9. – № 6813; ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 104. – Л. 307.
- ³⁷Монеты Анны. – № 132. Сб. РИО. – Юрьев, 1901. – Т. 111. – С. 155–156.
- ³⁸Монеты Анны. – № 150–151.
- ³⁹ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1419. – Л. 192.
- ⁴⁰Там же. – Л. 344–347.
- ⁴¹Монеты Анны. – № 204.
- ⁴²Там же. – № 210.
- ⁴³ПСЗ (1). – Т. 9. – № 7123.
- ⁴⁴Деммени М.Г. К истории Екатеринбургского монетного двора// Труды Московского нумизматического общества. – М., 1898. – Т. I. – С. 78–79.
- ⁴⁵Тальская О.С. Уральские и сибирские монеты. – Свердловск, 1959. – С. 6, 10.
- Монеты Елизаветы. – № 98, 111.
- ⁴⁶Монеты Елизаветы. – № 150.
- ⁴⁷ПСЗ (1). – Т. 12. – № 9270.
- ⁴⁸Монеты Елизаветы. – № 48.
- ⁴⁹Там же – № 65.
- ⁵⁰ПСЗ (1). – Т. 12. – № 9378. См. 9391.
- ⁵¹Монеты Елизаветы. – № 91.
- ⁵²Там же – № 89, 90.
- ⁵³Там же – № 94.
- ⁵⁴Там же. – № 91.
- ⁵⁵Там же. – № 96.
- ⁵⁶Там же. – № 107.
- ⁵⁷Там же. – № 115.
- ⁵⁸Там же. – № 139.
- ⁵⁹Там же. – № 128.
- ⁶⁰Там же. – № 127, 135.
- ⁶¹Там же. – № 122.
- ⁶²Там же. – № 139.
- ⁶³ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 2860. – Л. 95–96.
- ⁶⁴Монеты Елизаветы. – № 219–220.
- ⁶⁵Там же. – № 254.
- ⁶⁶Там же. – № 276.
- ⁶⁷ПСЗ (1). – Т. 14. – № 10717.
- ⁶⁸ПСЗ (1). – Т. 15. – № 10792. Спасский И.Г. Русская монетная система. – Л., 1970. – С. 194.
- ⁶⁹Монеты Елизаветы. – № 273.
- ⁷⁰ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 2860. – Л. 501–504.
- ⁷¹Монеты Елизаветы. – № 323. – С. 232–237. См. также приложения. – С. 237–244.

- ⁷² Там же. — № 324 и приложение с. 246–247.
- ⁷³ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. — М., 1966. — С. 75–77.
- ⁷⁴ Монеты Елизаветы. — № 331. — С. 249–251 и приложения. — С. 251–252.
- ⁷⁵ Там же. — № 332.
- ⁷⁶ Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII–1861 г.). — М., 1958. — С. 50.
- ⁷⁷ Монеты Елизаветы. — № 332. — С. 253.
- ⁷⁸ Боровой С.Я. Указ. соч. — С. 51.
- ⁷⁹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. — С.-Пб., 1906. — С. 59.
- ⁸⁰ ПСЗ (1). — Т. 16. — № 11624.
- ⁸¹ Сенатский архив. — С.-Пб., 1907. — Т. 12. — С. 539–578.
- ⁸² Монеты Елизаветы. — № 334.
- ⁸³ Там же. — № 335.
- ⁸⁴ Там же. — С. 262.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 3594. — Л. 275–275 об.
- ⁸⁷ Там же. — Л. 280–282.
- ⁸⁸ Там же. — Л. 283–283 об.
- ⁸⁹ Шаховской Я.П. Записки. — С.-Пб., 1872. — С. 104.
- ⁹⁰ ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 3594. — Л. 277–279 об.
- ⁹¹ Документы по истории монетного дела при Петре III// Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Елизаветы I и имп. Петра III (далее: Монеты Петра III). — Т. II. — № 2. Во втором томе нумерация документов самостоятельная.
- ⁹² Монеты Петра III. — № 14.
- ⁹³ Там же. — № 27.
- ⁹⁴ ПСЗ (1). — Т. 15. — № 11533.
- ⁹⁵ Монеты Елизаветы. — С. 276–277.
- ⁹⁶ Впрочем, и на Московском монетном дворе, по свидетельству Монетной канцелярии, за не приносом и за не присылкою из учреждений медных монет 16-рублевой стопы "некоторые станы по несколько дней бывают без действия" Монеты царствования имп. Екатерины II. — СПб., 1894. — Т. 1. (далее: Монеты Екатерины II. — № 17).

Глава пятая

- ¹ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Анны Иоанновны и имп. Ивана Антоновича (далее: Монеты Анны). — СПб., 1901. — № 95.
- ² Там же. — № 129.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. — № 70.
- ⁵ Там же. — № 213.
- ⁶ ПСЗ (1). — Т. 8. — № 6320.
- ⁷ ПСЗ (1). — Т. 8. — № 6601.
- ⁸ ПСЗ (1). — Т. 9. — № 6742. Монеты Анны. — Табл. 13, — № 18.
- ⁹ ПСЗ (1). — Т. 12. — № 8977.
- ¹⁰ ПСЗ (1). — Т. 12. — № 9275.
- ¹¹ Там же. — № 9292.
- ¹² Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы и имп. Петра III (далее: Монеты Елизаветы). — С.-Пб., 1904. — № 86.
- ¹³ Там же. — № 78.
- ¹⁴ Там же. — № 93.
- ¹⁵ ПСЗ (1). — Т. 14. — № 10415.

- ¹⁶ Там же. – № 11549.
- ¹⁷ ПСЗ(1). – Т. 14. – № 10219.
- ¹⁸ ПСЗ(1). – Т. 12. – № 9318.
- ¹⁹ ПСЗ(1). – Т. 13. – № 9644.
- ²⁰ ПСЗ(1). – Т. 14. – № 10483.
- ²¹ ПСЗ(1). – Т. 14. – № 10576.
- ²² Монеты Елизаветы. – № 221, 261.
- ²³ Там же. – № 221.
- ²⁴ ПСЗ(1). – Т. 10. – № 7375.
- ²⁵ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1104. – Л. 360–360 об.
- ²⁶ Там же. – Л. 401. Монеты Анны. – № 236. – С. 166–177.
- ²⁷ Русский биографический словарь. Шебанов–Шютц. – Спб., 1911. – С. 333–334. Шабарин С.К. Возникновение аффинажа золота и серебра в России// Труды Института истории естествознания и техники. – М., 1957. – Т. 9. – С. 45–61. ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Кн. 2933. – Л. 36–37, 87–90 об. 94 об. – 95 об.; Кн. 2860. – Л. 854–855, 865.
- ²⁸ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1104. Л. – 401–402 об.
- ²⁹ Там же. – Л. 404–405 об.
- ³⁰ Там же. – Л. 406–410.
- ³¹ Монеты Анны. – № 288.
- ³² ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1426. – Л. 420–423.
- ³³ Монеты Елизаветы. – № 43. Так, в одном из донесений Монетной канцелярии в Сенат (1754 г.) говорится: "В С.-Петербурге прежний монетный двор в крайней ветхости и тесноте состоит, так что монетное дело с превеликой нуждой производится и не малая от той ветхости опасность обстоит" (там же. – № 189).
- ³⁴ Монеты Анны. – № 238.
- ³⁵ Монеты Елизаветы. – № 189.
- ³⁶ Там же. – № 315.
- ³⁷ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 2863. – Л. 245–248, 257–261.
- ³⁸ Там же. – Л. 268–269.
- ³⁹ ПСЗ(1). – Т. 14. – № 10415.
- ⁴⁰ Там же. – № 10579.
- ⁴¹ Монеты Екатерины II. – № 74.
- ⁴² ПСЗ(1). – Т. 14. – № 10415.
- ⁴³ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Екатерины II. – С.-Пб., 1894. – Т. I. – № 55.
- ⁴⁴ Спасский И.Г. Петербургский монетный двор: От возникновения до начала XIX в. – Л., 1949. – С. 33–34.
- ⁴⁵ Монеты Анны. – № 288. ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1369. Л. 578–578 об.
- ⁴⁶ Монеты Анны. – № 85, 111, 277; ПСЗ(1). – Т. 9. – № 6672.
- ⁴⁷ Монеты Екатерины II. – № 20.
- ⁴⁸ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 4018. – Л. 131 об. – 132, 184 об.
- ⁴⁹ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 722. – Л. 36–38; Монеты Анны. – № 53, 91, 208; Монеты Екатерины II. – № 316.
- ⁵⁰ Так, резного штемпельного дела мастер Иван Васильев получал 70 руб., подмастерье Андреян Иванов 64, их ученики – 2 человека – по 48,2 – по 28,1 – 24 и 1 – 15 руб. в год; инструментального дела мастера Семен Васильев – 70, Иван Михайлов – 50, два их ученика – по 40 руб. в год и т.д. (Монеты Анны. – № 288).
- ⁵¹ Монеты Анны. – № 192.
- ⁵² ПСЗ(1). – Т. 12. – № 8962.
- ⁵³ Монеты Анны. – № 104, 107.

- ⁵⁴ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 1369. — Л. 578–578 об.
⁵⁵Там же. — Кн. 3598. — Л. 6–9.
⁵⁶Там же. — Л. 172–172 об.; Монеты Екатерины II. — № 56, 258, 316.
⁵⁷Монеты Анны. — № 288.
⁵⁸ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 2933. — Л. 2–5 об.
⁵⁹Монеты Елизаветы. — № 86.
⁶⁰ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 2863. — Л. 153–153 об.
⁶¹ПСЗ(1). — Т. 12. — № 8962.
⁶²Монеты Елизаветы. — № 88.
⁶³ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 1424. — Л. 472–474.
⁶⁴Монеты Анны. — № 288.
⁶⁵ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 4018. — Л. 129 об.
⁶⁶Монеты Анны. — № 288.
⁶⁷Монеты Елизаветы. — № 86.
⁶⁸ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 2933. — Л. 2–5 об.
⁶⁹ПСЗ(1). — Т. 13. — № 10092.
⁷⁰Монеты Елизаветы. — № 300.
⁷¹ЦГАДА. — Ф. Сенат. — Оп. 126. — Кн. 3598. — Л. 524–529.
⁷²Там же. — Л. 516–523.
⁷³Там же. — Л. 531–534.
⁷⁴Там же. — Л. 538–540.

Глава шестая

- ¹Сб. РИО. — С.-Пб., 1880. — Т. 27. — С. 170–171.
²Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. — С.-Пб., 1906. — С. 61–62.
³Монеты Екатерины II. — № 17.
⁴Там же. — № 21.
⁵Русский биографический словарь (Герберский-Гогенлоз). — М., 1916. — С. 345–346.
⁶Монеты Екатерины II. — № 18, 21.
⁷Там же. — № 44, 45.
⁸Там же. — № 22, 25, 26, 28, 37, 78.
⁹Там же. — № 25.
¹⁰Там же. — № 47.
¹¹Там же. — № 43.
¹²Там же. — № 87.
¹³Там же. — № 78.
¹⁴ПСЗ(1). — Т. 16. — № 11809.
¹⁵Монеты Екатерины II. — № 87.
¹⁶ПСЗ(1). — Т. 17. — № 12597; — Т. 18. — № 13106, 13291.
¹⁷Монеты Екатерины II. — № 120.
¹⁸ПСЗ(1). — Т. 18. — № 13363.
¹⁹ПСЗ(1). — Т. 20. — № 14325.
²⁰Монеты Екатерины II. — № 344.
²¹ПСЗ(1). — Т. 22. — № 16600.
²²Там же. — № 16622.
²³Монеты Екатерины II. — № 91.
²⁴Там же. — № 326.
²⁵Там же.
²⁶Там же. — № 335.
²⁷Там же.

- ²⁸ Там же – № 349.
- ²⁹ Там же – № 349, 352, 355.
- ³⁰ Там же – № 367.
- ³¹ Монеты Екатерины II. – № 21, 170, 143.
- ³² Монеты Екатерины II. – № 88. Черноухов А.В. Уральское монетное производство XVIII в.// Вопросы истории Урала. Генезис и развитие капиталистических отношений на Урале. – Свердловск, 1980. – С. 9–10.
- ³³ Монеты Екатерины II. – № 58.
- ³⁴ Там же – 294, 298. Черноухов А.В. Обзор фонда Екатеринбургского монетного двора// Вспомогательные исторические дисциплины. – Свердловск, 1974. – Вып. 1. – С. 45–46.
- ³⁵ Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVIII–XIX вв. – Свердловск, 1988. – С. 75.
- ³⁶ Там же – С. 65; ПСЗ(1). – Т. 16. – № 12188; Монеты Екатерины II. – № 143.
- ³⁷ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 3593. – Л. 484 об.; Монеты Екатерины II. – № 70; Черноухов А.В. Уральское монетное производство XVIII в. – С. 12–13.
- ³⁸ Тальская О.С. Уральские и сибирские монеты. – Свердловск, 1959. – С. 8.
- ³⁹ Монеты Екатерины II. – № 346.
- ⁴⁰ Там же
- ⁴¹ Монеты Екатерины II. – С. 399; Монеты Павла I. – С. 23.
- ⁴² Монеты Екатерины II. – № 373, 395, 403, 410.
- ⁴³ Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVIII–XIX вв. – С. 69.
- ⁴⁴ Монеты Екатерины II. – № 41.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. – № 51.
- ⁴⁷ Там же. – № 65.
- ⁴⁸ Там же. – № 83.
- ⁴⁹ Там же. – № 98.
- ⁵⁰ Там же. – № 124.
- ⁵¹ Там же. – № 123.
- ⁵² Там же. – № 122.
- ⁵³ Тальская О.С. Уральские и сибирские монеты. – Свердловск, 1959. – С. 13–15.
- ⁵⁴ Монеты Екатерины II. – № 185.
- ⁵⁵ Там же. – № 274.
- ⁵⁶ Там же. – № 269.
- ⁵⁷ Монеты Екатерины II. – № 157.
- ⁵⁸ Там же. – № 163. Сенат согласился с кандидатурой Маркова, но вопрос о повышении его чина отложил, пока не будут собраны необходимые сведения о его службе и достигнуты положительные результаты в порученном ему деле.
- ⁵⁹ Там же – № 200.
- ⁶⁰ Там же. – № 203.
- ⁶¹ Там же. – К. № 203. – С. 176; Спасский И.Г. Русская монетная система. – Л., 1970. – С. 202–205.
- ⁶² Монеты Екатерины II. – К № 203. – С. 176.
- ⁶³ Там же. – № 286.
- ⁶⁴ Там же. – № 302, 304; Смирнов В.Д. Таврическая монета (Очерк истории Феодосийского монетного двора). Отдельный оттиск статьи (С.-Пб., 1892. – С. 11), опубликованной в "Горном журнале" за июнь 1892 г.
- ⁶⁵ Монеты Екатерины II. – № 309.
- ⁶⁶ Смирнов В.Д. Указ. соч. – С. 11–22.
- ⁶⁷ Там же. – С. 22–28.
- ⁶⁸ Там же. – С. 37–43.
- ⁶⁹ Монеты Екатерины II. – С. 339; Смирнов В.Д. Указ. соч. – С. 46–47.

- ⁷⁰Смирнов В.Д. Указ. соч. – С. 50.
⁷¹Сласский И.Г. Указ. соч. – С. 188–189.
⁷²Монеты Екатерины II. – № 404.
⁷³Монеты Екатерины II. – № 405.
⁷⁴Там же. – 412.
⁷⁵Там же. – № 413.
⁷⁶Там же. – № 416, 419.
⁷⁷Там же. – С. 341, 430.
⁷⁸Архив Государственного совета. – С.-Пб., 1898. – Том 2. Совет в царствование императора Павла I (1796–1801 гг.). – С. 22.
⁷⁹Там же. – С. 24.
⁸⁰Монеты Екатерины II. – № 435.
⁸¹Там же. – № 445, 446, 449.
⁸²ПСЗ(1). – Т. 25. – № 18307.

Глава седьмая

- ¹Монеты Елизаветы. – № 335. – С. 268–269.
²ПСЗ(1). – Т. 15. – № 11407; Т. 16. – № 11741.
³ПСЗ(1). – Т. 15. – № 11407.
⁴ПСЗ(1). – Т. 15. – № 11549.
⁵Монеты Екатерины II. – № 36.
⁶ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Кн. 3595. – Л. 111–113.
⁷Монеты Екатерины II. – № 66.
⁸Там же. – № 74.
⁹Монеты Екатерины II. – № 52.
¹⁰Там же. – № 74.
¹¹Там же. – № 66.
¹²Там же. – № 36.
¹³Там же. – № 66.
¹⁴Там же. – № 114, 117.
¹⁵ПСЗ(1). – Т. 18. – № 13386.
¹⁶ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 4018. – Л. 133 об. По указу 1786 г. требовалось делать крупную и мелкую монету поровну (Монеты Екатерины II. – № 312).
¹⁷ПСЗ(1). – Т. 18. – № 13215.
¹⁸Н.Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. – С.-Пб., 1906. – С. 227.
¹⁹ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 3595. – Л. 57.
²⁰Там же. Л. 57–58.
²¹Монеты Екатерины II. – № 32.
²²Там же. – № 36.
²³Там же. – № 74.
²⁴ПСЗ(1). – Т. 16. – № 12116.
²⁵Горный журнал. – 1832. – Ч. 3, 4.
²⁶Монеты Екатерины II. – № 402, 414.
²⁷Сласский И.Г. Русская монетная система. – Л., 1970. – Изд. 4. – С. 213.
²⁸Сласский И.Г. Когда и для чего впервые чеканились в Петербурге голландские дукаты?// Вспомогательные исторические дисциплины. – М., 1978. – Т. X. – С. 22–38, Монеты Екатерины II. – № 159, 160.
²⁹Архив Государственного Совета в царствование имп Павла I (1796–1801). – С.-Пб., 1898. – Т. II. – С. 29 (Далее: Архив Государственного Совета).
³⁰Там же. – С. 27–30.
³¹Корецкий В.Т. Банковский монетный двор// Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв./ Нумизматический сборник. – Ч. 7. – М., 1980. – С. 71, 83. – Сн. 8.

- ³²ПСЗ(1). – Т. 24. – № 18594.
- ³³Там же. – Т. 24. – № 17795.
- ³⁴Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Павла I и имп. Александра I. – С.-Пб., 1891. – № 3 (Далее: Монеты Павла I и Александра I)
- ³⁵Там же. – № 4.
- ³⁶ПСЗ(1). – Т. 24. – № 17603; Монеты Павла I и Александра I. – № 13.
- ³⁷Там же. – № 17748.
- ³⁸Монеты Павла I и Александра I. – № 11.
- ³⁹Там же. – № 23.
- ⁴⁰Монеты Екатерины II. – № 311. – § 29.
- ⁴¹Спасский И.Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. – Л., 1949. – С. 55–56.
- ⁴²Спасский И.Г., Юхт. А.И. Финансы. Денежное обращение// Очерки русской культуры XVIII века. – М., 1987. – Ч. 2. – С. 110, 130.
- ⁴³Монеты Павла I и Александра I. – № 25.
- ⁴⁴Спасский И.Г., Юхт А.И. Указ. соч. – С. 149–150.
- ⁴⁵Монеты Павла I и Александра I. – № 24.
- ⁴⁶Монеты Павла I и Александра I. – 24; Корецкий В.Т. Указ. соч. – С. 77.
- ⁴⁷Монеты Павла I и Александра I. – С. 22.
- ⁴⁸Корецкий В.Т. Указ. соч. – С. 77.
- ⁴⁹Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. – М.-Л., 1949. – Т. I. – С. 186.
- ⁵⁰ПСЗ(1). – Т. 22. – № 16312.
- ⁵¹Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в.// Исторические записки. – М., 1955. – Т. 54. – С. 345.
- ⁵²Спасский И.Г., Юхт. А.И. Финансы. Денежное обращение// Очерки русской культуры XVIII века. – М., 1987. – С. 116.
- ⁵³ЦГАДА. – Ф. 19. – Д. 165. – Л. 33–43 об.
- ⁵⁴Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – М., 1960. – С. 289. – Табл. 12; С. 314. – Табл. 19.
- ⁵⁵Алиев С.М. Междоусобные войны и борьба за верховную власть в Иране после распада империи Надир-шаха// Иран. История и культура в средние века и в новое время. – М., 1980. – С. 29.
- ⁵⁶Аполлова Н.Г. Указ. соч. – С. 289, 314.
- ⁵⁷ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1426. – Л. 813–819 об.; ПСЗ(1). – Т. 13. – № 9882.
- ⁵⁸Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в.// История СССР. – 1960. – № 1. – С. 135.
- ⁵⁹Юхт А.И. Торговля России со странами Востока во второй половине XVIII в. и армянское купечество// Историко-филологический журнал АН АрмССР. – 1981. – № 2. – С. 92.
- ⁶⁰Монеты Анны. – № 233, 256, 267; ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 1104. – Л. 304, 503–507.
- ⁶¹Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем до XIX в. – М., 1882. – С. 180; См. также: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). – М., 1974. – С. 163.
- ⁶²ЦГАДА. – Ф. Финансы. Д. 165. – Л. 35–35 об.
- ⁶³Монеты Анны Иоанновны. – № 256. Из 6 пуд. китайского золота вышло 28224 червонных.
- ⁶⁴Там же – № 193.
- ⁶⁵ПСЗ(1). – Т. 11. – № 8077; Сенатский архив. – С.-Пб., 1892. – Т. 5. – С. 420–422.
- ⁶⁶Аполлова Н.Г. Указ. соч. – С. 289, 314. – Табл. 12, 19; ЦГАДА. – Ф. Финансы. – Д. 165. – Л. 6–32.
- ⁶⁷ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 4018. – Л. 162–166.
- ⁶⁸Шабарин С.К. Возникновение аффинажа золота и серебра в России// Труды Института истории естествознания и техники. – М., 1957. – Т. 9. – С. 41–60.

- ⁶⁹ Двухсотлетие Кабинета е.и.в. (1704–1904). Историческое исследование. – С.-Пб., 1911. – С. 333; Шабарин С.К. Указ. соч. – С. 45.
- ⁷⁰ ПСЗ(1). – Т. 13. – № 9945.
- ⁷¹ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 3069. – Л. 496.
- ⁷² Там же. – Л. 494–502.
- ⁷³ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 2933. – Л. 195–196 об.
- ⁷⁴ ПСЗ(1). – Т. 18. – № 13218.
- ⁷⁵ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 4018. – Л. 131.
- ⁷⁶ Там же. – Л. 130 об. – 131.
- ⁷⁷ Там же. – Л. 132.
- ⁷⁸ Там же. – Л. 132 об.
- ⁷⁹ Там же. – Л. 133–133 об.
- ⁸⁰ Там же. – Л. 84–85.
- ⁸¹ Там же. – Л. 85–87.
- ⁸² Там же. – Л. 91 об. – 98.
- ⁸³ Там же. – Л. 113–120.
- ⁸⁴ Там же. – Л. 127–129.
- ⁸⁵ Там же. – Л. 134 об. – 135 об.
- ⁸⁶ Там же. – Л. 136–140.
- ⁸⁷ Там же. – Л. 167–170.
- ⁸⁸ Там же. – Л. 175–190; Монеты Екатерины II. – № 314.
- ⁸⁹ Чечулин Н.Д. Указ. соч. – С. 223.
- ⁹⁰ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. – М., 1966. – С. 214. – Табл. 18.
- ⁹¹ Там же. – С. 209–211.
- ⁹² Чечулин Н.Д. Указ. соч. – С. 225–226.
- ⁹³ Архив Государственного Совета. – С.-Пб., 1869. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 579–581.
- ⁹⁴ Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 г. – С.-Пб., 1868. – С. 17–18.
- ⁹⁵ Сборник Министерства финансов. – С.-Пб., 1867. – Т. 1. – С. 216, 357; Чечулин Н.Д. Указ. соч. – С. 225.
- ⁹⁶ Монеты Елизаветы. – № 328.
- ⁹⁷ Там же. – № 332.
- ⁹⁸ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 3595. – Л. 406–406 об.
- ⁹⁹ Там же. – Ф. Финансы. – Д. 165. – Л. 6–43 об.; Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 4018. – Л. 162–166 об.; Монеты Екатерины II. – № 32.
- ¹⁰⁰ Монеты Екатерины II. – № 32.

Глава восьмая

- ¹ Куломзин А. Ассигнации в царствование Екатерины III// Русский вестник. – 1869. – № 5. – С. 216.
- ² ПСЗ(1). – Т. 15. – № 11550.
- ³ Куломзин А. Указ. соч. – С. 216–218.
- ⁴ Цитирую по ст. Н. Куломзина (С. 219).
- ⁵ ПСЗ(1). – Т. 18. – № 13219.
- ⁶ ПСЗ(1). – Т. 19. – № 13403; Никольский П.А. Бумажные деньги в России. – Казань, 1892. – С. 149; ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 3836. – Л. 528 об., 529.
- ⁷ Там же. – Л. 665, 673; ПСЗ(1). – Т. 19. – № 13385. – Указ 19 ноября 1769
- ⁸ ПСЗ(1). – Т. 18. – № 13277, 13314.
- ⁹ Там же. – Т. 19. – № 13403.
- ¹⁰ Там же. – № 13563. – Указ 3 февраля 1771 г.
- ¹¹ ПСЗ(1). – Т. 19. – № 13833.
- ¹² ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 4335. – Л. 366–367.
- ¹³ ПСЗ(1). Т. 19. – № 13629. – Указ 20 июля 1771 г.

- ¹⁴ Там же. – Т. 20. – № 15071.
- ¹⁵ Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 г././ Журнал МНП. – 1868. – Март. Есть отдельный оттиск. – С.-Пб., 1868. – С. 35.
- ¹⁶ Куломзин А. Указ. соч. – С. 224.
- ¹⁷ ЦГАДА. – Ф. Кабинет Екатерины II. – Оп. 3. – Д. 110. – Л. 96. Черноухов А.В. Место медной монеты в денежном обращении России в XVIII в././ Источниковедение и историография. – Свердловск, 1976. – С. 158.
- ¹⁸ Щербатов М.М. Сочинения. – С.-Пб., 1896. – Т. I. – С. 699.
- ¹⁹ ПСЗ(1). – Т. 19. – № 14096.
- ²⁰ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. – С.-Пб., 1906. – С. 334.
- ²¹ Чечулин Н.Д. Указ. соч. – С. 363–364.
- ²² Бржеский Н. Государственные долги России. – С.-Пб., 1884. – С. 128–154; Ананьич Б.В., Лебедев С.К. Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. – С.-Пб., 1991. – С. 125–147.
- ²³ Чечулин Н.Д. Указ. соч. – С. 365; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII в././ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1964. – С. 316–317. – Табл. 6.
- ²⁴ Куломзин А. Указ. соч. – С. 227–228.
- ²⁵ Доклад комиссии опубликован. См.: Архив Государственного совета. – С.-Пб., 1869. – Т. 1. – Ч. 2. С. 536–562.
- ²⁶ Куломзин А. Указ. соч. – С. 235.
- ²⁷ Там же. – С. 235–236.
- ²⁸ Архив Государственного совета. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 536.
- ²⁹ ПСЗ(1). – Т. 22. – № 16407.
- ³⁰ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 126. – Кн. 4335. – Л. 389. – 392.
- ³¹ ЦГАДА. – Ф. Сенат. – Оп. 113. – Д. 1513. – Л. 106 об. – 107; ПСЗ(1). – Т. 23. – № 17262.
- ³² Печорин Я. Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами 1769–1843 гг. // Вестник Европы. – 1876. – № 8. – С. 643–644.
- ³³ ПСЗ(1). – Т. 23. – № 16779, 16843, 16947.
- ³⁴ ЦГАДА. – Кабинет Екатерины II. – Оп. 3. – Д. 103. – Л. 4–5.
- ³⁵ ЧОИДР. – 1872. – Кн. 4. – Смесь. – С. 148.
- ³⁶ Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России в 1650–1817 гг. Б.г. и б.м. – С. 150–153; Друян А.Д. Очерки по истории денежного обращения в России в XIX в. – М., 1941. – С. 9; Шторх П.А. Указ. соч. – С. 56–57.
- ³⁷ Чечулин Н.Д. Указ. соч. – С. 233–234.

Заключение

¹ Спасский И.Г., Юхт. А.И. Финансы. Денежное обращение// Очерки русской культуры XVIII века. – М., 1987. – С. 137.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аладьин Б. 63
 Александр I 263
 Александр II 5
 Алексей Михайлович 6
 Алексей Петрович 10
 Алиев С.М. 283
 Алмазов И.Д. 77, 108
 Андреев А.И. 268
 Анна Иоанновна 68, 69, 73, 78, 81, 83, 95,
 107, 109, 140, 146, 158, 183, 193, 207
 Анна Петровна 35
 Аполлова Н.Г. 282, 283
 Апраксин Ф.М. 35, 38
 Апухтин В.А. 14, 23
 Арсеньев К.И. 4, 268, 271, 272
 Байков Г. 239, 240
 Барабанов И. 169
 Баскаков Д. 119
 Баскаков И. 116, 120
 Баташев Р. 145
 Бачим М. 232
 Беер И.Г. 157
 Безбородко А.А. 203, 259
 Белкин С. 186, 187
 Беляев А. 14
 Бибииков В. 189
 Бирон Э. 94
 Бобровщиков М. 224
 Богданов А. 116, 119
 Болтон 223
 Большаков С.И. 170
 Борин Я. 14
 Боровой С.Я. 277
 Бочарников Н. 162
 Бржеский Н. 284
 Брюс Я.В. 10, 15, 16, 17, 158
 Буслаев К. 160
 Васильев А.И. 204, 205
 Васильев И. 280
 Васильев С. 280
 Венд 120, 121
 Винклер П. 4, 268, 269
 Волков А.Я. 35, 42, 44–46
 Володимеров И.И. 274
 Воронцов А.Р. 259
 Воронцов М.И. 130, 132, 134, 135
 Воронцов С.Р. 223
 Вульф 151
 Вяземский А.А. 179, 181, 186, 187, 193,
 214, 252, 255, 259, 260
 Гаврилов П. 120
 Газенфеллер 151
 Галактионов В. 120
 Гаскойн К. 223
 Гасс И.Б. 219
 Гейден 141, 142
 Геннин В.И. 42
 Георгий Михайлович (Романов) 4
 Гиль Х.Х. 4, 5
 Гинц И. 200
 Глебов А.И. 132, 180–183
 Голицын Д.М. 35, 38, 39
 Голицын С.А. 95, 97
 Головин 159
 Головкин Г.И. 35, 275
 Головкин М.Г. 79, 81, 94, 114, 115, 142,
 151–153, 162, 275
 Гольшев М. 196
 Гоциус А. 240
 Грамматиков Ф. 193, 206
 Григорьев Д. 124
 Григорьев Ф. 113
 Губин Ф.М. 274

- Гумпрехт 262
Гусев А. 120
Данилов Д.Д. 170, 172
Дементьев А. 119
Демидов А.Н. 226
Демидов В.И. 87, 98, 275
Деммени М.Г. 5, 272, 277
Дмитриев Л. 161
Домнин Л. 22
Дро П. 223
Друян А.Д. 285
Дудоров В. 84
Дудоров Д.Ф. 79, 81, 84–88, 90, 274
Дудоров И. 84
Дудоровы 85
Дурново И. 81
Дуров В.А. 4, 23, 268, 269
Евреинов А. 63
Евреинов Я. 63
Екатерина I 29, 35, 40, 46, 52, 53, 60
Екатерина II 14, 25, 102, 132, 136, 150, 153,
170, 178–183, 186, 188, 191–194,
196–198, 201–204, 208, 209, 211–217,
219, 222, 237, 242, 249,
252–254, 257–262, 266
Елагин И.П. 183
Елизавета Петровна 87, 88, 95, 99,
102, 103, 106, 135, 136, 140, 146,
150, 161, 180, 183, 209, 211, 219, 246
Елисеев Г. 116, 119
Еремеев А. 108
Ермолов А.П. 259
Еропкин П.Д. 187
Жеребцов 132
Жилка Д. 13
Журавлев М. 116
Завадовский П.В. 259
Зайцев А. 109, 145, 160
Затлер И. 200
Зубов М. 162
Зубов П.А. 202–205
Зыбин А.К. 29, 63, 66, 71, 270
Зыков П.И. 274
Иван Алексеевич 7
Иванов Александр 224
Иванов Алексей 224
Иванов Андрей 279
Иванов А. 274
Иванов И. 119
Ильин А.А. 5
Исаев И.С. 275
Кауфман И.И. 4, 23, 268, 269, 273
Кафенгауз Б.Б. 282
Каховский 200
Кваренги Д. 221
Кейнер 151
Керим-хан 231
Кирилов И.К. 81
Клеопин Н. 234
Климов В. 186
Кобяков Ф.И. 230
Козинцева Р.И. 271, 272, 274
Коковин Ф. 189
Коковинский Н.О. 14
Кологривов М. 160
Кологривов Ю. 63
Константинов Б. 17
Корецкий В.Т. 4, 268, 283
Корсаков М. 63
Корыхалов И.В. 77, 79, 81, 84, 85, 87,
88, 90
Косичкин 189, 190
Кострикин И.И. 274
Костяницын К.И. 274
Крашенинников И. 119
Крекшин П.Н. 54, 96
Кривошеин Д.Г. 274
Кривошеин С.Г. 274
Крюков А.Т. 274
Кузнецов И. 119
Кузьмин А. 145, 160
Куломзин А.Н. 4, 285
Куракин А.Б. 204, 220, 221
Кутузов Н. 159, 162, 164
Лабознов К. 14
Ламанский Е.И. 285
Ларионов Т. 274
Левкин И.Т. 160
Левкин Т. 17, 22, 30, 54, 80, 81, 157,
158, 165
Лейтман И.Г. 158
Леонтьев А. 119
Лесников А. 240
Лесников Ф. 160
Луковников Н.И. 274
Люпс И. 15
Мавруцкий 258
Макаров А.В. 35, 42, 44–46, 271
Мамонтов Т.И. 274
Мансуров П. 116
Марков А. 160
Марков Е. 30
Марков И. 159, 164, 196, 199
Маркс К. 34, 59, 270
Маслов А.С. 79, 81
Маслов Ф. 116
Медынцев 17

- Меер Е. 57
 Мейджер О. 224
 Мелиссино И.И. 96
 Меллеры 42
 Мельгунов А.П. 179
 Мельникова А.С. 4, 268
 Меншиков А.Д. 35, 36, 38, 53, 54, 71
 Милославская М.И. 6
 Милославские 6
 Миних Б.Х. 94, 97, 275
 Миних Х.В. 97, 100, 101
 Михайлов И. 279
 Мокеев И. 63, 81, 82, 86, 96, 108–110,
 157, 158, 233, 234
 Моторин И. 17
 Мусин-Пушкин А.Е. 199
 Мусин-Пушкин И.А. 42, 44–47
 Мусин-Пушкин П.И. 44–47, 63, 65, 67, 78
 Мыльников И.Ф. 274
 Мюкс С. 15
 Мятлев П.В. 203
 Надир-шах 230
 Нартов А.К. 45, 219
 Нарышкина Н.К. 6, 7
 Нарышкин С.К. 132
 Нарышкины 6
 Нелединский-Мелецкий Ю.С. 14
 Неронов В. 63, 77, 78, 81–83, 89, 274, 275
 Никитин М. 186
 Никитин Н. 113
 Никольский П.А. 4, 253
 Новосильцев В.Я. 275
 Ньютон И. 10
 Олсуфьев А.В. 136
 Орлов А.Г. 219
 Остерман А.И. 35, 62, 95, 275
 Павел I 21, 146, 191, 192, 197, 204, 205,
 220–224
 Павленко Н.И. 272, 273
 Павлов-Сильванский Н.П. 36, 270, 271
 Пантелеев П. 119
 Пастухов А. 159
 Петр I 5–8, 10, 12, 13, 16, 17, 19, 21, 23, 24,
 26, 27, 29–36, 38–40, 46, 47, 50–54,
 56–58, 66, 71, 73, 75, 88, 91, 92, 95, 107,
 136, 149, 157, 158, 174, 178, 207, 211,
 229, 265
 Петр II 21, 29, 53, 60
 Петр III 132, 137, 178, 180, 198, 202, 207,
 208, 211, 215, 252, 253,
 Печорин Я.И. 4, 285
 Плесавский И. 186
 Плещеев А.Л. 45, 63, 65, 78
 Подурый Ф. 27
 Полуобяринов А. 95, 97
 Полуярославец И. 111
 Попов В.С. 203
 Порта А. 233
 Потемкин Г.А. 200, 202, 203
 Принцестерн К. 63
 Прозоровский П.И. 14, 23, 27
 Прокопьев Н. 119
 Прокофьев Иван Меньшой 122
 Прохоров В. 274
 Пугачев Е.И. 190, 219
 Разумовские 102
 Раймонд 258
 Репнин П.И. 132
 Рубинштейн Н.Л. 282
 Румянцев Н.П. 203
 Рыбаков 82
 Рыбников К. 119
 Сабакин Л.Ф. 190
 Садовников И.Н. 274
 Салтыков С.А. 158
 Самойлов А.Н. 203, 221
 Сапожников В. 116
 Свешников В. 116
 Семевский М.И. 137
 Семевский М.И. 137
 Семенников И. 63
 Семенов И. 236
 Сиверс К.Е. 252
 Смет Т. 258
 Смирнов В. Д. 201, 281
 Соймонов М.Ф. 199, 204
 Соловьев О.Д. 63, 65, 82
 Соловьев С.М. 269
 Софья Алексеевна 7
 Спасский И.Г. 4, 22, 266, 268, 269, 279,
 281–283, 285
 Спелман Я. 15
 Сперанский М.М. 263
 Строганов Г.Д. 15
 Талызин И. 63
 Тальская О.С. 272, 277, 280, 281
 Тараканова 219
 Татищев В.Н. 28, 42, 43, 45–47, 62,
 63, 65–72, 74, 77, 78, 80–83, 90, 107,
 114–116, 149, 217, 269, 270, 273, 274
 Тверской И. 164
 Титов А. 188
 Толстой И.И. 5
 Толстой П.А. 35, 38
 Торбеев Т. 81
 Троицкий С.М. 270, 275, 283
 Трофимов В. 120
 Трубецкой Н.Ю. 133, 135, 164
 Трусович Х. 231, 283

- Уатт Д. 223
Углев В. 190
Угримов Л. 121, 122
Уздеников В.В. 4, 22, 268, 269, 270,
275, 276
Ушаков А.И. 275
Фавье Ж. 275
Фалеев Д. 188
Федор Алексеевич 6
Федоров И. 119
Федоров Н. 116, 120
Филиппов А. 187
Фомин А. 116
Фрайденберг 262
Фростенберг И.К. 153
Фукс 148
Хлебников П. 116
Храповицкий А.В. 204
Черкасский А.М. 275
Черноухов А.В. 280
Чечулин Н.Д. 245, 279, 282-284
Шабарин С.К. 278, 283
Шагин Г. 160
Шагин И. 119, 120, 122, 148, 149
Шамшев А. 44, 159
Шахин Гирей 200
Шаховской А.И. 275
Шаховской Я.П. 133-137, 182, 260, 277
Шемякин Н.Т. 132
Ширенин И.В. 119
Ширенин И.К. 119
Шифнер 151
Шлаттер А.И. 151
Шлаттер И.А. 96, 97, 109, 148-150,
165, 189, 194, 195, 208, 211, 216,
217, 219, 234
Шлаттер И.И. 151, 159
Шмидт С.О. 275
Шнезе А. 240
Шпеерман М. 96
Шторх П.А. 4, 268, 283, 284
Шувалов А.И. 102, 123, 127,
136, 203
Шувалов А.П. 253, 259
Шувалов И.И. 102
Шувалов П.И. 102-106, 123, 125,
127-137, 179, 180, 202, 207,
208, 211, 248, 260
Шумахер И.Д. 90
Шумахер 148
Шустовы 19
- Щеголин В. 63
Щербатов М.М. 102, 132, 256, 277, 284
Юхт А.И. 271-273, 282, 284, 286
Ягужинский П.И. 34, 36, 98, 270
Ягужинский С.П. 132
Яковлев А. 119
Яковлев М.А. 137
Ярцев С. 189

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Монеты Анны – Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований императрицы Анны Иоанновны и императора Ивана Антоновича, СПб., 1901
- Монеты Екатерины I – Он же. Монеты царствований императрицы Екатерины I и императора Петра II. СПб., 1904
- Монеты Екатерины II – Он же. Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. 1–2
- Монеты Елизаветы – Он же. Монеты царствований императрицы Елизаветы Петровны и императора Петра III. СПб., 1896. Т. 1–2
- Монеты Павла I и Александра I – Он же. Монеты царствований императора Павла I и императора Александра I. СПб., 1891
- Монеты Петра I – Он же. Монеты царствования императора Петра Великого. Таблицы и описания монет 1682–1710 гг. СПб., 1914
- ПСЗ1 – Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. СПб.
- Сб. РИО – Сборники Русского исторического общества
- ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов в Москве
- ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.

Иллюстрации

- Рис. 1. Петр I. Гравюра Хубракена с портрета К.Моора. 1717 г.
- Рис. 2. Серебряные монеты 1701 г.: 1 – полтина, 2 – полполтина, 3 – гривенник, 4 – десять денег, 5 – серебряный рубль 1704 г.
- Рис. 3. Серебряные монеты: 1 – рубль 1710 г., 2 – полтина 1707 г., 3 – гривенники Кадашевского и Красного монетных дворов 1704 г., 4 – пять копеек 1714 г.
- Рис. 4. Алтыны: 1 – 1704, 2 – 1714, 3 – 1718 гг.; рубли: 4 – 1707 и 1721 г.
- Рис. 5. Серебряные монеты: 1 – круглые серебряные копейки 1714 и 1718 гг., 2 – пробный грош 1727, 3, 4 – копейки 1729, 1730 гг., 5 – рубль 1724 г. (первая продукция Петербургского монетного двора), 6 – рубли 1727 и 1728 гг.
- Рис. 6. Екатерина I. Гелиографюра с работы Натъе.
- Рис. 7. Президент Берг-коллегии Я.В.Брюс. Неизвестный художник XIX в.
- Рис. 8. Золотые монеты: 1 – двойной червонец Петра I 1714 г., 2, 3 – червонцы 1710 и 1716 гг., последний с латинской подписью, 4 – червонец Петра II 1729 г., 5, 6, 7 – двухрублевники Петра I, Екатерины I и Петра II; медные монеты 1700 г.: 8 – денга, 9 – полушка, 10 – полполушки.
- Рис. 9. Медные монеты первой трети XVIII в.: 1 – копейки 1704, 2 – 1724, 3 – 1726, 4 – 1728 гг., 5 – грош 1724 г., 6, 7 – пятаки 1726 и 1730 гг.
- Рис. 10. Медные платы Екатеринбургского монетного двора: полполтина и гривна 1725 г. Чеканка по 10 рублей из пуда меди.
- Рис. 11. Анна Иоанновна. Гелиографюра с портрета Токке.
- Рис. 12. В.Н.Татищев. Автолитография Н.Брезе.
- Рис. 13. Кабинет-министр П.И.Ягужинский.
- Рис. 14. Елизавета Петровна. Гравюра Е.П.Чемесова с портрета Ротари.
- Рис. 15. Здания бывшего Земского приказа после перестройки (слева) и Красного монетного двора (справа). Гравюра XVIII в.
- Рис. 15а. План Екатеринбурга 1734 г.
- Рис. 16. Второй этаж Красного монетного двора (современный вид).
- Рис. 17. Медные монеты: 1 – денга, 2 – полушка 1737 г., 3 – копейка, 4 – пять копеек 1757 г.
- Рис. 18. Медные монеты: 1 – две копейки 1757 г., 2 – копейка 1757 г., 3 – денга 1757 г., 4 – полушка 1759 г., 5 – пять копеек 1761 г.
- Рис. 19. Канцлер М.И.Воронцов.
- Рис. 20. Золотые монеты: 1, 2 – червонец 1730 и 1739 гг., 3, 4 – двойной червонец 1749 и 1751 гг., червонец 1749 г., 5, 6 – десять и пять рублей 1755 г.
- Рис. 21. Золотые монеты Петра III 1762 г.: 1 – 10 рублей, 2 – пять рублей, 3 – червонец.

- Рис. 22. Серебряные монеты Ивана Антоновича 1741 г.: 1 – рубль, 2 – полтина, 3 – гривенник, 4 – рубль Елизаветы Петровны 1757 г.
- Рис. 23. Серебряные монеты Петра III 1762 г.: 1 – рубль, 2 – полтина.
- Рис. 24. Президент Берг-коллегии и глава Монетного департамента И.А.Шлаттер.
- Рис. 25. Екатерина II. Гелиогравюра с портрета Ф.С.Рокотова.
- Рис. 26. Медные монеты 1762 и 1790 гг.
- Рис. 27. Медные монеты Екатерины II: 1 – старый образец, 2 – 5 – новый образец 1796 г.
- Рис. 28. Медные монеты Павла I.
- Рис. 29. Сибирская монета: десять и пять копеек.
- Рис. 30. Сестрорецкий рубль 1771 г. Лицевая сторона.
- Рис. 31. Сестрорецкий рубль 1771 г. Обратная сторона.
- Рис. 32. Таврическая монета.
- Рис. 33. Серебряный рубль Екатерины II 1775 и 1778 гг.
- Рис. 34. Полтина 1763, 1776, 1790 гг.
- Рис. 35. Золотые монеты Екатерины II: 1 – десять рублей, 2 – пять рублей.
- Рис. 36. Серебряные монеты Павла I: 1 – полтина, 2 – полуполтина, 3 – десять копеек, 4 – пять копеек.
- Рис. 37. Золотые монеты Павла I: 1 – червонец 1796 г., 2 – пять рублей 1796 г., 3 – червонец 1797 г.
- Рис. 38. Ассигнация образца 1769 г. (25 рублей 1777 г.) и прорисовка тиснения на ней.
- Рис. 39. Ассигнация образца 1786 г. (25 рублей 1811 г.)
- Рис. 40. Водяные знаки ассигнаций: 1 – образца 1769-1785 гг., 2 – образца 1786-1818 гг.
- Рис. 41. Ассигнационный банк в Петербурге. Рисунок 1834 г.

Рис. 1.

1

2

3

4

5

Рис. 2

1

2

3

4

Рис. 3

1

3

2

4

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

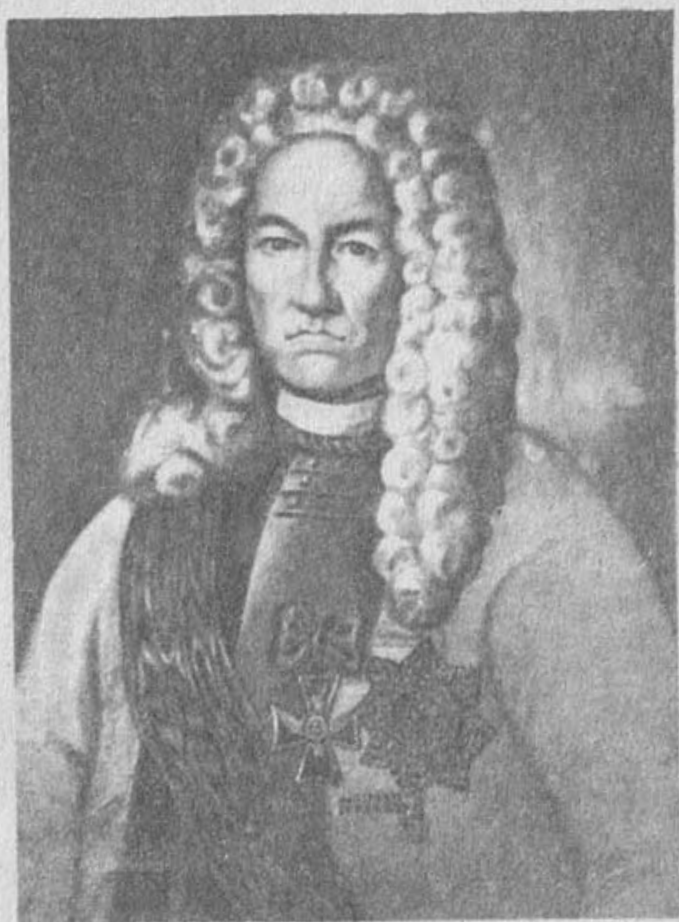

Рис. 7

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

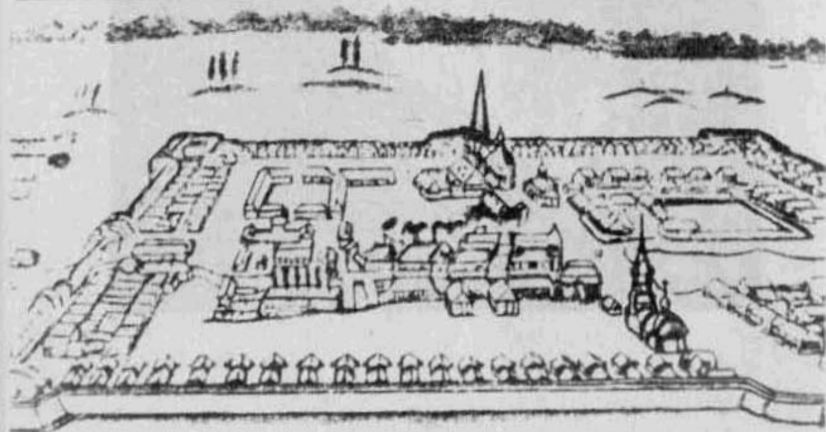

Рис. 15а

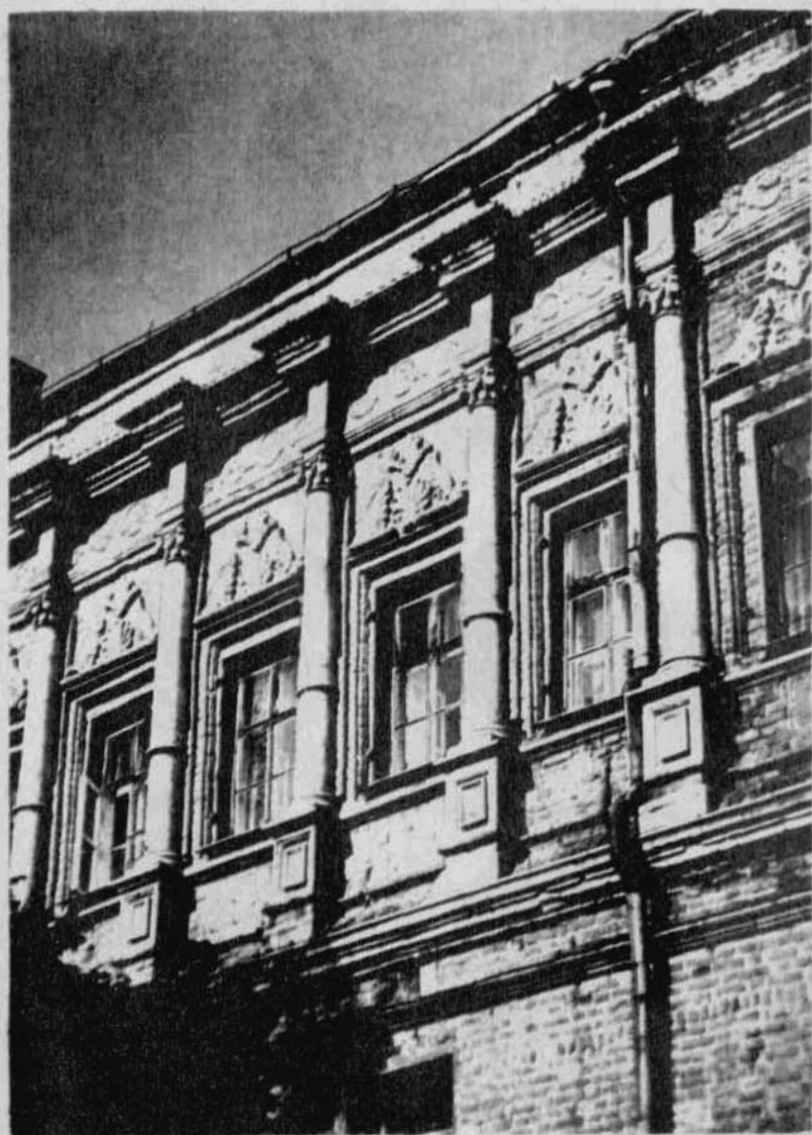

Рис. 16

1

2

3

4

Рис. 17

1

2

4

3

5

Рис. 18

Рис. 19

1

2

3

4

5

6

Рис. 20

1

2

3

Рис. 21

1

2

3

4

Рис. 22

1

2

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Рис. 33

Рис. 34

1

2

Рис. 35

1

2

3

4

Рис. 36

1

2

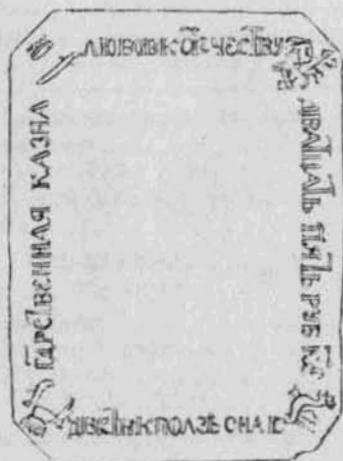

3

Рис. 37

1

2

Рис. 40

Рис. 41

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5

Часть I. Новый этап. Конец 90-х годов XVII в. – 1729 г.

Глава первая. Денежная реформа Петра I	9
Накануне	9
Первые шаги	13
Серебряная монета	16
Золотая монета	24
Медная монета	28
Значение реформы	35
Глава вторая. Первые годы после Петра I	37
Верховники о финансовом положении страны	37
Пятикопеечники	48
Серебряная и золотая монета.	56

Часть II. На путях стабилизации. 1730 – начало 1760-х годов

Глава третья. Меры правительства по стабилизации денежного обращения	65
Комиссия о монетном деле 1730–1731 гг.	65
Передел мелкой серебряной монеты в крупную	77
Конец пятикопеечникам	94
Глава четвертая. Медная монета	110
Передел медной монеты в 1730–1757 гг.	110
Московский монетный двор	110
Екатеринбургский монетный двор	116
Чеканка копеек в 1755–1757 гг.	126
Передел медной монеты в 1757–1762 гг.	128
Глава пятая. Золотая и серебряная монета	144
Московский монетный двор	144
Петербургский монетный двор	151

Производственный процесс. Штаты монетных дворов	159
"Задельные деньги"	168
Общие итоги чеканки.	176

Часть III. Начало кризиса
1762–1801 гг.

Глава шестая. Медная монета при Екатерине II и Павле I	181
Перечеканка легковесной монеты	181
Уральские монетные дворы	191
Сузунский (Колыванский) монетный двор	197
Сестрорецкий монетный двор	201
Феодосийский монетный двор	203
Проект П.А. Зубова и отказ от него при Павле I	205
Глава седьмая. Серебряная и золотая монета при Екатерине II и Павле I	210
Монеты Екатерины II	210
Монеты Павла I	223
Обеспечение монетных дворов сырьем	228
Оплата труда монетчиков	239
Итоги чеканки и доходы казны	246
Глава восьмая. Ассигнации	254
Заключение	268
Источники и литература	271
Указатель имен	289
Список сокращений	293
Иллюстрации	294

Научное издание

Юхт Александр Исаевич

РУССКИЕ ДЕНЬГИ ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО АЛЕКСАНДРА I

Редактор *Е.А. Хмелинина*

Худож. редактор *Ю.И. Артюхов*

Техн. редактор *Л.Г. Чельшьева*

Корректоры *Н.П. Сперанская, Е.В. Люминарская*

Переплет художника *А.Е. Рачинского*

Набрано в издательстве "Финансы и статистика"
на "Типотайпере" операторами *И.В. Витте, О.В. Фортунатовой*

ИБ № 2898

Подписано в печать 29.10.93.	Формат 60x88/16.	Гарнитура "Универс"
Печать офсетная.	Усл. печ. л. 20,58.	Уч.-изд. л. 23,81.
Тираж 20 000 экз.	Заказ 444. "С"076.	Усл. кр.-отт. 20,89

Издательство "Финансы и статистика",
101000, Москва, ул. Чернышевского, 7.

Отпечатано в типографии им. И.Е. Котлякова
Министерства печати и информации РФ
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

A. И. ЮХТ

